ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Липунов Никита Сергеевич

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ АРКТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ В ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ В АРКТИКЕ

Специальность 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
кандидат политических наук, доцент
Сучков Максим Александрович

Москва – 2026

Данное исследование было бы невозможно без научного руководства, наставничества и неизменной поддержки Максима Александровича Сучкова. Автор ценит возможность совмещать работу над диссертационным исследованием с многочисленными проектами в Институте международных исследований МГИМО.

За ценные советы и комментарии автор благодарит Ирину Вячеславовну Болгову, Марию Львовну Лагутину, Андрея Константиновича Криворотова и Владислава Владиславовича Воротникова. За поддержку на разных этапах работы над диссертацией автор выражает признательность Андрею Анатольевичу Байкову, Александру Николаевичу Вылегжанину, Андрею Владимировичу Загорскому и коллегам по родному Институту международных исследований МГИМО.

Кроме того, за вдохновение и помощь хотелось бы особо поблагодарить многочисленных российских и зарубежных коллег, друзей и родных, которые были рядом на протяжении всего пути.

***

Посвящается 50-летию Института международных исследований МГИМО МИД России.

Оглавление

Введение 5

Глава 1. Проблемы безопасности в Арктике: теоретико-методологические аспекты 46

1.1. Эволюция теоретических подходов к понятию безопасности в Арктике: *от «традиционных» к «расширительным» и «углубительным»* 47

1.2. Теоретико-методологические аспекты исследования политики государства в области безопасности: *(де)секьюритизация, государственная идентичность и онтологическая (не)безопасность* 65

1.3. Макрорегиональные тенденции в области безопасности в Арктике после холодной войны: *эвристический потенциал реалистского конструктивизма* 80

Выводы к главе 1 90

Глава 2. Генезис и эволюция политики арктических государств в области безопасности в Арктике: паттерны (де)секьюритизации и (ответных) мер государственной политики 93

2.1. Россия 101

2.2. США 118

2.3. Канада 132

2.4. Норвегия 146

2.5. Королевство Дания 158

2.5.1. Дания 159

2.5.2. Гренландия 170

2.5.3. Фарерские Острова 177

2.6. Финляндия 185

2.7. Швеция 196

2.8. Исландия 206

Выводы к главе 2 214

Глава 3. Арктика как сообщество невоенной безопасности: генезис, эволюция и макрорегиональные процессы (де)секьюритизации 220

3.1. Генезис и эволюция арктического сообщества невоенной безопасности 221

3.2. Паттерны (де)секьюритизации и тенденции в области безопасности на макрорегиональном уровне 234

Выводы к главе 3 245

Заключение 248

Список сокращений и условных обозначений 257

Список источников и литературы 259

Источники 259

Литература 278

Приложение 1. Тематические группы декларируемых объектов защиты в актах секьюритизации и (ответных) мерах государственной политики 305

Приложение 2. Тематические группы декларируемых источников опасности в актах секьюритизации 307

Введение

Актуальность темы исследования. Хотя не существует единого подхода к определению границ Арктического региона, в наиболее общем виде можно утверждать, что он охватывает обширные пространства Северного Ледовитого океана и районы государств, которые пересекает Северный полярный круг (66° 33' с.ш.). На площади в 27 млн кв. км, около 60% которых покрыты морем[1], проживают порядка 4 млн человек, каждый десятый из которых представляет коренные народы Севера[2]. Регион богат природными ресурсами, бóльшая часть которых принадлежит арктическим государствам[3]: в его недрах находятся значительные запасы углеводородов[4], редкоземельных и драгоценных металлов[5] и других полезных ископаемых, а в водах Северного Ледовитого океана обитают около 240 видов рыб[6].

На протяжении тысячелетий Арктика оставалась на периферии мировой политики и вплоть до XX в., за некоторыми исключениями, мало интересовала даже сами государства региона. В первой четверти XXI в. ситуация коренным образом изменилась: она играет все более весомую роль в международных отношениях. Внимание к ней устойчиво растет со стороны не только региональных, но и нерегиональных держав, что обусловлено рядом обстоятельств.

Во-первых, климатические изменения, которые происходят в Арктике от двух до четырех раз быстрее, чем в среднем по планете[7], и развитие новых технологий сделали полярные широты доступнее для деятельности человека, хотя природно-климатические условия там остаются непростыми.

---

[1] The Arctic Region // The Arctic Centre. University of Lapland. URL: https://www.arcticcentre.org/EN/arcticregion.
[2] Population // The Arctic Review. URL: https://arctic.review/people/population/.
[3] Здесь и далее в работе под «арктическими государствами» понимаются восемь членов Арктического совета: Россия, США, Канада, Норвегия, Дания, Финляндия, Швеция и Исландия.
[4] На Арктику приходится около 10% мировой добычи нефти и 25% – природного газа. См. Natural Resources // The Arctic Review. URL: https://arctic.review/future/natural-resources/.
[5] Minerals and Mining // The Arctic Review. URL: https://arctic.review/economy/minerals-and-mining/.
[6] Fishes in the Arctic // National Oceanic and Atmospheric Administration (NOAA). URL: https://oceanexplorer.noaa.gov/explorations/16arctic/background/fishes/fishes.html.
[7] Этот феномен также называют «арктической амплификацией». См.: Rantanen M., Karpechko A.Y., Lipponen A. et al. The Arctic has warmed nearly four times faster than the globe since 1979 // Communications Earth & Environment. 2022. 3, 168. https://doi.org/10.1038/s43247-022-00498-3.

Интенсивное таяние льдов открыло новые перспективы инфраструктурного и ресурсного освоения региона, а также развития его двух основных морских транспортных маршрутов – российского Северного морского пути[8] и канадского Северо-Западного прохода[9]. С начала столетия продолжает расти глобальный спрос на энергоносители и критически значимые минералы, а «центр тяжести» мировой экономики постепенно смещается на Восток, что стимулирует поиск альтернативных транспортно-логистических маршрутов между Азией, Европой и Северной Америкой, в том числе из-за геополитической нестабильности на традиционных – южных – путях. В этих условиях регион приобретает стратегическое значение для экономик арктических государств и становится все более привлекательным с экономической и инвестиционной точек зрения для неарктических игроков.

Во-вторых, хотя Арктика становится доступнее для экономического освоения, возрастает антропогенная нагрузка на уникальные и хрупкие экосистемы региона. Растет риск экологических катастроф, например, разливов нефти и нефтепродуктов при морской или трубопроводной транспортировке. Ресурсные и, нередко, «зеленые» инфраструктурные проекты наносят ущерб не только окружающей среде, но и традиционному образу жизни коренных народов Севера, не говоря уже о негативных последствиях самих климатических изменений. Эти обстоятельства повышают значение экологических аспектов в политике арктических государств в области региональной безопасности.

В-третьих, более быстрые темпы климатических изменений в полярных широтах приводят к тому, что усиливается обратное влияние Арктического региона на климат в остальных частях Земли[10]. Кроме того, таяние

---

[8] В англоязычной литературе иногда упоминается как Северо-Восточный проход (англ. *Northeast passage*). См., например, Northeast Passage / Northern Sea Route (NSR) // Arctic Portal. URL: https://arcticportal.org/shipping-portlet/shipping-routes/northeast-passage.

[9] В случае существенного сокращения ледового покрова Северного Ледовитого океана в будущем может также возникнуть и «трансарктический маршрут», проходящий через центральную часть океана. См.: Central Arctic Shipping Route // Arctic Portal. URL: https://arcticportal.org/shipping-portlet/shipping-routes/central-arctic-shipping-route.

[10] Вследствие ускоренного повышения приповерхностной температуры воздуха усиливается таяние морских льдов и ледников, что снижает отражающую способность поверхности, которая поглощает больше солнечной

арктических морских льдов и ледников приводит к повышению уровня Мирового океана, что представляет угрозу для многих стран, находящихся далеко за пределами Арктики[11]. Такое влияние на глобальный климат предопределило высокий интерес к научным исследованиям Арктики в области климатологии, геофизики, метеорологии, океанологии, гляциологии и экологии со стороны многих государств, в том числе нерегиональных, а также большое значение научной дипломатии как внешнеполитического инструмента в регионе[12].

Наконец, по мере повышения доступности Арктики и интереса к ней со стороны все более широкого круга внешних игроков, растет обеспокоенность региональных государств относительно обеспечения собственного суверенитета и национальной безопасности в высоких широтах. Кроме того, потепление Арктики с середины 2010-х гг. сопровождается ростом напряженности в отношениях между Россией и другими региональными державами. В этих условиях происходит постепенная (ре)милитаризация региона: арктические государства увеличивают военное присутствие и активность на Севере.

Первый серьезный кризис в отношениях России и Запада в 2014 г. практически не повлиял на многостороннее сотрудничество по вопросам региональной невоенной безопасности между арктическими государствами, сложившееся после холодной войны. Это позволило исследователям говорить об «арктической исключительности» (англ. *Arctic exceptionalism*), при которой

энергии и, в конечном счете, нагревается еще сильнее. Это приводит к более интенсивной циркуляции воздушных масс между полярными и умеренными широтами, поэтому Арктику нередко называют «кухней мировой погоды». См., например, Ершова А. Арктика – кухня мировой погоды // Международная жизнь. 15 июля 2020. Режим доступа: URL: https://interaffairs.ru/news/show/26908.

[11] Например, с 2023 г. островное тихоокеанское государство Тувалу запустило процесс переселения всех своих граждан из-за угрозы полного затопления территории в обозримой перспективе вследствие подъема уровня моря и штормов. См.: Pacific Island Nation Of Tuvalu May Go Under The Waves In 25 Years // StratNews. August 1, 2025. URL: https://stratnewsglobal.com/climate/pacific-island-nation-of-tuvalu-may-go-under-the-waves-in-25-years/.

[12] См., например, Berkman P. A. [et al.]. The Arctic Science Agreement propels science diplomacy // Science. 2017. № 6363 (358). P. 596–598; Лихачева А.Б. [и др.]. Научное измерение арктической политики России // Арктика 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. 2021. № 2. С. 9–20; Сергунин А.А., Гутенев М.Ю. Арктическая научная дипломатия: основные теоретические подходы // Россия и Америка в XXI веке. 2023. № S1. DOI 10.18254/S207054760025037-7.

повестка дня в области региональной безопасности «изолируется» от глобальной международно-политической конъюнктуры и позволяет арктическим государствам продолжать региональное сотрудничество, несмотря на разногласия в других сферах и регионах[13].

Эскалация украинского конфликта в 2022 г. привела к первому серьезному политико-дипломатическому кризису в Арктике. В результате, было фактически приостановлено многостороннее региональное сотрудничество между Россией и западными государствами и ускорился процесс милитаризации Севера – Финляндия и Швеция, два государства-члена Арктического совета, стали членами НАТО. Несмотря на кризисные явления и нарастающую военно-политическую конфронтацию в первой половине 2020-х гг., как Россия, так и западные арктические страны на официальном уровне выступают за сохранение Арктического совета в качестве главного международного института по вопросам невоенной безопасности в Арктике и за поддержание «мира и стабильности» в высоких широтах.

Все эти обстоятельства актуализируют вопросы региональной безопасности для восьми арктических государств – России, США, Канады, Норвегии, Дании, Финляндии, Швеции и Исландии.

Область исследования соответствует следующим пунктам паспорта специальности 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования: п. 1. «Теория и методология, методы анализа, развитие понятийного аппарата исследования международных отношений и мировой политики. Западные и незападные исследовательские традиции. Международно-политический анализ»; п. 2. «Субъекты международных отношений. Деятельность государственных и негосударственных акторов. Формальные и неформальные институты в международных отношениях и в

[13] Тем не менее у концепции есть не только сторонники, но и критики. См., например, Käpylä J., Mikkola H. On Arctic Exceptionalism: Critical reflections in the light of the Arctic Sunrise case and the crisis in Ukraine (Working paper 85). Helsinki: The Finnish Institute of International Affairs, 2015. 22 p.; Heininen L. Arctic Geopolitics from Classical to Critical Approach – Importance of Immaterial Factors // Geography, Environment, Sustainability. 2018. № 1 (11). P. 171–186; Exner-Pirot H., Murray R.W. Regional Order in the Arctic: Negotiated Exceptionalism // Politik. 2017. Vol. 20, No. 3. P. 6–23; Gjørv G. H., Hodgson K. K. “Arctic Exceptionalism” or “comprehensive security”? Understanding security in the Arctic // Arctic Yearbook. 2019.

мировой политике. Формирование и реализация внешнеполитических стратегий, концепций и доктрин»; п. 3. «Мировая политика. Субъекты мировой политики. Современный мировой политический процесс. Глобальная система и региональные подсистемы международных отношений и мировой политики»; п. 4. «Ценности и интересы в международных отношениях и в мировой политике. Международные отношения как пространство реализации и отстаивания ценностей и интересов различных субъектов»; п. 7. «Международная безопасность. Системы глобальной и региональной безопасности. Военная сила в международных отношениях. Международный терроризм и борьба с ним. Разоружение и контроль над вооружениями. Вызовы, риски, опасности и угрозы»; п. 9. «Геополитические факторы и процессы»; п. 10. «Субъективные факторы международных отношений и мировой политики»; п. 12. «Внешняя политика и дипломатия»; п. 14. «Гуманитарные, социальные и экологические проблемы мировой политики и международных отношений»; п. 19. «Российская Федерация в системе международных отношений»[14].

Настоящее исследование также соответствует п. 1. «Международные отношения, безопасность, политика» и п. 11. «Глобальные вызовы в сфере экологии и их влияние на социумы и международные отношения» Перечня приоритетных направлений научных исследований МГИМО МИД России[15], а также п. 2. «Тренды глобализации и регионализации»; п. 21. «Территориальная и пространственная идентичность как фактор внешней политики» и п. 27. «Арктика в международной политике начала XXI в.: политические и правовые аспекты» Перечня перспективных тематик кандидатских диссертаций Института международных исследований МГИМО МИД России[16].

---

[14] Паспорт научной специальности 5.5.4. «Международные отношения, глобальные и региональные исследования» // МГИМО МИД России. URL: https://mgimo.ru/upload/2022/11/5.5.4.-mezhdunarodnye-otnosheniya-globalnye-i-regionalnye-issledovaniya.pdf.

[15] Приоритетные направления научных исследований МГИМО (2021) // МГИМО МИД России. URL: https://mgimo.ru/science/research-areas/.

[16] Перечень перспективных тематик кандидатских диссертаций // МГИМО МИД России. URL: https://mgimo.ru/phd/cand-topics/.

Степень научной разработанности темы исследования. Вопросы безопасности в Арктическом регионе широко освещены в российской и зарубежной академической и экспертной литературе в области политологии и международных отношений. Интерес к этой теме устойчиво растет с середины 2000-х гг. Можно выделить несколько магистральных направлений международно-политических исследований в этой сфере.

Первое посвящено теоретическим и концептуальным аспектам безопасности в Арктике. Основная академическая дискуссия здесь ведется вокруг круга участников и референтных объектов «арктической безопасности» (англ. *Arctic security*). На этом направлении по количеству и цитируемости доминируют работы зарубежных авторов, а хронологически большинство публикаций приходится на вторую половину 2010-х – начало 2020-х гг. Эти исследования можно условно разделить на несколько подгрупп.

Реконцептуализации понятия безопасности в Арктике за счет расширения ее предметного поля и «парадигмального сдвига» от сугубо военных аспектов к невоенным посвящены работы таких исследователей, как Л. Хейнинен, Х. Экснер-Пиро и Дж. Барнс[17]. Г.Х. Йорв и К.К. Ходгсон предлагают рассматривать систему отношений в области региональной безопасности в Арктике через призму концепции «всеобъемлющей безопасности» (англ. *comprehensive security*), которая охватывает максимально широкий круг сфер и акторов[18]. Эвристический потенциал критических теорий при анализе вопросов безопасности в Арктическом регионе отмечают М. Мелас, Л. Хейнинен и У. Гривс[19]. На размывание региональной специфики повестки дня в области безопасности в Арктике и растущее влияние на нее

[17] Climate Change and Arctic Security: Searching for a Paradigm Shift / ed. by L. Heininen, H. Exner-Pirot. Cham: Springer International Publishing, 2020. 137 p.; Heininen L., Exner-Pirot H. & Barnes J. Redefining Arctic security: Military, environmental, human or societal? Cooperation or conflict? // Arctic Yearbook. 2019.

[18] Gjørv G. H., Hodgson K. K. “Arctic Exceptionalism” or “comprehensive security”? Understanding security in the Arctic // Arctic Yearbook. 2019.

[19] Melas M. Combining critical security studies in the Barents Region // Arctic Yearbook. 2019; Heininen L. Arctic Geopolitics from Classical to Critical Approach – Importance of Immaterial Factors // Geography, Environment, Sustainability. 2018. № 1 (11). P. 171–186; Greaves W. Securing sustainability: the case for critical environmental security in the Arctic // Polar Record. 2016. № 6 (52). P. 660–671.

внерегиональных, в том числе глобальных, тенденций обращают внимание П. Пик и Ф. Лассер[20].

Академическая тенденция последних лет – изучение вопросов безопасности в Арктике с позиций концепции «безопасности человека» (англ. *human security*), где основным референтным объектом выступает индивид. Такой подход набирает популярность преимущественно среди зарубежных исследователей – в качестве примеров можно выделить работы А. Миддлтон[21] и К. Хоссейна[22] – однако в России он пока практически не используется в академическом сообществе[23].

Поскольку в Арктике обеспечение безопасности тесно переплетено с вопросами суверенитета, работы, посвященные различным подходам к этим понятиям в контексте Арктики и взаимосвязи между ними, можно выделить в отдельную исследовательскую подгруппу. Наиболее обстоятельно они рассматриваются в монографии под редакцией У. Гривса и П.У. Лакенбауэра[24]. Альтернативный взгляд на эти вопросы с позиций постколониальной теории можно найти в публикациях Г. Грициус[25].

Второе направление представляют исследования общерегиональных тенденций в области безопасности в Арктике после холодной войны – они составляют значительный пласт научной и экспертной литературы. Со второй половины 2000-х гг. на этом направлении наблюдается рост публикационной активности. Основные академические дискуссии здесь ведутся вокруг того, носят ли отношения в области региональной безопасности преимущественно кооперационный или конфронтационный характер[26]. При этом внимание

---

[20] Pic P., Lasserre F. What is ‘Arctic’ about ‘Arctic security’? // Arctic Yearbook. 2019.
[21] Middleton A. Arctic human security in the era of Sustainable Development Goals (SDGs): The case of Sweden, Norway and Finland // Arctic Yearbook. 2019.
[22] Hossain K. [et al.]. Constructing Arctic security: an inter-disciplinary approach to understanding security in the Barents region // Polar Record. 2017. № 1 (53). P. 52–66.
[23] См., например, Plakhov D. Human Security in the Arctic: A Review of the Russian Literature // NAADSN Policy Primer. 2022. 26 p.
[24] Breaking Through: Understanding Sovereignty and Security in the Circumpolar Arctic / ed. by W. Greaves, P. W. Lackenbauer. University of Toronto Press, 2021. 271 p.
[25] Gricius G. A Decolonial Approach to Arctic Security and Sovereignty // Arctic Yearbook. 2021.
[26] Olesen M. R. Cooperation or conflict in the Arctic: A Literature Review // DIIS Working Paper. 2014. № 8. 18 p.

исследователей все чаще привлекает невоенное измерение арктической безопасности.

Теоретическому осмыслению системы отношений в области безопасности в Арктике посвящены исследования А. Остхагена[27], У. Гривса[28], С. Копры[29], Б. Шаллера[30] и Р. Фахури[31]. Особо стоит выделить «великие дебаты» вокруг идеи об «арктической исключительности», то есть изолированности отношений в области региональной безопасности в Арктике от глобальной международно-политической конъюнктуры – или, иными словами, имманентно кооперационного характера международных отношений в регионе. Среди сторонников идеи «исключительности» Арктики в международных отношениях можно назвать Л. Хейнинена[32], П. Девяткина[33], Х. Экснер-Пиро и Р. Маррея[34], среди критиков – Ю. Кяпиля и Х. Миккола[35], Г. Грициус и Э.Б. Фитц[36], Г.Х. Йорв и К.К. Ходгсон[37], а также Р.Г. Бертельсена[38].

Наиболее обстоятельно и всесторонне современная макрорегиональная динамика безопасности в Арктике рассматривается в трудах таких

---

[27] Østhagen A. The Arctic security region: misconceptions and contradictions // Polar Geography. 2021. № 1 (44). P. 55–74.

[28] Greaves W. Arctic break up: Climate change, geopolitics, and the fragmenting Arctic security region // Arctic Yearbook. 2019.

[29] Kopra S. The Arctic from the Perspective of the English School of International Relations: A Novel Research Agenda // The Polar Journal. 2022. Vol. 12, No. 2. P. 261–280.

[30] Schaller B. The Arctic Security Community: Proving Ground or Sub-Plot of a Tensed European Security Environment? // Arctic Yearbook. 2015.

[31] Fakhoury R. Polar Stars: Toward an Epistemological Understanding of Security Constellations and the Arctic Case // Global Studies Quarterly. 2023. № 4 (3). P. 1–10; Fakhoury R., Gricius G. Understanding Ontologically Insecure Communities in the Arctic // NAADSN Policy Primer. 2024. 6 p.

[32] Heininen L. Arctic Geopolitics from Classical to Critical Approach – Importance of Immaterial Factors // Geography, Environment, Sustainability. 2018. № 1 (11). P. 171–186

[33] Devyatkin P. Arctic exceptionalism: a narrative of cooperation and conflict from Gorbachev to Medvedev and Putin // The Polar Journal. 2023. Vol. 13. No. 2. P. 336–357. https://doi.org/10.1080/2154896X.2023.2258658.

[34] Exner-Pirot H., Murray R.W. Regional Order in the Arctic: Negotiated Exceptionalism // Politik. 2017. Vol. 20, No. 3. P. 6–23.

[35] Käpylä J., Mikkola H. On Arctic Exceptionalism: Critical reflections in the light of the Arctic Sunrise case and the crisis in Ukraine (Working paper 85). Helsinki: The Finnish Institute of International Affairs, 2015. 22 p.

[36] Gricius G., Fitz E. B. Can Exceptionalism Withstand Crises? An Evaluation of the Arctic Council's Response to Climate Change and Russia's War on Ukraine // Global Studies Quarterly. 2022. № 3 (2). P. 1–6.

[37] Gjørv G. H., Hodgson K. K. "Arctic Exceptionalism" or "comprehensive security"? Understanding security in the Arctic // Arctic Yearbook. 2019.

[38] Bertelsen R. G. Divided Arctic in a Divided World Order // Strategic Analysis. 2025. P. 1–10.

отечественных ученых, как Л.С. Воронков[39] и А.В. Загорский[40], а также в коллективных монографиях зарубежных авторов – например, под редакцией Й. Вебера[41], Р. Тамнеса и К. Оффердаль[42] или К. Коутса и К. Холройд[43]. Отдельно стоит выделить две зарубежные монографии: под редакцией О.Р. Янга и Дж.-Д. Кима, в которой тенденции в области безопасности в Арктике рассматриваются в тесной связке с Северо-Тихоокеанским регионом[44], и под редакцией Д.Р. Менезеса и Х.Н. Николь, посвященной проблемам безопасности в Североамериканской Арктике[45].

Влияние текущей глобальной междержавной конкуренции, в том числе между Россией, США и Китаем, на безопасность в Арктическом регионе исследуется в работах В.Н. Конышева и А.А. Сергунина[46], О. Туншё[47] и Е. Клименко[48]. Одной из движущих сил такого соперничества в Арктике выступают перспективы ее ресурсного освоения – их влияние на политику арктических государств в области региональной безопасности анализируют К. Кайль[49] и К. Доддс[50].

---

[39] Воронков Л.С. Геополитические и международные проблемы современной Арктики. М.: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2021. 498 с.

[40] Загорский А.В. Нестратегические вопросы безопасности и сотрудничества в Арктике. М.: ИМЭМО РАН, 2016, 104 с.; Загорский А.В. Безопасность в Арктике. М.: ИМЭМО РАН, 2019. 114 с. См. также коллективную монографию под редакцией А.В. Загорского: Арктика: зона мира и сотрудничества / отв. ред. А.В. Загорский. М., ИМЭМО РАН, 2011, 195 с.

[41] Handbook on Geopolitics and Security in the Arctic: The High North Between Cooperation and Confrontation / ed. by J. Weber. Cham: Springer International Publishing, 2020. 378 p.

[42] Geopolitics and Security in the Arctic: Regional dynamics in a global world / ed. by R. Tamnes, K. Offerdal. Routledge, 2016. 198 p.

[43] The Palgrave Handbook of Arctic Policy and Politics / K.S. Coates, C. Holroyd. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. 569 p.

[44] North Pacific Perspectives On The Arctic: Looking Far North in Turbulent Times / ed. by O. R. Young, J.-D. Kim, Edward Elgar Publishing, 2024. 171 p.

[45] The North American Arctic: Themes in Regional Security / ed. by Menezes D. R., Nicol H. N. UCL Press. 2019. 390 p.

[46] Konyshev V., Sergunin A. The Arctic at the Crossroads of Geopolitical Interests // Russian Politics & Law. 2012. № 2 (50). P. 34–54.

[47] Tunsjø Ø. The Great Hype: False Visions of Conflict and Opportunity in the Arctic // Survival. 2020. № 5 (62). P. 139–156.

[48] Klimenko E. The geopolitics of a changing Arctic // SIPRI Background Paper. December 2019. 15 p.; Anthony I., Klimenko E., Su F. A Strategic Triangle in the Arctic? Implications of China–Russia–United States Power Dynamics for Regional Security // SIPRI Insights on Peace and Security. 2021. № 2021/3. 27 p.

[49] Keil K. The Arctic: A new region of conflict? The case of oil and gas // Cooperation and Conflict. 2014. № 2 (49). P. 162–190.

[50] Dodds K. Flag planting and finger pointing: The Law of the Sea, the Arctic and the political geographies of the outer continental shelf // Political Geography. 2010. № 2 (29). P. 63–73.

«Традиционные» – военно-политические – аспекты региональной безопасности в контексте всей Арктики и ее отдельных субрегионов (чаще всего – Евроарктического) исследуют А.В. Загорский[51], А.А. Тодоров[52], Д. Депледж[53], Ф. Лассер, Дж. Рой и Р. Гэрон[54], М. Скопеллити и Э. Конде Перес[55], Дж. Уизер[56] и Н. Вегге[57].

По мере эволюции теоретических и концептуальных подходов к понятию безопасности в Арктике в сторону «нетрадиционных» – невоенных – аспектов появляется все больше исследований общерегиональных тенденций в этой сфере. Один из наиболее всеобъемлющих трудов по этой теме – коллективная монография под редакцией Е.В. Пака, А.И. Кривцова и Н.С. Загребельной[58]. Отдельные невоенные аспекты безопасности в Арктическом регионе – экологические, экономические, социальные, продовольственные и т.д. – рассматриваются в работах О.Р. Янга[59], О.С. Стокке[60], А.К. Криворотова[61], К. Хоссейна[62], Л.С. Ревенко,

[51] Загорский А.В. Военное строительство в Арктике в условиях конфронтации России и Запада // Арктика и Север. 2018. № 31. С. 80-97.
[52] Загорский А.В., Тодоров А.А. Военно-политическая обстановка в Арктике: очаги напряжённости и пути деэскалации // Арктика и Север. 2021. № 44. С. 79-102.
[53] Depledge D. Train Where You Expect to Fight: Why Military Exercises Have Increased in the High North // Scandinavian Journal of Military Studies. 2020. № 1 (3). P. 288–301.
[54] Lasserre F., Roy J. L., Garon R. Is there an arms race in the Arctic? 2012. (14). P. 1–56.
[55] Scopelliti M., Conde Pérez E. Defining security in a changing Arctic: helping to prevent an Arctic security dilemma // Polar Record. 2016. № 6 (52). P. 672–679.
[56] Wither J. K. An Arctic security dilemma: assessing and mitigating the risk of unintended armed conflict in the High North // European Security. 2021. № 4 (30). P. 649–666.
[57] Wegge N. Arctic Security Strategies and the North Atlantic States // Arctic Review on Law and Politics. 2020. (11). P. 360–382.
[58] The Handbook of the Arctic. A Broad and Comprehensive Overview / ed. by E.V. Pak, A.I. Krivtsov, N.S. Zagrebelnaya, Singapore: Palgrave Macmillan, 2022. 1223 p. DOI 10.1007/978-981-16-9250-5.
[59] Young O.R. Arctic Futures–Future Arctics? // Sustainability. 2021. № 16 (13).
[60] Stokke O. S. Environmental Security in the Arctic: The Case for Multilevel Governance // International Journal. 2011. Vol. 66. №4. P. 835-848. https://doi.org/10.1177/002070201106600412
[61] Криворотов А.К. Экономическое освоение Арктики: национальные стратегии и международные механизмы: дис. ... доктора экон. наук. М., 2024. Режим доступа: https://mgimo.ru/upload/diss/2024/krivorotov-diss.pdf.
[62] Hossain K. Securitizing the Arctic indigenous peoples: A community security perspective with special reference to the Sámi of the European high north // Polar Science. 2016. № 3 (10). P. 415–424.

О.И. Солдатенковой и Н.С. Ревенко[63], Л.М. Нильссона и Б. Эвенгорда[64]. Также заслуживают внимания исследования взаимодействия арктических государств в сфере безопасности судоходства – например, работа норвежского политолога А. Остхагена[65].

Обширную подгруппу составляют исследования институциональной структуры сотрудничества в области региональной безопасности в Арктике, которая активно формировалась и развивалась после холодной войны. В отношении нее в академической и экспертной литературе нередко используется термин «региональное управление в Арктике» (англ. *Arctic governance*). Среди авторов хрестоматийных текстов по данной проблематике – О.Р. Янг[66], А.Н. Вылегжанин и П.А. Беркман[67], а также Э.У. Роуи[68]. Этот перечень можно дополнить публикациями П. Уилсон[69], М. Альберта и А. Василаче[70], И.А. Стрельниковой, М.Н. Чистикова и А.А. Чистиковой[71]. Отношения внутри пятерки прибрежных арктических государств – России, США, Канады, Норвегии и Дании – и значение Илулиссатской декларации

[63] Ревенко Л. С., Солдатенкова О. И., Ревенко Н. С. Продовольственная безопасность северных территорий арктических стран в контексте глобальных процессов // Журн. Сиб. федер. ун- та. Гуманитарные науки. 2023. Т. 16. №3. С. 330–342; Солдатенкова О.И. Продовольственная безопасность арктических территорий Северной Америки // США & Канада: экономика, политика, культура. 2023. №53 (12). С. 64-73. DOI: 10.31857/S2686673023120064

[64] Nilsson L. M., Evengård B. Food Security or Food Sovereignty: What Is the Main Issue in the Arctic? / The New Arctic ed. by B. Evengård, J. Nymand Larsen, Ø. Paasche. Cham: Springer International Publishing, 2015. P. 213–223.

[65] Østhagen A. High North, Low Politics—Maritime Cooperation with Russia in the Arctic // Arctic Review on Law and Politics. 2016. № 1 (7). P. 83-100.

[66] См., например, Young O.R. Creating regimes: Arctic accords and international governance / O.R. Young, Ithaca: Cornell University Press, 1998. 230 p.; Young O.R. Building an international regime complex for the Arctic: current status and next steps // The Polar Journal. 2012. № 2 (2). P. 391–407; Young O.R. Is It Time for a Reset in Arctic Governance? // Sustainability. 2019. Vol. 11, No. 16, 4497. P. 1–12; Young O.R. Constructing the “New” Arctic: The Future of the Circumpolar North in a Changing Global Order // Outlines of global transformations: politics, economics, law. 2020. № 5 (12). P. 6–24.

[67] Vylegzhanin A. N., Young O. R., Berkman P. A. Russia in the Arctic Chair: Adapting the Arctic Governance System to Conditions Prevailing in the 2020s // Polar Record. 2021. № e37 (57). P. 1–10.

[68] Rowe E. W. Arctic governance: Power in cross-border cooperation / E. W. Rowe, Manchester: Manchester University Press, 2018. 164 p.

[69] Wilson P. Society, steward or security actor? Three visions of the Arctic Council // Cooperation and Conflict. 2016. № 1 (51). P. 55–74.

[70] Albert M., Vasilache A. Governmentality of the Arctic as an international region // Cooperation and Conflict. 2018. Vol. 53. No. 1. P. 3–22.

[71] Strelnikova I. A., Chistikov M. N., Chistikova A. A. Will the Arctic Cooperation System Accommodate Global Geopolitical Changes? // Russia in Global Affairs. 2025. № 2 (23). P. 23–37.

2008 г. для регионального управления анализируют датские исследователи Й. Рабек-Клемменсен и Г. Томасен[72].

В условиях растущего интереса к Арктике со стороны нерегиональных государств и межгосударственных объединений все чаще объектом исследований становится их политика в отношении региона и ее влияние на динамику в области региональной безопасности. Например, в эту подгруппу можно включить работы А. Остхагена[73] (ЕС), Н. Скрипниковой и А. Распотника[74] (ЕС), Р. Пинкус[75] (Китай), М.Л. Лагутиной и Я.В. Лексютиной[76] (БРИКС). Ученые из неарктических стран нередко изучают подходы своих государств к проблемам безопасности в Арктике (Б. Шарма[77]) либо анализируют влияние процессов в высоких широтах на национальную безопасность (Д. Зандей, К. Крёйфер и А. Стутман[78]).

Наконец, в самостоятельную подгруппу можно выделить исследования роли негосударственных акторов в системе отношений в области региональной безопасности в Арктике. Эти вопросы подробно освещены в коллективной монографии под редакцией Н. Зелльхайма и Д.Р. Менезеса[79]. Помимо организаций коренных народов Севера и многочисленных арктических НПО на динамику в области безопасности в полярных широтах воздействуют (в том числе через формирование восприятия действующих лиц)

---

[72] Rahbek-Clemmensen J., Thomasen G. Learning from the Ilulissat Initiative. State Power, Institutional Legitimacy, and Governance in the Arctic Ocean 2007-18. Copenhagen: Center for Military Studies, University of Copenhagen, 2018. 68 p.

[73] Østhagen A. Geopolitics and Security in the Arctic: What Role for the EU? // European View. 2017. № 2 (16). P. 239–249.

[74] Skripnikova N., Raspotnik A. Has Russia heard about the European Union's Arcticness? The EU's Arctic steps as seen from Russia // Polar Record. 2019. № 6 (55). P. 441–451.

[75] Pincus R. Three-Way Power Dynamics in the Arctic // Strategic Studies Quarterly. 2025. № 1 (14). P. 40–63.

[76] Lagutina M., Leksyutina Y. BRICS countries' strategies in the Arctic and the prospects for consolidated BRICS agenda in the Arctic // The Polar Journal. 2019. № 1 (9). P. 45–63.

[77] Sharma B. 'De-Securitising the Arctic' in Climate Change: An Indian Perspective // India Quarterly: A Journal of International Affairs. 2021. № 4 (77). P. 622–641.

[78] Zandee D., Kruijver K., Stoetman A. The future of Arctic security: The geopolitical pressure cooker and the consequences for the Netherlands // Clingendael Report. 2020. 74 p.

[79] Non-state Actors in the Arctic Region / ed. by N. Sellheim, D. R. Menezes, Cham: Springer International Publishing, 2022. 326 p.

и СМИ – наиболее любопытными в этой связи представляются исследования Б. Падртовой[80] и Ч.Ю. Вуна[81].

Третье – и наиболее обширное – магистральное исследовательское направление посвящено политикам в области региональной безопасности (англ. *Arctic security policies*) отдельных арктических государств. В эту группу вошли публикации начиная с конца 1990-х гг., при этом с 2010-х гг. интерес к теме заметно возрос.

В ряде работ синтезируются результаты исследований национальных политик в области арктической безопасности или предпринимаются попытки такого синтеза. Первый и один из немногих обзоров политик всех арктических государств в области военной безопасности в Арктике в условиях стремительных климатических изменений был проведен в коллективной монографии под редакцией Дж. Краски в 2011 г.[82] Комплексный контент-анализ стратегических и доктринальных документов в области арктической политики как региональных, так и нерегиональных держав провел коллектив ученых под руководством финского политолога Л. Хейнинена[83]. Один из наиболее масштабных и всеобъемлющих научных трудов по проблемам безопасности в Арктике, значительная часть которого посвящена именно национальным политикам арктических государств в области региональной безопасности – «Справочник по безопасности в Арктике» под редакцией Г.Х. Йорв, М. Лантейна и Х. Сэм-Эггри[84].

Одно из немногих кросс-страновых исследований национальных дискурсов в области региональной безопасности в Арктике – работа А.В. Буша[85].

---

[80] Padrtova B. Frozen narratives: How media present security in the Arctic // Polar Science. 2019. (21). P. 37–46.
[81] Woon C. Y. China, Canada and framings of Arctic geopolitics / Polar Geopolitics? Knowledges, Resources and Legal Regimes ed. by R. C. Powell, K. Dodds, Edward Elgar Publishing, 2014. P. 166–182.
[82] Arctic Security in an Age of Climate Change / ed. by Kraska J. Cambridge: Cambridge University Press. 2011. 342 p.
[83] Heininen L. [et al.]. Arctic policies and strategies – analysis, synthesis, and trends / L. Heininen, K. Everett, B. Padrtova, A. Reissell. Austria, Laxenburg: International Institute for Applied Systems Analysis, 2020. 263 p.
[84] Routledge Handbook of Arctic Security / G. Hoogensen Gjørv, M. Lanteigne, H. Sam-Aggrey. London: Routledge, 2020. 442 p.
[85] Busch A. V. Tall Tales from the High North: Contested Discourses of the Arctic as a Political Space // Geopolitics. 2021. № 2 (28). P. 667–693.

Предметом международно-политических исследований национальных политик в области региональной безопасности в Арктике нередко становится двустороннее взаимодействие прибрежных арктических государств в этой сфере, либо такие исследования носят сравнительный характер. Чаще всего в «диадах» фигурирует Канада: ее подходы к региональной безопасности сопоставляются с российскими (например, в работах П.У. Лакенбауэра[86], в том числе совместно с А.А. Сергуниным[87]) и норвежскими (публикация А. Остхагена, Г. Леви Шарп и П. Сигурд Хильде[88]), а в области двусторонних отношений обычно анализируются связи с США (например, в публикациях канадского исследователя Р. Хьюберта совместно с П.У. Лакенбауэром[89] и А. Лажюнессом[90]). В случае России чаще всего исследуется ее двустороннее взаимодействие в Арктике с ближайшими соседями по региону – США (З. Слива и Н. Алиев[91]) и Норвегией (Дж. Вильхельмсен и К.Л. Йерде[92]).

Большинство исследований по данному магистральному направлению можно разделить на подгруппы по национальному критерию, причем наблюдается значительный количественный перевес в пользу прибрежных арктических государств.

Политика России, крупнейшей арктической державы, в области региональной безопасности традиционно привлекает наибольший интерес исследователей-международников, особенно за рубежом. Тематически в данной подгруппе преобладает военное измерение российской политики в области региональной безопасности, однако предметом исследований также

---

[86] Lackenbauer P.W. Mirror images? Canada, Russia, and the circumpolar world // International Journal. 2010. Vol. 65. №4. P. 879–897.
[87] Lackenbauer P. W., Sergunin A. Canada's and Russia's Security and Defence Strategies in the Arctic: A Comparative Analysis // Arctic Review on Law and Politics. 2022. (13). P. 232–257.
[88] Østhagen A., Levi Sharp G., Sigurd Hilde P. At Opposite Poles: Canada's and Norway's approaches to security in the Arctic // The Polar Journal. 2018. № 1 (8). P. 163–181.
[89] Lackenbauer W., Huebert R. Premier partners: Canada, the United States and Arctic security // Canadian Foreign Policy Journal. 2014. № 3 (20). P. 320–333.
[90] Lajeunesse A., Huebert R. Preparing for the next Arctic sovereignty crisis: The Northwest Passage in the age of Donald Trump // International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis. 2019. № 2 (74). P. 225–239.
[91] Sliwa Z., Aliyev N. Strategic Competition or Possibilities for Cooperation Between the United States and Russia in the Arctic // The Journal of Slavic Military Studies. 2020. № 2 (33). P. 214–236.
[92] Wilhelmsen J., Gjerde K. L. Norway and Russia in the Arctic: New Cold War Contamination? // Arctic Review on Law and Politics. 2018. (9). P. 382–407.

становятся экономические аспекты освоения и развития АЗРФ с особым акцентом на морскую логистику по СМП. Лишь единичные исследования фокусируются на национальных дискурсах в области региональной безопасности и вопросах идентичности. Среди основных российских исследователей отечественной политики в области безопасности в Арктике – В.Н. Конышев и А.А. Сергунин[93], А.А. Тодоров[94], А.Н. Вылегжанин[95], П.А. Гудев[96] и В.П. Журавель[97], среди зарубежных – К. Отланд[98], Э. Бьюкенен[99], Г. Хённеланд[100], К. Робертс[101], Л. Хейнинен[102], М.Б. Питерсен и Р. Пинкус[103], Э. Уилсон Роуи и Х. Блаккисрюд[104]. В данной подгруппе стоит также отметить публикации К.И. Зубкова[105], Е. Пискуновой[106], М.Л. Роя[107],

[93] Konyshev V., Sergunin A. Is Russia a revisionist military power in the Arctic? // Defense & Security Analysis. 2014. № 4 (30). P. 323–335; Sergunin A., Konyshev V. Russian military strategies in the Arctic: change or continuity? // European Security. 2017. № 2 (26). P. 171–189; Sergunin A., Gjørv G. H. The Politics of Russian Arctic shipping: evolving security and geopolitical factors // The Polar Journal. 2020. № 2 (10). P. 251–272.

[94] Тодоров А.А. Россия на Северном морском пути: в погоне за двумя зайцами? // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 11. С. 123-130. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-11-123-130.

[95] Vylegzhanin A. [et al.]. Navigation in the Northern Sea Route: interaction of Russian and international applicable law // The Polar Journal. 2020. № 2 (10). P. 285–302.

[96] Гудев П.А. Северный морской путь: проблемы легитимизации национального статуса в рамках международного права: часть 1 // Арктика и Север. 2020. № 40. С. 142-164. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.40.142; Гудев П.А. Северный морской путь: перспективы легитимизации национального статуса в рамках международного права (часть 2) // Арктика и Север. 2020. № 41. С. 130-147. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.41.130.

[97] Журавель В.П. Арктика и вопросы военной безопасности РФ // Научно-аналитический вестник института Европы РАН. 2020. №3(15). С. 42-47.

[98] Åtland K. The Introduction, Adoption and Implementation of Russia's "Northern Strategic Bastion" Concept, 1992–1999 // The Journal of Slavic Military Studies. 2007. № 4 (20). P. 499–528; Åtland K. Mikhail Gorbachev, the Murmansk Initiative, and the Desecuritization of Interstate Relations in the Arctic // Cooperation and Conflict. 2008. № 3 (43). P. 289–311; Åtland K., Pedersen T. The Svalbard Archipelago in Russian Security Policy: Overcoming the legacy of fear – Or reproducing it? // European Security. 2008. Vol. 17. No. 2–3. P. 227–251.

[99] Buchanan E. Red Arctic: Russian strategy under Putin / E. Buchanan, Washington, D.C.: Lanham, Maryland: Brookings Institution Press; Rowman & Littlefield, 2023. 208 p.

[100] Hønneland G. Russia and the Arctic Environment, Identity and Foreign Policy, 2nd edition. I.B. Tauris, 2020. 232 p.

[101] Roberts K. Jets, Flags, and a New Cold War?: Demystifying Russia's Arctic Intentions // International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis. 2010. № 4 (65). P. 957–976; Roberts K. Understanding Russia's security priorities in the Arctic: why Canada-Russia cooperation is still possible // Canadian Foreign Policy Journal. 2021. № 2 (27). P. 211–227.

[102] Heininen L., Sergunin A. A., Yarovoy G. Russian strategies in the Arctic: avoiding a new Cold War / L. Heininen, A. A. Sergunin, G. Yarovoy. Moscow: Valdai Discussion Club, 2014. 102 p.

[103] Petersen M. B., Pincus R. Arctic Militarization and Russian Military Theory // Orbis. 2021. № 3 (65). P. 490–512.

[104] Rowe E.W., Blakkisrud H. A New Kind of Arctic Power? Russia's Policy Discourses and Diplomatic Practices in the Circumpolar North // Geopolitics. 2014. № 1 (19). P. 66–85.

[105] Zubkov K. I. Between Globalism and Isolationism: The Origins of Russia's Arctic Development Strategy // Problems of Economic Transition. 2019. № 7–9 (61). P. 594–606.

[106] Piskunova E. Russia in the Arctic: What's Lurking behind the Flag? // International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis. 2010. № 4 (65). P. 851–864.

[107] Roi M. L. Russia: The Greatest Arctic Power? // The Journal of Slavic Military Studies. 2010. № 4 (23). P. 551–573.

Х. Хансен-Магнюссона[108], О. Хрущевой и М. Побережской[109], Й. Стауна[110], Т.Э. Ротнема[111] и М. Урбаньски[112].

Эволюции политики США в области безопасности в Арктике, ее военным и невоенным – с особым акцентом на влияние природно-климатических трансформаций – аспектам посвящены исследования В.Н. Конышева и А.А. Сергунина[113], О.В. Теребова[114], А.Г. Сахарова[115], А.Н. Соколова и Д.Н. Лыжина[116], А.Э. Нильссон[117], А. Лаворио[118], Ф.Э. Стейнберга[119], Й.М. Брюн[120], К.А. Вайнгартнер и Р.В. Орттунга[121].

Исследования политики Канады в области безопасности в Арктике преимущественно сосредоточены на вопросах «арктического суверенитета» Оттавы (англ. *Canadian Arctic sovereignty*), в том числе в контексте СЗП, а также внутриполитическому измерению вопросов безопасности в высоких

---

[108] Hansen-Magnusson H. Arctic geopoetics: Russian politics at the North Pole // Cooperation and Conflict. 2019. № 4 (54). P. 466–487.

[109] Khrushcheva O., Poberezhskaya M. The Arctic in the political discourse of Russian leaders: the national pride and economic ambitions // East European Politics. 2016. № 4 (32). P. 547–566.

[110] Staun J. Russia's strategy in the Arctic: cooperation, not confrontation // Polar Record. 2017. № 3 (53). P. 314–332.

[111] Rotnem T. E. Putin's Arctic Strategy: Collaboration or Conflict after Ukraine? // Problems of Post-Communism. 2018. № 1 (65). P. 1–17.

[112] Urbański M. Arctic energy policy and security of the Russian Federation // Security and Defence Quarterly. 2016. № 1 (10). P. 35–51.

[113] Конышев В.Н., Сергунин А.А. Современная арктическая политика США. СПб: ГАЛАРТ+, 2021. 159 с.; Конышев В.Н., Сергунин А.А. Эволюция концептуальных основ арктической стратегии США // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27, № 2. С. 225–236. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.19.

[114] Теребов О.В. Арктическая политика США и интересы России: прошлое, настоящее, будущее. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт США и Канады РАН. М.: Издательство «Весь Мир», 2019. 256 с.

[115] Сахаров А.Г. Изменения климатической политики США и повестка дня Арктического совета // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. No 1. С. 66–79. DOI: 10.17323/19967845-2018-01-04.

[116] Соколов А.Н., Лыжин Д.Н. Арктическая стратегия США: истоки и перспективы реализации // Проблемы национальной стратегии. 2023. No 1 (76). С. 204–221.

[117] Nilsson A. E. The United States and the making of an Arctic nation // Polar Record. 2018. № 2 (54). P. 95–107.

[118] Lavorio A. Geography, Climate Change, National Security: The Case of the Evolving US Arctic Strategy // The International Spectator. 2021. № 1 (56). P. 111–125.

[119] Steinberg P. E. Maintaining hegemony at a distance: ambivalence in US Arctic policy / Polar Geopolitics? Knowledges, Resources and Legal Regimes ed. by R. C. Powell, K. Dodds, Edward Elgar Publishing, 2014. P. 113–130.

[120] Bruun J. M. Invading the Whiteness: Science, (Sub)Terrain, and US Militarisation of the Greenland Ice Sheet // Geopolitics. 2020. № 1 (25). P. 167–188.

[121] Weingartner K. A., Orttung R. W. US Arctic policymaking under Trump and Obama // Polar Record. 2019. № 6 (55). P. 402–410.

широтах. В эту подгруппу вошли работы Д.А. Володина[122], Н.С. Вяхиревой[123], Р. Хьюберта[124] (в том числе совместная монография с Ф. Гриффитсом и П.У. Лакенбауэром[125]), М. Ландрио[126], М. Байерса[127], М.Б. Солтера[128] и С. Себастиан[129], а также монография об оборонной политике Канады под редакцией Т. Жуно, Ф. Лагасса и С. Вучетича, отдельные главы которой посвящены Арктике[130].

Исследователи политики Норвегии в области безопасности в Арктике уделяют внимание не только ее военно-политической составляющей, в основе которой лежит членство королевства в НАТО, но и невоенным компонентам – преимущественно экологическим и энергетическим. Ряд исследований посвящен национальным дискурсам в области региональной безопасности, а в некоторых работах поднимаются вопросы идентичности и статуса. Эта подгруппа объединила труды таких авторов, как А. Остхаген[131],

---

[122] Володин Д.А. Борьба Канады за суверенитет в Арктике: история и современность. М.: Весь Мир, 2024. 463 с.

[123] Вяхирева Н.С. Арктика как новый внешнеполитический приоритет Канады // Россия и Америка в XXI веке. 2024. № 2. DOI 10.18254/S207054760030139-9.

[124] Huebert R. Canadian Arctic Security Issues: Transformation in the Post-Cold War Era // International Journal. 1999. № 2 (54). P. 203-229; Huebert R. Canadian Arctic Sovereignty and Security in a Transforming Circumpolar World / Foreign Policy for Canada's Tomorrow, No. 4. Canadian International Council, 2009. 43 p.; Huebert R. Canada and NATO in the Arctic: Responding to Russia? / Canada's Arctic Agenda: Into the Vortex ed. by J. Higginbotham & J. Spence. Centre for International Governance Innovation. 2019. P. 84–91.

[125] Griffiths F., Huebert R., & Lackenbauer P.W. Canada and the Changing Arctic: Sovereignty, Security, and Stewardship. WLU Press, 2011. 340 p.

[126] Landriault M. Public Opinion on Canadian Arctic Sovereignty and Security // ARCTIC. 2016. № 2 (69). P. 160–168; Landriault M., Minard P. Does standing up for sovereignty pay off politically? Arctic military announcements and governing party support in Canada from 2006 to 2014 // International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis. 2016. № 1 (71). P. 41–61.

[127] Byers M. Cold peace: Arctic cooperation and Canadian foreign policy // International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis. 2010. Vol. 65. №4. P. 899-912.

[128] Salter M. B. Arctic Security, Territory, Population: Canadian Sovereignty and the International // International Political Sociology. 2019. № 4 (13). P. 358–374.

[129] Sebastian C. New power, new priorities: the effects of UNCLOS on Canadian Arctic foreign policy // The Polar Journal. 2013. № 1 (3). P. 136–148.

[130] Canadian Defence Policy in Theory and Practice / ed. by T. Juneau, P. Lagassé, S. Vucetic. Cham: Springer International Publishing, 2020. 425 p.

[131] Østhagen A. Norway's Arctic policy: still high North, low tension? // The Polar Journal. 2021. № 1 (11). P. 75–94.

Л.К. Йенсен[132], Б. Кристоффersен[133], И.А. Медби[134], Э. Уилсон Роуи[135], Б. Стайнвег[136], Б.О. Кнютсен и Э. Петтерсен[137].

Большинство исследований политики Королевства Дания в области арктической безопасности сфокусированы на военно-политической динамике вокруг крупнейшей датской автономии – Гренландии –либо на внутриполитическом – гренландском – измерении проблем региональной безопасности. Лишь единичные работы посвящены непосредственно арктической политике Копенгагена. Основной вклад в научное осмысление этих вопросов внесли датские исследователи У.П. Гад[138], М. Якобсен[139], Й. Рабек-Клемменсен[140] и Р. Хяргорд Расмуссен[141]. Отдельного внимания заслуживает коллективная монография под редакцией М. Якобсена, У. Уэвера и У.П. Гада, в которой сюжеты в области безопасности в Гренландии и вокруг нее детально анализируются с помощью теории секьюритизации[142].

Политикам в области региональной безопасности трех остальных арктических государств – Финляндии, Швеции и Исландии – в международно-политической академической и экспертной литературе уделяется существенно

---

[132] Jensen L. C. International relations in the Arctic: Norway and the struggle for power in the New North. London: I.B.Tauris. 2016; Jensen L. C. An Arctic 'marriage of inconvenience': Norway and the othering of Russia // Polar Geography. 2017. № 2 (40). P. 121–143; Jensen L. C. Petroleum discourse in the European Arctic: The Norwegian Case // Polar Record. 2007. Vol. 43. No. 3. P. 247–254; Jensen L. C., Hønneland G. Framing the high north: Public discourses in Norway after 2000 // Acta Borealia. 2011. Vol. 28. No. 1. P. 37–54; Jensen L. C., Skedsmo P. Approaching the north: Norwegian and Russian foreign policy discourses on the European Arctic // Polar Research. 2010. Vol. 29. No. 3. P. 439–450.

[133] Kristoffersen B. Securing' geography: framings, logics and strategies in the Norwegian high north / Polar Geopolitics? Knowledges, Resources and Legal Regimes ed. by R. C. Powell, K. Dodds. Edward Elgar Publishing, 2014. P. 131-148.

[134] Medby I. A. Big Fish in a Small (Arctic) Pond: Regime Adherence as Status and Arctic State Identity in Norway // Arctic Yearbook. 2015.

[135] Rowe E. W. Arctic hierarchies? Norway, status and the high north // Polar Record. 2014. № 252 (50). P. 72–79.

[136] Steinveg B. Small States in World Politics: Norwegian Interests and Foreign Policy Challenges in the Arctic // Arctic Review on Law and Politics. 2024. (15). P. 3–24.

[137] Knutsen B. O., Pettersen E. War in Europe, but Still Low Tension in the High North? An Analysis of Norwegian Mitigation Strategies // Arctic Review on Law and Politics. 2024. (15). P. 25–46.

[138] Gad U. P. [et al.]. Greenland's Desecuritization of Security and Defense / Greenland in Arctic Security. (De)securitization Dynamics under Climatic Thaw and Geopolitical Freeze. University of Michigan Press, 2024. P. 227-252.

[139] Jacobsen M. Greenland's Arctic advantage: Articulations, acts and appearances of sovereignty games // Cooperation and Conflict. 2020. № 2 (55). P. 170–192.

[140] Rahbek-Clemmensen J. "An Arctic Great Power"? Recent Developments in Danish Arctic Policy // Arctic Yearbook. 2016.

[141] Kjærgaard Rasmussen R. The desecuritization of Greenland's security? How the Greenlandic self-government envision post- independence national defense and security policy // Arctic Yearbook. 2019.

[142] Greenland in Arctic Security. (De)securitization Dynamics under Climatic Thaw and Geopolitical Freeze / ed. by M. Jacobsen, O. Wæver & U.P. Gad. University of Michigan Press, 2024. 369 p.

меньшее внимание. Представляется, что это связано с их сравнительно скромной вовлеченностью в процессы в области безопасности непосредственно в высокоширотной Арктике. В силу географии первоочередное внимание они уделяют проблемам безопасности в смежных регионах – Скандинавско-Балтийском (Финляндия и Швеция) и Североатлантическом (Исландия). Тем не менее все три государства придают большое значение арктическому направлению национальной политики в области безопасности.

Наиболее подробно эволюция финской арктической политики с конца 1980-х гг., в том числе по вопросам невоенной безопасности, исследуется в монографии М. Хейккиля[143]. Подходам Хельсинки к безопасности в Арктике, в том числе с акцентом на роль государственной идентичности, посвящены работы В. Вяэтянена[144] и Л. Хейнинена[145].

Политику Швеции в отношении Севера и ее дискурсивное измерение исследуют С. Сёрлин[146], Н. Эклюнд[147] и Й. Шёберг[148].

Подходам Исландии к региональной безопасности и инструментализации Арктики во внешней и внутренней политике Рейкьявика посвящены работы В. Ингимундарсона[149], а также П. Уилсон и А.Х. Ингольфсдоттир[150].

---

[143] Heikkilä M. If We Lose the Arctic: Finland's Arctic thinking from the 1980s to present day / M. Heikkilä, Rovaniemi: The Arctic Centre, University of Lapland, 2019. 142 p.

[144] Väätänen V. Securing Anticipatory Geographies: Finland's Arctic Strategy and the Geopolitics of International Competitiveness // Geopolitics. 2021. № 2 (26). P. 615–638; Ferdoush M. A., Väätänen V. Anticipatory state identity: Understanding the Finnish state's approach to the Arctic // Area. 2022. № 4 (54). P. 618–626.

[145] Heininen L. Security perspectives from Finland: An arctic case / Routledge Handbook of Arctic Security ed. by G. Hoogensen Gjørv, M. Lanteigne, H. Sam-Aggrey. London: Routledge, 2020. P. 198-207.

[146] Sörlin S. The reluctant Arctic citizen: Sweden and the North / Polar Geopolitics? Knowledges, Resources and Legal Regimes ed. by R. C. Powell, K. Dodds. Edward Elgar Publishing, 2014. P. 149-165.

[147] Eklund N. Security perspectives from Sweden / Routledge Handbook of Arctic Security ed. by G. Hoogensen Gjørv, M. Lanteigne, H. Sam-Aggrey. London: Routledge, 2020. P. 208-217.

[148] Sjöberg J. The linguistic construction of Swedish Arctic security strategy and how it reflects a neutral state identity: master thesis. UiT The Arctic University of Norway, 2025.

[149] Ingimundarson V. Framing the national interest: the political uses of the Arctic in Iceland's foreign and domestic policies // The Polar Journal. 2015. № 1 (5). P. 82–100; Ingimundarson V. Iceland as an Arctic state / The Palgrave Handbook of Arctic Policy and Politics ed. by K.S. Coates, C. Holroyd. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. P. 251-265.

[150] Wilson P., Ingólfsdóttir A.H. Small state, big impact? Iceland's first National Security Policy / Routledge Handbook of Arctic Security ed. by G. Hoogensen Gjørv, M. Lanteigne, H. Sam-Aggrey. London: Routledge, 2020. P. 188-197.

Таким образом, аспекты региональной безопасности в Арктике в политике арктических государств достаточно подробно и всесторонне освещены в академических и экспертно-аналитических публикациях как в России, так и за рубежом, причем не только в арктических, но и в неарктических странах. Тем не менее в международно-политических исследованиях Арктического региона присутствует ряд системных проблем. Немецкие исследователи С. Кнехт и П. Лаубенштайн проанализировали 398 научных статей по тематике регионального управления в Арктике, опубликованных в десяти ведущих зарубежных профильных изданиях с 2008 по 2019 гг. Они выявили четыре существенных ограничения, препятствующих понимаю и объяснению региональных политических процессов:

1) склонность к описательности без анализа причинно-следственных связей;
2) приверженность методу кейс-стади с единичной выборкой (иными словами, доминирование идиографического подхода в ущерб номотетическому);
3) доминирующий фокус на государстве как главном объекте анализа;
4) ограниченность рамок исследований региональным уровнем без учета более широкого – глобального – контекста[151].

Кроме того, авторы обратили внимание на недостаток теоретически фундированных и сравнительных исследований.

Наш обзор литературы по тематике безопасности в Арктике позволил выявить ряд дополнительных пробелов в научном знании.

Во-первых, в международно-политических исследованиях проблем безопасности в Арктике (в тех случаях, когда они в принципе опираются на какие-либо теоретические положения) доминируют неореалистские и либерально-институционалистские подходы. Ни один из них *per se* не

[151] Knecht S., Laubenstein P. Is Arctic governance research in crisis? A pathological diagnosis // Polar Record. 2020. 56 (e35). P. 1–13. DOI: https://doi.org/10.1017/ S0032247420000352.

объясняет в полной мере динамику отношений между арктическими державами и логику формирования их национальных политик в области региональной безопасности после холодной войны. Особенно это касается взаимосвязи между ее военными и невоенными компонентами. В этом отношении показательна полемика вокруг концепции «арктической исключительности», которая одновременно ни абсолютно истинна, ни абсолютна ложна[152]. Конструктивистские работы по безопасности в Арктике немногочисленны, особенно среди российских ученых-международников[153].

Во-вторых, как следствие, большинство исследований политики арктических государств в области региональной безопасности фокусируется на внешних, структурных факторах ее формирования и эволюции, уделяя меньшее внимание внутренним, эндогенным. В лучшем случае, объектом исследований становятся национальные интересы в Арктике или внутриполитическое измерение вопроса (например, инструментализация арктической темы отдельными политическими силами), гораздо реже – национальные дискурсы или роль идентичности. Попытки осмыслить взаимосвязь между этими двумя «уровнями» анализа также предпринимаются редко.

В-третьих, практически нет кросс-страновых исследований эволюции политики всех восьми арктических государств в области безопасности в Арктике после холодной войны с последующей генерализацией полученного знания. Коллективные монографические труды по теме, в которых представлены национальные подходы арктических государств к вопросам региональной безопасности, редко ставят целью синтез макрорегиональных причинно-следственных связей и закономерностей или сравнительный анализ.

---

[152] Как правило, пропоненты «исключительности» используют либерально-институционалистскую аргументацию, а критики – реалистскую.

[153] Анализ российских экспертно-академического и официального дискурсов в отношении Арктики показал, что в них доминируют неореалистские и неолиберальные подходы. См. Godzimirski J. M., Sergunin A. Russian Expert and Official Geopolitical Narratives on the Arctic: Decoding Topical and Paradigmatic DNA // Arctic Review on Law and Politics. 2020. (11). P. 22–46.

В самих компаративистских исследованиях выборка, как правило, ограничена двумя-тремя странами.

Наконец, большинство исследований проблем безопасности в Арктике скорее отвечает на вопрос *«где мы находимся?»*, нежели, по замечанию норвежского политолога и социального антрополога И. Нойманна, *«как мы здесь оказались?»*[154]. Иными словами, исследователей чаще интересуют текущие тенденции или «диспозиция в моменте» в области безопасности в Арктике, чем эволюция ситуации в ретроспективе и лежащие в ее основе причинно-следственные связи. Настоящее диссертационное исследование – попытка ответить на второй вопрос, представить собственное понимание причинно-следственных связей в сфере безопасности в Арктике и внести вклад в теоретическое осмысление процесса формирования и эволюции политики арктических государств в области региональной безопасности.

Научная проблема. В первой четверти XXI в. в политике арктических государств в области безопасности в Арктике присутствуют два парадокса. С одной стороны, арктические державы всячески стремятся десекьюритизировать регион и отношения в области региональной безопасности, представляя его как «зону мира и сотрудничества», при этом параллельно происходит процесс его (ре)милитаризации. С другой, несмотря на то, что почти все государства региона воспринимают природно-климатические трансформации в Арктике как проблему в области безопасности, большинство из них, особенно прибрежные, выделяют экономическое освоение Севера, в том числе добычу минеральных ресурсов, в качестве одного из приоритетов арктической политики. При этом конфликтогенный потенциал региона остается низким: на 2026 г. единственный территориальный спор в Арктике – о разграничении в море Бофорта между США и Канадой, а процесс определения внешних границ КШ России, Канады и Дании в центральной части СЛО идет в соответствии с

[154] Neumann I.B. Discourse analysis / Qualitative methods in international relations: A pluralist guide ed. by A. Klotz, D. Prakash. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2008. P. 76–77.

международно-правовыми процедурами. Почему в этих условиях арктические государства усиливают военно-политическую составляющую национальных политик в области региональной безопасности в ущерб невоенным, продолжая позиционировать Арктику как «зону мира»?

Стремясь восполнить выявленные лакуны в научном знании о политике в области безопасности в Арктике и приблизиться к решению обозначенной научной проблемы, автор формулирует следующий **исследовательский вопрос**: как менялись восприятие проблем и политическая практика арктических государств в области региональной безопасности после холодной войны? Следовательно, **цель исследования** – выявить основные траектории эволюции политики арктических государств в области региональной безопасности после холодной войны на национальном и макрорегиональном уровнях.

Объект диссертационного исследования – международные отношения в области безопасности в Арктике. **Предметом** выступает политика арктических государств – восьми членов Арктического совета – в области региональной безопасности.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1987 г., когда М.С. Горбачев выдвинул «Мурманские инициативы», которые ознаменовали начало эпохи многостороннего международного сотрудничества в Арктике, и до 2026 г. включительно. В отдельных случаях при рассмотрении генезиса политики отдельных арктических государств в области региональной безопасности автор обращается к более ранним историческим событиям, без осмысления которых невозможно понять процесс ее последующей эволюции.

Для достижения цели исследования требуется решение следующих **задач:**

- оценить роль *идеационных эндогенных движущих сил* в процессе формирования и эволюции национальных политик арктических государств в области региональной безопасности;

- определить *динамику интенсивности и паттерны (де)секьюритизации*[155] в национальных политиках арктических государств в области региональной безопасности;
- проанализировать направленность и содержание *декларируемых и практических (ответных)*[156] *мер* национальных политик арктических государств в области региональной безопасности;
- оценить степень и пределы влияния *сообщества невоенной безопасности* на макрорегиональную динамику в области безопасности в Арктике после холодной войны;
- выявить *макрорегиональные паттерны (де)секьюритизации и тенденции в области безопасности* в Арктике в военно-политическом и невоенном измерениях.

Эпистемология исследования находится на стыке интерпретивизма и позитивизма, то есть предполагает ответы на вопросы: *как арктические государства видят проблемы в области региональной безопасности и почему именно таким образом?*

Теоретические основы исследования находятся на стыке конструктивистской и реалистской парадигм теории международных отношений – в области реалистского конструктивизма[157]. Эта совокупность теоретико-методологических предпосылок «примиряет» политический реализм как представления о том, как устроена и функционирует система международных отношений, и конструктивизм, который позволяет понять, как акторы (агенты) формируют международно-политическую реальность (структуру) – и наоборот. Таким образом, в основе исследования лежит ряд допущений:

---

[155] Здесь и далее скобки показывают, что в официальном дискурсе государства в области безопасности могут присутствовать речевые акты как секьюритизации, так и десекьюритизации.

[156] Здесь и далее скобки показывают, что декларируемые меры государственной политики не всегда содержатся в актах (де)секьюритизации («А» угрожает «Б», поэтому для защиты «Б» мы сделаем «В») и зачастую указаны отдельно, что осложняет атрибуцию меры конкретному акту.

[157] См. Barkin J.S. Realist Constructivism // International Studies Review. 2003. № 3 (5). P. 325–342; The Social Construction of State Power: Applying Realist Constructivism / ed. by J.S. Barkin. Bristol: Bristol University Press, 2020. 246 p.

- государства – основные акторы международных отношений;
- решающую роль в международных отношениях играет фактор силы (мощи) государства;
- система международных отношений анархична;
- поведение государств в этой системе мотивировано собственными (национальными) интересами;
- национальные интересы формулируются (конструируются) политическими элитами государств в соответствии с их пониманием государства (в том числе его идентичности) и картиной мира и в этом смысле представляют собой социальные конструкты;
- чтобы упорядочить взаимодействие в анархичной международной среде, государства (агенты) создают (конструируют) нормы, институты и коллективные идентичности, которые также выступают социальными конструктами;
- агент и структура находятся в диалектической взаимосвязи и постоянно конструируют друг друга[158].

Методология исследования. При исследовании политики государства в области безопасности автор придерживается конструктивистской парадигмы, которая, если перефразировать максиму А. Вендта, предполагает, что «безопасность – это то, что из нее делают государства»[159]. Это обстоятельство предопределило выбор наработок Копенгагенской школы, в том числе теории секьюритизации[160], в качестве теоретико-методологического инструментария исследования политики государства в области безопасности среднего уровня. Таким образом, в основе методологии исследования лежит понимание политики государства в области безопасности как совокупности

[158] Wendt A.E. The Agent-Structure Problem in International Relations Theory // International Organization. 1987. № 3 (41). P. 335–370.
[159] Wendt A. Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politics // International Organization. 1992. Vol. 46. No. 2. P. 391–425.
[160] См. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p.

«слова и дела» – дискурсивных практик (де)секьюритизации и конкретных мер государственной политики.

Тем не менее теория секьюритизации лишь фиксирует, *кто и каким образом конструирует угрозы и определяет ответные меры*, но не стремится раскрыть *мотивацию* акторов в этом процессе. Чтобы наиболее полно ответить на поставленный исследовательский вопрос и оценить влияние различных движущих сил на формирование политики государства в области безопасности, автор привлекает дополнительный теоретико-методологический инструментарий среднего уровня. Например, концепции онтологической безопасности[161] (при анализе национальных политик арктических государств в области региональной безопасности) и сообществ безопасности[162] (при исследовании макрорегиональных процессов в области безопасности в Арктике).

Кроме того, при анализе дискурсов безопасности автор дополняет теорию секьюритизации, которая изначально ориентирована на идентификацию *экзистенциальных угроз* безопасности, трехчастной типологией *проблем* безопасности «угрозы-вызовы-риски»[163]. Такой подход позволяет получить более нюансированную картину представлений государств о ситуации в области безопасности, сохранив при этом понимание безопасности как социального конструкта.

В качестве **методов** исследования автор использует как общенаучные – индукцию и дедукцию, анализ и синтез, сравнение и обобщение –, так и специальные – качественно-количественный контент-анализ (для официальных документов и выступлений), кейс-стади и сравнительно-исторический метод (при выявлении и сопоставлении траекторий эволюции и особенностей политик отдельных арктических государств в области

---

[161] См. Mitzen J. Ontological Security in World Politics: State Identity and the Security Dilemma // European Journal of International Relations. 2006. Vol. 12, No. 3. P. 341–370; Steele B.J. Ontological Security in International Relations: Self-Identity and the IR State. London; New York: Routledge, 2008. 224 p.

[162] См. Adler E., Barnett M. Security Communities. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 459 p.

[163] См. Звягельская И.Д., Наумкин В.В. Угрозы, вызовы и риски «нетрадиционного» ряда (Центральная Азия) // Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. М.: РОССПЭН, 2002. С. 429-450.

региональной безопасности). Выборка для кейс-стади составила десять субъектов: восемь государств и два автономных образования. Единицей контент-анализа выступали *речевой акт (де)секьюритизации* и/или *декларируемые (ответные) меры госполитики*. По результатам контент-анализа источниковой базы исследования автором составлена база данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.»[164] (*Рисунок 0.1*).

Государство	Год	Документ	Тип документа	Сфера действия документа	Принявший институт власти	Степень секьюритизации	Десекьюритизация	Объект защиты 1	Об
Россия	2008	Основы государственн	Основы государ	Арктика	Президент	N/A	1	Арктика	
Россия	2008	Основы государственн	Основы государ	Арктика	Президент	N/A		Россия	государств
Россия	2008	Основы государственн	Основы государ	Арктика	Президент	вызов		природная среда Арктики	
Россия	2008	Основы государственн	Основы государ	Арктика	Президент	риск		N/A	
Россия	2008	Основы государственн	Основы государ	Арктика	Президент	N/A	1	добрососедские отношения России с прил	
Россия	2008	Основы государственн	Основы государ	Арктика	Президент	N/A		безопасность судоходства	
Россия	2008	Основы государственн	Основы государ	Арктика	Президент	риск		территории	население
Россия	2008	Основы государственн	Основы государ	Арктика	Президент	N/A		Россия	государств
Россия	2008	Основы государственн	Основы государ	Арктика	Президент	N/A		Россия	государств
Россия	2008	Основы государственн	Основы государ	Арктика	Президент	N/A		Россия	государств
Россия	2008	Основы государственн	Основы государ	Арктика	Президент	риск		Россия	государств
Россия	2008	Основы государственн	Основы государ	Арктика	Президент	N/A		Россия	государств
Россия	2008	Основы государственн	Основы государ	Арктика	Президент	N/A		Россия	государств
Россия	2008	Основы государственн	Основы государ	Арктика	Президент	вызов		биологическое разнообразие арктической	
Россия	2008	Основы государственн	Основы государ	Арктика	Президент	N/A		N/A	
Россия	2008	Основы государственн	Основы государ	Арктика	Президент	N/A		окружающая природная среда	
Россия	2008	Основы государственн	Основы государ	Арктика	Президент	N/A		окружающая природная среда	население

Рисунок 0.1. Фрагмент базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Источник: составлено автором.

Источниковую базу исследования составляют три группы текстовых артефактов, которые транслируют официальный дискурс государства:

1) стратегические, концептуальные, доктринальные и нормативно-правовые документы восьми арктических государств и их автономных образований в области арктической, внешней и оборонной политики, а также политики в области безопасности;
2) доклады правительств, профильных комитетов и комиссий парламентов и органов безопасности, в которых затрагиваются вопросы безопасности в Арктике;

[164] База данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.» // Репозиторий МГИМО. URL: https://open.mgimo.ru/handle/123456789/24485.

3) выступления и заявления глав государств и правительств, профильных министров и руководителей органов безопасности, касающиеся вопросов безопасности в Арктике.

Новизна исследования заключается в следующем:

1) разработан *комплексный теоретико-методологический подход* к исследованию политики арктических государств в области региональной безопасности, основанный на реалистском конструктивизме и сочетающий теории секьюритизации и сообществ безопасности, концепции государственной идентичности, стратегической культуры и онтологической безопасности, а также расширенное понятие безопасности, что позволило преодолеть ограниченность неореалистских и либерально-институционалистских подходов к исследованию проблем безопасности в Арктике;
2) предложен и апробирован методологический инструментарий для *комплексного анализа политики государства в области безопасности*, учитывающий военно-политические и невоенные аспекты в совокупности, что позволило преодолеть дихотомию военно-политического/невоенного понимания безопасности;
3) впервые проведен *комплексный сравнительный анализ* политик восьми арктических государств и двух датских автономных образований в области региональной безопасности после холодной войны, охватывающий дискурсивное и практическое измерения в военно-политической и невоенной сферах на национальном и макрорегиональном уровнях, что дало возможность проследить паттерны их эволюции;
4) впервые проведен *кросс-страновой качественно-количественный контент-анализ* стратегических, концептуальных, доктринальных и нормативно-правовых документов восьми арктических государств и двух датских автономных образований

в области региональной безопасности после холодной войны, что позволило выявить как национальную специфику, так и общерегиональные закономерности процессов (де)секьюритизации в военно-политической и невоенной сферах;

5) предложена авторская интерпретация эволюции отношений между арктическими государствами в области региональной безопасности после холодной войны как *сообщества невоенной безопасности*, которая выступает эпистемологически перспективной альтернативой концепциям «арктической исключительности» и «комплексной взаимозависимости».

Э**мпирическая новизна** диссертации заключается в следующем:

1) представлена *оригинальная методика анализа* стратегических, концептуальных, доктринальных и нормативно-правовых документов арктических государств и их автономных образований в области арктической, внешней и оборонной политики, а также политики в области безопасности на предмет (де)секьюритизации субъектов, объектов, явлений или вопросов в контексте Арктики, позволяющая проводить сравнительные качественно-количественные исследования;
2) на основе этой методики собрана база данных *«Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.»*, которая содержит массив речевых актов (де)секьюритизации и декларируемых (ответных) мер государственной политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике и служит ценным аналитическим и прогностическим инструментом;
3) на основе собранных данных для каждого арктического государства и двух датских автономных образований рассчитан

авторский *индекс секьюритизации*, который позволяет измерить интенсивность восприятия проблем безопасности отдельным государством и/или его автономным образованием как в статике, так и в динамике, в сфере как военно-политической, так и невоенной безопасности, а также дает возможность проводить сравнительные исследования;

4) также на основе собранных данных для каждого арктического государства и двух датских автономных образований определен профиль (де)секьюритизации и декларируемых (ответных) мер государственной политики, который включает сферу и уровень безопасности, декларируемые объекты защиты и источники опасности.

Теоретическая значимость исследования определяется вкладом в научное осмысление международных отношений в области безопасности в Арктике через выявление траекторий эволюции политики арктических государств в области региональной безопасности, а также роли структурных, эндогенных, материальных и идеационных движущих сил в этом процессе. Кроме того, раскрывается потенциал реалистского конструктивизма для объяснения траектории и логики трансформации политики арктических государств в области безопасности в Арктике после холодной войны на национальном и макрорегиональном уровнях. Наконец, предложен и апробирован методологический инструментарий для комплексного анализа политики государства в области безопасности, учитывающий военно-политические и невоенные аспекты в совокупности.

Диссертационное исследование также имеет и **практическую значимость**, поскольку дает более полное и глубокое понимание национальных политик арктических государств в области безопасности в Арктике. Собранная база данных и рассчитанный на ее основе индекс арктической секьюритизации служат ценными аналитическими инструментами для оценки ситуации в области региональной безопасности, а

результаты исследования в целом позволяют прогнозировать ее дальнейшее развитие и в соответствии с этим адаптировать политику России в Арктике.

По результатам проведенного исследования автор **выносит на защиту следующие положения:**

1. Траекторию эволюции российской политики в области безопасности в Арктике можно описать как постепенное «наслаивание» региональной военно-политической составляющей на устойчивую национальную социально-экономическую и эколого-климатическую основу при растущей роли морской безопасности. Наиболее иллюстративной в этом отношении представляется дилемма между усилением национального контроля над СМП и его интернационализацией по мере развития транспортного маршрута. Поскольку для России Арктика – часть государственной идентичности и один из компонентов статуса великой державы, государственная политика в области региональной безопасности охватывает широкий спектр проблем военно-политического и невоенного характера. Начиная с 2008 г. на фоне общей ремилитаризации Арктики в российском дискурсе усиливается интенсивность арктической секьюритизации во всех сферах безопасности, особенно в военно-политической. Одновременно Север сохраняет для России значение социо-гуманитарного и экономического пространства – места для жизни и развития и ресурсной базы, от которой во многом зависит благосостояние страны и ее глобальная конкурентоспособность.
2. В политике США в области безопасности в Арктике как в дискурсивном, так и в практическом измерениях прослеживается растущая военно-политическая составляющая. Для США способность играть в Арктике ведущую роль – один из компонентов статуса великой державы и глобального лидера, что диктует стремление Вашингтона к наращиванию военно-политического

присутствия в этом регионе. Одновременно эволюция американской секьюритизации характеризуется преимущественно региональной направленностью, все большей концентрацией на защите и развитии инфраструктуры, а также растущей «персонификацией» опасности в лице России и Китая.

3. Политика Канады в области безопасности в Арктике характеризуется совокупностью интенсивной национально-ориентированной невоенной и военно-политической секьюритизации при преимущественно военном характере декларируемых ответных мер. Оттава продолжительное время акцентирует свой «арктический суверенитет», что связано с фундаментальным значением Арктики для национальной и государственной идентичности Канады. Во внутренней политике эта тема используется в межпартийной борьбе применительно к проблематике отношений Канады и США, а во внешней актуализируется в контексте противодействия военным и гибридным угрозам.
4. Дискурс и практика Норвегии в области безопасности в Арктике эволюционировали от преимущественно эколого-общественного профиля на рубеже 2000-2010-х гг. до военно-политического в 2020-х гг. В то же время в норвежской политике сохраняется интенсивная невоенная секьюритизация в сферах климатической, морской и общественной безопасности. Осло воспринимает Крайний Север / Арктику как неотъемлемую часть государственной идентичности и ключевое направление внутренней и внешней политики, главной целью которых декларируется поддержание региональной стабильности и низкой напряженности. Достижение этой цели в условиях секьюритизации России как источника опасности в 2020-х гг. в логике Норвегии предполагает усиление национальной обороноспособности, а также статуса ценного «арктического союзника» в НАТО.

5. Финляндия позиционирует себя как «арктическая сверхдержава», что выражает не только растущее значение Арктики для национальной политики в области безопасности, но и стремление повысить собственный региональный и союзнический (в восприятии США) статус. С конца 2000-х до середины 2020-х гг. в политике Финляндии в области безопасности в Арктике усиливается интенсивность региональной военно-политической секьюритизации при сохранении значительной эколого-общественной составляющей дискурса и практики. Вступление в НАТО стало логичным итогом эволюции политики Хельсинки в области безопасности после холодной войны и проявлением финской стратегической культуры в условиях меняющейся военно-политической среды.
6. В результате активного регионального сотрудничества между арктическими государствами после холодной войны в Арктике сформировалось региональное сообщество невоенной безопасности. Этому способствовали общность проблем невоенной безопасности, меры укрепления доверия между арктическими державами, их «социальное обучение» через многостороннее сотрудничество в области невоенной безопасности и создание общих норм, а также конструирование коллективной идентичности. Устойчивости арктического сообщества невоенной безопасности до 2022 г. способствовали воспроизводство участниками коллективной арктической идентичности и обеспечиваемое ею чувство онтологической безопасности, а также общность интересов при умеренном антагонизме интересов, проистекающих из неарктических компонентов государственной идентичности. Тем не менее эскалация противоречий между военно-политическими и ценностно-идеологическими интересами России и западных государств, определяемыми другими «слоями» государственной идентичности, не связанными с Арктикой, показала пределы

устойчивости регионального сообщества невоенной безопасности к внешним вызовам и приостановила его развитие.

7. В первой четверти XXI в. Арктика все более воспринимается государствами региона как зона вызовов в области военно-политической безопасности при незначительном снижении значения и сохранении интенсивности восприятия невоенных проблем. После 2022 г. в Арктике можно наблюдать «эффект перелива» нерегиональных военно-политических проблем в общерегиональную институционализированную повестку дня, ориентированную преимущественно на вопросы невоенной безопасности. В таких условиях взаимодействие по невоенным вопросам становится крайне затруднительным, однако «чувство принадлежности» к сообществу арктических государств и осознание общности интересов в области региональной невоенной безопасности способствуют сохранению институциональных и нормативных рамок сотрудничества по невоенным вопросам, которые сформировались в Арктике после холодной войны.

Апробация результатов исследования. Отдельные аспекты диссертационного исследования раскрыты в публикациях автора общим объемом 6,59 п.л.:

В научных изданиях, индексируемых в международных базах данных, журналах из списка RSCI и Перечня ВАК:

1. Липунов Н.С. Перспективные направления арктической политики администрации Дж. Байдена / Н.С. Липунов // Россия и Америка в XXI веке. – 2021. – Спецвыпуск. DOI: https://doi.org/10.18254/S207054760018179-3 (ВАК, К2; 0,35 п.л.).
2. Липунов Н.С. Арктическое измерение оборонной политики Канады / Н.С. Липунов // Россия и Америка в XXI веке. – 2024. – № 8. DOI: https://doi.org/10.18254/S207054760032150-2 (ВАК, К2; 0,5 п.л.).

3. Липунов Н.С. Образы Северного морского пути в российском официальном дискурсе (2008–2024) / Н.С. Липунов // Международная аналитика. – 2025. – Т. 16. – № 1. – С. 78-98. DOI: https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-1-78-98 (RSCI, ВАК, К2; 1 п.л.).
4. Липунов Н.С. Роль стратегической культуры в формировании политики малых государств в области безопасности (на примере Финляндии в 1990-2020-х гг.) / Н.С. Липунов // Международные процессы. – 2025. – Т. 23. – № 1. – С. 39-62. DOI: https://doi.org/10.46272/IT.2025.23.1.80.2 (Scopus, ВАК, К1; 1,8 п.л.).
5. Липунов Н.С. Малые «арктические сверхдержавы»: технологические компетенции в Арктике как символический капитал в стратегических культурах Норвегии и Финляндии / Н.С. Липунов // Международная аналитика. – 2026. – Т. 17. – № 2. – С. 139–155. DOI: https://doi.org/10.46272/2587-8476-2026-17-2-139-155 (RSCI, ВАК, К2; 1,14 п.л.).

Дополнительно (публикации, проиндексированные в РИНЦ, eLibrary и SSRN):

6. Липунов Н.С. Арктическое эхо украинского кризиса / Н.С. Липунов // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2023» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, Е.И. Зимакова. [Электронный ресурс] – М.: МАКС Пресс, 2023. ISBN 978-5-317-06952-0. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2023/data/28531/158297_uid808750_report.pdf (0,1 п.л.).
7. Липунов Н.С. Институты сотрудничества в области безопасности и обороны в Северной Европе в начале 2020-х гг. / Н.С. Липунов // Перспективы преодоления внешних вызовов и угроз на Севере Европы и в Арктике: сборник научных трудов участников Первого научно-практического межрегионального форума с международным участием

«Арктика – наш общий дом». Петрозаводск, Республика Карелия, Россия, 22–24 мая 2024 года / М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. Образования Петрозав. гос. ун-т; [редкол. : В.А. Шлямин (отв. ред.), Д.А. Данилов, А.А. Сергунин]. – Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2024. – С. 71-82. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=80199874 (0,75 п.л.).

8. Липунов Н.С. Россия — Норвегия: лед тронулся? / Н.С. Липунов // Российский совет по международным делам. – 30 октября 2021 года. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/arcticpolicy/rossiya-norvegiya-lyed-tronulsya/ (0,2 п.л.).
9. Липунов Н.С. Крайне северная оборона: как Лондон планирует защищать свои интересы в Арктике / Н.С. Липунов // Российский совет по международным делам. – 15 апреля 2022 года. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/krayne-severnaya-oborona-kak-london-planiruet-zashchishchat-svoi-interesy-v-arktike/ (0,25 п.л.).
10. Липунов Н.С. НАТО в гостях у Санты / Н.С. Липунов // Российский совет по международным делам. – 16 сентября 2024 года. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nato-v-gostyakh-u-santy/ (0,3 п.л.).
11. Lipunov N. Russian-Chinese Cooperation in the Arctic in the Era of Interpower Rivalry / N. Lipunov // SSRN. — 2025. — URL: https://ssrn.com/abstract=5284477 (0,1 п.л.).
12. Lipunov N. Food Security in the Arctic Region: Challenges and Prospects / N. Lipunov // SSRN. — 2025. — URL: https://ssrn.com/abstract=5282779 (0,1 п.л.).

Отдельные аспекты диссертации были представлены в ходе выступлений на российских, зарубежных и международных научных форумах, конференциях, круглых столах и семинарах:

1. Доклад *«Перспективные направления арктической политики администрации Дж. Байдена»*. Круглый стол «США в 2021 году», Институт США и Канады РАН, г. Москва, 21 октября 2021 г.
2. Доклад *'Arctic Security Narratives'*. Регулярный исследовательский семинар аспирантов, Александровский институт, Университет Хельсинки, г. Хельсинки (Финляндия), 14 марта 2022 г.
3. Доклад *«Оборонное сотрудничество стран Северной Европы в условиях конфронтации России и Запада: между NORDEFCO и НАТО»*. XIV Конвент Российской ассоциации международных исследований (РАМИ), секция «Скандинавско-Балтийский регион в новой международно-политической реальности», г. Москва, 14 октября 2022 г.
4. Доклад *«Отношения Канады и НАТО на современном этапе»*. 19-я международная научная конференция Института США и Канады РАН и Российского общества изучения Канады (РОИК) «Канада 2022: история и современность», г. Москва, 25 ноября 2022 г.
5. Доклад *«Арктическое эхо украинского кризиса»*. XXX Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов», МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, 13 апреля 2023 г.
6. Доклад *«Милитаризация Арктики: подходы России и западных государств»*. Международная конференция молодых ученых «Регионы и пространства: где начинаются и заканчиваются границы», Институт мировой экономики и международных отношений РАН, г. Москва, 20 апреля 2023 г.
7. Доклад *«Арктическое измерение оборонной политики Канады»*[165]. 20-я международная научная конференция Института США и Канады РАН и Российского общества изучения Канады (РОИК) «Канада 2023: история и современность», г. Москва, 24 ноября 2023 г.
8. Доклад *«Противодействие гибридным угрозам: опыт Финляндии»*. II Санкт-Петербургский конгресс исследователей международных

[165] Доклад занял 1-е место на конкурсе «Школы молодого канадоведа».

отношений, секция «Противодействие иностранному вмешательству: международный опыт», СПбГУ, г. Санкт-Петербург, 26 апреля 2024 г.

9. Доклад *«Стратегическая культура Финляндии»*. Семинар «Актуальные проблемы международно-политической обстановки на Севере Европы», Институт международных исследований МГИМО МИД России, г. Москва, 13 мая 2024 г.
10. Доклад *«Военно-политическая безопасность в Арктическом регионе: текущая ситуация и перспективы»*. Первый научно-практический межрегиональный форум с международным участием «Арктика — наш общий дом», ПетрГУ, г. Петрозаводск, 22–24 мая 2024 г.
11. Доклад *«Арктическое наследие администрации Дж. Байдена»*. Всероссийская научная конференция молодых ученых и аспирантов «США в 2024 году», Институт США и Канады РАН, г. Москва, 24–25 октября 2024 г.
12. Доклад *«Эволюция политики Норвегии в области безопасности в Арктике в первой четверти XXI века»*. III Международная научная конференция «Арктика в современной мировой политике», Институт США и Канады РАН и Институт Европы РАН, г. Москва, 18 февраля 2025 г.
13. Доклад *«Продовольственная безопасность в Арктическом регионе: вызовы и перспективы»*. Круглый стол «Продовольственная безопасность: региональные аспекты», Научный центр мирового уровня «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала», МГИМО МИД России, г. Москва, 10 марта 2025 г.
14. Доклад *«Милитаризация Евроарктического региона: назад к холодной войне?»*. Круглый стол «Милитаризация Европейского союза: от риторики к реальности?», Институт международных исследований МГИМО МИД России, г. Москва, 23 апреля 2025 г.

Кроме того, автором составлена база данных *«Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области*

безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.», которая составила основу эмпирической базы диссертационного исследования[166]. Она содержит текстовые фрагменты из:

а) стратегических, концептуальных, доктринальных и нормативно-правовых документов восьми арктических государств и их автономных образований в области арктической, внешней и оборонной политики, а также политики в области безопасности;

б) докладов правительств, профильных комитетов и комиссий парламентов и органов безопасности;

в) выступлений и заявлений глав государств и правительств, профильных министров и руководителей органов безопасности, в которых эксплицитно или имплицитно обозначаются угрозы, вызовы и риски безопасности в Арктическом регионе и ответные меры государственной политики за период с 1989 по 2026 гг.

В базу данных также включались текстовые фрагменты, в которых присутствуют попытки десекьюритизации отдельных субъектов, объектов, явлений или вопросов в контексте Арктики со стороны региональных держав и их автономных образований. Размер базы составил 1123 строки.

Структура диссертации включает введение, три главы, заключение, список сокращений и условных обозначений, список источников и литературы, а также приложения.

Во ***введении*** обосновывается актуальность темы исследования, проводится обзор литературы, подробно излагается исследовательский дизайн, в том числе цели и задачи, а также приводятся основные выводы работы.

В ***первой*** главе раскрываются теоретико-методологические основы исследования проблем безопасности в Арктике. Сначала автор представляет

[166] База данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.» // Репозиторий МГИМО. URL: https://open.mgimo.ru/handle/123456789/24485.

эволюцию теоретических подходов к понятию безопасности в исследованиях международных отношений в целом и в Арктике в частности – от «традиционных» к «расширительным» и «углубительным». Далее раскрывается теоретико-методологический инструментарий исследования политики отдельного государства в области безопасности с учетом процессов (де)секьюритизации, а также государственной идентичности, онтологической безопасности и стратегической культуры. Наконец, вырабатывается теоретико-методологический инструментарий для анализа макрорегиональных тенденций в области безопасности в Арктике после холодной войны в русле реалистского конструктивизма.

Вторая глава посвящена генезису и эволюции политик арктических государств в области безопасности в Арктике. Сперва оценивается роль идеационных эндогенных движущих сил в процессе формирования и эволюции национальных политик арктических государств в области региональной безопасности. Затем в политике каждого из восьми арктических государств в области региональной безопасности определяются динамика интенсивности и паттерны (де)секьюритизации. Далее анализируются направленность и содержание декларируемых и практических (ответных) мер национальных политик арктических государств в области безопасности в Арктике.

В ***третьей*** главе оцениваются степень и пределы влияния сообщества невоенной безопасности на макрорегиональную динамику в области безопасности в Арктике после холодной войны. Затем на основе результатов исследования политик отдельных арктических государств автор выявляет макрорегиональные паттерны (де)секьюритизации и тенденции в области безопасности в Арктике в военно-политическом и невоенном измерениях.

В ***заключении*** отражены основные результаты диссертационного исследования. ***Список сокращений и условных обозначений*** призван облегчить восприятие текста для читателя. ***Список источников и литературы*** отражает эмпирическую и академическую основы исследования

и служит для верификации его результатов. В ***приложениях*** содержится дополнительная информация о ходе проведения исследования.

Глава 1. Проблемы безопасности в Арктике: теоретико-методологические аспекты

Цель главы – раскрыть теоретико-методологические основы диссертационного исследования. Сначала прослеживается эволюция теоретических подходов к понятию безопасности в международно-политических исследованиях в целом и в Арктике – в частности. Далее раскрывается теоретико-методологический инструментарий исследования политики отдельного государства в области безопасности с учетом процессов (де)секьюритизации, а также государственной идентичности и онтологической безопасности. Наконец, вырабатывается оптимальный теоретико-методологический инструментарий для анализа макрорегиональных тенденций в области безопасности в Арктике после холодной войны в русле реалистского конструктивизма.

1.1. Эволюция теоретических подходов к понятию безопасности в Арктике: *от «традиционных» к «расширительным» и «углубительным»*

На протяжении столетий понятие «безопасность» остается одним из базовых концептов для политической философии и социо-гуманитарных наук, особенно политологии и международных отношений. Причина этого, в конечном счете, кроется в экзистенциальном характере проблем безопасности для человека, общества и государства. По мере усложнения социальных взаимодействий и научно-технологического развития проблемы безопасности становятся сложнее и многограннее. Необходимость научного осмысления таких трансформаций, в том числе для фундаментальных и прикладных международно-политических исследований, порождает непрекращающиеся академические дискуссии вокруг сущности и содержания понятия безопасности.

В целях дальнейшего исследования будет уместным сперва обратиться к историко-лингвистическим аспектам вопроса, чтобы затем проследить эволюцию теоретических подходов к понятию «безопасность» в международно-политических исследованиях в целом.

Английское слово 'security' этимологически восходит к латинскому “sēcūritās”. Помимо непосредственно «безопасности» у этого слова есть несколько значений, первоначальное из которых – состояние беззаботности и душевного спокойствия[167]. Наиболее вероятным «автором» этого слова на латыни считается древнеримский государственный деятель и мыслитель М.Т. Цицерон[168], употреблявший его в контексте отдельной личности как некое морально-психологическое состояние внутренней стабильности и умиротворенности, к которому надлежит стремиться каждому человеку. В общественной же коннотации Цицерон использовал слово “salus” – например, в ставшем афористическим изречении «благо народа – высший закон» (лат.

[167] Securitas // Латинско-русский словарь. URL: https://la-rus-dict.slovaronline.com/50689-securitas.
[168] Neocleous M. Securitati perpetuae: Death, fear and the history of insecurity // Radical Philosophy. No. 206. Winter 2019. P. 21.

salus populi suprema lex), где «благо» подразумевает в том числе и обеспечение публичной безопасности[169].

С крушением Римской республики различие между личным “sēcūritās” и общественным “salus” постепенно размывается. Некоторые философы, например Л.А. Сенека, начинают напрямую увязывать личную безопасность с государственной[170]. На римских монетах имперского периода начинают чеканить слова “sēcūritās” и “securitati perpetuae” (лат. «вечная безопасность»), что указывает на обобществление и, как следствие, политизацию понятия безопасности[171].

Впоследствии вопросы взаимосвязи безопасности человека, общества и государства становятся одними из ключевых для политико-философской и международно-политической мысли. Значительное влияние на материалистско-эмпирическое понимание концепта «безопасность»[172] и представления о центральной роли государства в ее обеспечении оказал английский философ Т. Гоббс. В своем наиболее известном трактате «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» он последовательно развивает мысль о том, что лишь государство способно обеспечить безопасность, порядок и стабильность в обществе[173]. Будучи пессимистично настроенным в отношении человеческой природы[174], Т. Гоббс считал, что для ограничения своей абсолютной свободы люди вступают в общественный договор, посредством которого и образуется государство. По мнению мыслителя, хотя оно и служит гарантом внутренней безопасности, для обеспечения внешней у государства не всегда хватает

[169] Ibid.
[170] Neocleous M. Securitati perpetuae: Death, fear and the history of insecurity // Radical Philosophy. No. 206. Winter 2019. P. 21.
[171] Manders E. Coining Images of Power: Patterns in the Representation of Roman Emperors on Imperial Coinage, A.D. 193-284. Leiden: Brill, 2012. P. 205–211.
[172] Как состояния физической защищенности субъекта от внешних угроз.
[173] Подробнее см. Szczurek T., Gornikiewicz M. Security in the Philosophical Thought of Thomas Hobbes // European Research Studies Journal. 2025. Vol. XXVIII. No. 1. P. 67-78.
[174] Достаточно вспомнить его представления о «естественном состоянии» человечества до образования государства как «войне всех против всех» (лат. *Bellum omnium contra omnes*).

ресурсов, из чего следует необходимость заключать международные соглашения.

Вестфальские мирные договоры 1648 г.[175], заключенные за несколько лет до первой публикации «Левиафана» Т. Гоббса, де-юре закрепили понятие государственного суверенитета, то есть верховенства государства[176] на своей территории[177]. Обеспечение безопасности, следовательно, стало исключительной прерогативой государства, а сами суверенные государства прочно заняли центральное положение в новой системе международных отношений, основанной на равноправии ее субъектов[178]. Таким образом, Вестфальские договоры заложили первые «блоки» в фундамент современного международного права.

Представления Т. Гоббса о государстве как единственном гаранте безопасности общества и человека, а также идеи о прямой взаимосвязи вопросов безопасности и суверенитета[179], вытекающие из Вестфальских договоров, оказали непосредственное влияние на теоретические подходы к проблемам безопасности на этапе формирования международно-политического «научного канона» в середине XX в. По сути, эти идеи стали философскими основаниями политического реализма[180]. Фокус представителей этого направления на стремлении государств к выживанию и сохранению суверенитета и территориальной целостности предопределил их военно-политическое понимание концепта безопасности. Впоследствии в международно-политической литературе такой тип безопасности стали именовать «традиционным / жестким (англ. *hard*)». В силу его

---

[175] Оснабрюкский и Мюнстерский.

[176] Или, иначе, государственной власти.

[177] Вестфальские договоры закрепляли право государства на территорию и верховенство, что, по сути, означает государственный суверенитет. Олицетворением такого суверенитета в то время выступала личность монарха.

[178] Иными словами, суверенном равенстве. Ср. п. 1 ст. 2 Устава ООН. URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text.

[179] При которой государственный суверенитет выступает главным референтным объектом безопасности.

[180] Например, классики политического реализма переложили идею Гоббса о «естественном состоянии» человечества до появления государственной власти на международную систему. По их мнению, в отсутствие верховной власти она имеет анархичный характер. См., например, Carr E.H. The Twenty Years' Crisis, 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations. London: Macmillan, 1939. P. 62; Morgenthau H.J. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. New York: Alfred A. Knopf, 1948. P. 13.

государствоцентричного характера также нередко используется термин «национальная безопасность»[181].

С появлением ядерного оружия и совершенствованием средств его доставки от международно-политических постепенно обособились стратегические исследования (англ. *strategic studies*). Представители этого направления рассматривали проблемы безопасности через призму военной стратегии и доктрины, опираясь при этом на теорию игр[182]. Особое внимание они уделяли роли ядерного оружия и вопросам сдерживания (англ. *deterrence*)[183].

Реалистский подход к безопасности почти безраздельно доминировал в международных исследованиях вплоть до 1970–1980-х гг. Во многом этому способствовала логика биполярного противостояния холодной войны и преимущественно военно-политическая природа проблем в области безопасности. Процесс деколонизации, развитие международных институтов, рост глобального внимания к проблемам экологии и политико-экономические последствия нефтяных кризисов 1970-х гг. – все эти обстоятельства дали импульс переосмыслению теоретических подходов к безопасности в международно-политических исследованиях. По значимости для политологической дисциплины дискуссии о реконцептуализации безопасности можно уподобить «великим дебатам» в теории международных отношений[184].

Один из аспектов этой дискуссии был связан с формированием неолиберальных подходов к международно-политическим исследованиям, в том числе нескольких теорий среднего уровня. Например, американские политологи Р. Кохейн и Дж. Най выдвинули теорию «комплексной

---

[181] Впоследствии понятие «национальная безопасность» стало охватывать не только военно-политические аспекты – рассмотрим это далее.

[182] См., например, Schelling T.C. The Strategy of Conflict. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1960. 309 p.; Schelling T.C. Arms and Influence. New Haven; London: Yale University Press, 1966. 293 p.

[183] См., например, Kissinger H.A. Nuclear Weapons and Foreign Policy. New York: Harper & Brothers, 1957. 455 p.; Snyder G.H. Deterrence and Defense: Toward a Theory of National Security. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1961. 309 p.

[184] См., например, Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1998. P. 1.

взаимозависимости» (англ. *complex interdependence*)[185]. По их мнению, безопасность обеспечивается не только сдерживанием, но и через сотрудничество, в том числе в рамках международных институтов[186].

Другой – и гораздо более теоретически значимый – аспект непосредственно касался переосмысления концепта «безопасность». Как научную проблему его впервые сформулировал американский исследователь Р. Уллман[187]. Он раскритиковал реалистский подход к национальной безопасности как слишком узкий и сосредоточенный лишь на военных угрозах. Взамен Р. Уллман призвал учитывать широкий спектр невоенных угроз и предложил рассматривать безопасность как защищенность от «действий или цепочек событий», которые могут быстро снизить уровень жизни или ограничить свободу действий правительства либо НПО этого государства[188]. Британский исследователь Б. Бузан предложил «расширительную» (англ. *widening*) типологию угроз безопасности по пяти секторам: военному, политическому, экономическому, общественному и экологическому[189]. Кроме того, он впервые выдвинул идею «углубления» (англ. *deepening*) концепта безопасности через его анализ на нескольких уровнях: индивида[190], государства, международном и глобальном[191]. Такая «иерархия» позволяет учитывать более широкий круг акторов в сфере безопасности – например, (М)НПО или ММПО –, тем самым лишая государство «монополии»[192].

Одной из главных мировых площадок для академических дискуссий по международно-политическим проблемам безопасности – и саморефлексии представителей дисциплины – в 1980-х гг. стал журнал Гарвардского

---

[185] Keohane R.O., Nye J.S. Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston: Little, Brown and Company, 1977. 290 p.
[186] Ibid., p. 24.
[187] Ullman R.H. Redefining Security // International Security. 1983. Vol. 8, No. 1. P. 129–153.
[188] Ibid., p. 133.
[189] Buzan B. People, States and Fear: The National Security Problem in International Relations. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1983. 262 p.
[190] В 1990-х гг. воплощением этой идеи стала концепция «безопасности человека» (англ. *human security*) – рассмотрим ее далее.
[191] Buzan B. Op. cit., p. 19.
[192] Хотя и признавая его объективно ключевую роль в обеспечении безопасности.

университета ‘International Security’[193]. В 1988 г. Дж. Най, один из соучредителей издания, провел обзорную научную конференцию, чтобы оценить состояние исследований в области международной безопасности. По ее итогам Дж. Най вместе с Ш.М. Линном-Джоунсом подготовили доклад, в котором выделили основные тенденции в этой сфере и пробелы в научном знании, а также дали рекомендации для будущих исследований[194]. Авторы констатировали доминирование реализма в исследованиях в области международной безопасности начиная со Второй Мировой войны. В условиях растущего числа невоенных и транснациональных угроз, таких как экономическая нестабильность, кризисы на энергетических рынках, проблемы экологии, миграции, терроризма и т.д., исследователи призвали включить их в предметное поле безопасности. При этом, по их мнению, расширение концепта должно проходить аналитически строго, чтобы не допустить его размывания. В завершение Дж. Най и Ш.М. Линн-Джоунс сформулировали пять рекомендаций для более теоретически и практически значимых исследований: концептуальная ясность; междисциплинарность; опора на данные; применимость выводов на практике; гибкое использование различных теоретических парадигм[195].

«Великие дебаты» 1980-х гг. о расширении и углублении понятия безопасности привели к зарождению в 1990-х гг. новых научных школ в этой области в русле критических, конструктивистских, постструктуралистских и либеральных подходов. Одной из дополнительных эмпирических предпосылок такой эволюции стало окончание холодной войны и временное смещение фокуса внимания политиков и экспертно-академического сообщества с «традиционных» – военно-политических – проблем безопасности на «нетрадиционные» – невоенные.

---

[193] На момент написания диссертации журнал по-прежнему удерживает позиции одного из ведущих мировых академических изданий в области проблем международной безопасности.
[194] Nye J.S., Lynn-Jones S.M. International Security Studies: A Report of a Conference on the State of the Field // International Security. 1988. Vol. 12, No. 4. P. 5-27.
[195] Ibid., p. 21.

Одним из первых систематических трудов «критической волны» в международно-политических исследованиях проблем безопасности можно считать коллективную монографию под редакцией К. Краузе и М. Уильямса[196]. В главе о «расширении повестки дня исследований в области безопасности» они развивают тезисы Дж. Ная и Ш.М. Линн-Джоунса о концептуальной строгости при включении «нетрадиционных проблем» в предметное поле безопасности[197]. В продолжение темы авторы отмечают, что безопасность – не «нейтральный концепт или чисто технический вопрос выживания», а политическая практика, поскольку всегда связана с отношениями власти и легитимности[198]. Сама власть осуществляется через такую практику посредством «институционализации <…> угроз, регулирования поведения и нормализации опасности»[199]. По этой причине «расширение» повестки дня в области безопасности – это еще и политический акт[200]. В заключение К. Краузе и М. Уильямс обращают внимание на необходимость не только концептуальных, но и методологических перемен в исследованиях безопасности – например, использование дискурс-анализа или метода исторической реконструкции[201]. Также авторы призывают коллег к рефлексивности, поскольку исследования – «часть практик, составляющих безопасность»[202]. Это проявляется, к примеру, через выбор тем и терминологического аппарата для анализа. Наконец, по их мнению, важно не просто критиковать существующие парадигмы, а предлагать альтернативы[203].

---

[196] Critical Security Studies: Concepts and Cases / ed. by Krause K., Williams M.C. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997. 318 p.

[197] Krause K., Williams M.C. Broadening the Agenda of Security Studies: Politics and Methods // Critical Security Studies: Concepts and Cases / ed. by K. Krause, M.C. Williams. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997. P. 44–46.

[198] Ibid., p. 43.

[199] Ibid., p. 47. Такой подход скорее ближе к постструктурализму, поскольку резонирует с представлениями М. Фуко о безопасности как практике управления (англ. *governmentality*). Впоследствии он получил развитие в трудах представителей Парижской школы – рассмотрим их далее.

[200] Ibid., p. 42.

[201] Ibid., p. 48.

[202] ‘The analyst of security cannot stand outside the field he or she studies; our analyses are themselves part of the practices that constitute security.’ Ibid., p. 50.

[203] Ibid., p. 52.

Более глубокие теоретико-методологические вопросы «расширения безопасности» поднял американский политолог Д. Болдуин в статье ‘The Concept of Security’[204]. По его мнению, «переопределение» не меняет сам концепт безопасности, поэтому для большей аналитической строгости и ясности он предложил выделять концептуальный, нормативный и эмпирический уровни исследования. Четкая концептуализация безопасности необходима, чтобы ученые «говорили на одном языке», соотнося теорию с эмпирикой. Д. Болдуин критикует идею о том, что концепт безопасности – онтологически оспариваемый (англ. *essentially contested concept*), то есть вызывающий академические споры по своей природе. Напротив, он считает, что причина таких дискуссий кроется в недостаточной проработанности концепта[205]. Чтобы преодолеть эту проблему и операционализировать понятие, исследователь предлагает ряд характеристик (измерений) безопасности:

- кто выступает ее объектом?;
- какие ценности защищаются?;
- какая степень безопасности обеспечивается?;
- какие угрозы рассматриваются?;
- какими средствами достигается безопасность?;
- какой ценой?[206];
- на каком отрезке времени?[207]

Говоря о безопасности как ценности, Д. Болдуин отмечает, что это лишь одна из целей государства. По этой причине «инвестиции» в безопасность не могут быть неограниченными. Для определения их оптимального объема исследователь предлагает использовать принцип убывающей предельной ценности (англ. *marginal value*), при котором эффект от каждого

[204] Baldwin D.A. The Concept of Security // Review of International Studies. 1997. Vol. 23, No. 1. P. 5-26.
[205] Ibid., p. 9.
[206] Иными словами, что «приносится в жертву»?
[207] Ibid., p. 12.

последующего вложения в безопасность постепенно снижается[208]. В завершение он призывает исследователей четко концептуализировать безопасность, хотя и необязательно по всем предложенным им измерениям[209].

Основы конструктивистского подхода к проблемам безопасности изложил британский исследователь Т. Фаррелл в работе ‘Constructivist Security Studies: Portrait of a Research Program’[210]. Он показал, что социальный конструктивизм – не только нормативная теория, а целостная исследовательская программа, в том числе в области безопасности, у которой есть объяснительный потенциал. Одними из базовых конструктивистских концептов выступают социальные конструкты – *идеи*, *нормы* и *идентичности*, а одними из исходных предпосылок – *взаимное конституирование* агента (актора) и структуры и *интерсубъектность*, то есть появление и существование конструктов во взаимодействии агентов (в межсубъектном пространстве). Нормы и акторы (например, государства), сами акторы и структура (например, международная система) постоянно формируют друг друга[211]. Идентичность актора влияет на его понимание интереса (например, национального)[212]. Т. Фаррелл выделяет две основные трудности при такой эпистемологии: 1) установление существования норм (англ. *shared beliefs*) в межсубъектном пространстве[213]; 2) выявление каузальности между нормами и поведением акторов[214]. Чтобы преодолеть их, он предлагает комбинировать исторический и дискурс-анализ, а также эмпирический анализ институтов и практик[215]. Кроме того, Т. Фаррелл показывает, как конструктивизм и реализм могут «сотрудничать» и взаимно обогащать друг друга, придавая исследованию глубину. Например, конструктивизм может раскрыть, как

[208] Ibid., p. 9.
[209] Ibid., p. 18.
[210] Farrell T. Constructivist Security Studies: Portrait of a Research Program // International Studies Review. 2002. Vol. 4, No. 1. P. 49–72.
[211] Ibid., p. 50. Также см. Wendt A.E. The Agent-Structure Problem in International Relations Theory // International Organization. 1987. № 3 (41). P. 335–370.
[212] Ibid., p. 51.
[213] Ibid., p. 56.
[214] Ibid., p. 57.
[215] Ibid., p. 58.

идеационные факторы формируют структуры власти и интересы акторов, которые «реалисты принимают как данность»[216].

В 1990-х гг. сложилась одна из наиболее известных и авторитетных научных школ в области проблем безопасности – Копенгагенская. Ее интеллектуальной почвой стали «великие дебаты» о расширении предметного поля безопасности и «конструктивистский поворот» в ее исследованиях. Теоретические наработки ее основных представителей – Б. Бузана, У. Уэвера и Я. де Вилде – затрагивают различные измерения и уровни анализа безопасности. Например, пятичастная типология секторов безопасности задает методологические рамки исследования, теория секьюритизации показывает политический процесс конструирования угроз посредством речевых актов представителей власти на уровне отдельного государства[217], а теория комплексов региональной безопасности позволяет исследовать взаимодействия нескольких государств в этой сфере[218].

В результате синтеза постструктурализма и конструктивизма, в особенности наработок Копенгагенской школы, сложилась Парижская школа исследований в области безопасности. Ее представители понимают безопасность не просто как речевые акты секьюритизации, но как целое социальное поле[219] «профессионалов безопасности», в котором различные акторы конкурируют за власть определять угрозы и легитимировать меры реагирования на них[220]. Д. Биго описывал эти *практики* как «производство небезопасности»[221], а его последователи, например, Й. Хёйсманс, К. Арадау и Р. ван Мюнстер, использовали специальный термин «инсекьюритизация»,

---

[216] Ibid., p. 68. В этом отношении идеи Фаррелла созвучны подходам реалистского конструктивизма, который используется в качестве теоретической рамки диссертационного исследования. См. Barkin J.S. Realist Constructivism // International Studies Review. 2003. № 3 (5). P. 325–342.

[217] Подробно об этом см. раздел, посвященный теоретико-методологическим основам исследования политики отдельного государства в области безопасности.

[218] Раскроем ее положения в разделе, посвященном теоретико-методологическим основам исследования макрорегиональных тенденций в области безопасности в Арктике.

[219] В терминологии П. Бурдьё.

[220] Bigo D. Security and Immigration: Toward a Critique of the Governmentality of Unease // Alternatives: Global, Local, Political. 2002. Vol. 27, No. 1. P. 68.

[221] Ibid., p. 65.

делая явную отсылку к «копенгагенской» «секьюритизации»[222]. Представители Парижской школы в значительной мере опираются на фукоянское понимание власти и характеризуют безопасность как «технологию управления»[223]. В таких условиях страх становится нормой и ресурсом управления[224]. Стоит отметить, что эмпирической базой Парижской школы исследований в области безопасности служит преимущественно работа профильных структур ЕС и его государств-членов по контролю миграции и противодействию терроризму[225].

Окончание холодной войны и последующее временное снижение значимости военно-политических угроз в международных отношениях дали импульс распространению либеральных подходов к проблемам безопасности. Их квинтэссенцией стала антропоцентричная концепция «безопасности человека» (англ. *human security*)[226], которая интеллектуально опирается на гуманистическую философскую традицию, в том числе концепцию прав человека, и теоретико-методологические дискуссии о «расширении» и «углублении» безопасности. По сути, эта концепция предполагает «девестфализацию» безопасности – смещение фокуса с государства на индивида как ее главный референтный объект.

Впервые она упоминается и раскрывается в докладе ПРООН «О человеческом развитии» в 1994 г.[227] Авторы доклада выделили две базовые предпосылки обеспечения безопасности человека: свобода от страха (англ. *freedom from fear*), то есть свобода от насилия в широком смысле, и свобода от

---

[222] См., например, Huysmans J. The Politics of Insecurity: Fear, Migration and Asylum in the EU. London; New York: Routledge, 2006. 250 p.; Aradau C., van Munster R. Taming the Future: The Dispositif of Risk in the War on Terror // in M. Dillon, A.W. Neal (eds.) Foucault on Politics, Security and War. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008. P. 23–45.

[223] Bigo D. Global (In)Security: The Field of the Professionals of Unease Management // Traces: A Multilingual Series of Cultural Theory. 2006. Vol. 4. P. 112.

[224] Huysmans J. The Politics of Insecurity: Fear, Migration and Asylum in the EU. London: Routledge, 2006. P. 8.

[225] Подробнее о теоретических наработках Парижской школы см. Гайдаев О.С. «Осторожно, безопасность!» Теория (ин)секьюритизации и Парижская школа исследований международной безопасности // Вестник МГИМО-Университета. 2022. Т. 15. № 1. С. 7-37. https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-1-82-7-37.

[226] В русскоязычной литературе также встречается как «безопасность личности», однако, на наш взгляд, это не вполне точный перевод.

[227] Human Development Report 1994 // UNDP. Human Development Report Office. New York; Oxford [England]: Oxford University Press for UNDP, 1994. 226 p.

нужды (англ. *freedom from want*), то есть обеспечение базовых потребностей человека. На этой основе они наметили семь направлений (измерений) безопасности: 1) экономическая; 2) продовольственная; 3) здоровье; 4) экологическая; 5) личная (физическая); 6) общественная и 7) политическая. Основной посыл доклада состоял в том, что настоящая безопасность достигается лишь тогда, когда защищен человек, поэтому авторы призывали государства перенаправлять военные расходы на социальные нужды и рассматривали вопросы безопасности и развития как взаимосвязанные.

Впоследствии такая трактовка концепта «безопасность» не только оказала значительное влияние на практики государств в области содействия развитию и гуманитарной помощи, но и заложила основу для целого направления международно-политических исследований. Тем не менее концепция безопасности человека нередко подвергается критике: например, канадский политолог Т. Оуэн обратил внимание, что она остается слишком широкой по содержанию[228]. По его мнению, сложно обеспечить, чтобы она одновременно оставалась и нормативной категорией, и готовым аналитическим инструментом[229]. Для лучшей операционализации концепции Оуэн предлагает «пороговый подход»: учитывать только те угрозы, которые действительно угрожают жизни человека – по сути, носят экзистенциальный характер[230].

Развитие критических международно-политических теорий и академические дискуссии о «расширении» и «углублении» концепта безопасности стали плодородной почвой для появления Уэльской школы исследований в области безопасности. Она сформировалась в 1990-х гг. на базе Центра изучения международных отношений Университета Аберистуита (англ. *Aberystwyth University*). Ее представители считали первичными «носителями» безопасности индивидов и их сообщества, а саму безопасность

[228] См. Owen T. Human Security: A Contested Contempt // The Routledge Handbook of New Security Studies / ed. by J. Peter Burgess. London: Routledge, 2010. P. 39–49.
[229] Owen T. Human Security — Conflict, Critique and Consensus: Colloquium Remarks and a Proposal for a Threshold-Based Definition // Security Dialogue. 2004. Vol. 35, No. 3. P. 374.
[230] Ibid., p. 382.

трактовали как эмансипацию личности, то есть освобождение от зависимости и угнетения[231]. Из этого понимания следует, что цель критических исследований в области безопасности – «обличать структуры господства и помогать людям освобождаться от них»[232]. В более поздних работах исследователей Уэльской школы эта задача ставилась гораздо масштабнее. Например, К. Бут призывал коллег мыслить глобально: по его мнению, необходимо стремиться к всеобщей эмансипации, а не только к обеспечению безопасности отдельных групп или государств, поскольку «истинная безопасность может существовать лишь в справедливом мире»[233].

С увеличением числа и усложнением проблем безопасности как «традиционного», так и «нетрадиционного» ряда, с 2000-х гг. в критических международно-политических исследованиях в области безопасности наметился новый этап. Его характерной чертой можно назвать частичный отход от «классического» понимания безопасности как *состояния защищенности* от угроз в сторону безопасности как *процесса управления* рисками, уязвимостью и неопределенностью. Ключевой концепт в этой парадигме – «устойчивость» (англ. *resilience*)[234]. Под ней понимается способность социальных систем – обществ и институтов – восстанавливаться после кризисов и адаптироваться к постоянно меняющейся среде в области безопасности[235]. В этом состоит существенное отличие такого подхода – как в теории, так и на практике – от «классического», при котором безопасность достигается через предотвращение и устранение угроз[236]. «Поворот к устойчивости» (англ. *resilience turn*) заключается в принятии неопределенности в области безопасности как данности – иными словами,

---

[231] Booth K. Security and Emancipation // Review of International Studies. 1991. Vol. 17, No. 4. P. 319.
[232] Wyn Jones R. Security, Strategy and Critical Theory. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1999. P. 15. Такое нормативное понимание науки как средства трансформации мира вытекает из философской традиции Франкфуртской школы, ставшей основой для критических теорий.
[233] Booth K. Theory of World Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 112.
[234] Этот термин перешел в социальные науки из экологии. См. Holling C.S. Resilience and Stability of Ecological Systems // Annual Review of Ecology and Systematics. 1973. Vol. 4. P. 1–23.
[235] Walker B., Holling C.S., Carpenter S.R., Kinzig A. Resilience Thinking: Sustaining Ecosystems and People in a Changing World. Washington, DC: Island Press, 2006. P. 3.
[236] Chandler D. Resilience: The Governance of Complexity. London: Routledge, 2014. P. 7.

адаптации к ней – и обеспечении достаточной подготовленности на случай кризиса[237].

Рассмотрев интеллектуальную генеалогию концепта «безопасность» в международно-политических исследованиях, вернемся к Арктике. Эволюция теоретических подходов к понятию безопасности в контексте Арктического региона отражает общую динамику в дисциплине.

В годы холодной войны проблемы безопасности в Арктике рассматривались преимущественно в военно-политической плоскости. Этому способствовало не только доминирование реалистских теоретико-методологических подходов к самому концепту безопасности, но и военно-политическая ситуация в регионе. С появлением ядерного оружия и совершенствованием средств его доставки Арктика стала зоной стратегического ядерного сдерживания СССР и США, поскольку кратчайший маршрут для баллистических ракет между сверхдержавами пролегает над Северным Ледовитым океаном (СЛО). Это предопределило приоритетное значение Севера для обороны Советского Союза, Соединенных Штатов и их арктических союзников по НАТО – Арктика, особенно на стыке с Северной Атлантикой, стала регионом с высоким уровнем военного присутствия и активности[238]. Например, в хрестоматийной коллективной монографии под редакцией канадского политолога Э. Досмана «Суверенитет и безопасность в Арктике» проблемы безопасности рассматриваются в парадигме классических военно-стратегических исследований биполярной эпохи[239]. Анализ проводится через призму «соперничества сверхдержав», политики военных союзов (НАТО), контроля над вооружениями и суверенитета.

С завершением холодной войны, которое хронологически совпало с «великими дебатами» о «расширении» и «углублении» концепта безопасности, в международно-политических исследованиях безопасности в

---

[237] Joseph J. Varieties of Resilience: Studies in Governmentality. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 2; Duffield M. Post-Humanitarianism: Governing Precarity in the Digital World. Cambridge: Polity Press, 2019. P. 41.
[238] См., например, Huitfeldt T. A Strategic Perspective on the Arctic // Cooperation and Conflict. 1974. Vol. 9, no. 2/3. P. 83–99.
[239] Sovereignty and Security in the Arctic / ed. by E.J. Dosman. Routledge, 1989. 234 p.

Арктике в 1990-х гг. – как и в политической практике[240] – все больше внимания уделяется невоенным проблемам. В первую очередь, речь идет о трансграничном загрязнении – в том числе от военной активности. Региональная безопасность все чаще рассматривается с позиций экологии и УР – например, в трудах О.Р. Янга[241].

По мере эволюции общетеоретических подходов к понятию безопасности в международно-политических исследованиях, особенно в русле «критической волны», начиная с 2010-х гг. все больше исследователей призывают к «смене парадигмы» и «переопределению» (англ. *redefining*) концепта безопасности в Арктике[242]. Речь идет о смещении фокуса – как экспертно-академического, так и практического – на решение проблем в области невоенной безопасности. «Материальной» предпосылкой этой дискуссии стали усиливающиеся природно-климатические трансформации в полярных широтах, которые оказывают негативное, а зачастую разрушительное, воздействие на хрупкие местные экосистемы и традиционный образ жизни КНС, не говоря уже об ущербе для инфраструктуры.

С 2000-х гг. среди зарубежных исследователей проблем безопасности в Арктике, придерживающихся критической эпистемологии, все б*о*льшую популярность набирает концепция «безопасности человека»[243]. Государствоцентричный подход к безопасности на Севере, при котором приоритетное внимание уделяется вопросам защиты государственного суверенитета, напротив, критикуется как «не отражающий реальные

---

[240] Подробнее рассмотрим эти вопросы в главах 2 и 3.

[241] Young O.R. Arctic Politics: Conflict and Cooperation in the Circumpolar North. Hanover; London: Dartmouth College; University Press of New England, 1992. 241 p.

[242] См., например, Climate Change and Arctic Security: Searching for a Paradigm Shift / ed. by L. Heininen, H. Exner-Pirot. Cham: Springer International Publishing, 2020. 137 p.; Heininen L., Exner-Pirot H. & Barnes J. Redefining Arctic security: Military, environmental, human or societal? Cooperation or conflict? // Arctic Yearbook. 2019.

[243] См., например, Gjørv G.H. [et al.] Human Security in the Arctic – Yes, It Is Relevant! // Journal of Human Security. 2009. Vol. 5, No. 2. P. 1–10; Middleton A. Arctic human security in the era of Sustainable Development Goals (SDGs): The case of Sweden, Norway and Finland // Arctic Yearbook. 2019; Greaves W. For Whom, from What?: Canada's Arctic Policy and the Narrowing of Human Security // International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis. 2012. № 1 (67). P. 219–240.

проблемы региона»[244]. Норвежская исследовательница Г.Х. Йорв предлагает использовать вместо него «мульти-акторный подход» (англ. *multi-stakeholder approach*) к обеспечению безопасности, в том числе в Арктике[245]. Кроме того, она призывает перейти от «негативной» концепции безопасности, то есть способности акторов выявлять угрозы, к «положительной» – способности их устранять, смягчать или адаптироваться к ним, в том числе совместно с другими акторами[246]. Нередко критике подвергается и сам «расширительный» подход к безопасности в Арктике. Например, канадский политолог У. Гривс считает пятичастную типологию Копенгагенской школы упрощенной, поскольку она не отражает сложные взаимосвязи между секторами безопасности, особенно в контексте экологии на Севере[247].

Отдельного внимания заслуживают российские исследования проблем безопасности в Арктике. Хотя самостоятельное арктическое направление в международно-политических исследованиях выделилось в России лишь в конце 2000-х гг., за полтора десятилетия в нем сложилось несколько «парадигм», перекликающихся с основными теориями международных отношений. В.Н. Конышев и А.А. Сергунин условно разделяют их на «рационалистские/научные» и «эклектичные/интуитивистские»[248]. К первым они относят неореализм, неолиберализм, глобализм и смешанные подходы, ко вторым – постпозитивистские направления, например, конструктивизм или постколониализм, а также идеологизированные концепции вроде «гиперборейства»[249]. По мнению исследователей, «мейнстрим» арктической внешнеполитической мысли в России составляют умеренные течения

---

[244] См., например, Gricius G. A Decolonial Approach to Arctic Security and Sovereignty // Arctic Yearbook. 2021.
[245] По сути, речь идет все о том же «углублении» концепта безопасности за счет включения в анализ негосударственных акторов.
[246] См. Gjørv G.H. Security by any other name: negative security, positive security, and a multi-actor security approach // Review of International Studies. 2012. № 4 (38). P. 835–859. Такой подход, с одной стороны, резонирует с идеями Парижской школы исследований в области безопасности, с другой – с «поворотом к устойчивости».
[247] Greaves W. Securing sustainability: the case for critical environmental security in the Arctic // Polar Record. 2016. № 6 (52). P. 8.
[248] Konyshev V., Sergunin A. Arctic Studies in Russia // The Routledge Handbook of Russian International Relations Studies / ed. by M. Lagutina, N. Tsvetkova, A. Sergunin. Abingdon; New York: Routledge, 2023. P. 221-222.
[249] Там же.

неореализма и неолиберализма/глобализма[250]. Несмотря на различное понимание международной среды и проблем в области безопасности, представители умеренного направления отмечают растущее значение Арктики для России и мира и особую роль страны в регионе. В качестве наиболее оптимальной внешнеполитической стратегии они видят поддержание баланса между защитой государственного суверенитета и интересов национальной безопасности и функциональным международным сотрудничеством по невоенным вопросам. Таким образом, российские теоретические подходы к проблемам безопасности в Арктике отражают «классический» спектр: от «традиционного» военно-политического до «расширительных» и «углубительных».

***

Поскольку эпистемология диссертационного исследования находится на стыке позитивизма и интерпретивизма, а теоретическим основанием выступает реалистский конструктивизм, далее в работе автор исходит из понимания безопасности как социально сконструированной, а также придерживается парадигмы «расширенного» предметного поля. Это обусловлено не только эволюцией теоретических подходов к понятию безопасности в международно-политических исследованиях, но и спецификой Арктического региона. Современные проблемы безопасности на Севере охватывают не только военно-политическую, но также экологическую, экономическую и социальную сферы. Нередко они даже находятся на стыке двух или более сфер.

При этом исследование сфокусировано на государстве как основном акторе международных отношений и центральном субъекте в области безопасности в силу своего суверенитета. Заметим, что такой методологический подход не лишает акторности других участников системы отношений в области региональной безопасности в Арктике, например, НПО и ММПО, однако наиболее адекватно отражает их второстепенную роль.

---

[250] Ук. соч., с. 225.

В следующем разделе рассмотрим конструктивистский теоретико-методологический инструментарий исследования политики отдельного государства в области безопасности.

1.2. Теоретико-методологические аспекты исследования политики государства в области безопасности: *(де)секьюритизация, государственная идентичность и онтологическая (не)безопасность*

Прежде чем перейти к теоретико-методологическим аспектам исследования политики государства в области безопасности, необходимо прояснить семантическую сторону вопроса – показать соотношение между понятиями «политика в области безопасности», «внешняя политика» и «оборонная политика». Все три категории тесно взаимосвязаны, однако у каждого есть специфика[251]. Политика в области безопасности (англ. *security policy*)[252] – это меры, которые государство принимает, чтобы обеспечить собственную безопасность (например, сохранить суверенитет и территориальную целостность) и безопасность своих граждан[253]. По характеру они могут быть как внутренними, так и внешними – это область пересечения политики в области безопасности с внешней политикой. Внешняя политика (англ. *foreign policy*) направлена на реализацию национальных интересов государства, в том числе в области безопасности, через взаимодействие с другими субъектами международных отношений. Наконец, оборонная политика (англ. *defence policy*) – это комплекс мер, направленных на обеспечение военно-политической безопасности государства. Среди прочего, в нем могут присутствовать и внешние, международные компоненты (например, военные союзы или военно-техническое сотрудничество).

Эти функциональные различия трех базовых для международных отношений понятий коррелируют с тремя конструктивистскими аспектами исследования политики отдельного государства в области безопасности – (де)секьюритизацией, государственной идентичностью и онтологической

---

[251] Автор признает невозможность четко разграничить три этих понятия, особенно в современных условиях. Неслучайно они нередко используются попарно (например, «внешняя и оборонная политика», «внешняя политика и политика в области безопасности», «политика в области безопасности и обороны»). Тем не менее для более корректного последующего словоупотребления необходимо показать их сущностные – функциональные – различия.

[252] Иногда встречается коннотация «национальная безопасность». О специфике этого понятия см. предыдущий раздел.

[253] Эволюцию теоретических подходов к концепту «безопасность» в международно-политическом контексте мы подробно рассмотрели в предыдущем разделе.

безопасностью. Первый касается «механики» формирования такой политики, два других – движущих сил этого процесса.

Теория секьюритизации (англ. *securitisation theory*) – один из «классических» конструктивистских инструментов для исследования политики государства в области безопасности. Ее разработали представители Копенгагенской школы исследований в области безопасности в 1990-х гг.: впервые ее предложил У. Уэвер[254], который впоследствии развивал ее совместно с Б. Бузаном и Я. де Вилде[255]. Интеллектуально эта теория среднего уровня опирается на «конструктивистский поворот» в международно-политических исследованиях, а также на наработки самой Копенгагенской школы по «расширению» и «углублению» концепта безопасности. По мнению отечественного политолога Ю.А. Никитиной, теория секьюритизации стала ответом на концептуальные дебаты между реалистами и либералами – в лице представителей стратегических исследований и исследований проблем мира – о понимании безопасности в терминах мощи (англ. *power*) или мира (англ. *peace*)[256].

Для конструктивизма первостепенное значение имеют не «материальные» структуры *per se*, а те значения и смыслы, которые акторы (агенты) им придают. Из этого следует существенное отличие конструктивистского[257] подхода к безопасности от других направлений международно-политической мысли – субъекты, объекты, явления или процессы становятся *проблемами безопасности* только в том случае, если обозначаются таковыми политическими акторами[258].

---

[254] Wæver O. Securitization and Desecuritization // On Security / ed. by Ronnie D. Lipschutz. N.Y.: Columbia University Press, 1995. P. 46–86.

[255] Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p.

[256] Никитина Ю.А. Теория секьюритизации в анализе политики // Современная политическая наука: Методология: Научное издание / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. С. 728-729. Подробнее о «копенгагенском» ответе реалистам и либералам см. Buzan B. People, States and Fear: The National Security Problem in International Relations. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1983. 262 p.

[257] В данном случае, «копенгагенского».

[258] Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Op. cit., p. 24.

На основе этого допущения У. Уэвер, Б. Бузан и Я. де Вилде выделяют три базовых концепта теории секьюритизации: 1) речевой акт секьюритизации (англ. *speech act*); 2) ее референтный объект (англ. *referent object*) и 3) актор секьюритизации (англ. *securitising actor*)[259]. «Механика» процесса секьюритизации устроена следующим образом: чтобы вывести проблему в разряд «угроз безопасности», актор секьюритизации (как правило, политический) называет ее таковой через *речевой акт*. При этом «угроза» должна быть экзистенциальной для *референтного объекта* безопасности. Сами референтные объекты представители Копенгагенской школы соотносят с пятью секторами безопасности: для военного сектора это чаще всего государство или его ВС, для политического – государственный суверенитет или идеология, для экономического – благосостояние нации[260], для общественного – коллективные идентичности, для экологического – широкий круг объектов живой и неживой природы[261].

По мнению У. Уэвера, Б. Бузана и Я. де Вилде, политические акторы секьюритизируют проблемы, чтобы вывести их из политических в разряд проблем безопасности и тем самым оправдать в глазах общества экстраординарные меры реагирования[262]. Из этого следует, что в процессе секьюритизации проблемы проходят два этапа: политизацию, при которой они включаются в публичный дискурс, и саму секьюритизацию, когда они выводятся из разряда «обычной политики» в плоскость политики в области безопасности[263].

Для теории секьюритизации важны не реально (объективно) существующие угрозы безопасности, а *кто, когда, при каких обстоятельствах* и *что* именно обозначает в качестве проблемы

---

[259] Авторы также выделяют «функциональных акторов» (англ. *functional actors*), которые могут влиять на динамику в области безопасности. См. ibid., p. 35-36.

[260] Сами авторы теории секьюритизации признают, что в экономическом секторе в силу его специфики сложно выделить определенный тип референтного объекта, угроза которому может позиционироваться как «экзистенциальная». См. ibid., p. 22.

[261] Ibid., p. 22-23.

[262] Ibid., p. 23-24.

[263] Ibid.

безопасности. Иными словами, важна атрибуция опасности, а не ее реальное существование[264]. Тем самым представители Копенгагенской школы «примирили» дискуссию в отношении онтологии безопасности, начатую еще классиками политического реализма. Например, американский исследователь А. Уолферс отмечал, что безопасность можно рассматривать как *объективно* (при наличии реальной угрозы), так и *субъективно* (когда угроза воспринимается как таковая), но не видел возможности объединить эти подходы[265]. У. Уэвер, Б. Бузан и Я. де Вилде, напротив, представляют секьюритизацию как *интерсубъективный* процесс[266]. В этой связи авторы теории выделяют условие успешной секьюритизации проблемы – ее принятие целевой аудиторией (например, населением). Без этого действия актора остаются лишь попыткой секьюритизации (англ. *securitising move*)[267].

Несмотря на расширение круга акторов и референтных объектов, эмпирически теория секьюритизации остается преимущественно государствоцентричной в противовес концепции «безопасности человека», поскольку фокусируется на коллективных общностях, а не на индивидах[268]. При этом предпосылкой для рассмотрения такой общности в качестве референтного объекта безопасности выступает наличие у нее коллективной идентичности[269]. В то же время подход Копенгагенской школы не отождествляет актора секьюритизации и референтный объект между собой и тем более – с государством, как в «традиционной» парадигме безопасности.

Обратный по отношению к секьюритизации процесс – *десекьюритизация* – представляет собой возвращение проблемы из разряда экстраординарной в русло «обычной» политической дискуссии[270].

---

[264] См. ibid., p. 44, 45.
[265] Wolfers A. Discord and Collaboration: Essays on International Politics. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1962. P. 151.
[266] Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Op. cit., p. 30.
[267] Ibid., p. 25.
[268] Ibid., p. 35; Никитина Ю.А., ук. соч., с. 731.
[269] Там же, с. 729.
[270] См. Wæver O., op. cit.

Таким образом, теория секьюритизации позволяет раскрыть «механизм» формирования политики государства в области безопасности через дискурсивное конструирование угроз. Изначально представители Копенгагенской школы стремились представить процесс секьюритизации как некую «политическую оферту» (как правило, государства) с указанием «угроз безопасности», которую «целевая аудитория» (чаще всего, население) должна «акцептовать», чтобы легитимировать экстраординарные политические меры реагирования. Именно акцент на экстраординарности предопределил, что такие «угрозы безопасности», по мнению У. Уэвера, Б. Бузана и Я. де Вилде, должны иметь экзистенциальный характер – как минимум, представляться таковыми. Поскольку создатели теории не предусмотрели градацию уровней серьезности для проблем, которые вышли из разряда «политических» в плоскость «безопасности», при таком подходе крайне затруднительно определить степень секьюритизации[271] – минимальные эмпирические наблюдения[272] показывают, что далеко не всегда она однородно-экстремальна.

Тем не менее, на наш взгляд, логику теории секьюритизации можно применить к процессу формулирования проблем в области безопасности государством – в лице первых лиц и профильных органов власти – в целом, а не только для «экстремальных» ситуаций. Особенно если учесть, что обеспечение безопасности – а следовательно, и определение угроз – по-прежнему остается базовой функцией современного государства «вестфальского типа».

Для более нюансированной картины проблем в области безопасности – и решения проблемы градации – в целях дальнейшего исследования мы предлагаем использовать трехчастную типологию «угрозы-вызовы-риски», предложенную отечественными политологами И.Д. Звягельской и В.В. Наумкиным[273]. Под *угрозой* безопасности они понимают «проявляющийся или потенциальный процесс либо явление, способные

[271] См. Bourbeau Ph. The Securitization of Migration: A Study of Movement and Order. L.: Routledge, 2011. 194 p.
[272] Даже на обывательском уровне.
[273] См. Звягельская И.Д., Наумкин В.В. Ук. соч.

привести к разрушению жизненно значимых интересов общества или государства и требующие немедленного реагирования»[274]. Это наивысший уровень серьезности проблемы в области безопасности, которая соответствует «копенгагенской» экзистенциальной. *Вызов* безопасности они трактуют как «долгосрочный, устойчиво проявляющийся фактор, который не требует срочного вмешательства, но способен постепенно снижать уровень безопасности и подрывать устойчивость системы»[275]. Наконец, *риск* безопасности – «это возможность возникновения события или действия, которое при определенных условиях может превратиться в угрозу; он характеризуется вероятностью и масштабом потенциального ущерба»[276].

Другой значимый теоретико-методологический аспект исследования политики отдельного государства в области безопасности – это движущие силы процесса дискурсивного конструирования угроз. Иными словами, то, что мотивирует выбор акторов в отношении проблем безопасности, которые, по их мнению, должны стать объектом государственной политики в этой области. Хотя этот вопрос остался за рамками теории секьюритизации, конструктивистская парадигма международно-политических исследований в целом позволяет ответить на него.

Одно из базовых эпистемологических допущений социального конструктивизма – и настоящего диссертационного исследования – гласит, что агент (актор) и структура взаимно конструируют друг друга[277]. Из этого следует, что среди движущих сил политики государства в области безопасности можно выделить *эндогенные*, то есть внутренние, связанные с особенностями актора, и *внешние / структурные*. Поскольку в конструктивизме решающая роль отводится идеям, мы дополняем эту типологию измерением *«материальное – идеационное»*. В результате

[274] Там же, с. 430.
[275] Там же, с. 431.
[276] Там же, с. 432.
[277] См. Wendt A.E. The Agent-Structure Problem in International Relations Theory // International Organization. 1987. № 3 (41). P. 335–370; Алексеева Т.А. Агент-структурные отношения: методология конструктивизма // Полис. Политические исследования. 2022. № 4. С. 77-93. https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.07.

получается матрица движущих сил политики государства в области безопасности (*Рисунок 1.1*).

Рисунок 1.1. Матрица движущих сил политики государства в области безопасности.
Источник: составлено автором.

Остановимся на эндогенных идеационных движущих силах подробнее[278]. В конструктивистской исследовательской парадигме решающее влияние на восприятие угроз безопасности оказывает *идентичность* актора[279]. По мнению американского политолога П. Катценштайна, «государства воспринимают угрозы и отвечают на них, исходя из того, кем они себя считают»[280]. Эту мысль продолжил А. Вендт: «Восприятие одним государством другого как друга или врага зависит от смыслов, которые они вкладывают в свои идентичности, и характера социальных отношений между ними»[281]. Иными словами, при формулировании угроз – или шире, проблем – безопасности государство опирается на свои представления о себе и других.

Идентичность в социальных науках – многоликий и многомерный концепт, который может относиться как к индивиду, так и к их группам и сообществам. «Генеалогически» он восходит к психологии, что априори задало ему «психологический» оттенок. Впервые в научный оборот этот термин ввел американский психолог Э. Эриксон, который понимал под «идентичностью» уверенность в соответствии «ощущения внутренней

[278] Внешние / структурные идеационные основания рассмотрим в разделе, посвященном теоретико-методологическим основам исследования макрорегиональных тенденций в области безопасности в Арктике с позиций реалистского конструктивизма.
[279] См., например, Hopf T. The Promise of Constructivism in International Relations Theory // International Security. 1998. Vol. 23, No. 1. P. 187.
[280] Katzenstein P.J. Introduction: Alternative Perspectives on National Security // The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics / ed. by P.J. Katzenstein. New York: Columbia University Press, 1996. P. 23.
[281] Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 327.

целостности и непрерывности личности» восприятию других людей[282]. Идентичность по Э. Эриксону – результат постоянного взаимодействия личности и ее социального окружения. В международно-политической плоскости это понятие используется, в первую очередь, в отношении коллективных общностей и может применяться не только к государствам, но и к нациям, цивилизациям, этно-конфессиональным группам и т.д.[283] По аналогии с индивидами и их сообществами, концепт коллективной идентичности применим и к межгосударственным объединениям[284].

По этой причине в целях дальнейшего исследования важно разграничить два близких понятия, которые в политологической исследовательской практике нередко используются как взаимозаменяемые[285]: «национальная» и «государственная» идентичность. Главное отличие между ними заключается в первичном носителе: для национальной идентичности им выступает *нация* как социально-политическая общность, для государственной – *государство* как корпоративный социальный субъект и актор международных отношений.

Содержание концепта «национальная идентичность» лучше всего выводится через определение самого понятия «нация». По мнению британского философа и социального антрополога Э. Геллнера, критерием принадлежности[286] к нации выступает общая культура, которую исследователь понимал как «систему идей, символов, ассоциаций, способов поведения и общения»[287]. В схожем ключе определял нацию (народ) выдающийся отечественный мыслитель и культуролог Д.С. Лихачев. Он считал, что «уничтожение культуры – это уничтожение народа, его памяти, его национального самосознания»[288], а само «национальное самосознание»

---

[282] Подробнее см. Erikson E.H. Childhood and Society. New York: W. W. Norton, 1950. 445 p.
[283] Подробнее о современных подходах к концепту «идентичность» в политологических исследованиях см. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / Семененко И.С. (отв. ред.). Москва: Весь мир, 2023. 512 с.
[284] Рассмотрим специфику коллективной государственной идентичности в следующем разделе.
[285] Что, на наш взгляд, искажает их содержание и затрудняет их операционализацию.
[286] А идентичность (от лат. *identitas* – «тождественность») можно рассматривать как чувство *принадлежности* к некой общности на основе совпадения (тождественности) определенных признаков.
[287] Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford: Blackwell, 1983. P. 1.
[288] Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном. Л.: Советский писатель, 1985. С. 52.

определял «не [как – *прим. автора*] противопоставление себя другим, а [как – *прим. автора*] глубокое понимание своего места в мировой культуре»[289]. Одно из классических определений национальной идентичности, которое впоследствии оказало значительное влияние на теоретические подходы к концепту в международно-политических исследованиях, дал ученик Э. Геллнера, британский социолог и политолог Э. Смит. Под ней он понимал «поддержание и преемственность системы ценностей, символов, памяти, мифов и традиций, которые составляют уникальное наследие нации, и самоотождествление индивидов с этим наследием»[290]. Таким образом, концепт национальной идентичности имеет выраженную культурную привязку.

В свою очередь, государственную идентичность можно охарактеризовать как представления государства о себе как акторе международных отношений. Например, А. Вендт определял ее как «относительно устойчивые ролевые представления и ожидания относительно себя», которые акторы (государства) приобретают через «участие в коллективных системах смыслов»[291]. Это предопределяет, что у идентичности всегда реляционная природа, то есть она существует только при наличии «других»[292]. Государственная идентичность, по мнению А. Вендта, выступает обязательной предпосылкой для интересов (в том числе в области безопасности), поскольку «актор не может знать, чего он желает, пока не знает, кто он есть»[293]. Аналогичным образом государства через структуру идентичностей и интересов «формируют» анархичную международную среду, в которой они могут быть «врагами, соперниками или друзьями»[294]. На основе преобладающей ролевой модальности отношений между государствами

[289] Лихачев Д.С. Раздумья о России. СПб.: Русская культура, 1999. С. 14.
[290] Smith A.D. National Identity. London: Penguin Books, 1991. P. 9.
[291] Wendt A. Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics // International Organization. 1992. Vol. 46, No. 2. P. 397.
[292] Ibid. См. также концепцию «значимых других».
[293] Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 231.
[294] Ibid., p. 259.

А. Вендт выделял три вида «культуры анархии» в системе международных отношений: гоббсовскую, локковскую и кантовскую[295].

Первичным носителем государственной идентичности выступает государство в лице его политической элиты – лиц, которые формируют государственную политику, в том числе внешнюю, оборонную и в области безопасности. В ходе этого процесса они, с одной стороны, опираются на собственные представления о своем государстве и его интересах, а с другой – выражают (или, скорее, интерпретируют) представления его граждан. В этом смысле государственную идентичность в аналитических целях можно отождествить с представлениями руководства государства о нем и его месте в системе международных отношений.

Важно отметить, что эти два типа идентичности находятся в диалектической взаимосвязи. Чаще всего – и при определенных условиях[296] – национальная идентичность становится основой или частью («слоем») государственной. В то же время государственная идентичность может влиять на национальную или даже формировать ее – например, в рамках внутриполитического процесса. На взаимосвязь национальной и государственной идентичностей в контексте политики в области безопасности обращал внимание и П. Катценштайн: по его мнению, они [идентичности – *прим. автора*] «формируют паттерны политики в области безопасности через определение угроз и уместного поведения»[297].

Таким образом, концепт государственной идентичности – это ключ к пониманию мотивации политики отдельного государства в области безопасности.

Хотелось бы обратить внимание, что в отношении арктических государств и их региональной политики концепт идентичности используется в исследованиях сравнительно редко, особенно в международно-

---

[295] Ibid., p. 246.
[296] Например, если это соответствует целям государственной политики, которая актуализирует проблемы национального самосознания, единства и/или самобытности.
[297] Katzenstein P.J., op. cit., p. 24.

политических. Чаще всего рассматривается арктическая национальная идентичность – точнее, арктическое измерение национальной идентичности арктических государств. Например, в отношении России и Канады исследуется феномен «северности» и его влияние на формирование национальной идентичности[298]. Арктической государственной идентичности – преимущественно Норвегии, Канады и Исландии – посвящены единичные работы зарубежных авторов, причем в них едва затрагивается взаимосвязь с политикой в области региональной безопасности[299].

Напрямую с государственной идентичностью связан другой значимый для исследования политики государства в области безопасности аспект – *онтологическая безопасность*. Как и идентичность, термин перешел в политологию из психологии, где под ним первоначально понималось чувство целостности и непрерывности собственного бытия[300]. Суть концепции в международно-политическом контексте заключается в том, что государства, как и люди, стремятся к обеспечению не только физической безопасности, но и «безопасности своего бытия», то есть ощущения целостности и непрерывности собственной идентичности.

«Почву» для «миграции» концепции из психологии в политологию подготовил британский социолог Э. Гидденс, который адаптировал ее для своей теории структурации. Под онтологической безопасностью он понимал «ощущение непрерывности и упорядоченности событий, в том числе и тех, которые не находятся непосредственно в поле восприятия индивида»[301]. По его мнению, оно служит основой «для чувства доверия к миру и непрерывности собственной идентичности»[302].

---

[298] См. Головнев А.В. Северность России. СПб: МАЭ РАН, 2022. 450 с.; Акимов Ю.Г. «Истинный север, сильный и свободный»: фактор северности в формировании канадской национальной идентичности // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. №1. С. 197–201.

[299] См., например, Medby I.A. Articulating state identity: ‘Peopling’ the Arctic state // Political Geography. 2018. (62). P. 116–125; Medby I.A. Arctic state identity: Geography, history, and geopolitical relations. Manchester University Press, 2025. 240 p.

[300] Laing R.D. The Divided Self: An Existential Study in Sanity and Madness. London: Tavistock Publications, 1960. P. 39–40.

[301] Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Stanford: Stanford University Press, 1991. P. 92.

[302] Ibid.

Во второй половине 2000-х гг. американские исследователи Дж. Митцен и Б. Стил перенесли концепцию в международно-политическую плоскость и начали применять ее к государствам, однако трактовали ее несколько по-разному.

По Дж. Митцен онтологическая безопасность государства – это «безопасность "своего я" [англ. *self – прим. автора*], способность поддерживать устойчивое представление о себе»[303]. Иными словами, поддерживать стабильность государственной идентичности. По ее мнению, в стремлении обеспечить онтологическую безопасность некоторые государства могут поддерживать конфликтные «рутины и отношения, которые помогают им сохранять собственную идентичность», даже если они угрожают их физической безопасности[304]. Такой подход позволил по-новому взглянуть на дилеммы безопасности в международных отношениях.

Б. Стил определяет онтологическую безопасность государства как последовательность в поведении: «действовать, исходя из потребности соответствовать своей идентичности», то есть «быть тем, кем оно [государство – *прим. автора*] себя считает, и избегать действий, которые противоречат его представлениям о себе»[305]. При таком прочтении онтологическая безопасность – не просто чувство стабильности и непрерывности идентичности, а соответствие поведения «нормативному» образу себя. Как и Дж. Митцен, Б. Стил признает, что эта потребность государства находится в приоритете по отношению к физической безопасности[306].

Концепция онтологической безопасности также помогает разграничить национальную и государственную идентичности как референтные объекты безопасности: государственная – объект онтологической безопасности, в то время как национальная – общественной[307].

---

[303] Mitzen J. Ontological Security in World Politics: State Identity and the Security Dilemma // European Journal of International Relations. 2006. Vol. 12, No. 3. P. 342.
[304] Ibid., p. 348.
[305] Steele B.J. Ontological Security in International Relations: Self-Identity and the IR State. London; New York: Routledge, 2008. P. 11.
[306] Ibid., p. 12.
[307] По типологии секторов безопасности Копенгагенской школы.

Дополнительным исследовательским инструментом политики государства в области безопасности служит концепция стратегической культуры. Многочисленные попытки дать ей исчерпывающее определение с момента зарождения концепта в конце 1970-х гг. не привели к формированию консенсуса по этому вопросу в академическом сообществе. С 1990-х гг. оно рассматривается преимущественно в русле социального конструктивизма[308].

Сущностная неопределенность и, как следствие, семантическая вариативность затрудняют операционализацию этого концепта в эмпирических исследованиях. Не углубляясь в эволюцию подходов к его изучению и их критику, в настоящем исследовании мы будем опираться на интерпретивистскую трактовку стратегической культуры, объединяющую материальные и идеационные основания поведения государства как взаимно конституирующие сущности[309]: «социально передаваемые идеи, взгляды и традиции, устоявшиеся типы мышления и предпочтительные способы действия, характерные для сообщества безопасности с определённой географической привязкой и уникальным историческим опытом»[310].

Такое прочтение перекликается с семиотическим подходом к стратегической культуре, разработанным российским политологом И. Фоминым[311]. Для того чтобы операционализировать концепт в аналитических целях, он предложил рассматривать стратегическую культуру

---

[308] Подробнее см.: Алексеева Т.А. Стратегическая культура: эволюция концепции // Полис. 2012. № 5. С. 134–135; Липунов Н.С. Роль стратегической культуры в формировании политики малых государств в области безопасности (на примере Финляндии в 1990–2020-х годах) // Международные процессы. 2025. Т. 23. № 1 (80). С. 42–43.

[309] Такой подход отражает современные научные представления о понятии культуры, которая включает не только идеационные компоненты, но и социальные практики, находящиеся в диалектической взаимосвязи. Это противопоставляется позитивистскому подходу, где культура и поведение трактуются соответственно как независимая и зависимая переменные. Подробнее: Neumann I. B., Heikka H. Grand Strategy, Strategic Culture, Practice: The Social Roots of Nordic Defence // Cooperation and Conflict. 2005. Vol. 40, no. 1. P. 5–23. DOI: 10.1177/0010836705049731.

[310] Gray C. Strategic Culture as Context: The First Generation of Theory Strikes Back // Review of International Studies. 1999. Vol. 25, no. 1. P. 51–52, 56.

[311] См. Fomin I. Strategic Culture as a Meaning-Making System: Towards a Social Semiotic Account of Multimodal Cultural Constraints in International Relations // International Theory. 2023. Vol. 15, no. 3. P. 351–378. DOI: 10.1017/S175297192300009X.

как логономическую систему[312], которая задает рамки стратегического взаимодействия [в конкретном сообществе безопасности – *прим. автора*].

Семиотический подход «примиряет» дискуссии о соотношении «материального» и «идеационного» с поведением внутри (стратегической) культуры, поскольку исходит из того, что артефакты [«материальное» — *прим. автора*] и паттерны поведения транслируют определенные идеи. Это означает, что стратегическую культуру государства составляют наиболее общие представления об оптимальных путях и способах обеспечения национальной безопасности, транслируемые через документы стратегического и доктринального характера, риторику первых лиц и внешнеполитическую практику[313]. При таком рассмотрении этот концепт способен раскрыть глубинную мотивацию внешнеполитического поведения любой «социализированной» державы, в том числе малой[314].

***

Таким образом, концепт государственной идентичности служит ценным исследовательским инструментом политики отдельного государства в области безопасности, поскольку позволяет выявить его мотивацию при определении («конструировании») угроз и выборе необходимых – и уместных – мер реагирования на них. В этом отношении он органично дополняет теорию секьюритизации, для которой сам процесс дискурсивного конструирования угроз важнее его предпосылок. Концепция онтологической безопасности выступает связующим звеном между государственной идентичностью и политикой в области безопасности. Она существенно углубляет понимание мотивации государства, поскольку вводит новый уровень анализа безопасности в дополнение к физическому («материальному») – идентитарный («идеационный»). Дополнительным конструктивистским инструментом исследования политики государства в области безопасности

[312] То есть систему правил (вос)производства смыслов в социуме.
[313] Липунов Н.С., ук. соч., с. 43.
[314] В данном случае под «социализацией» мы понимаем опыт международного взаимодействия в сфере обеспечения национальной безопасности, в том числе применения силы. Полагаем, что в отсутствие такого опыта говорить о формировании стратегической культуры государства преждевременно.

выступает концепт стратегической культуры, особенно в его семиотическом понимании как системы идей, задающей рамки стратегического взаимодействия в конкретном сообществе безопасности. Такая комбинация конструктивистских инструментов соответствует эпистемологии диссертационного исследования, которая находится на стыке интерпретивизма (теория секьюритизации) и позитивизма (государственная идентичность, онтологическая безопасность и особенности стратегической культуры как части аналитической рамки для выявления движущих сил политики государства в области безопасности).

В следующем, заключительном, разделе рассмотрим, как с помощью конструктивистского инструментария можно исследовать политику в области безопасности на межгосударственном – региональном – уровне. Также оценим эвристический потенциал реалистского конструктивизма при исследовании макрорегиональных тенденций в области безопасности в Арктике после холодной войны.

1.3. Макрорегиональные тенденции в области безопасности в Арктике после холодной войны:

эвристический потенциал реалистского конструктивизма

Поскольку автор исходит из эпистемологического допущения о взаимном конструировании агента и структуры, исследовать политику государства в области безопасности невозможно без учета структурной – в первую очередь, региональной – динамики. В этом разделе сосредоточимся на *внешних / структурных* движущих силах политики государства в области безопасности, при этом основное внимание уделим *идеационным* (*Рисунок 1.1*).

Обзор литературы по тематике проблем безопасности в Арктическом регионе показал, что в современных международно-политических исследованиях в этой сфере доминируют неореалистские и неолиберальные подходы – особенно в России[315]. Прежде чем перейти к конструктивистскому теоретико-методологическому инструментарию исследования политики в области безопасности на межгосударственном уровне, кратко рассмотрим подходы основных теоретических школ международных отношений к макрорегиональным тенденциям в области безопасности в Арктике после холодной войны[316].

С позиций структурного реализма (неореализма), логика нарастающей глобальной военно-политической конфронтации России и западных государств в 2010-2020-х гг. ориентирует стороны на укрепление обороны, в том числе в Арктике и особенно – в Северо-Восточной Атлантике и Евроарктическом регионе. В свою очередь, возникающая в этой связи проблема дилеммы безопасности запускает спираль (ре)милитаризации в

[315] См. Godzimirski J. M., Sergunin A. Russian Expert and Official Geopolitical Narratives on the Arctic: Decoding Topical and Paradigmatic DNA // Arctic Review on Law and Politics. 2020. (11). P. 22–46.

[316] Автор сознательно не включил в этот обзор критические теории, поскольку их эпистемология значительно отличается от избранной в диссертационном исследовании.

высоких широтах, поскольку наращивание военного присутствия и активности на Севере воспринимается сторонами как взаимная угроза[317].

Тем не менее такой подход не позволяет в полной мере понять и объяснить две современные тенденции в области региональной безопасности в Арктике. Во-первых, почему даже в условиях военно-политической конфронтации начала 2020-х гг. арктические государства стремятся сохранить Арктический совет, хотя практически все остальные общие институты России и Запада постбиполярной эпохи либо разрушены[318], либо не работают, а сам Арктический совет с 2022 г. практически дисфункционален?[319] Во-вторых, почему региональные державы, в том числе наиболее мощные в военном отношении (Россия и США), на дискурсивном уровне стремятся к десекьюритизации Арктики?[320] Кроме того, дискуссионной остается применимость реалистского подхода к международным институтам – как проекциям соотношения сил[321] – для характеристики Арктического совета, поскольку малые арктические державы нередко используют его как «мультипликатор» собственного «веса» в контексте арктической политики[322]. Таким образом, неореалистский подход позволяет понять и объяснить макрорегиональные тенденции в области военно-политической безопасности в Арктике, однако «оставляет за скобками» динамику в невоенной сфере.

Альтернативную объяснительную конструкцию постбиполярной динамики в области безопасности в Арктике предлагает либеральный институционализм (неолиберализм).

---

[317] См., например, Åtland K. Interstate Relations in the Arctic: An Emerging Security Dilemma? // Comparative Strategy. 2014. № 2 (33). P. 145–166; Wither J.K. An Arctic security dilemma: assessing and mitigating the risk of unintended armed conflict in the High North // European Security. 2021. № 4 (30). P. 649–666.

[318] В том числе в Арктике.

[319] На момент написания диссертации работа Арктического совета восстановлена лишь частично. Политический диалог по-прежнему заморожен.

[320] Речь идет о политическом лозунге «Арктика – зона мира и сотрудничества». Он восходит к «Мурманской речи» М.С. Горбачева, цитату из которой автор вынес в эпиграф диссертации.

[321] См. Mearsheimer J.J. The False Promise of International Institutions // International Security. 1994/1995. Vol. 19, No. 3. P. 13.

[322] См., например, Rowe E.W. Arctic hierarchies? Norway, status and the high north // Polar Record. 2014. № 252 (50). P. 72–79.

Сторонники теории комплексной взаимозависимости – например, канадский политолог и юрист-международник М. Байерс – полагают, что в Арктике за десятилетия после холодной войны между Россией и западными государствами сложилась комплексная взаимозависимость[323]. Она объясняет преимущественно мирный характер международного взаимодействия в высоких широтах: феномен «арктической исключительности»[324], особенно в 2014-2022 гг., и «живучесть» Арктического совета в условиях острой военно-политической конфронтации.

С близких позиций тенденции в области региональной безопасности в Арктике рассматриваются в теории международных режимов. По мнению О. Янга, после холодной войны в Арктике сформировался международный режим – набор правил, норм и процедур, регулирующих поведение и взаимодействие акторов арктической политики[325]. По мере его развития и усложнения – в том числе благодаря разветвлению системы регионального управления с ядром в виде Арктического совета – он трансформировался в «режимный комплекс» (англ. *regime complex*) и стал охватывать более широкий круг тем и акторов[326]. Именно с институционализацией системы многостороннего сотрудничества О. Янг связывает преимущественно мирный характер международного взаимодействия в Арктике после холодной войны[327]. Активизацию междержавного соперничества на Севере в 2010-2020-х гг. американский исследователь считает естественным следствием «меняющихся физических и социально-экономических условий»[328], которым можно «управлять через институционализированные практики»[329].

---

[323] Byers M. Crises and international cooperation: an Arctic case study // International Relations. 2017. № 4 (31). P. 375–402.
[324] Об экспертно-академической дискуссии вокруг концепции см. раздел 1.1.
[325] См. Young O.R. Creating regimes: Arctic accords and international governance / O.R. Young, Ithaca: Cornell University Press, 1998. 230 p.
[326] См. Young O.R. Building an international regime complex for the Arctic: current status and next steps // The Polar Journal. 2012. № 2 (2). P. 391–407.
[327] Young O.R. Is It Time for a Reset in Arctic Governance? // Sustainability. 2019. Vol. 11, No. 16, 4497. P. 2.
[328] Ibid., p. 3.
[329] Young O.R. Next steps in Arctic Ocean Governance: Meeting the Challenges of a Changing Region // Marine Policy. 2021. Vol. 129. P. 7.

Тем не менее неолиберальный подход лишь частично отвечает на вопрос: почему, несмотря на высокий уровень институционализации регионального управления[330], практически полное отсутствие территориальных споров[331] и наличие у арктических государств множества общих интересов, в Арктике идет процесс (ре)милитаризации, а работа Арктического совета была прервана в 2022 г. и на момент написания диссертации не восстановлена в полном объеме? Иными словами, неолиберальный подход *per se* не позволяет в полной мере понять и объяснить региональную военно-политическую динамику двух последних десятилетий. Остается спорным и неолиберальное понимание международных институтов как «панацеи» от кризисов в сфере безопасности – как минимум, применительно к Арктическому региону.

Большой «институциональный оптимизм» свойственен и представителям Английской школы теории международных отношений. В последние годы все больше авторов обращаются к ее идеям, чтобы осмыслить постбиполярные тенденции в области безопасности в Арктике[332]. По их мнению, после холодной войны в Арктике вокруг общих норм и институтов сформировалось региональное «международное общество» (англ. *international society*). Например, канадские политологи Х. Экснер-Пиро и Р. Маррей характеризуют международно-политическую ситуацию в Арктике 2010-х гг. как «согласованную исключительность» (англ. *negotiated exceptionalism*) – «*плюралистическое*[333] [курсив мой – *прим. автора*] общество государств, которое через общие институты и практики продвинулось к *солидаристской*[334]

---

[330] В том числе обширную международно-правовую базу.

[331] Единственный территориальный спор в Арктике на момент написания диссертации – спор между США и Канадой о разграничении в море Бофорта. Подробнее см. Буник И.В. Спор между США и Канадой о разграничении в море Бофорта (международно-правовой анализ) // Московский журнал международного права. 2018. № 2. С. 126-137. https://doi.org/10.24833/0869-0049-2018-2-126-137. Процесс определения внешних границ континентального шельфа России, Канады и Дании в центральной части СЛО идет в соответствии с международно-правовыми процедурами.

[332] См., например, Kopra S. The Arctic from the Perspective of the English School of International Relations: A Novel Research Agenda // The Polar Journal. 2022. Vol. 12, No. 2. P. 261–280; Damski P.P. Solidarism, Pluralism, or Beyond? Analysing U.S. Arctic Strategies (2013–2022) Through the Lens of the English School // Polish Political Science Review. 2025. Vol. 13, No. 1. P. 38–51.

[333] В терминологии Английской школы, основанное на автономии его членов.

[334] В терминологии Английской школы, выстроенной вокруг общих норм и институтов.

[курсив мой – *прим. автора*] форме регионального порядка»[335]. Исследователи считают преимущественно кооперативный характер международных отношений в Арктике после холодной войны следствием формирования «общества [арктических – *прим. автора*] государств». Несмотря на очевидные преимущества, подход Английской школы, как и неолиберальные теории среднего уровня, сталкивается с трудностями при объяснении современной динамики в области региональной безопасности в Арктике. Если в основе отношений между арктическими державами лежит принцип сотрудничества, почему региональные многосторонние институты[336] оказались в кризисе после эскалации конфронтации между Россией и западными государствами, не связанной с Арктикой? Если «общество арктических государств» предполагает мирное взаимодействие, почему они наращивают военные потенциалы за Северным полярным кругом?

Все рассмотренные направления теории международных отношений вне всяких сомнений обладают объяснительным потенциалом применительно к Арктическому региону. Тем не менее с теоретико-методологической точки зрения в области региональной безопасности[337] сохраняется ряд «белых пятен». На наш взгляд, конструктивистский подход к международно-политическим исследованиям, особенно на стыке с реализмом, предлагает альтернативный – более «антропологический» и «социальный» – взгляд на эти проблемы, а также позволяет объяснить некоторые «парадоксы» в области региональной безопасности в Арктике после холодной войны. Рассмотрим конструктивистский теоретико-методологический инструментарий исследования политики в области безопасности на межгосударственном уровне.

Одним из направлений теоретических и эмпирических изысканий представителей Копенгагенской школы по «углублению» концепта

---

[335] Exner-Pirot H., Murray R.W. Regional Order in the Arctic: Negotiated Exceptionalism // Politik. 2017. Vol. 20, No. 3. P. 8.
[336] В неолиберальном понимании термина.
[337] В ее «расширенном» понимании, см. раздел 1.1.

безопасности стала теория комплексов региональной безопасности (англ. *regional security complex theory*, далее – КРБ). Впервые термин КРБ предложил Б. Бузан в 1983 г.[338], однако в свете последующих международно-политических событий и наработок самой Копенгагенской школы по секьюритизации он совместно с У. Уэвером доработал как сам концепт, так и теорию[339]. Главный посыл создателей этой теории среднего уровня заключался в том, что основные процессы в области безопасности проходят не на национальном или глобальном, а на региональном уровне, поэтому для них требуется самостоятельная аналитическая рамка[340]. Сам КРБ Б. Бузан и У. Уэвер определяли как «группу элементов [акторов – *прим. автора*], основные процессы секьюритизации и десекьюритизации которых настолько взаимосвязаны, что проблемы их безопасности невозможно адекватно анализировать или решать изолированно друг от друга»[341]. С помощью теории КРБ представители Копенгагенской школы операционализировали понятие секьюритизации на региональном уровне, где, по их мнению, «влияние глобальных держав встречается с местной динамикой в области безопасности»[342]. Кроме того, теория КРБ делает акцент на взаимозависимом характере отношений в области безопасности (англ. *security interdependence*) внутри отдельного региона[343].

Теория КРБ нередко применяется к Арктике. Например, по мнению Х. Экснер-Пиро, она представляет собой «комплекс региональной экологической безопасности» (англ. *regional environmental security complex*)[344]. В то же время У. Гривс обращает внимание на тенденцию к фрагментации единого КРБ, который сформировался в Арктике после холодной войны, вследствие усиливающегося изменения климата и нарастающей

---

[338] См. Buzan B., op. cit.
[339] См. Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 p.
[340] Никитина Ю.А., ук. соч., с. 732.
[341] Buzan B., Wæver O., op. cit., p. 44.
[342] Ibid., p. 47.
[343] Ibid., p. 45.
[344] См. Exner-Pirot H. What is the Arctic a case of? The Arctic as a regional environmental security complex and the implications for policy // The Polar Journal. 2013. Vol. 3, No. 1. P. 120–135.

геополитической конкуренции[345]. По мнению исследователя, в Арктике постепенно формируются три субрегиона со своей особой динамикой в области безопасности[346]: Североамериканский, Европейский и Евразийский. На ошибочность восприятия Арктики как единого «региона безопасности», хотя и без отсылок к КРБ, обращал внимание и А. Остхаген[347].

Теория КРБ нередко критикуется внутри конструктивистского исследовательского направления за недостаточное внимание к роли идентичностей и норм[348]. Например, по мнению И. Нойманна, «регионы – это политические и культурные конструкции», границы которых формируются через «практики идентичности»[349]. Схожую мысль высказывал финский географ и политолог А. Пааси: «Региональная безопасность неотделима от социального конструирования регионов как идентичностей и пространства принадлежности»[350]. Сами Б. Бузан и У. Уэвер, отвечая на критику, признавали значение идентичности и культуры, однако подчеркивали основной фокус теории КРБ на «паттернах секьюритизации, которые возможно наблюдать эмпирически»[351].

Примечательно, что сама «Арктика» как международно-политический регион (и коллективная государственная идентичность) – это, в известной степени, социальный конструкт[352]. Автор убежден, что по этой причине

---

[345] См. Greaves W. Arctic break up: Climate change, geopolitics, and the fragmenting Arctic security region // Arctic Yearbook. 2019.

[346] Как военной, так и невоенной.

[347] См. Østhagen A. The Arctic security region: misconceptions and contradictions // Polar Geography. 2021. № 1 (44). P. 55–74.

[348] См., например, Acharya A. Constructing a Security Community in Southeast Asia: ASEAN and the Problem of Regional Order. London; New York: Routledge, 2001. P. 23.

[349] Neumann I.B. Uses of the Other: “The East” in European Identity Formation. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999. P. 31.

[350] Paasi A. Bounded Spaces in the Mobile World: Deconstructing ‘Regional Identity’ // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2002. Vol. 93, No. 2. P. 143.

[351] Buzan B., Wæver O., op. cit., p. 491.

[352] Как и другие международно-политические регионы мира (например, «Латинская Америка», «Ближний Восток» или «Индо-Тихоокеанский регион»). Именно социальная природа Арктики как международно-политического региона порождает дискуссии о ее границах, о чем мы упоминали во введении.
Подробнее о роли идентичности в формировании международно-политических регионов см. Paasi A. The Institutionalization of Regions: A Theoretical Framework for Understanding the Emergence of Regions and the Constitution of Regional Identity // Fennia. 1986. Vol. 164. P. 105–146. О дискурсивном конструировании коллективной идентичности в Баренцевом регионе в начале 1990-х гг. см. Hønneland G. Identity Formation in the Barents Euro-Arctic Region // Cooperation and Conflict. 1998. № 3 (33). P. 277–297. Подробнее о социально-политическом конструировании Арктики как международного региона после холодной войны см. Keskitalo

невозможно рассматривать общую динамику в области безопасности в Арктическом регионе вне его «социальной природы». На наш взгляд, наиболее эвристически перспективную альтернативу КРБ в русле конструктивизма применительно к постбиполярной Арктике представляет теория сообществ безопасности.

Впервые ее предложил американский социолог и политолог К. Дойч для описания отношений в области безопасности внутри Организации Североатлантического договора[353]. Он определял сообщество безопасности как «"интегрированную" группу людей», у которой сформировались «чувство общности», а также «институты и практики, подкрепляющие устойчивые долгосрочные ожидания мирных преобразований», то есть «решения социальных проблем без применения силы»[354]. К. Дойч выделял два типа таких сообществ: объединенные (англ. *amalgamated*) и плюралистические. Первые образуются в результате слияния государств и/или автономных образований, вторые представляют собой объединения государств, которые сохраняют свой суверенитет[355].

Позднее «классическое» определение сообществ безопасности в конструктивистском ключе переработали политологи Э. Адлер и М. Барнетт. Сохранив ожидания мирного разрешения споров как базовый принцип отношений внутри сообщества, они сместили основной акцент с институтов на «социальное обучение» государств, в ходе которого они усваивают общие «смыслы, ценности и практики»[356]. По их мнению, мирные ожидания внутри сообщества формируются на основе *взаимного доверия* и *коллективной идентичности*, которые, в свою очередь, могут взаимно усиливать друг друга[357]. При этом исследователи обращали внимание на то, что степень

C. International Region-Building: Development of the Arctic as an International Region // Cooperation and Conflict. 2007. № 2 (42). P. 187–205.

[353] См. Deutsch K.W. Political Community and the North Atlantic Area. Princeton: Princeton University Press, 1957. 228 p.

[354] Ibid., p. 5.

[355] Ibid., p. 6–7.

[356] Adler E., Barnett M. Security Communities. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 40.

[357] Ibid., p. 38.

такого доверия может варьироваться[358]. Также Э. Адлер и М. Барнетт отмечали, что в основе сообществ безопасности лежат еще и общие нормы[359].

Таким образом, идентификация государств в качестве единой общности выступает базовой предпосылкой возникновения сообщества безопасности. Механизм формирования коллективной идентичности подробно раскрывает А. Вендт[360]. По его мнению, «взаимодействие на системном уровне меняет идентичности и интересы государств»[361]. Также идентичности могут меняться вследствие растущей взаимозависимости[362], а ощущение «мы» может возникнуть при регулярном сотрудничестве[363]. Коллективная идентичность возникает, когда другой воспринимается как «когнитивное продолжение себя», а благополучие другого становится залогом собственного[364]. Кроме того, А. Вендт дифференцирует коллективные идентичности «по предметной области, времени и месту»[365]. По мнению исследователя, в качестве «общего другого» для группы государств могут выступать внешние угрозы, например, «экологического коллапса»[366]. А. Вендт также отмечает роль дискурсивных практик и риторических формул в переопределении коллективного «себя»[367].

Акцент на роли идентичности в формировании и поддержании сообществ безопасности предопределил взаимосвязь теории с концепцией онтологической безопасности. Например, канадский политолог-международник П. Греве обращает внимание на то, что внутри сообществ безопасности сосуществуют индивидуальные и коллективные государственные идентичности («слои идентичности»), между которыми могут возникать противоречия[368]. По ее мнению, непризнание

---

[358] Ibid., p. 30–31.
[359] Ibid.
[360] Wendt A. Collective Identity Formation and the International State // American Political Science Review. 1994. Vol. 88, no. 2. P. 384–396. DOI: 10.2307/2944711.
[361] Ibid., p. 384.
[362] Ibid., p. 389.
[363] Ibid., p. 390.
[364] Ibid., p. 386.
[365] Ibid., p. 388.
[366] Ibid., p. 389.
[367] Ibid., p. 390–391.
[368] См. Greve P. Ontological security, the struggle for recognition, and the maintenance of security communities // Journal of International Relations and Development. 2018. Vol. 21, No. 4. P. 858–882.

индивидуальной идентичности (в том числе статуса) государства-члена может привести к трениям внутри – или даже распаду – сообщества безопасности.

***

Таким образом, конструктивистский теоретико-методологический инструментарий на стыке с реализмом – допущениями о том, что решающую роль в международных отношениях играет фактор мощи государства[369] и что поведение государств в анархичной системе мотивировано собственными интересами – обладает значительным эвристическим потенциалом при исследовании как современных макрорегиональных тенденций, так и политик отдельных арктических государств в области безопасности в Арктике.

[369] Как материальной, так и нематериальной.

Выводы к главе 1

В первой главе раскрываются теоретико-методологические основы диссертационного исследования. Сначала показана эволюция теоретических подходов к понятию безопасности в международно-политических исследованиях в целом и в контексте Арктике – в частности. Далее раскрывается теоретико-методологический инструментарий исследования политики отдельного государства в области безопасности с учетом процессов (де)секьюритизации, а также государственной идентичности, онтологической безопасности и стратегической культуры. Наконец, вырабатывается оптимальный теоретико-методологический инструментарий для анализа макрорегиональных тенденций в области безопасности в Арктике после холодной войны в русле реалистского конструктивизма.

Поскольку эпистемология диссертационного исследования находится на стыке позитивизма и интерпретивизма, а теоретическим основанием выступает реалистский конструктивизм, автор исходит из понимания безопасности как социально сконструированной. Он также придерживается парадигмы «расширенного» предметного поля безопасности, которое помимо военно-политических включает и невоенные аспекты. Это обусловлено не только эволюцией теоретических подходов к понятию безопасности в международно-политических исследованиях, но и спецификой Арктического региона. Современные проблемы безопасности на Севере охватывают не только военно-политическую, но также экологическую, экономическую и социальную сферы. Нередко они даже находятся на стыке двух или более сфер.

При этом исследование сфокусировано на государстве как основном акторе международных отношений и центральном субъекте в области безопасности в силу своего суверенитета. Такой методологический подход не лишает акторности других участников системы отношений в области региональной безопасности в Арктике, например, НПО и ММПО, однако наиболее адекватно отражает их второстепенную роль.

Концепт государственной идентичности служит ценным исследовательским инструментом политики отдельного государства в области безопасности, поскольку позволяет выявить его мотивацию при определении («конструировании») угроз и выборе необходимых – и уместных – мер реагирования на них. В этом отношении он органично дополняет теорию секьюритизации Копенгагенской школы, для которой сам процесс дискурсивного конструирования угроз важнее его предпосылок. Концепция онтологической безопасности выступает связующим звеном между государственной идентичностью и политикой в области безопасности. Она существенно углубляет понимание мотивации государства, поскольку вводит новый уровень анализа безопасности в дополнение к физическому («материальному») – идентитарный («идеационный»). Дополнительным конструктивистским инструментом исследования политики государства в области безопасности выступает концепт стратегической культуры, особенно в его семиотическом понимании как системы идей, задающей рамки стратегического взаимодействия в конкретном сообществе безопасности. Такая комбинация конструктивистских инструментов соответствует эпистемологии диссертационного исследования.

Поскольку сама «Арктика» как международно-политический регион (и коллективная государственная идентичность) – это, в известной степени, социальный конструкт, невозможно рассматривать общую динамику в области безопасности в Арктическом регионе вне его «социальной природы». Конструктивистский теоретико-методологический инструментарий – теория сообществ безопасности и учет роли онтологической безопасности в их формировании и поддержании – на стыке с реализмом обладает значительным эвристическим потенциалом при исследовании современных макрорегиональных тенденций в области безопасности в Арктике.

***

В последующих главах применим этот теоретико-методологический инструментарий в эмпирическом исследовании эволюции политики

арктических государств в области безопасности в Арктике на национальном и макрорегиональном уровнях.

Глава 2. Генезис и эволюция политики арктических государств в области безопасности в Арктике: паттерны (де)секьюритизации и (ответных) мер государственной политики

Эта глава открывает эмпирическую часть диссертационного исследования. Ее цель – выявить траектории эволюции политики арктических государств в области региональной безопасности на национальном уровне, а также оценить роль идеационных эндогенных движущих сил в этих процессах[370]. В первой эмпирической части работы мы будем использовать теоретико-методологический инструментарий, разработанный в разделе 1.2. для исследования политики отдельного государства в области безопасности. Этим обусловлено приоритетное внимание к ее *идеационным* движущим силам – государственной идентичности и особенностям стратегической культуры. В то же время будут также учитываться *материальные* (например, география, военная или экономическая мощь) и *смешанные*[371] (например, внутриполитическая динамика) эндогенные движущие силы.

Для достижения этой цели потребуется решить ряд задач. Во-первых, оценить роль *идеационных эндогенных движущих сил* в процессе формирования и эволюции национальных политик арктических государств в области региональной безопасности. Во-вторых, определить *динамику интенсивности и паттерны (де)секьюритизации* в национальных политиках арктических государств в области безопасности в Арктике. Наконец, проанализировать направленность и содержание *декларируемых и практических (ответных) мер* национальных политик арктических государств в области региональной безопасности.

В «национальной / эндогенной» части исследования мы будем исходить из двух дополнительных допущений, помимо тех, которые определили как базовые при раскрытии теоретических основ работы.

---

[370] Такая постановка цели обусловлена смешанной интерпретивистско-позитивистской эпистемологией диссертационного исследования.

[371] То есть находящиеся «на стыке» этих категорий.

Первое касается особенностей арктической государственной идентичности. Мы исходим из того, что у каждого из восьми арктических государств процесс ее формирования исторически происходил по-разному. Арктическая «надстройка» к общей государственной идентичности в результате *«национального преломления»* – в том числе взаимодействия с другими «слоями» идентичности – оказала различное влияние на восприятие арктическими государствами проблем в области региональной безопасности и, как следствие, на формирование их политики в области безопасности в Арктике.

Второе затрагивает главную внешнюю / структурную материальную движущую силу политики арктических государств в области безопасности в Арктике – климатические изменения. Исходим из того, что они присутствовали на протяжении всего рассматриваемого хронологического периода как константа, хотя и проявлялись с разной степенью интенсивности. В свою очередь, *восприятие* этого материального феномена и его потенциального влияния на региональную политику в области безопасности каждым конкретным государством обусловлено структурными и эндогенными факторами.

В наиболее общем виде движущие силы эволюции политики арктических государств в области безопасности в Арктике после холодной войны представлены на *Рисунке 2.1.* В ходе дальнейшего исследования мы будем анализировать их влияние как на национальные траектории эволюции политик в области региональной безопасности, так и на макрорегиональную динамику в этой сфере.

Внешние / структурные

Материальные		**Идеационные**
Природно-климатические трансформации Междержавная	Сообщество невоенной безопасности Коллективная идентичность конкуренция	
Внутриполитическая	борьба	
Материальная мощь (география, потенциал)	Государственная идентичность Особенности стратегической культуры	

Эндогенные

Рисунок 2.1. Матрица движущих сил эволюции политики арктических государств в области безопасности в Арктике после холодной войны.

Источник: составлено автором.

Прежде чем рассмотреть результаты качественно-количественного контент-анализа стратегических, концептуальных, доктринальных и нормативно-правовых документов арктических государств и их автономных образований в контексте безопасности в Арктике, хотелось бы сделать несколько пояснений по методике работы с эмпирическими данными.

Во-первых, чтобы оценить интенсивность восприятия проблем безопасности в политике отдельных арктических государств и их автономных образований, в сравнительной перспективе и на макрорегиональном уровне[372] был разработан универсальный количественный показатель – *индекс секьюритизации* (ИС). В основе индекса лежит трехчастная типология проблем безопасности «угрозы-вызовы-риски»[373]. Каждому речевому акту в базе данных в зависимости от степени секьюритизации присваивался числовой показатель: риск = 1, вызов = 2, угроза = 3. Индекс секьюритизации – это среднее арифметическое значение числовых показателей актов секьюритизации государства за определенный период по заданным критериям

[372] В главе 3.

[373] В тех случаях, когда степень секьюритизации не была обозначена явно, автор руководствовался следующими критериями. «Угроза» – проявляющийся или потенциальный процесс либо явление, способные привести к разрушению жизненно значимых интересов общества или государства и требующие немедленного реагирования. «Вызов» – долгосрочный, устойчиво проявляющийся фактор, который не требует срочного вмешательства, но способен постепенно снижать уровень безопасности и подрывать устойчивость системы. «Риск» – это возможность возникновения события или действия, которое при определенных условиях может превратиться в угрозу; он характеризуется вероятностью и масштабом потенциального ущерба. См. Звягельская И.Д., Наумкин В.В. Ук. соч.

(например, только в военно-политической сфере). Соответственно, если индекс равен 1, дискурс безопасности характеризуется только рисками, если 3 – только угрозами. Такой показатель позволяет избежать асимметрии при абсолютных количественных подсчетах актов секьюритизации, которые распределяются во времени, по документам и государствам далеко не равномерно, поскольку отражает их среднюю интенсивность на определенном хронологическом отрезке.

Для каждого арктического государства и двух автономных образований в составе Королевства Дания (Гренландии и Фарерских Островов) рассчитывались следующие индексы секьюритизации:

- общий для всех сфер безопасности по каждому периоду;
- в области военно-политической безопасности по каждому периоду;
- в области невоенной безопасности по каждому периоду;
- средний по всем периодам в области военно-политической безопасности[374];
- средний по всем периодам в области невоенной безопасности[375];
- средний по всем периодам для всех сфер безопасности[376].

Во-вторых, для большей наглядности и информативности анализа политики арктических государств в области региональной безопасности *в динамике* хронологические рамки исследования были разделены на четыре промежутка: 1989-2007, 2008-2013, 2014-2021 и 2022-2026 гг. «Реперными точками» периодизации послужили события, которые оказали значительное влияние на международное восприятие Арктики и последующую динамику в области региональной безопасности:

[374] Как среднее арифметическое значений для каждого периода.
[375] Аналогично.
[376] Аналогично.

- 2008 г. – принятие Илулиссатской декларации пятью прибрежными арктическими государствами[377], публикация доклада Геологической службы США (*USGS*) о колоссальных неразведанных запасах углеводородов на шельфе СЛО[378]. Годом ранее российские полярники под руководством А.Н. Чилингарова установили титановый флаг России в точке СП на дне СЛО[379], что вызвало неоднозначную реакцию западных арктических государств и стало восприниматься ими как начало «гонки за лидерство в регионе». В то же время именно к концу 2000-х гг. стали очевидны непропорциональное эффекты климатических изменений в северных полярных широтах. Именно на период 2008-2013 гг. приходится «первая волна» публикации специализированных стратегических и доктринальных документов региональных держав по Арктике.
- 2014 г. – начало украинского кризиса, за которым последовал рост военно-политической конфронтации России и западных государств. Его последствием для Арктики стало практически полное прекращение сотрудничества между Россией и другими региональными державами в области военной безопасности.
- 2022 г. – эскалация украинского кризиса после начала специальной военной операции (СВО) России на Украине. Это спровоцировало крупнейший политико-дипломатический кризис в Арктике с момента окончания холодной войны, в результате которого почти на два года была приостановлена работа АС, а оценки региональных военно-политических угроз подверглись серьезному пересмотру почти во всех арктических государствах.

---

[377] См. The Ilulissat Declaration // Ilulissat, Greenland: Kingdom of Denmark, 2008. URL: https://arcticportal.org/images/stories/pdf/Ilulissat-declaration.pdf.
[378] См. USGS Controversy, Notion of Klondike And 'Gold-boiling Mangazeya' // The Arctic Century. July 29, 2025. URL: https://arcticcentury.org/posts/usgs-controversy/.
[379] См. На дне Северного Ледовитого океана установлен российский флаг // Коммерсантъ. 02.08.2007. URL: https://www.kommersant.ru/doc/792095.

В-третьих, процесс сбора базы данных происходил в несколько этапов. На первом был собран корпус первичных текстовых артефактов – стратегических, концептуальных, доктринальных и нормативно-правовых документов арктических государств и их автономных образований в области арктической, внешней и оборонной политики, а также политики в области безопасности за 1989[380]-2026 гг. Затем в каждом тексте выделялись фрагменты (законченные цитаты), содержащие 1) речевые акты секьюритизации, 2) речевые акты десекьюритизации и 3) декларируемые (ответные) меры государственной политики. Эти цитаты заносились в базу данных в качестве первичного ключа (англ. *primary key*). Далее для каждой цитаты определялись сфера и уровень безопасности (основные и, при наличии, дополнительные). Для актов секьюритизации путем ручной кодировки определялась степень секьюритизации, после чего присваивался ИС. На следующем этапе в цитате выделялись декларируемые объекты защиты и источники опасности (не более трех). При наличии в цитате декларируемых (ответных) мер госполитики они заносились в отдельный столбец. Кроме того, для каждой цитаты указывались данные первичного источника (государство; год, название, тип и сфера действия документа; принявший его институт власти).

Наконец, динамика актов (де)секьюритизации и (ответных) мер государственной политики в области безопасности в Арктике в абсолютном выражении напрямую зависит от факта публикации того или иного документа и от его сферы действия (например, Арктика, оборона или внешняя политика). Чтобы нивелировать эти количественные искажения и проследить *эволюцию* политики, приоритетное внимание при анализе уделялось распределению речевых актов секьюритизации и декларируемых мер государственной политики по *сферам* (военная, политическая, экологическая, экономическая, общественная или безопасность человека) и *уровням безопасности* (локальный, национальный, субрегиональный, региональный или

[380] Нижняя граница первого периода обусловлена тем, что самый ранний стратегический документ на рассматриваемом временном отрезке датирован лишь 1989 г.

глобальный) в каждый период. Кроме того, для актов секьюритизации и мер госполитики на каждом временном промежутке выделялись наиболее частотные *объекты защиты*, а для актов секьюритизации дополнительно – наиболее распространенные *декларируемые источники опасности*. Это позволило проследить связи между элементами нарративов секьюритизации, а именно:

что защищается? → от чего? → на что направлены ответные меры?

Для удобства анализа объекты защиты и источники опасности в актах секьюритизации и объекты защиты в мерах госполитики были распределены по крупным тематическим группам (например, «Государство, суверенитет, территория и управление» или «Рост деятельности, транспортного трафика и техногенных происшествий»)[381]. При интерпретации результатов анализа важно учитывать, что объекты защиты и источники опасности указаны не во всех актах и мерах, поэтому внутри периодов возможны дисбалансы при сопоставлении тематических групп объектов и источников, а также сфер безопасности. Такой подход позволил не только выявить паттерны секьюритизации и госполитики, но и сопоставить риторику в отношении проблем безопасности с декларируемыми ответными мерами[382]. Отдельное внимание уделялось речевым актам десекьюритизации в контексте Арктики.

В качестве ограничения эмпирической части диссертационного исследования хотелось бы выделить неравномерную в количественном и хронологическом отношениях выборку стратегических, концептуальных, доктринальных и нормативно-правовых документов арктических государств и их автономных образований в контексте безопасности в Арктике. В отдельных случаях она не позволила сформировать представление о паттернах (де)секьюритизации, а также декларируемых мер государственной политики в области безопасности в Арктике для некоторых периодов. Тем не менее это всегда было обусловлено либо особенностями эволюции национальной

[381] Подробнее см. Приложения 1 и 2.

[382] При составлении итоговых таблиц и диаграмм учитывались сфера и уровень безопасности 1 (основные), все объекты и источники.

арктической политики, либо культурой стратегического планирования государства или его автономного образования. Несмотря на это ограничение, для каждого арктического государства и двух датских автономных образований удалось выявить тенденции эволюции политики в области безопасности в Арктике.

Далее в главе рассмотрим результаты анализа эмпирических данных по каждому из восьми арктических государств и двух датских автономных образований.

2.1. Россия

Значение Арктики для становления и развития Российского государства сложно переоценить. Россию можно по праву считать одной из древнейших арктических и северных держав.

Первые упоминания об освоении побережья СЛО новгородцами содержатся еще в «Повести временных лет» Нестора-летописца начала XII в. На протяжении XI-XIII вв. Новгород постепенно укреплял свое присутствие на землях от Балтики до Белого моря и Урала, обложив данью местное финно-угорское и саамское население. В 1264 г. в одной из грамот впервые упоминается новгородская колония на Мурманском берегу – Кола. С XV в. русские начинают осваивать северные морские пути в Западную Европу из Белого и Карского морей, а в 1525 г. русский дипломат Д. Герасимов составил первый полноценный проект транспортного маршрута «из Студеного моря [Белого – *прим. автора*] до устья Оби»[383]. После присоединения Новгорода в 1478 г. Московское княжество получает прямой выход к СЛО. По мере освоения Сибири и Дальнего Востока вплоть до конца XVIII в. Российское государство прирастало территориями на побережье СЛО, причем не только в Евразии, но и в Северной Америке[384].

В конце XIX в. Арктика приобретает для Российской империи не только экономическое, но и военное значение. При Александре III была разработана первая Северная экономическая и военная стратегия[385]. В 1890-х гг. началось создание российского арктического и ледокольного флота. Тогда же на берегу Кольского залива началось строительство порта, который стал местом дислокации российской Флотилии Северного Ледовитого океана[386]. В годы Первой мировой войны противоборствующие стороны придавали большое

---

[383] Путин поручил готовиться к 500-летию освоения Северного морского пути // РБК. 10.03.2025. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/67cf00439a794798e27b9c2c.

[384] Подробнее об истории освоения Российской Арктики см. Воронков Л.С. Геополитические и международные проблемы современной Арктики. М.: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2021. С. 40-54; Визе В.Ю. Моря Советской Арктики: Очерки по истории исследования. [2-е, доп. изд.] Ленинград: Изд-во Главсевморпути, 1939. 568 с.

[385] Воронков Л.С., ук. соч., с. 49.

[386] Там же.

значению контролю над портами северных морей, за многие из которых велась ожесточенная борьба.

Растущий интерес к рыбопромысловой деятельности и опасения утраты контроля над островами в прилегающих арктических морях побудили руководство России юридически закрепить свои права на эти земли и акватории. Правительственной нотой-депешей от 20 сентября 1916 г. Российская империя обозначила свои права на весь арктический сектор СЛО на основе сложившегося международно-правового обычая. В 1924 г. СССР подтвердил положения ноты-депеши 1916 г. меморандумом Народного комиссариата иностранных дел. В 1925 г. советское правительство признало проливы в прилегающих морях СЛО территориальными водами либо «исторически принадлежащими» СССР. Годом позднее постановлением Президиума ЦИК [Центрального исполнительного комитета – *прим. автора*] СССР земли и острова, расположенные в СЛО, были объявлены территорией Советского Союза[387].

В 1930-х гг. освоение Советской Арктики выходит на новый уровень и провозглашается СССР одной из приоритетных задач государственной политики, а сама Арктика становится жизненно важным регионом для обеспечения безопасности государства. В 1932 г., после того как экспедиция О.Ю. Шмидта на ледокольном пароходе «Александр Сибиряков» прошла из Белого моря до Берингова пролива за одну навигацию, для освоения этого морского маршрута в СССР было создано Главное управление Северного морского пути (Главсевморпуть, ГУСМП)[388]. В 1933 г. «для обороны Советского Заполярья» в составе ВМФ СССР был образован Северный флот.

В годы Великой Отечественной войны Советское Заполярье стало одним из важнейших театров военных действий. Именно через моря СЛО СССР

[387] Подробнее о международно-правовом закреплении прав Российской империи/СССР на арктический сектор в СЛО см. Воронков Л.С., ук. соч., с. 49-54.
[388] Постановление СНК СССР от 17.12.1932 №1873 «Об организации при Совете народных комиссаров Союза ССР Главного управления северного морского пути» // Консультант+. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=24839#hWxlHYUK6v47P8d41.

получал значительную часть союзной помощи по ленд-лизу, которая шла с северными (арктическими) конвоями.

В годы холодной войны Арктика превращается в зону стратегического ядерного сдерживания СССР и США как кратчайший маршрут для доставки боезарядов. Идет процесс активной милитаризации Советского Заполярья: Москва укрепляет военное присутствие и повышает активность на арктическом побережье, а также на островах и в прилегающих акваториях СЛО. Параллельно Советский Союз ведет промышленное освоение и научные исследования Севера.

После распада СССР Арктика и Север на целое десятилетие выпадают из фокуса внимания российского руководства. В условиях снижения глобальной и региональной военно-политической напряженности консервируются многочисленные военные объекты, а экономические проблемы вынуждают практически полностью свернуть научно-исследовательскую активность в высоких широтах. «Возвращение России в Арктику» началось лишь в начале 2000-х гг. с возобновления работы дрейфующих полярных станций усилиями отечественных полярников во главе с А.Н. Чилингаровым. Вследствие климатических изменений в этот период начали открываться перспективы ресурсного освоения[389] и развития активного судоходства в российских арктических морях, и с конца 2000-х гг. руководство страны уделяет все большее внимание развитию регионов Крайнего Севера и СМП[390]. В 2012 г. были определены новые границы акватории СМП от проливов архипелага Новая Земля до Берингова пролива[391],

[389] Подробнее о российских подходах к обеспечению энергетической безопасности в Арктике во второй половине 2000-х гг. см. Kozhokin E. Energy Security in the Arctic Region // Emerging from the Frost: Security in the 21st Century Arctic / ed. by K. Skogrand. Oslo: Norwegian Institute for Defence Studies, 2008. P. 69–74. (Oslo Files on Defence and Security. No. 2/2008).

[390] Подробнее о современной политике России в отношении СМП см. Липунов Н.С. Образы Северного морского пути в российском официальном дискурсе (2008–2024) // Международная аналитика. 2025. Т. 16. № 1. С. 78-98. DOI: https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-1-78-98.

[391] «Под акваторией Северного морского пути понимается водное пространство, прилегающее к северному побережью Российской Федерации, охватывающее внутренние морские воды, территориальное море, прилежащую зону и исключительную экономическую зону Российской Федерации и ограниченное с востока линией разграничения морских пространств с Соединенными Штатами Америки и параллелью мыса Дежнева в Беринговом проливе, с запада меридианом мыса Желания до архипелага Новая Земля, восточной береговой

а сам Севморпуть был законодательно обозначен *«исторически сложившейся национальной транспортной коммуникацией Российской Федерации»*[392].

В 2010-х гг. начинается активное социально-экономическое и инфраструктурное развитие Российской Арктики. Освоение и развитие региона становится одним из приоритетов внутренней политики. Возрастает грузопоток по СМП – особенно после ввода в эксплуатацию проекта «Ямал СПГ». Ведется модернизация и расширение ледокольного флота, в том числе атомного. В этот период в государственной политике России в отношении СМП наметилась дилемма между «национализацией», то есть усилением национального контроля над морским маршрутом в силу его не только экономического, но и оборонного значения, и «интернационализацией» – развитием международных грузоперевозок[393]. Во второй половине 2020-х гг. в свете развития на основе СМП Трансарктического транспортного коридора (ТТК) эта дилемма становится все более насущной.

После эскалации украинского кризиса и военно-политической конфронтации с западными государствами в 2022 г. международное сотрудничество России с традиционными региональными партнерами практически прекратилось. Москва сфокусировалась на развитии АЗРФ и СМП и взаимодействии в этих целях с нерегиональными партнерами – в первую очередь, Китаем и Индией. В 2023 г. Арктика была впервые обозначена в качестве второго по значению регионального направления внешней политики России[394].

Таким образом, исторически Арктика – и шире, Север – стали для России составным элементом государственной идентичности. Они оказали значительное влияние на становление и развитие ее государственности,

---

линией архипелага Новая Земля и западными границами проливов Маточкин Шар, Карские Ворота, Югорский Шар» (ст. 5.1. КТМ РФ).

[392] Федеральный закон от 31.07.1998 N 155-ФЗ (ред. от 19.10.2023) «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024), ст. 14.

[393] Подробнее см. Липунов Н.С., ук. соч.

[394] Подробнее см. Lipunov N. The Arctic in the 2023 Russian Foreign Policy Concept / N. Lipunov, P. Devyatkin // The Arctic Institute. – May 30, 2023. URL: https://www.thearcticinstitute.org/arctic-2023-russian-foreign-policy-concept/.

внутреннюю и внешнюю политику[395]. Начиная со второй половины XX в. и особенно в первой четверти XXI в. – на фоне роста международного интереса к Арктическому региону – Север стал для России зоной *жизненно важных* интересов[396].

Несмотря на значение Арктики для России, арктическая самоидентификация в современном официальном дискурсе умеренная, особенно в сравнении с другими региональными державами. Например, в 2008 г. в первых «Основах госполитики» Россия обозначает себя «ведущей арктической державой», а в морских доктринах 2015 и 2022 г. подчеркивает свое «лидерство в изучении и освоении морских пространств Арктики». Других эксплицитных характеристик России как «арктической державы» в официальном дискурсе за рассматриваемый период найти не удалось. Тем не менее в нем присутствует косвенная самоидентификация – через акцент на стратегическом значении Арктики для страны и ее мощи, а также на наибольшем потенциале России среди других региональных держав. Например, по словам президента В.В. Путина, «Арктика имеет особое стратегическое значение [для России – *прим. автора*] и колоссальные экономические возможности»[397], поэтому «будущее страны – за освоением Арктики»[398].

Для анализа официального дискурса и декларируемых мер государственной политики России в области безопасности в Арктике с 1990-х гг. были отобраны 18 стратегических, концептуальных, доктринальных и нормативно-правовых документов в области арктической, внешней и оборонной политики, а также политики в области безопасности. Среди них: Стратегия Российской Федерации по охране окружающей среды и

---

[395] Подробнее о «северности» России в исторической и культурологической перспективе см. Головнев А.В. Северность России. СПб: МАЭ РАН, 2022. 450 с.

[396] По типологии Примакова-Хрусталева. См. Примаков Е.М., Хрусталев М.А. Ситуационные анализы. Методика проведения // Очерки текущей политики / Научно-образовательный форум по международным отношениям, МГИМО МИД России. — М.: НОФМО, 2006. Вып. 1. С. 20.

[397] Путин назвал освоение Арктики неоспоримым приоритетом для России // РБК. 11.12.2023. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/657745c89a79476c9e0839be.

[398] Путин рассказал о значимости Арктики для России // Газета.Ру. 28 июня 2025. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2025/06/28/26149088.shtml?utm_auth=false.

обеспечению устойчивого развития (1994 г.)[399], Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу (2008 г.)[400], Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (2009 г.)[401], Климатическая доктрина Российской Федерации (2009 г.)[402], Энергетическая стратегия России на период до 2030 года (2009 г.)[403], Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года (2013 г.)[404], Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (2015 г.)[405], Морская доктрина Российской Федерации (2015 г.)[406], Концепция внешней политики РФ (2016 г.)[407], Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года (2017 г.)[408], Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года (2017 г.)[409], Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года

---

[399] Указ Президента Российской Федерации от 4 февраля 1994 г. № 236 «О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития» // Правовые акты Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/5422.

[400] Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу. 18 сентября 2008 года // Правовые акты Российской Федерации. URL: https://docs.cntd.ru/document/902149373.

[401] Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Гарант. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/95521/.

[402] Распоряжение Президента Российской Федерации от 17 декабря 2009 г. № 861-рп «О Климатической доктрине Российской Федерации» // Гарант. URL: https://base.garant.ru/2170243/.

[403] Распоряжение Правительства РФ от 13 ноября 2009 года № 1715-р «Об утверждении Энергетической стратегии России на период до 2030 года» // Правовые акты Российской Федерации. URL: https://docs.cntd.ru/document/902187046.

[404] Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года // Правительство Российской Федерации. 2013. URL: http://static.government.ru/media/files/2RpSA3sctElhAGn4RN9dHrtzk0A3wZm8.pdf.

[405] Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391/page/1.

[406] Морская доктрина Российской Федерации. 26.07.2015 // Правовые акты Российской Федерации. URL: https://docs.cntd.ru/document/555631869.

[407] Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451/page/1.

[408] Указ Президента Российской Федерации от 19.04.2017 г. № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // Правительство Российской Федерации. URL: http://government.ru/docs/all/111285/.

[409] Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Президент России. 13 мая 2017 года. URL: http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201705150001.pdf.

(2020 г.)[410], Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года (2020 г.)[411], Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года (2020 г.)[412], Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (2021 г.)[413], Морская доктрина Российской Федерации (2022 г.)[414], Концепция внешней политики РФ (2023 г.)[415] и Энергетическая стратегия РФ до 2050 года (2025 г.)[416].

Секьюритизация в контексте Арктики прослеживается в российской политике в области безопасности с 2008 г. В 2010-х гг. в количественном выражении она умеренная и эпизодическая. Резкий всплеск наблюдается в 2020 г. с принятием двух обновленных документов стратегического планирования в отношении Арктики – Основ государственной политики и Стратегии развития АЗРФ. В начале 2020-х гг. количественная динамика возвращается в прежнее русло.

На всем промежутке времени секьюритизация в контексте Арктики происходит преимущественно в специализированных арктических документах – Основах государственной политики и Стратегиях развития АЗРФ и обеспечения национальной безопасности.

Средние показатели индекса арктической секьюритизации для России в 2008-2026 гг. представлены в *Таблице 2.1.1.* Его общее значение тяготеет к доминированию «вызовов», то же характерно для военно-политической и невоенной сферы по отдельности, однако военно-политическая

---

[410] Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972.

[411] Указ Президента РФ от 5 марта 2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» // Гарант. URL: https://base.garant.ru/73706526/.

[412] Распоряжение Правительства РФ от 09.06.2020 № 1523-р (ред. от 15.02.2025) «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года» // Правовые акты Российской Федерации. URL: https://docs.cntd.ru/document/565068231.

[413] Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/.

[414] Морская доктрина Российской Федерации. 31.07.2022 // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1688734/.

[415] Концепция внешней политики Российской Федерации. 31 марта 2023 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/.

[416] Распоряжение Правительства РФ от 12 апреля 2025 года № 908-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года» // Правовые акты Российской Федерации. URL: https://docs.cntd.ru/document/1312459681.

секьюритизация выражена сильнее. Общая динамика секьюритизации устойчиво восходящая (*Рисунок 2.1.1.*) с замедлением темпов в невоенной сфере после 2022 г. В 2022-2026 гг. общие показатели индекса находятся в зоне «угроз», что можно объяснить спецификой двух из трех источников за этот период, Морской доктрины и Концепции внешней политики, в которых актуализируются проблемы безопасности геополитического характера.

Индекс секьюритизации	Значение
Общий	**1,91**
Военно-политическая сфера	2,00
Невоенная сфера	1,77

Таблица 2.1.1. Средний индекс арктической секьюритизации для России в 2008-2026 гг.

Источник: Расчеты автора на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

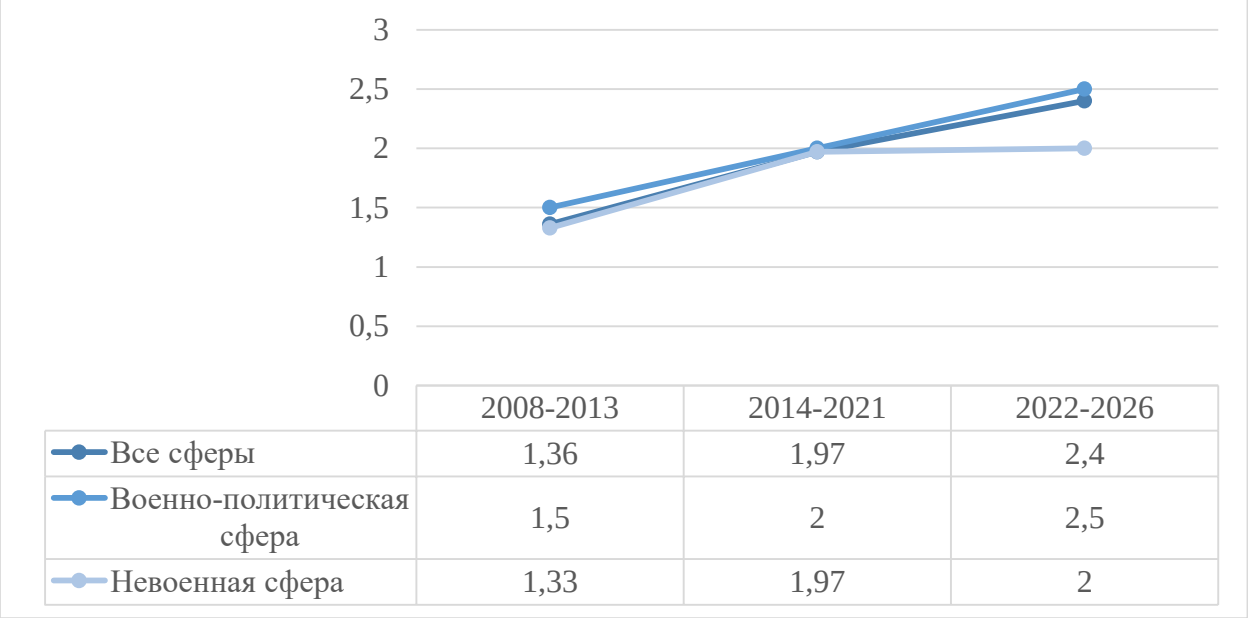

Рисунок 2.1.1. Динамика индекса арктической секьюритизации для России по сферам безопасности в 2008-2026 гг.

Источник: Расчеты автора на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

По сферам безопасности до 2021 г. преобладают невоенные – безопасность человека и экономическая, после 2022 г. – военная (*Таблица 2.1.2.*). Экономическая и морская секьюритизация появляются чаще после 2013 г., что связано с началом активного развития СМП в 2012 г.[417] и образованием АЗРФ в 2014 г.[418], и особенно растут в 2020 г. с принятием новых стратегических документов по Арктике. В 2020-х гг. усиливается

[417] См. Липунов Н.С. Образы Северного морского пути в российском официальном дискурсе (2008–2024) // Международная аналитика. 2025. Т. 16. № 1. С. 78-98. DOI: https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-1-78-98.

[418] См. Об Арктической зоне РФ // Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики. URL: https://erdc.ru/about-azrf-old/.

военно-политическая секьюритизация. Характерно, что в арктических документах более акцентируется невоенная безопасность, во внешнеполитических – военно-политическая. В 2008-2021 гг. преобладает национальный уровень секьюритизации, после 2022 г. она становится исключительно региональной.

Период / показатель	**Сфера секьюритизации**	**Уровень секьюритизации**
2008-2013	Безопасность человека (36,4%)	Национальный (81,8%)
2014-2021	Экономическая (37,8%)	Национальный (73%)
2022-2026	Военная (60%)	Региональный (100%)

Таблица 2.1.2. Доминирующие сферы и уровни арктической секьюритизации для России в 2008-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Тематически объекты защиты в 2008-2013 гг. равномерно распределены между категориями «Окружающая среда, климат, устойчивое развитие и наука», «Население, коренные народы и общественная устойчивость», «Государство, суверенитет, территория и управление», «Экономика, ресурсы, продовольствие и технологии» и «Инфраструктура, транспорт, связь и энергетика» (*Рисунок 2.1.2.*). В 2014-2021 гг. увеличиваются эколого-климатический и экономический блоки. После 2022 г. происходит «суверенизация» дискурса, и значительно увеличивается доля группы «Региональный мир, международный порядок и сотрудничество», что вызвано обострением глобальной и региональной военно-политической ситуации.

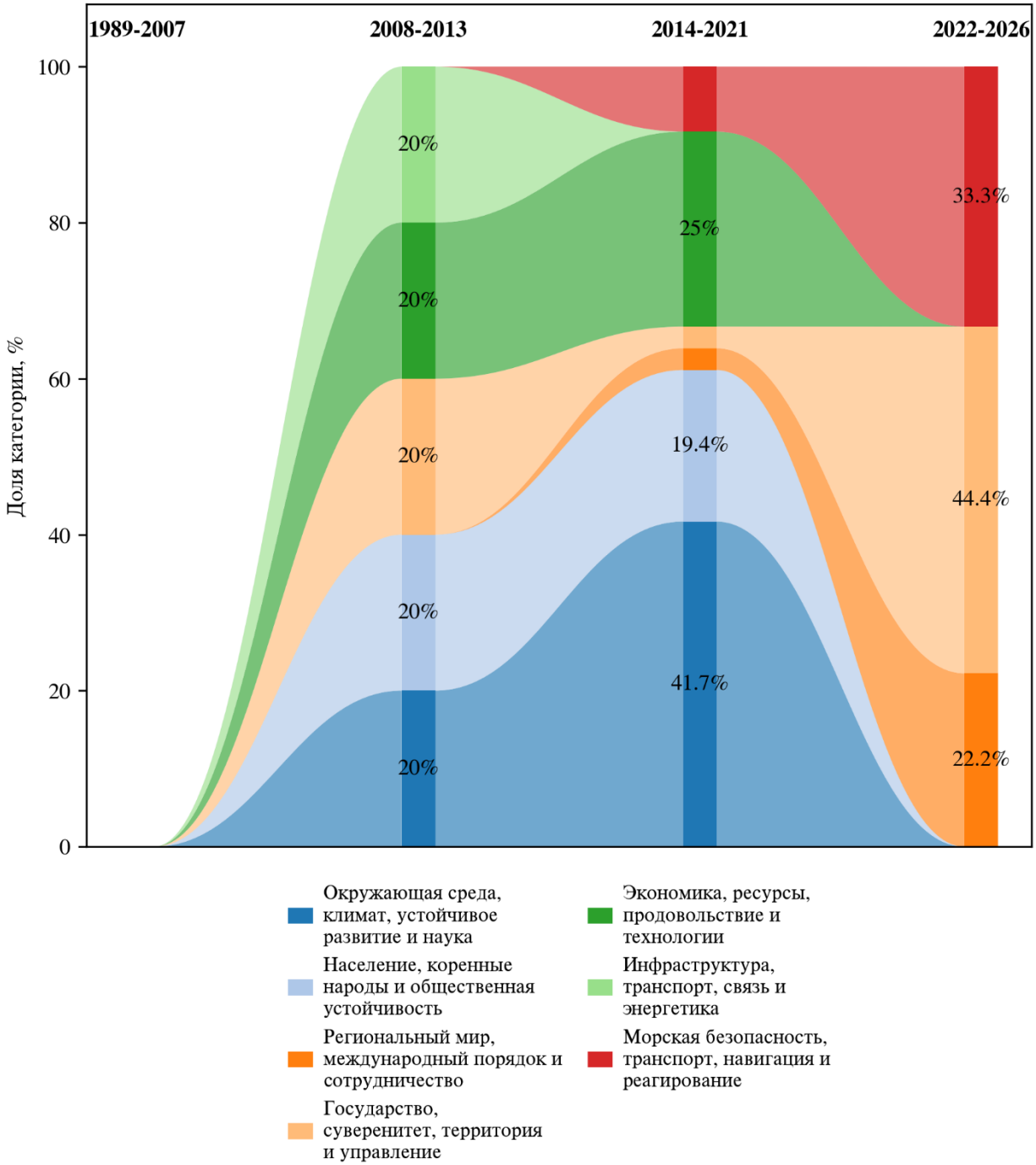

Рисунок 2.1.2. Распределение декларируемых объектов защиты в актах секьюритизации по тематическим группам для России в 2008-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Декларируемые источники опасности разнообразны, однако к 2020-м гг. гомогенизируются (*Рисунок 2.1.3.*). До 2013 г. преобладают тематические группы «Рост деятельности, транспортного трафика и техногенных происшествий», «Климатические и криосферные изменения» и «Терроризм, преступность и незаконная деятельность», что связано с интенсивными природно-климатическими трансформациями и повышением доступности региона. В 2014-2021 гг. на фоне активизации глобального и регионального междержавного соперничества, роста международного интереса к Арктике и проведения более системной государственной политики РФ на Севере увеличиваются доли категорий «Стратегическая конкуренция, правовые споры и внешняя нестабильность», «Инфраструктурные, технологические и природно-географические ограничения» и «Демографические, социальные и кадровые проблемы». После 2022 г. в российском официальном дискурсе – с поправкой на состав выборки источников – можно констатировать доминирование военно-политических источников опасности.

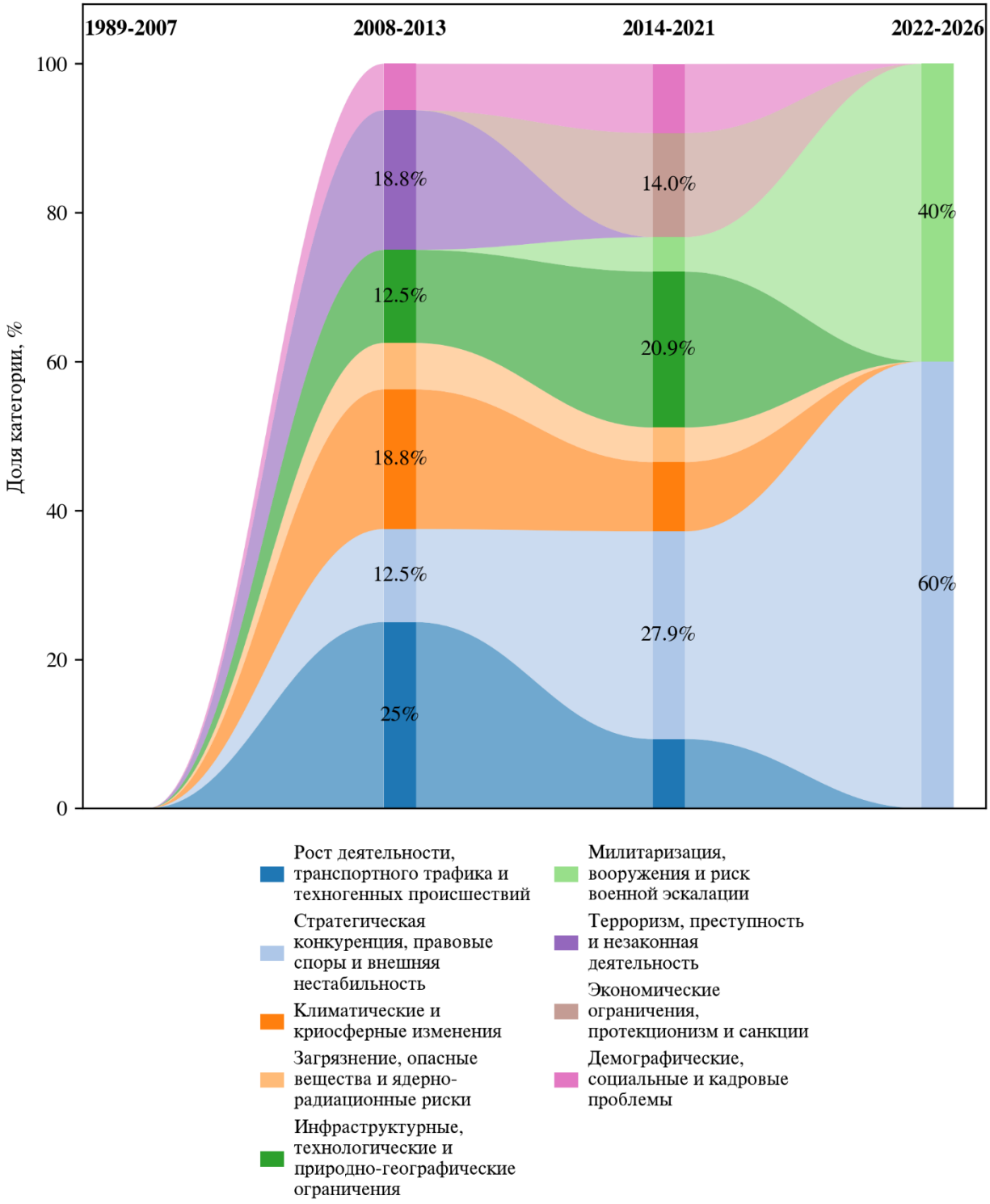

Рисунок 2.1.3. Распределение декларируемых источников опасности в актах секьюритизации по тематическим группам для России в 2008-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Динамика десекьюритизации растет на всем промежутке времени (*Рисунок 2.1.4.*). Чаще всего она появляется во внешнеполитических документах и нацелена на сохранение Арктики в качестве «зоны мира».

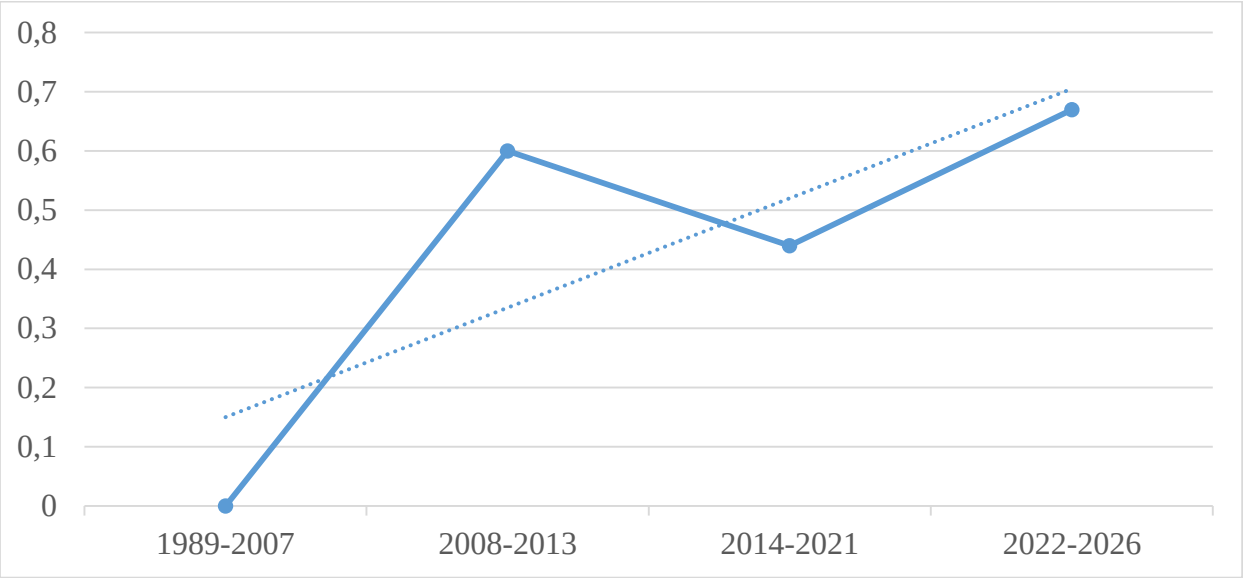

Рисунок 2.1.4. Среднее количество актов арктической десекьюритизации на один стратегический, концептуальный, доктринальный или нормативно-правовой документ для России в 1989-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Декларируемые меры государственной политики России в области безопасности в Арктике присутствуют во всех документах, начиная с 1994 г. Первый пик – 2008 г., когда Арктика впервые оформилась в качестве самостоятельного направления госполитики с принятием соответствующего документа. Следующий – 2020 г., когда были обновлены два базовых стратегических документа по Арктике. Наконец, с публикацией в 2022 г. новой Морской доктрины четко оформился арктический вектор морской политики России.

В 1990-х – начале 2000-х гг. практический компонент российской политики в области безопасности в Арктике сосредоточен на охране окружающей среды (*Таблица 2.1.3.*). Впоследствии среди мер наблюдается баланс между всеми сферами безопасности, однако до 2014 г. заметен небольшой перевес в сторону военной, а после 2014 г. – в сторону

экономической, хотя она идет с военной почти на равных. Это обусловлено не только активным развитием социально-экономической политики на Севере после формирования АЗРФ, но и планомерным усилением военного присутствия: восстановлением заброшенной советской военной инфраструктуры и преобразованием Северного флота сначала в объединенное стратегическое командование в 2014 г., а затем – в самостоятельный военный округ в 2021 г.[419] После 2022 г. меры в области невоенной безопасности по-прежнему преобладают. После 2008 г. декларируемая практическая политика России в области арктической безопасности сосредоточена на национальном уровне, хотя его доля последовательно уменьшается.

Период / показатель	**Сфера мер**	**Уровень мер**
1989-2007	Экологическая (100%)	Глобальный (100%)
2008-2013	Военная (32,3%)	Национальный (77,4%)
2014-2021	Экономическая (25%)	Национальный (66,7%)
2022-2026	Экономическая (30,2%)	Национальный (55,8%)

Таблица 2.1.3. Доминирующие сферы и уровни декларируемых мер государственной политики в области безопасности в Арктике для России в 1989-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Тематическое распределение объектов мер госполитики хронологически довольно стабильно – с поправкой на единственный документ экологической направленности в первом периоде (*Рисунок 2.1.5.*). В 2008-2026 гг. наблюдается «инверсия» долей между категориями «Государство, суверенитет, территория и управление» и «Морская безопасность, транспорт, навигация и реагирование».

[419] Северный флот России получил статус военного округа // Интерфакс. 1 января 2021. URL: https://www.interfax.ru/russia/743819.

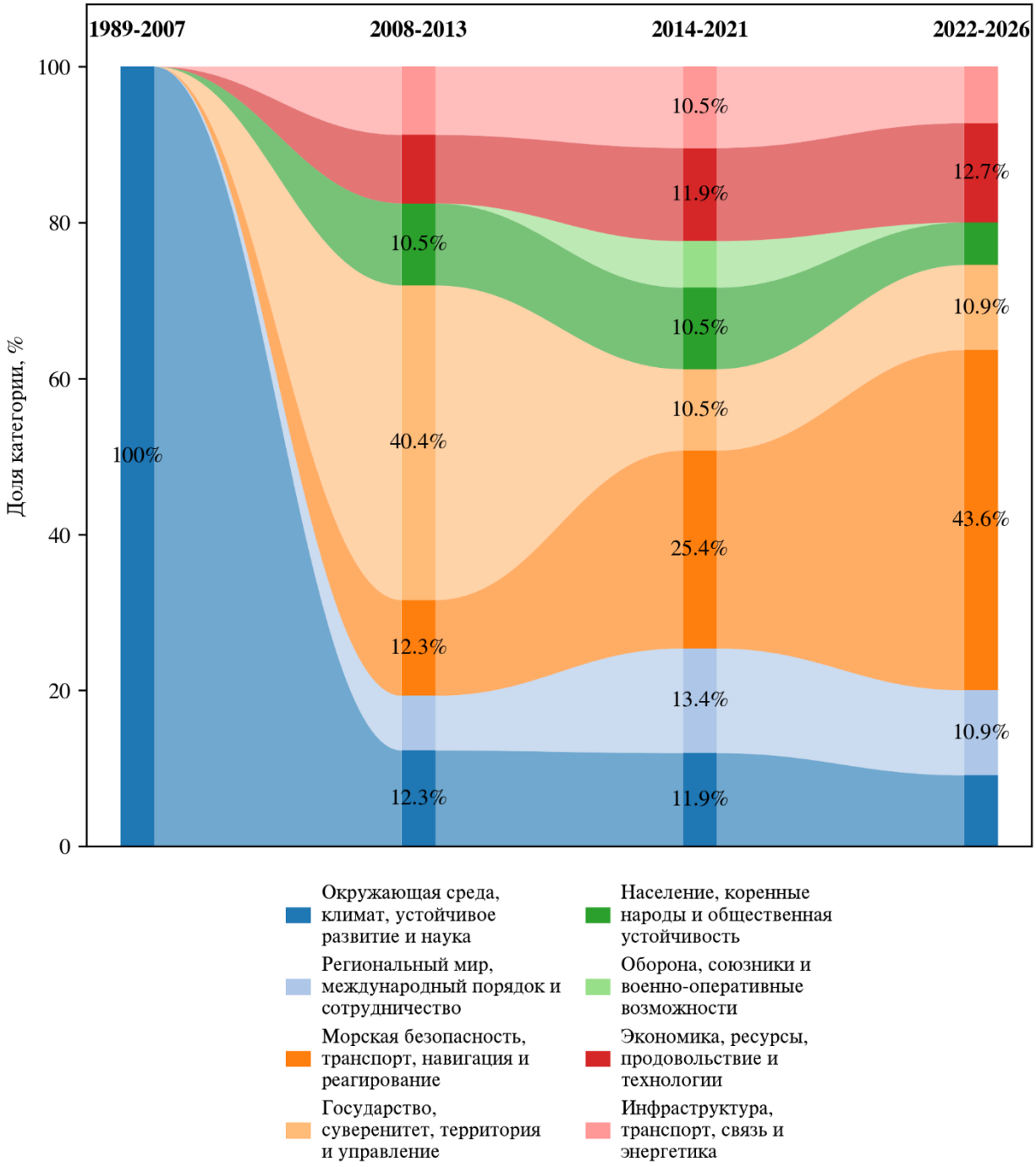

Рисунок 2.1.5. Распределение объектов декларируемых мер государственной политики в области безопасности в Арктике по тематическим группам для России в 1989-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Таким образом, Арктика для России – не просто одно из ключевых направлений внутренней, внешней, оборонной или морской политики, а часть государственной идентичности и один из компонентов статуса великой державы. По мере роста значения Арктики для России со второй половины 2000-х гг. региональные вопросы все чаще становятся объектом государственной политики в области безопасности. Это проявляется в устойчивом усилении интенсивности секьюритизации во всех сферах безопасности, особенно в военно-политической на фоне общей (ре)милитаризации Арктики. Тем не менее Север остается для России, в первую очередь, социо-гуманитарным и экономическим пространством – местом для жизни и развития и ресурсной базой, от которой во многом зависит благосостояние страны и ее глобальная конкурентоспособность. Траекторию эволюции российской политики в области безопасности в Арктике можно описать как постепенное «наслаивание» региональной военно-политической составляющей на устойчивую национальную социально-экономическую и эколого-климатическую основу при растущей роли морской безопасности. Наиболее иллюстративной в этой связи представляется дилемма между усилением национального контроля над СМП и его интернационализацией по мере развития транспортного маршрута.

2.2. США

По историческим меркам, Соединенные Штаты – самая молодая прибрежная[420] арктическая держава. Данным статусом она в известном смысле «обязана» России. Как уже отмечалось в предыдущем разделе, с конца XVIII в. арктические владения Российской империи включали Алеутские острова и земли полуострова Аляска в Северной Америке. Эти поселения вошли в историю как Русская Америка[421].

В 1857 г. «в связи с неизбежностью в будущем захвата Русской Америки Соединенными Штатами» великий князь Константин предложил министру иностранных дел Российской империи А.М. Горчакову продать североамериканские владения США[422]. Спустя десять лет император Александр II одобрил эту идею. В 1867 г. Российская империя и США подписали договор «Об уступке Российских Североамериканских колоний», по которому за 7 млн 200 тыс. долларов под американский суверенитет переходили все земли к востоку от меридиана, который проходит посередине между островами Крузенштерна и Ратманова в Беринговом проливе[423]. 29 октября 1867 г. они официально перешли под управление Вашингтона, и у США появились владения в Арктике[424].

В течение более чем трех десятилетий после покупки американские власти практически не уделяли Аляске внимания. Ситуация начала меняться лишь во время «золотой лихорадки» на рубеже XIX-XX вв., когда стали открываться перспективы ресурсного освоения приобретенной территории. После Второй мировой войны стало очевидно ценное геостратегическое положение Аляски, и 3 января 1959 г. она стала 49-м штатом США[425].

---

[420] То есть имеющая выход к СЛО.
[421] Подробнее об освоении Аляски и Алеутских островов Российской империей см. Воронков Л.С., ук. соч., с. 54-58.
[422] Воронков Л.С., ук. соч., с. 58-59.
[423] Там же.
[424] Там же.
[425] См. Purchase of Alaska, 1867 // Office of the Historian, Shared Knowledge Services, Bureau of Administration. United States Department of State. URL: https://history.state.gov/milestones/1866-1898/alaska-purchase.

Новый виток американского внимания к Арктике пришелся на конец 2000-х гг. после публикации уже упомянутого ранее доклада Геологической службы США о неразведанных – иными словами, потенциальных – запасах углеводородов на шельфе СЛО. На исходе второй администрации Дж. Буша-мл. в 2009 г. в США выходит президентская директива, в которой впервые излагается видение арктической политики Вашингтона как самостоятельного направления.

Первые активные и продуманные шаги на этом направлении предприняла уже администрация Б. Обамы. В 2009 г. он впервые озвучил цель обновления ледокольного флота, а в 2013 г. принял первую полноценную арктическую стратегию. В центре ее внимания были проблема климатических изменений, сохранение местных экосистем, развитие инфраструктуры на Аляске, многостороннее сотрудничество, но не военно-политические аспекты. Они вышли на первый план лишь с приходом в Белый дом Д. Трампа. При нем Арктика стала для США еще одной зоной геополитического соперничества с Россией и Китаем, что было прямо зафиксировано в доктрине Министерства обороны 2019 г.

Администрация Дж. Байдена продолжила активную политику на Арктическом направлении, объединив военно-политические элементы республиканской стратегии с традиционно демократической повесткой дня. К задачам сдерживания геополитических соперников прибавились борьба с климатическими изменениями и поддержка КНС[426]. При Дж. Байдене США перешли от реактивной к проактивной политике в регионе: были восстановлены институты координации арктической политики эпохи Обамы и учреждена должность арктического посла; была принята новая десятилетняя арктическая стратегия США, и Арктика была впервые упомянута как самостоятельное региональное направление в Стратегии национальной

[426] Подробнее см. Липунов Н.С. Перспективные направления арктической политики администрации Дж. Байдена // Россия и Америка в XXI веке. 2021. Спецвыпуск. DOI: https://doi.org/10.18254/S207054760018179-3.

безопасности; инициирован трехсторонний ледокольный консорциум с Канадой и Финляндией (англ. *ICE Pact*).

Приход второй администрации Д. Трампа в 2025 г. ознаменовался «переизданием» доктрины Монро и прагматичным реалистским подходом к внешней политике. Арктика не была упомянута в новой Стратегии национальной безопасности, однако регион по-прежнему сохраняет большое военно-политическое и экономическое значение для Вашингтона.

В отличие от многих других региональных держав, Арктика не имеет большого значения для американской национальной идентичности. Тем не менее с момента «осознанного прихода» в Арктику на исходе администрации Дж. Буша-мл. США активно конструируют свою арктическую государственную идентичность. Чаще всего – почти в каждом документе по арктической тематике – в официальном дискурсе используется формулировка «арктическая страна» (амер. англ. *Arctic nation*). В документах эпохи Дж. Байдена делается акцент на лидерстве в регионе и статусе «ответственной державы». Из этого можно сделать вывод о том, что артикуляция арктической идентичности важна для США как внешнеполитический инструмент и способ укрепления статуса арктической державы для региональной и внерегиональной аудиторий, особенно на фоне растущего междержавного соперничества в Арктике. Кроме того, это еще и элемент статуса глобального лидера[427] и великой державы.

Для анализа официального дискурса и декларируемых мер государственной политики США в области безопасности в Арктике с конца 2000-х гг. были отобраны 18 стратегических, концептуальных, доктринальных и нормативно-правовых документов в области арктической, внешней и оборонной политики, а также политики в области безопасности. Среди них:

[427] В свете подходов второй администрации Д. Трампа (на момент написания диссертации) высока вероятность отказа от этой роли при сохранении великодержавности как константы. В случае прихода демократической администрации поддержание этой роли может снова вернуться во внешнеполитическую повестку дня США.

Политика в отношении Арктического региона (2009 г.)[428], Национальная стратегия в отношении Арктического региона (2013 г.)[429], Арктическая стратегия Министерства обороны (2013 г.)[430], План реализации Национальной стратегии в отношении Арктического региона (2014 г.)[431], «Укрепление координации национальных усилий в Арктике» (2015 г.)[432], Арктическая стратегия Министерства обороны (2019 г.)[433], Стратегический обзор по Арктике Береговой охраны США (2019 г.)[434], «Стратегический обзор по Арктике» (2019 г.)[435], Стратегия ВВС США в Арктике (2020 г.)[436], «Преимущество на море» (2020 г.)[437], «Восстановление господства в Арктике: Армия США в Арктике» (2021 г.)[438], Стратегический подход Министерства внутренней безопасности США к обеспечению национальной безопасности в Арктике (2021 г.)[439], Национальная стратегия в отношении Арктического региона (2022 г.)[440], Стратегия национальной безопасности (2022 г.)[441],

[428] Arctic Region Policy. National Security Presidential Directive and Homeland Security Presidential Directive // The White House. 2009. URL: https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2009/01/20090112-3.html.
[429] National Strategy For The Arctic Region // The White House. 2013. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/nat_arctic_strategy.pdf.
[430] Arctic Strategy // U.S. Department of Defense. November 2013. URL: https://www.atlanticcouncil.org/blogs/natosource/text-of-pentagons-new-arctic-strategy/.
[431] Implementation Plan for the National Strategy for the Arctic Region // Executive Office of the President. January 2014. URL: https://www.arctic.gov/uploads/assets/imp_plan_for_natl_strategy_for_arctic_region.pdf.
[432] Executive Order 13689 — Enhancing Coordination of National Efforts in the Arctic // The White House. 21 January 2015. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/DCPD-201500043/pdf/DCPD-201500043.pdf.
[433] Report to Congress on Arctic Strategy // U.S. Department of Defense. June 2019. URL: https://media.defense.gov/2019/Jun/06/2002141657/-1/-1/1/REPORT-TO-CONGRESS-ON-ARCTIC-STRATEGY.PDF.
[434] Arctic Strategic Outlook // U.S. Coast Guard. April 2019. URL: https://www.commonwealthnorth.org/wp-content/uploads/2019/04/USCG-Arctic-Strategic-Outlook-2019.pdf.
[435] Strategic Outlook for the Arctic // Department of the Navy. January 2019. URL: https://www.c2f.usff.navy.mil/Portals/24/Documents/Navy_Strategic_Outlook_Arctic_Jan2019.pdf?ver=2019-09-26-105926-343.
[436] Department of the Air Force Arctic Strategy // U.S. Air Force. July 2020. URL: https://www.af.mil/Portals/1/documents/2020SAF/July/Department_of_the_Air_Force_Arctic_Strategy.pdf.
[437] Advantage at Sea: Prevailing with Integrated All-Domain Naval Power // U.S. Navy, U.S. Marine Corps, U.S. Coast Guard. Washington, D.C.: Department of Defense, December 2020. URL: https://media.defense.gov/2020/Dec/16/2002553074/-1/-1/0/TRISERVICESTRATEGY.pdf.
[438] Regaining Arctic Dominance: The U.S. Army in the Arctic // Headquarters, Department of the Army. January 2021. URL: https://www.army.mil/e2/downloads/rv7/about/2021_army_arctic_strategy.pdf.
[439] Arctic Strategy // U.S. Department of Homeland Security. January 2021. URL: https://www.dhs.gov/sites/default/files/publications/21_0129_plcy_dhs-arctic-strategy_0.pdf.
[440] National Strategy for the Arctic Region // The White House. 2022. URL: https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/10/National-Strategy-for-the-Arctic-Region.pdf.
[441] National Security Strategy // The White House. October 2022. URL: https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf.

Стратегия Министерства энергетики США в отношении Арктики (2022 г.)[442], Стратегия национальной обороны (2022 г.)[443], План реализации Национальной стратегии в отношении Арктического региона (2023 г.)[444] и Арктическая стратегия Министерства обороны (2024 г.)[445].

Первая волна арктической секьюритизации – в количественном отношении – в США приходится на период первой администрации Б. Обамы (2009-2013 гг.), вторая – на первую администрацию Д. Трампа (с пиком в 2019 г.). В период администрации Дж. Байдена также сохраняются высокие количественные показатели.

Арктическая секьюритизация в США концентрируется в документах в области обороны и безопасности. Самые активные акторы здесь – морские рода войск, Армия и ВВС.

Общие показатели индекса арктической секьюритизации для США за весь рассматриваемый период находятся в зоне «рисков» (*Таблица 2.2.1.*). При этом интенсивность восприятия проблем безопасности в военно-политической сфере незначительно ниже, чем в невоенной. В динамике прослеживается небольшой рост показателей по всем сферам безопасности в 2014-2021 гг. (*Рисунок 2.2.1.*). Характерно, что большинство документов в этот период приходится на первую администрацию Д. Трампа. До 2019 г. в актах секьюритизации присутствуют лишь «вызовы» и «риски», однако после 2019 г. заметно более частое использование языка «угроз» на фоне декларируемого Вашингтоном противостояния с Москвой и Пекином в высоких широтах. Любопытно, что показатели для военно-политической и невоенной сфер в каждом периоде изменяются синхронно и находятся почти на одном уровне. Поскольку хронологические отрезки нашего исследования

---

[442] U.S. Department of Energy Arctic Strategy // U.S. Department of Energy. November 2022. URL: https://www.energy.gov/sites/default/files/2022-11/DOE_Arctic_Strategy_202211_1.pdf.

[443] 2022 National Defense Strategy, Nuclear Posture Review, and Missile Defense Review // U.S. Department of Defense. 27 October 2022. URL: https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.PDF.

[444] Implementation Plan for the National Strategy for the Arctic Region // The White House. October 2023. URL: https://www.energy.gov/sites/default/files/2023-10/NSAR%20Implementation%20Plan.pdf.

[445] 2024 Department of Defense Arctic Strategy // U.S. Department of Defense. June 2024. URL: https://media.defense.gov/2024/Jul/22/2003507411/-1/-1/0/DOD-ARCTIC-STRATEGY-2024.PDF.

практически совпадают с президентскими сроками в США, можно заметить, что демократические администрации (Б. Обамы и Дж. Байдена) склонны к более умеренной арктической секьюритизации, чем республиканские (Д. Трампа), причем независимо от сферы безопасности.

Индекс секьюритизации	Значение
Общий	**1,58**
Военно-политическая сфера	1,56
Невоенная сфера	1,63

Таблица 2.2.1. Средний индекс арктической секьюритизации для США в 2008-2026 гг.

Источник: Расчеты автора на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

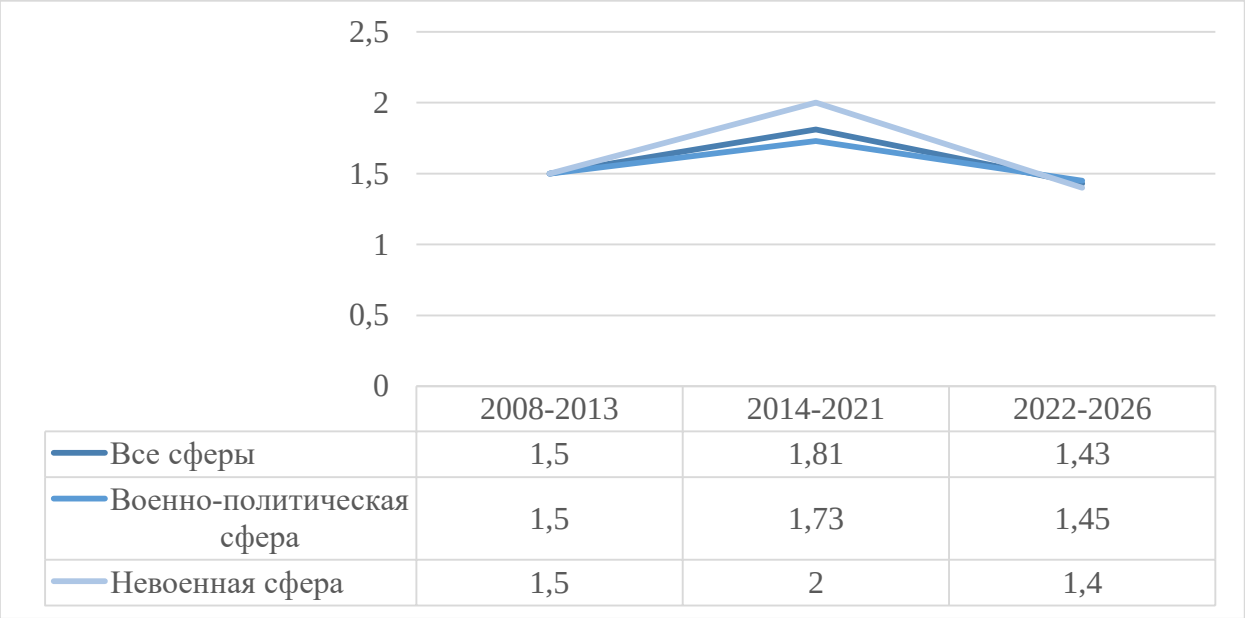

Рисунок 2.2.1. Динамика индекса арктической секьюритизации для США по сферам безопасности в 2008-2026 гг.

Источник: Расчеты автора на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

В 2008-2013 гг. превалирует невоенная секьюритизация, однако впоследствии наибольшая доля приходится на военную (*Таблица 2.2.2.*). При этом в каждом периоде представлены практически все сферы безопасности. Скачок военной секьюритизации наблюдается после 2019 г., когда различные рода ВС США начинают разрабатывать собственные арктические стратегии.

В актах секьюритизации всех трех периодов доминирует региональный уровень безопасности, при этом в 2014-2021 гг. его доля снижается.

Период / показатель	**Сфера секьюритизации**	**Уровень секьюритизации**
2008-2013	Экологическая (43,8%)	Региональный (75%)
2014-2021	Военная (45,7%)	Региональный (42,9%)
2022-2026	Военная (38,1%)	Региональный (61,9%)

Таблица 2.2.2. Доминирующие сферы и уровни арктической секьюритизации для США в 2008-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Декларируемые объекты защиты в американском дискурсе в области безопасности в Арктике разнообразны, а их распределение по тематическим группам преимущественно устойчиво (*Рисунок 2.2.2.*). В 2008-2013 гг. основная доля приходится на эколого-климатический блок, однако впоследствии она значительно сокращается. После 2014 г. появляется группа «Инфраструктура, транспорт, связь и энергетика», и растет доля «регионального мира». Наиболее стабильны на всем рассматриваемом промежутке времени – «Государство, суверенитет, территория и управление» и «Оборона, союзники и военно-оперативные возможности». Это говорит о неизменности военно-политической составляющей арктической секьюритизации США независимо от «цвета» администрации.

Картина по декларируемым источникам опасности от периода к периоду становится разнообразнее (*Рисунок 2.2.3.*). В 2008-2013 гг. доли всех тематических групп примерно равны – с небольшим опережением идет «Терроризм, преступность и незаконная деятельность» как реакция на «открытие Арктики» вследствие природно-климатических трансформаций. После 2014-2021 гг. в дискурсе появляются группы «Милитаризация, вооружения и риск военной эскалации», «Китай», «Гибридные угрозы и доступ к стратегическим активам» и «Экономические ограничения,

протекционизм и санкции». После 2022 г. возрастают доли категорий «Климатические и криосферные изменения», «Инфраструктурные, технологические и природно-географические ограничения» и «Россия». На протяжении всего временного отрезка можно наблюдать снижение опасений в связи с ростом доступности региона, рост воспринимаемой инфраструктурной уязвимости, растущую «персонификацию» опасности (Россия и КНР) и небольшие колебания в масштабах эколого-климатической секьюритизации в 2014-2021 гг.

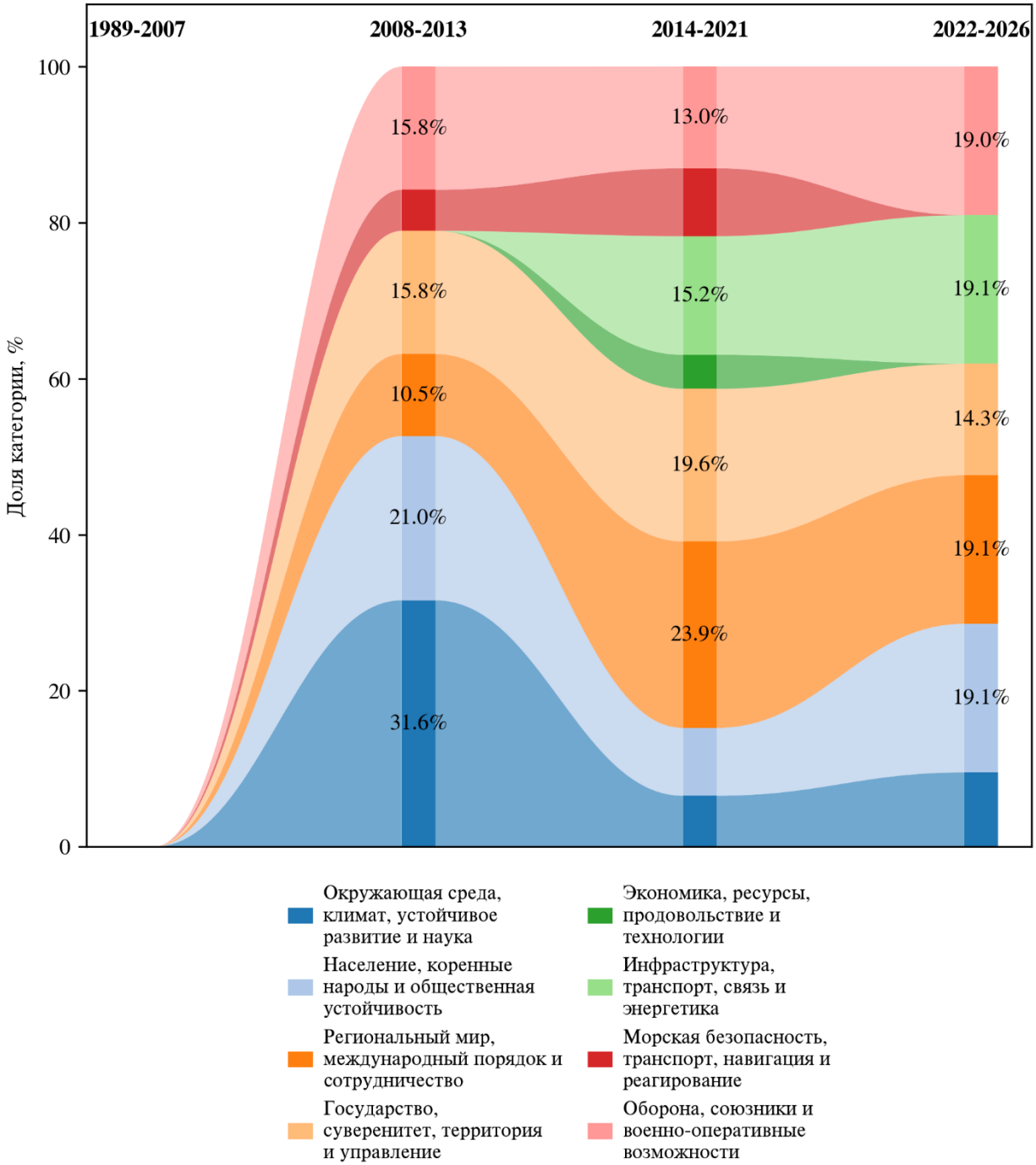

Рисунок 2.2.2. Распределение декларируемых объектов защиты в актах секьюритизации по тематическим группам для США в 2008-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

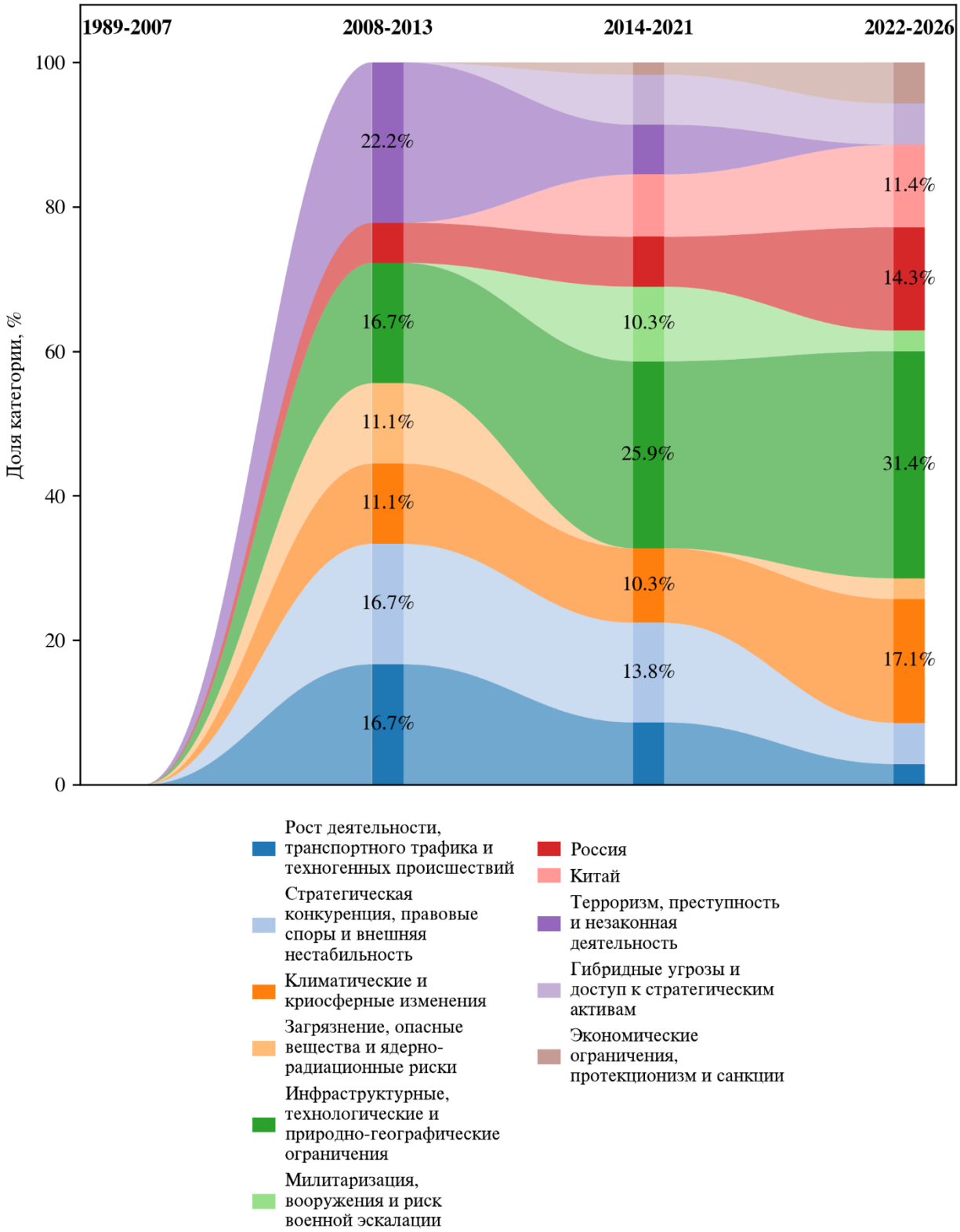

Рисунок 2.2.3. Распределение декларируемых источников опасности в актах секьюритизации для США в 2008-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Динамика по актам десекьюритизации на стратегический документ у США стабильно нисходящая (*Рисунок 2.2.4.*). Чаще всего десекьюритизация фигурирует в документах в области национальной безопасности (как правило, у ВМС) и нацелена на предотвращение конфликтов в Арктике.

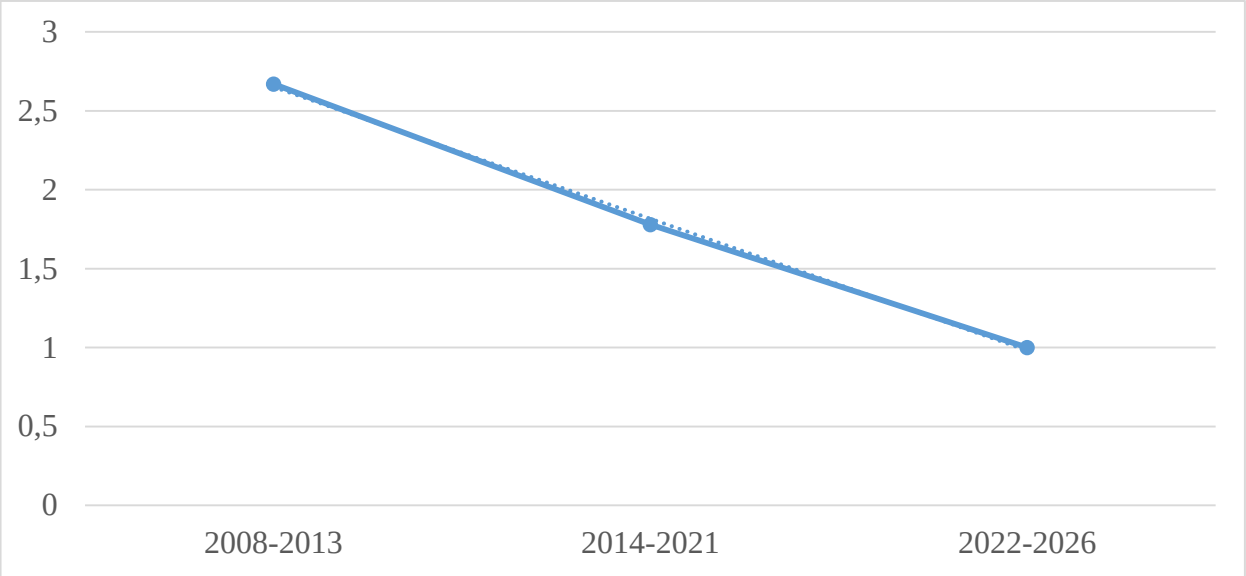

Рисунок 2.2.4. Среднее количество актов арктической десекьюритизации на один стратегический, концептуальный, доктринальный или нормативно-правовой документ для США в 2008-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

В практическом измерении американского дискурса в области безопасности в Арктике доминируют меры политического или военного характера (*Таблица 2.2.3.*). В 2008-2021 гг. преобладает региональный уровень, однако при Дж. Байдене на первый план выходят национальные меры.

Период / показатель	**Сфера мер**	**Уровень мер**
2008-2013	Политическая (37,2%)	Региональный (65,1%)
2014-2021	Военная (54,5%)	Региональный (54,5%)
2022-2026	Военная (46,2%)	Национальный (53,8%)

Таблица 2.2.3. Доминирующие сферы и уровни декларируемых мер государственной политики в области безопасности в Арктике для США в 2008-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Тематическое распределение декларируемых мер на всем исследуемом отрезке времени достаточно устойчиво (*Рисунок 2.2.5.*). После 2014 г. растут доли групп «Оборона, союзники и военно-оперативные возможности» и «Инфраструктура, транспорт, связь и энергетика», сокращаются – «Окружающая среда, климат, устойчивое развитие и наука» и «Морская безопасность, транспорт, навигация и реагирование». Из этого можно сделать вывод о постепенной милитаризации декларируемых мер США в области безопасности в Арктике с поправкой на растущую долю документов военной направленности среди первичных источников.

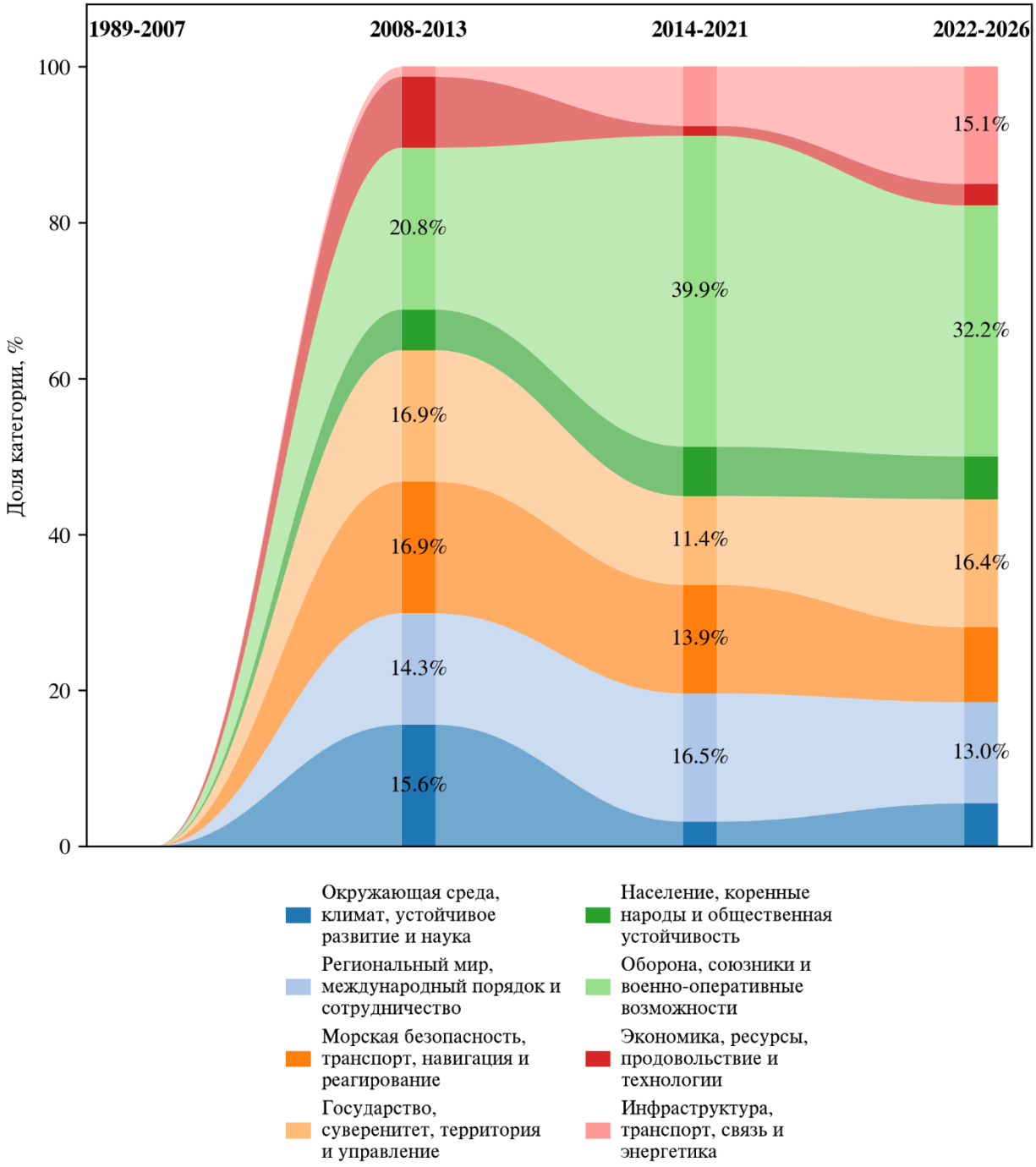

Рисунок 2.2.5. Распределение объектов декларируемых мер государственной политики в области безопасности в Арктике по тематическим группам для США в 2008-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Таким образом, в политике США в области безопасности в Арктике как в дискурсивном, так и в практическом измерениях прослеживается растущая военно-политическая составляющая, что обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, еще со времен холодной войны Арктика остается зоной стратегического ядерного сдерживания США и России. Во-вторых, Вашингтон – особенно с середины 2010-х гг. – воспринимает Арктику как связующее пространство между двумя ключевыми направлениями внешней и оборонной политики: азиатско-тихоокеанским[446] и евроатлантическим. Определяющее значение здесь имеет междержавное соперничество с Россией, крупнейшей региональной державой, и КНР, которая в 2018 г. провозгласила себя «близарктической державой», желая усилить присутствие в этом регионе глобального значения. Наконец, Арктика для США – один из компонентов статуса великой державы и глобального лидера. Вашингтон последовательно стремится укрепить свой статус в регионе, о чем свидетельствуют преимущественно региональная направленность секьюритизации, все б*о*льшая концентрация на защите и развитии инфраструктуры, а также растущая «персонификация» опасности в лице России и Китая.

[446] «Индо-тихоокеанским» в американской политической терминологии.

2.3. Канада

История становления Канады в качестве прибрежной арктической державы неразрывно связана с формированием ее государственности в XIX-XX вв. Открытие и освоение обширных территорий Североамериканской Арктики началось еще в XVI в. англичанами. Их целью было найти Северо-Западный проход из Атлантики в Тихий океан[447]. На момент консолидации британских владений в Северной Америке и образования Канадской Федерации в 1867 г. еще не было полного представления о составе земель Канадского Арктического архипелага, и суверенитет британского монарха над этими территориями не был оформлен юридически. В 1870-1880-х гг. Британия передала Канаде северные земли, в том числе арктические острова и права на них. Впоследствии, на рубеже веков, Канада проводила административно-правовое оформление своего суверенитета и направляла экспедиции для исследования своих арктических владений и демонстрации контроля[448].

В качестве самостоятельного направления канадской государственной политики Север, а затем и Арктика оформились при П.Э. Трюдо на рубеже 1960-1970-х гг. Этому во многом способствовали два фактора: открывавшиеся перспективы ресурсного освоения Канадского Севера и растущее внимание к вопросам экологии и охраны окружающей среды, в том числе благодаря политической активности КНС.

В то же время в годы холодной войны Арктика стала одним из важнейших направлений оборонной политики Оттавы. Углубление оборонных связей с США порождало у канадского истеблишмента и населения опасения относительно чрезмерного американского военного присутствия в северных районах страны и, как следствие, утраты контроля и суверенитета над ними. Еще после подписания Огденсбергской декларации,

---

[447] Подробнее об освоении Канадской Арктики см. Воронков Л.С., ук. соч., с. 59-62.

[448] Подробнее см. Smith G.W. A Historical and Legal Study of Sovereignty in the Canadian North: Terrestrial Sovereignty, 1870–1939 / ed. by P.W. Lackenbauer. Calgary: University of Calgary Press, 2014. XX, 491 p. DOI: 10.1515/9781552387757.

выступая в Палате общин, канадский премьер-министр У.М. Кинг обозначил, что «сотрудничество обязательно будет ограниченным», и выделил его принципы. Согласно одному из них, взаимодействие будет идти «без ущерба для контроля какой-либо из сторон над всей деятельностью на ее территории»[449]. Как отмечает У. Лакенбауэр, именно страх перед «американизацией» канадской Арктики предопределил ее особое место в военном планировании[450]. Это проявилось, в том числе, в передаче задач по обеспечению обороны в Арктике от Канадской королевской конной полиции в сферу компетенции ВС страны[451]. Опасения лишь усугубились после двух инцидентов с несанкционированными проходами американских судов[452] по СЗП в 1969 и 1985 гг., что вызвало в Канаде широкий общественный резонанс[453].

По этой причине с середины 1980-х гг. одной из центральных тем политики Канады в области безопасности в Арктике становится обеспечение «арктического суверенитета» (англ. *Arctic sovereignty*). В сентябре 1985 г. в связи с вояжем *USCG Polar Sea* министр иностранных страны Дж. Кларк представил в Палате общин «политику [по обеспечению – *прим. автора*] канадского суверенитета», в которой сосредоточился на Арктике и обозначил ее как часть «величия Канады»[454]. С приходом к власти консервативного правительства С. Харпера в 2006 г. концепция «арктического суверенитета» стала одной из ключевых тем внутренней и внешней политики Оттавы[455].

---

[449] Joint Statement by the Governments of Canada and of the United States of America Regarding Defence Co-operation Between the Two Countries // Government of Canada. Treaties. URL: https://www.treaty-accord.gc.ca/text-texte.aspx?id=100977.

[450] Lackenbauer P.W., Kikkert P. The Canadian Forces & Arctic Sovereignty: Debating Roles, Interests and Requirements, 1968–1974. Waterloo: Wilfrid Laurier University Press, 2010. P. 7.

[451] Op. cit., p. 56.

[452] *SS Manhattan* и *USCG Polar Sea*.

[453] Huebert R. Submarines, Oil Tankers, and Icebreakers: Trying to Understand Canadian Arctic Sovereignty and Security // International Journal. 2011. Vol. 66, no. 4. P. 814-815.

[454] Canada's Northern Strategies: From Trudeau to Trudeau, 1970-2020 / compiled and introduced by P. Whitney Lackenbauer. Calgary: University of Calgary, 2020. P. 15.

[455] Подробнее об эволюции оборонной политики Канады в Арктике см. Липунов Н.С. Арктическое измерение оборонной политики Канады // Россия и Америка в XXI веке. 2024. № 8. DOI: https://doi.org/10.18254/S207054760032150-2.

Таким образом, со второй половины XX в. Арктика стала неотъемлемым элементом национальной – а впоследствии, в процессе внутренней и внешней политизации этой темы на рубеже веков, и государственной – идентичности Канады[456].

В официальном дискурсе Канада, как минимум, с 1980-х гг. часто артикулирует свою арктическую государственную идентичность – как эксплицитно, так и имплицитно. В стратегических и доктринальных документах и выступлениях официальных лиц можно встретить следующие характеристики: «арктическая/северная нация», «арктическая держава», «арктический лидер». Нередко значение Арктики для государственной самоидентификации подчеркивается опосредованно: «Арктика как дом и судьба», «Арктика/Север как основа национальной идентичности», «коренные народы как основа арктического суверенитета государства» или «Канада как государство, формирующее правила и институты в Арктике». Иными словами, Оттава систематически акцентирует статус «истинно арктической державы», для которой Арктика – фундамент национальной и государственной идентичности, и это дает Канаде право – и одновременно обязывает ее – формировать «правила игры» в регионе. Неслучайно именно Канада выступила инициатором институционализации «процесса Рованиеми» – механизма многостороннего сотрудничества арктических государств по вопросам экологии и охраны окружающей среды в 1990-х гг. – в Арктический совет.

Для анализа официального дискурса и декларируемых мер государственной политики Канады в области безопасности в Арктике с конца 1980-х гг. были отобраны девять стратегических, концептуальных, доктринальных и нормативно-правовых документов в области арктической, внешней и оборонной политики, а также политики в области безопасности. Среди них: «Взгляд на Север: приверженность Канады арктическим

[456] Подробнее о роли и месте Арктики и Севера в формировании канадской национальной идентичности см. Акимов Ю.Г. «Истинный север, сильный и свободный»: фактор северности в формировании канадской национальной идентичности // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. №1. С. 197–201.

вопросам» (1989 г.)[457], «Северное измерение внешней политики Канады» (2000 г.)[458], Стратегия «Канада прежде всего» в области обороны (2008 г.)[459], «Стратегия Канады в отношении Севера: Наш Север, наше наследие, наше будущее» (2009 г.)[460], Внешняя политика Канады в отношении Арктики (2010 г.)[461], «Сильная, безопасная, активная: оборонная политика Канады» (2017 г.)[462], Концепция политики Канады в отношении Арктики и северных регионов (2019 г.)[463], Внешняя политика Канады в отношении Арктики (2024 г.)[464] и «Наш Север — сильный и свободный: новая концепция обороны Канады» (2024 г.)[465]. Их дополнили некоторые значимые выступления официальных лиц и доклады парламентского комитета по обороне: тронные речи (2007[466], 2013[467] и 2021[468] гг.); ответ премьер-министра С. Харпера на тронную речь (2007 г.)[469]; доклады «Суверенитет Канады в Арктике: отчет

[457] Looking North: Canada's Arctic Commitment // Minister of Indian and Northern Affairs Canada. — Ottawa: Government of Canada, 1989. URL: https://publications.gc.ca/collections/collection_2016/aanc-inac/R71-19-1989-eng.pdf.

[458] The Northern Dimension of Canada's Foreign Policy // Communications Bureau Department of Foreign Affairs and International Trade. Ottawa, 2000. URL: https://publications.gc.ca/collections/Collection/E2-178-2000E.pdf.

[459] Canada First Defence Strategy // Government of Canada. 2008. URL: https://www.canada.ca/en/department-national-defence/corporate/policies-standards/canada-first-defence-strategy-complete-document.html.

[460] Canada's northern strategy: our north, our heritage, our future // Government of Canada. 2009. URL: https://publications.gc.ca/site/eng/9.674653/publication.html.

[461] Statement on Canada's Arctic Foreign Policy. Exercising Sovereignty and Promoting Canada's Northern Strategy Abroad // Government of Canada. 2010. URL: https://www.international.gc.ca/world-monde/assets/pdfs/canada_arctic_foreign_policy-eng.pdf.

[462] Strong, Secure, Engaged: Canada's Defence Policy // Government of Canada. 2017. URL: https://www.canada.ca/en/department-national-defence/corporate/reports-publications/canada-defence-policy.html.

[463] Canada's Arctic and Northern Policy Framework // Crown-Indigenous Relations and Northern Affairs Canada. Government of Canada. 2019. URL: https://www.rcaanc-cirnac.gc.ca/eng/1560523306861/1560523330587.

[464] Canada's Arctic Foreign Policy // Government of Canada. 2024. URL: https://www.international.gc.ca/gac-amc/publications/transparency-transparence/arctic-arctique/arctic-policy-politique-arctique.aspx?lang=eng.

[465] Our North, Strong and Free: A Renewed Vision for Canada's Defence // Government of Canada. 2024. URL: https://www.canada.ca/en/department-national-defence/corporate/policies-standards/our-north-strong-free-renewed-vision-canada-defence.html.

[466] Speech from the Throne to Open the Second Session of the 39th Parliament of Canada, 16 October 2007 // Government of Canada. Ottawa, 2007. URL: https://www.canada.ca/en/news/archive/2007/10/speech-throne.html.

[467] Speech from the Throne, 16 October 2013 // Government of Canada. Ottawa, 2013. URL: https://www.canada.ca/en/news/archive/2013/10/speech-throne.html.

[468] Speech from the Throne, 23 November 2021 // Government of Canada. Ottawa, 2021. URL: https://www.canada.ca/en/privy-council/campaigns/speech-throne/2021.html.

[469] Prime Minister Harper's Reply, 17 October 2007 // Prime Minister of Canada Speeches. Ottawa, 2007. URL: https://www.pm.gc.ca/en/news/speeches/2007/10/17/prime-minister-harpers-reply-speech-throne.

Постоянного комитета по национальной обороне» (2010 г.)[470] и «Безопасная и суверенная Арктика» (2023 г.)[471].

В количественном выражении можно зафиксировать два малых пика арктической секьюритизации в Канаде – в 2000 и 2010-11 гг. – и один большой – в 2024 г. с принятием двух стратегических документов, затрагивающих Арктику. При этом тенденция на усиление секьюритизации наблюдается уже после 2018 г.

Общие показатели индекса арктической секьюритизации для Канады находятся в зоне «вызовов», причем интенсивность в военно-политической области практически равна невоенной (*Таблица 2.3.1.*).

Динамика арктической секьюритизации в Канаде с конца 1980-х гг. до середины 2020-х гг. устойчивая, с небольшими колебаниями (*Рисунок 2.3.1.*). В военно-политической сфере она в среднем интенсивнее, чем в невоенной, однако в 2014-2021 гг. между ними наблюдается «инверсия». На протяжении всего рассматриваемого отрезка времени секьюритизация стабильно находится в зоне «вызовов» (2).

[470] Canada's Arctic Sovereignty (Third Report, 40-3) // House of Commons Canada. Standing Committee on National Defence. Ottawa, 2010. URL: https://www.ourcommons.ca/DocumentViewer/en/40-3/NDDN/report-3/page-1.
[471] A Secure and Sovereign Arctic (Third Report, 44-1) // House of Commons Canada. Standing Committee on National Defence. Ottawa, 2023. URL: https://www.ourcommons.ca/DocumentViewer/en/44-1/NDDN/report-3.

Индекс секьюритизации	Значение
Общий	**1,88**
Военно-политическая сфера	1,88
Невоенная сфера	1,84

Таблица 2.3.1. Средний индекс арктической секьюритизации для Канады в 1989-2026 гг.

Источник: Расчеты автора на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

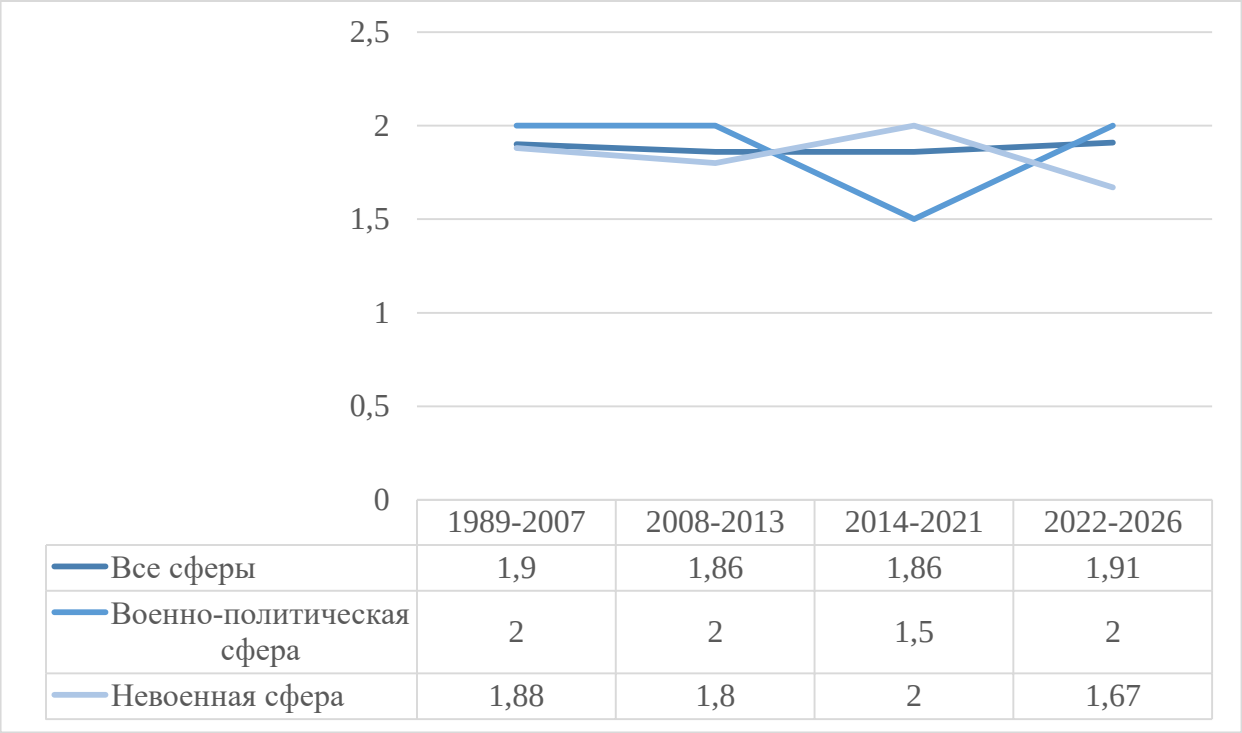

Рисунок 2.3.1. Динамика индекса арктической секьюритизации для Канады по сферам безопасности в 1989-2026 гг.

Источник: Расчеты автора на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

По сферам безопасности в первые два периода преобладает экологическая, в 2014-2021 гг. – политическая и безопасность человека, а после 2022 г. военная становится основной (*Таблица 2.3.2.*). Эта тенденция в целом отражает актуализацию военно-политической безопасности в Арктике на фоне конфронтации России и западных государств в 2020-х гг., однако здесь стоит сделать поправку на характер документов, принятых в эти периоды. Основным стратегическим документом в 2014-2021 гг. стала общая

арктическая стратегия Канады, в большей степени ориентированная на развитие Канадского Севера, в то время как после 2022 г. правительство Дж. Трюдо опубликовало обновленные стратегии в области национальной обороны и внешней политики в Арктике. До 2007 г. половина актов арктической секьюритизации Оттавы ориентирована на региональный уровень, после 2008 г. происходит национализация канадского дискурса.

Период / показатель	**Сфера секьюритизации**	**Уровень секьюритизации**
1989-2007	Экологическая (30%)	Региональный (50%)
2008-2013	Экологическая (71,4%)	Национальный (57,1%)
2014-2021	Политическая (28,6%); Безопасность человека (28,6%)	Национальный (100%)
2022-2026	Военная (54,5%)	Национальный (54,5%)

Таблица 2.3.2. Доминирующие сферы и уровни арктической секьюритизации для Канады в 1989-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Тематически декларируемые объекты защиты в канадской арктической секьюритизации представляют лишь шесть групп, среди которых абсолютно доминируют «Население, коренные народы и общественная устойчивость» и «Государство, суверенитет, территория и управление» (*Рисунок 2.3.2.*). До 2014 г. в центре канадского дискурса в области безопасности находятся население и природа, однако после 2022 г. происходит суверенизация: на первый план выходят «арктический суверенитет», инфраструктура и «региональный мир».

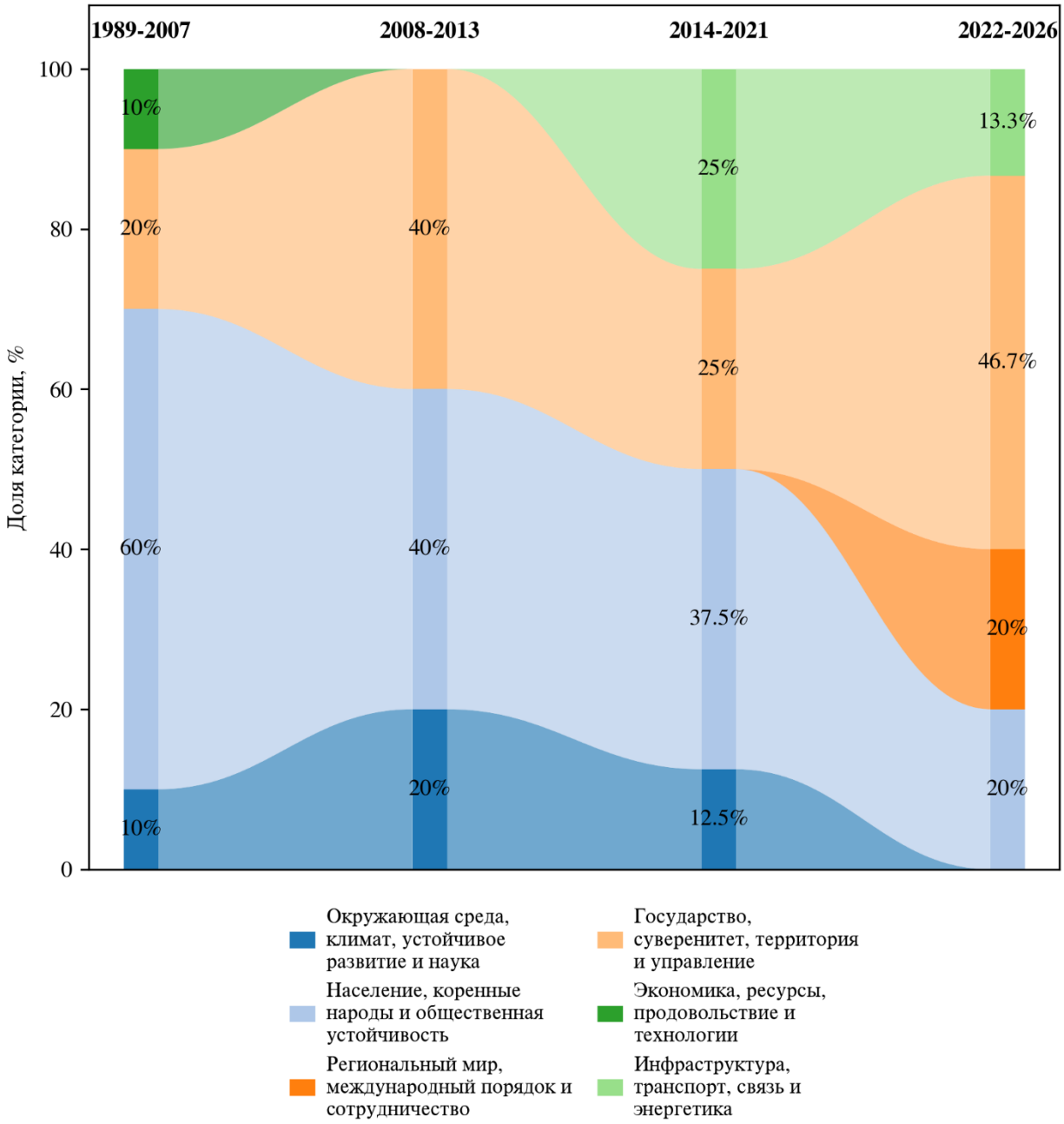

Рисунок 2.3.2. Распределение декларируемых объектов защиты в актах секьюритизации по тематическим группам для Канады в 1989-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Картина опасностей в канадском арктическом дискурсе весьма разнообразна (*Рисунок 2.3.3.*). В 1989-2021 гг. основную обеспокоенность вызывал рост доступности региона в результате природно-климатических трансформаций, однако после 2022 г. доля этой категории крайне мала. В середине 2010-х гг. на смену «загрязнению», «деградации экосистем и утрате биоразнообразия», «пандемиям и инфекционным заболеваниям» приходят «гибридные угрозы», а после 2022 г. к ним прибавляется «милитаризация» и «Россия». Иными словами, в дискурсе Канады в области безопасности в Арктике постепенно происходит «военно-политический поворот».

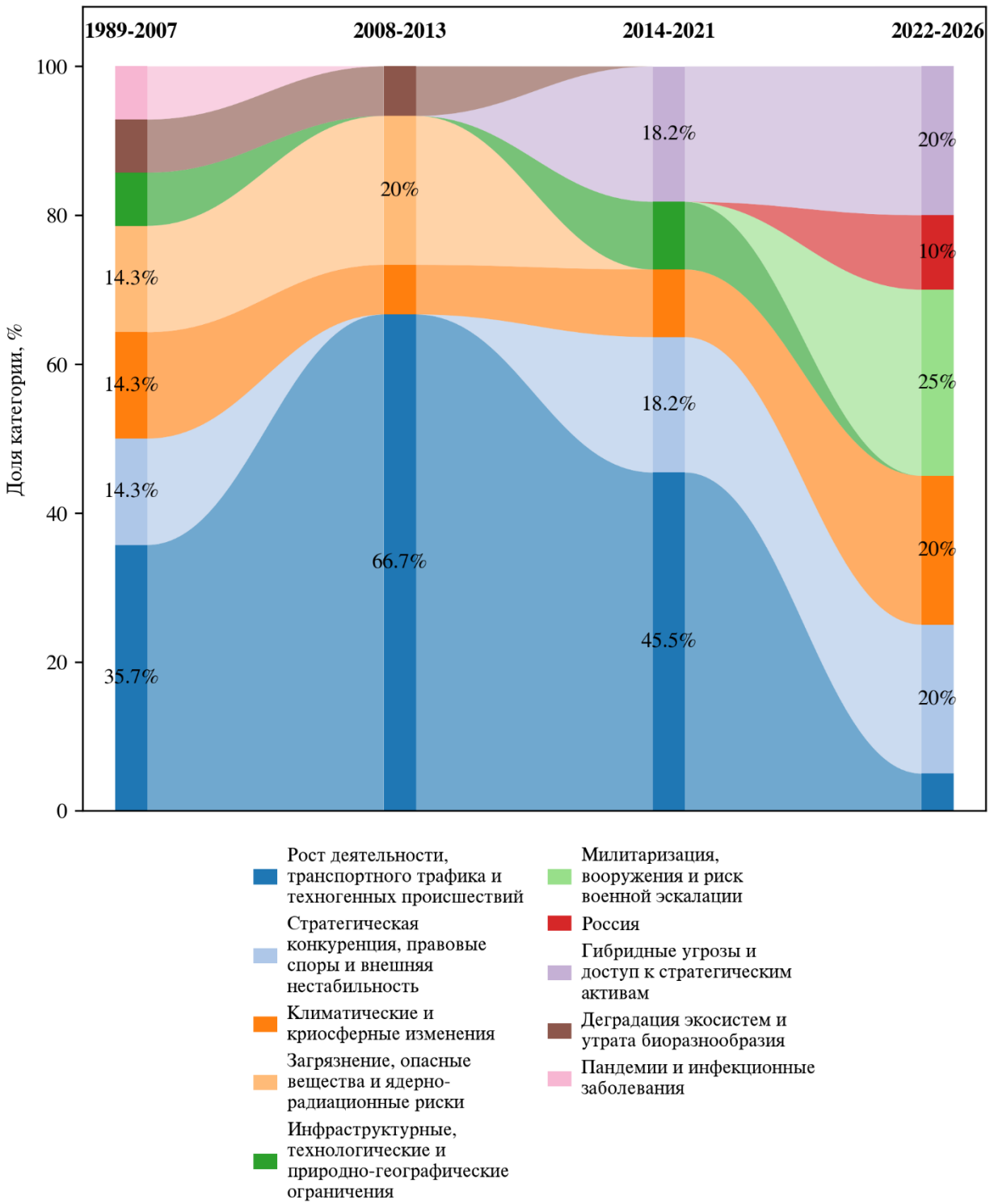

Рисунок 2.3.3. Распределение декларируемых источников опасности в актах секьюритизации для Канады в 1989-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

В политике в области безопасности в Арктике Канада редко прибегает к практике десекьюритизации, хотя тренд в целом восходящий (*Рисунок 2.3.4.*). В основном она присутствует во внешнеполитических документах и воспроизводит «мурманскую формулу» Арктики как «зоны мира и сотрудничества», то есть касается сугубо военно-политической сферы.

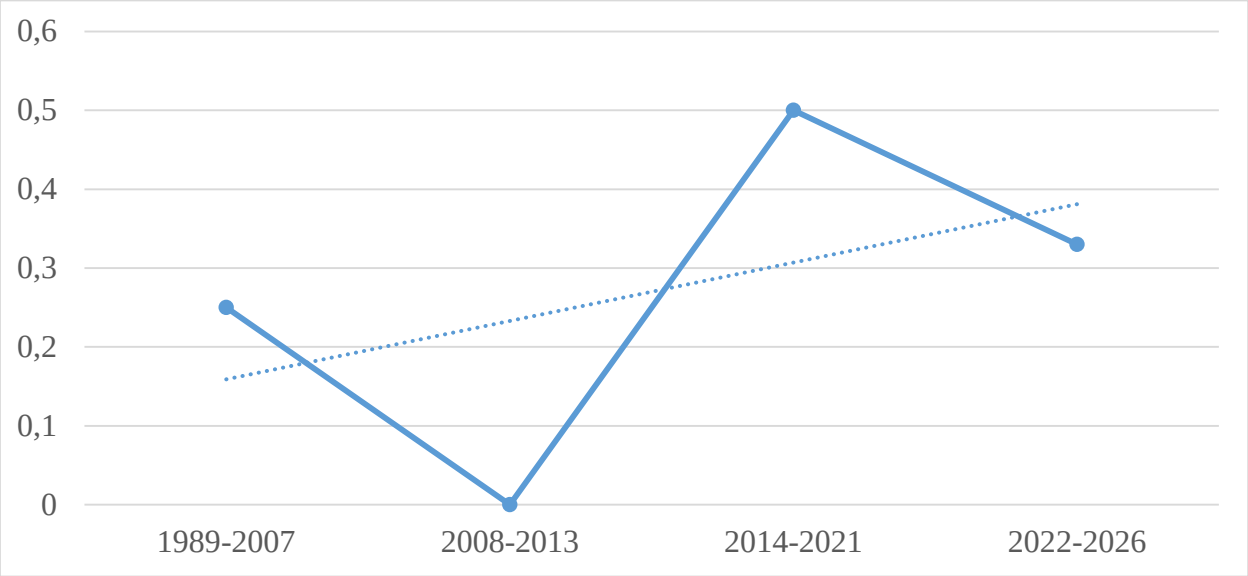

Рисунок 2.3.4. Среднее количество актов арктической десекьюритизации на один стратегический, концептуальный, доктринальный или нормативно-правовой документ для Канады в 1989-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Декларируемая практика Канады в области безопасности в Арктике на протяжении всего рассматриваемого временного промежутка сильно милитаризована, и здесь проявляется явное расхождение с секьюритизацией (*Таблица 2.3.3.*). По уровню мер сильных расхождений нет: в каждом периоде они преимущественно национально-ориентированные.

Период / показатель	**Сфера мер**	**Уровень мер**
1989-2007	Военная (33,3%); политическая (33,3%)	Национальный (75%)
2008-2013	Военная (50%)	Национальный (85,7%)
2014-2021	Военная (40%)	Национальный (70%)
2022-2026	Военная (66,7%)	Национальный (61,9%)

Таблица 2.3.3. Доминирующие сферы и уровни декларируемых мер государственной политики в области безопасности в Арктике для Канады в 1989-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

На всем исследуемом промежутке времени среди декларируемых мер госполитики Канады особо выделяются три тематические категории объектов: «Государство, суверенитет, территория и управление», «Население, коренные народы и общественная устойчивость» и «Морская безопасность, транспорт, навигация и реагирование» (*Рисунок 2.3.5.*). Доля «арктического суверенитета» стабильна практически в течение всего времени, а «население» доминирует в 2014-2021 гг., что может быть обусловлено спецификой общей арктической стратегии Канады, на которую приходится основной массив данных за этот период.

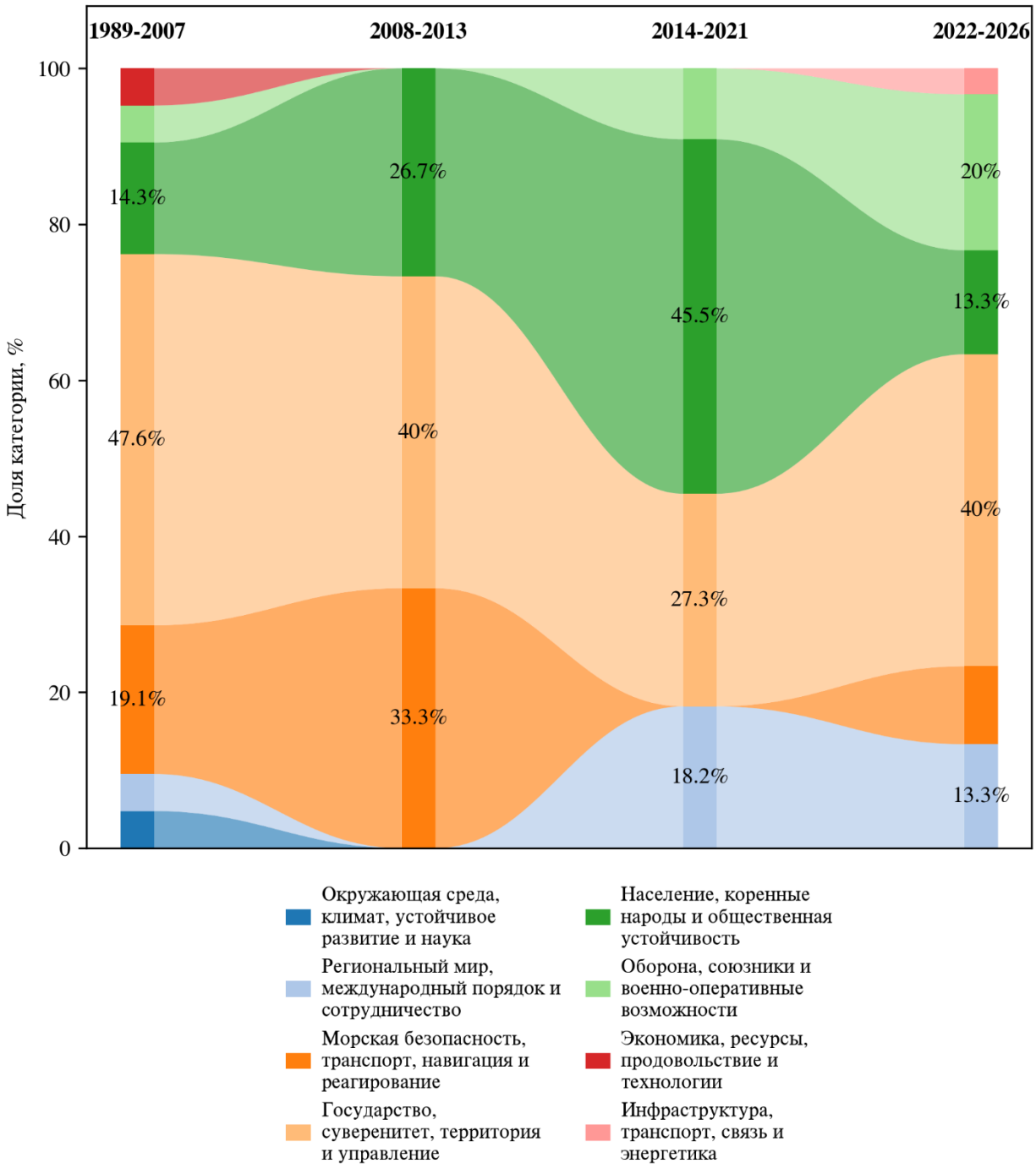

Рисунок 2.3.5. Распределение объектов декларируемых мер государственной политики в области безопасности в Арктике по тематическим группам для Канады в 1989-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Таким образом, политика Канады в области безопасности в Арктике характеризуется совокупностью интенсивной национально-ориентированной невоенной и военно-политической секьюритизации при преимущественно милитаризованном декларируемом ответе. Это обусловлено фундаментальным значением Арктики и Севера для канадской национальной и государственной идентичности. По этой причине Оттава на протяжении более чем полувека акцентирует свой «арктический суверенитет» во внешней политике, особенно в отношениях с ключевым союзником – США. Политические силы внутри страны нередко используют эту тему в межпартийной борьбе, придавая ей эмоционально-националистическое измерение, что особенно проявилось в правление С. Харпера. С середины 2010-х гг. на фоне конфронтации с Россией и активизации глобального междержавного соперничества в канадской политике в области безопасности в Арктике постепенно происходит суверенизация объектов защиты при одновременной милитаризации и гибридизации источников опасности.

2.4. Норвегия

Еще со Средних веков Норвегия – как нация и полития – формировалась северной и морской державой. Окончательно обретя независимость от Швеции в 1905 г., королевство стало суверенным прибрежным арктическим государством. Этим обусловлено одновременно внутри- и – впоследствии – внешнеполитическое значение Севера для Осло.

В качестве самостоятельного направления арктическая политика Норвегии оформилась с публикацией первой региональной стратегии в 2005 г. В то время, благодаря дискуссиям о климатических изменениях и открывавшимся перспективам ресурсного освоения региона, еще только зарождался широкий международный интерес к северным широтам, и правительство в Осло решило действовать проактивно и на опережение. Значение Арктики для Норвегии сложно переоценить: за Северным полярным кругом располагается треть сухопутной территории страны и 80% ее морских пространств. Таким образом, география и новый международный контекст способствовали переходу политики на Крайнем Севере – как ее чаще обозначают в Норвегии[472] – в разряд приоритетной. Именно тогда традиционно внутренняя арктическая политика королевства приобрела четко выраженное международное измерение.

Арктика и Крайний Север систематически провозглашаются «важнейшим стратегическим приоритетом (внешней) политики» Осло. Норвегия активно артикулирует свою арктическую государственную идентичность, нередко имплицитно. Для норвежской практики характерно не просто самоидентифицироваться в качестве «арктической державы», а подробно раскрывать свою роль в регионе и конструировать свой нормативный образ. Он выстраивается вокруг категорий *лидерства* (например, «лидер в области знаний о Крайнем Севере» или «мировой лидер

[472] Применительно к европейскому субрегиону Арктики: сухопутным и морским пространствам Баренцева-Евроарктического региона, Шпицбергену, а также Гренландскому морю. Важно отметить, что в контексте стратегического планирования Шпицберген рассматривается в Норвегии отдельно и правительство публикует самостоятельные документы по вопросам политики на архипелаге.

в области морской безопасности») и *ответственности* (например, «лучший хранитель окружающей среды и природных ресурсов Севера», «ответственный и значимый актор», «стабильный и предсказуемый арктический актор» или «государство с особой ответственностью за стабильность и предсказуемость на Севере»). При этом Норвегия также акцентирует свою «северность» (например, «самая северная страна Европы», «полярная нация» и «страна на Крайнем Севере») и статус «морской нации». Кроме того, будучи малым государством, Норвегия стремится дискурсивно повышать свой региональный и союзнический статус и позиционирует себя «арктической сверхдержавой» и «глазами и ушами НАТО на Севере» благодаря технологическим компетенциям в Арктике[473].

В новейших стратегических документах в области арктической политики появляются отсылки к КНС как части *национальной* идентичности («сильные северные сообщества как основа национальной идентичности» и «культура саамов как часть норвежской идентичности и арктической политики»). Это можно связать с попытками властей королевства завершить процесс национального примирения с коренным населением Севера после десятилетий государственной политики по их «норвегизации» (норв. *fornorsking*).

Для анализа официального дискурса и декларируемых мер государственной политики Норвегии в области безопасности в Арктике с 2000-х гг. были отобраны девять стратегических, концептуальных, доктринальных и нормативно-правовых документов в области арктической, внешней и оборонной политики, а также политики в области безопасности. Среди них: Стратегия Норвегии в отношении Крайнего Севера (2005 г.)[474],

---

[473] Липунов Н.С. Малые «арктические сверхдержавы»: технологические компетенции в Арктике как символический капитал в стратегических культурах Норвегии и Финляндии // Международная аналитика. 2026. Т. 17. № 2. С. 139–155. DOI: https://doi.org/10.46272/2587-8476-2026-17-2-139-155.

[474] Opportunities and Challenges in the North. Report No. 30 (2004–2005) to the Storting // Norwegian Ministry of Foreign Affairs. Oslo: Ministry of Foreign Affairs, 2005. URL: https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/kilde/ud/stm/20042005/0001/ddd/pdts/stm200420050001ud_dddpdts.pdf.

Стратегия правительства Норвегии в отношении Крайнего Севера (2006 г.)[475], «Новые составляющие развития Севера. Следующий этап реализации государственной стратегии в отношении Крайнего Севера» (2009 г.)[476], «Крайний Север. Перспективы и стратегии» (2011 г.)[477], «Арктика — Арктическая политика Норвегии» (2014 г.)[478], Арктическая стратегия Норвегии (2017 г.)[479], «Арктическая политика правительства Норвегии. Люди, возможности и интересы Норвегии в Арктике» (2021 г.)[480], «Арктическая политика Норвегии» (2025 г.)[481] и Стратегия национальной безопасности (2025 г.)[482]. Их дополнили оборонные планы правительства: «Оборона Норвегии. Потенциал и боеготовность» (2020 г.)[483] и «Норвежское обязательство в области обороны. Долгосрочный план развития обороны на 2025–2036 годы» (2024 г.)[484].

В количественном отношении первый пик арктической секьюритизации в Норвегии приходится на 2011 г., следующий – на 2025 г., что связано с публикацией стратегических и доктринальных документов. Характерно, что

---

[475] The Norwegian Government's High North Strategy // Norwegian Ministry of Foreign Affairs. Oslo: Ministry of Foreign Affairs, 2006. URL: https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/UD/Vedlegg/strategien.pdf.

[476] New Building Blocks in the North: The Next Step in the Government's High North Strategy // Norwegian Ministry of Foreign Affairs. Oslo: Ministry of Foreign Affairs, 2009. URL: https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/ud/vedlegg/nordomradene/new_building_blocks_in_the_north.pdf.

[477] The High North: Visions and Strategies // Norwegian Ministry of Foreign Affairs. Oslo: Ministry of Foreign Affairs, 2011. URL: https://www.regjeringen.no/contentassets/a0140460a8d04e4ba9c4af449b5fa06d/en-gb/pdfs/stm201120120007000en_pdfs.pdf.

[478] Norway's Arctic Policy: Creating Value, Managing Resources, Confronting Climate Change and Fostering Knowledge. Developments in the Arctic Concern Us All // Norwegian Ministry of Foreign Affairs. Oslo: Ministry of Foreign Affairs, 2014. URL: https://library.arcticportal.org/1892/1/nordkloden_en.pdf.

[479] Norway's Arctic Strategy – Between Geopolitics and Social Development // The Norwegian Government. Oslo: Prime Minister's Office, 2017. URL: https://www.regjeringen.no/contentassets/fad46f0404e14b2a9b551ca7359c1000/arctic-strategy.pdf.

[480] The Norwegian Government's Arctic Policy: People, Opportunities and Norwegian Interests in the Arctic // The Norwegian Government. Oslo: Ministry of Foreign Affairs, 2021. URL: https://www.regjeringen.no/en/dokumenter/arctic_policy/id2830120/.

[481] Norway in the High North – Arctic Policy for a New Reality // The Norwegian Government. Oslo: Ministry of Foreign Affairs, 2025. URL: https://www.regjeringen.no/en/aktuelt/norway-in-the-high-north-arctic-policy-for-a-new-reality/id3116990/.

[482] National Security Strategy // Office of the Prime Minister. May 8, 2025. URL: https://www.regjeringen.no/en/documents/national-security-strategy/id3099304/.

[483] The Defence of Norway: Capability and Readiness. Long Term Defence Plan 2020 // Norwegian Ministry of Defence. Oslo: Ministry of Defence, 2020. URL: https://www.regjeringen.no/contentassets/3a2d2a3cfb694aa3ab4c6cb5649448d4/long-term-defence-plan-norway-2020---english-summary.pdf.

[484] The Norwegian Defence Pledge: Long-Term Defence Plan 2025–2036 // Norwegian Ministry of Defence. Oslo: Ministry of Defence, 2024. URL: https://www.regjeringen.no/contentassets/0faae3f9efcf4c2fa0f43e2a15bfbc1d/en-gb/pdfs/the-norwegian-defence-pledge.pdf.

чаще всего норвежская секьюритизация в контексте Арктики происходит в специализированных арктических/северных стратегиях, а не в документах в области обороны и безопасности.

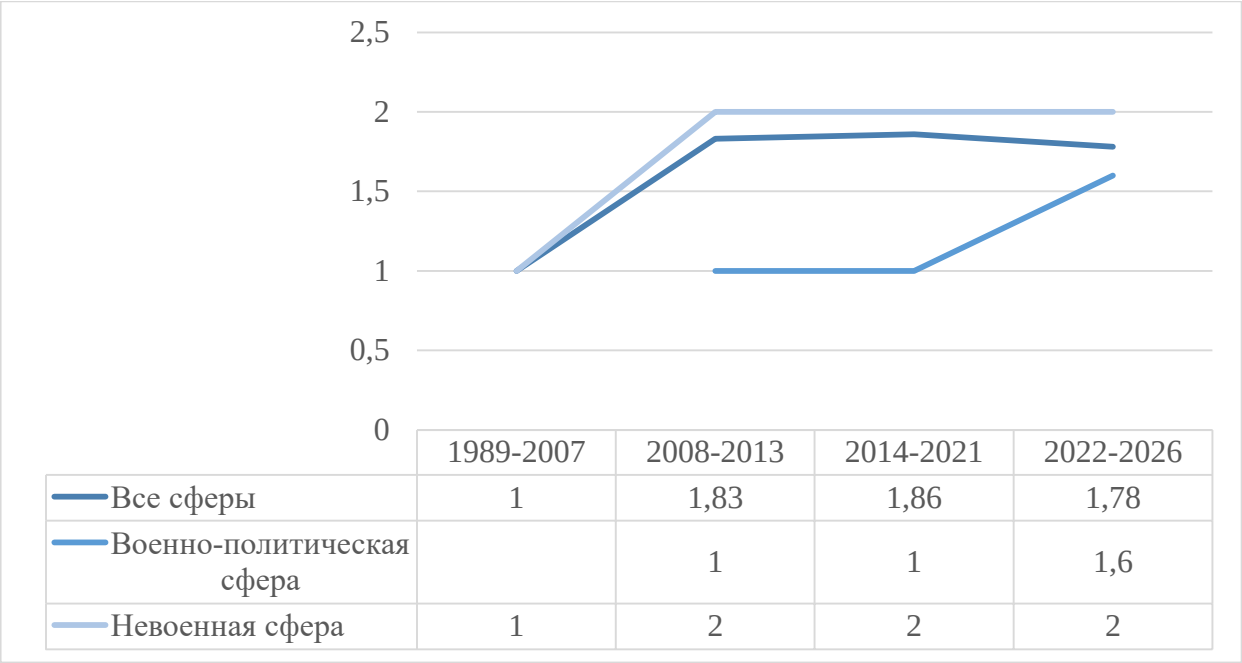
Общий индекс арктической секьюритизации Норвегии вплотную приближается к зоне «вызовов» (*Таблица 2.4.1.*). Интенсивность секьюритизации в военно-политической сфере тяготеет к «рискам» и значительно уступает невоенной. Примечательно, что язык «угроз» в основном характерен для оборонных документов.

В динамике картина в области арктической секьюритизации для Норвегии следующая: интенсивность в невоенной сфере возрастает в конце 2000-х гг. и остается стабильно высокой вплоть до 2020-х гг., в то время как в военно-политической она умеренная и начинает приближаться к уровню невоенной лишь после 2022 г. (*Рисунок 2.4.1.*).

Индекс секьюритизации	**Значение**
Общий	**1,62**
Военно-политическая сфера	1,20
Невоенная сфера	1,75

Таблица 2.4.1. Средний индекс арктической секьюритизации для Норвегии в 1989-2026 гг.

Источник: Расчеты автора на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

	1989-2007	2008-2013	2014-2021	2022-2026
Все сферы	1	1,83	1,86	1,78
Военно-политическая сфера		1	1	1,6
Невоенная сфера	1	2	2	2

Рисунок 2.4.1. Динамика индекса арктической секьюритизации для Норвегии по сферам безопасности в 1989-2026 гг.

Источник: Расчеты автора на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

С середины 2000-х гг. и до начала 2020-х гг. в норвежском арктическом дискурсе преобладает экологическая секьюритизация, однако ее доля постепенно сокращается (*Таблица 2.4.2.*). После 2022 г. картина меняется: на первое место выходит военная сфера. В самом начале наблюдений арктическая секьюритизация Норвегии ориентирована исключительно на региональный уровень, затем становится преимущественно национальной, и лишь после 2022 г. у нее снова начинает проявляться региональная составляющая.

Период / показатель	**Сфера секьюритизации**	**Уровень секьюритизации**
1989-2007	Экологическая (100%)	Региональный (100%)
2008-2013	Экологическая (83,3%)	Национальный (50%)
2014-2021	Экологическая (42,9%)	Национальный (57,1%)
2022-2026	Военная (33,3%)	Региональный (33,3%)

Таблица 2.4.2. Доминирующие сферы и уровни арктической секьюритизации для Норвегии в 1989-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Тематически круг декларируемых объектов защиты в норвежском дискурсе ограничивается семью категориями, число которых постепенно растет (*Рисунок 2.4.2.*). В 2000-х гг. абсолютно превалирует группа «Окружающая среда, климат, устойчивое развитие и наука», однако впоследствии ее доля стремительно сокращается. В 2014-2021 гг. тематический профиль арктической секьюритизации Норвегии еще преимущественно ориентирован на защиту населения и экологии, однако после 2022 г. картина меняется. Половина объектов защиты представляет категорию «Региональный мир, международный порядок и сотрудничество», и впервые появляется «инфраструктура».

Тематический состав декларируемых источников опасности за тот же промежуток времени диверсифицируется еще больше (*Рисунок 2.4.3.*). В середине 2000-х гг. все опасения Норвегии связаны с ростом активности в регионе. В начале 2010-х гг. к ним прибавляются проблемы климатических изменений, потенциальной противоправной деятельности и милитаризации. Во второй половине 2010-х гг. в повестке дня появляются стратегическая конкуренция, инфраструктурные и экономические ограничения, демографические проблемы и риск пандемий. После 2022 г. главной опасностью для Норвегии в Арктике становится стратегическая конкуренция. Вместе с ней в профиль секьюритизации возвращается милитаризация, и впервые происходит «персонификация» опасности в лице России и Китая. Также возрастает доля группы «Демографические, социальные и кадровые проблемы».

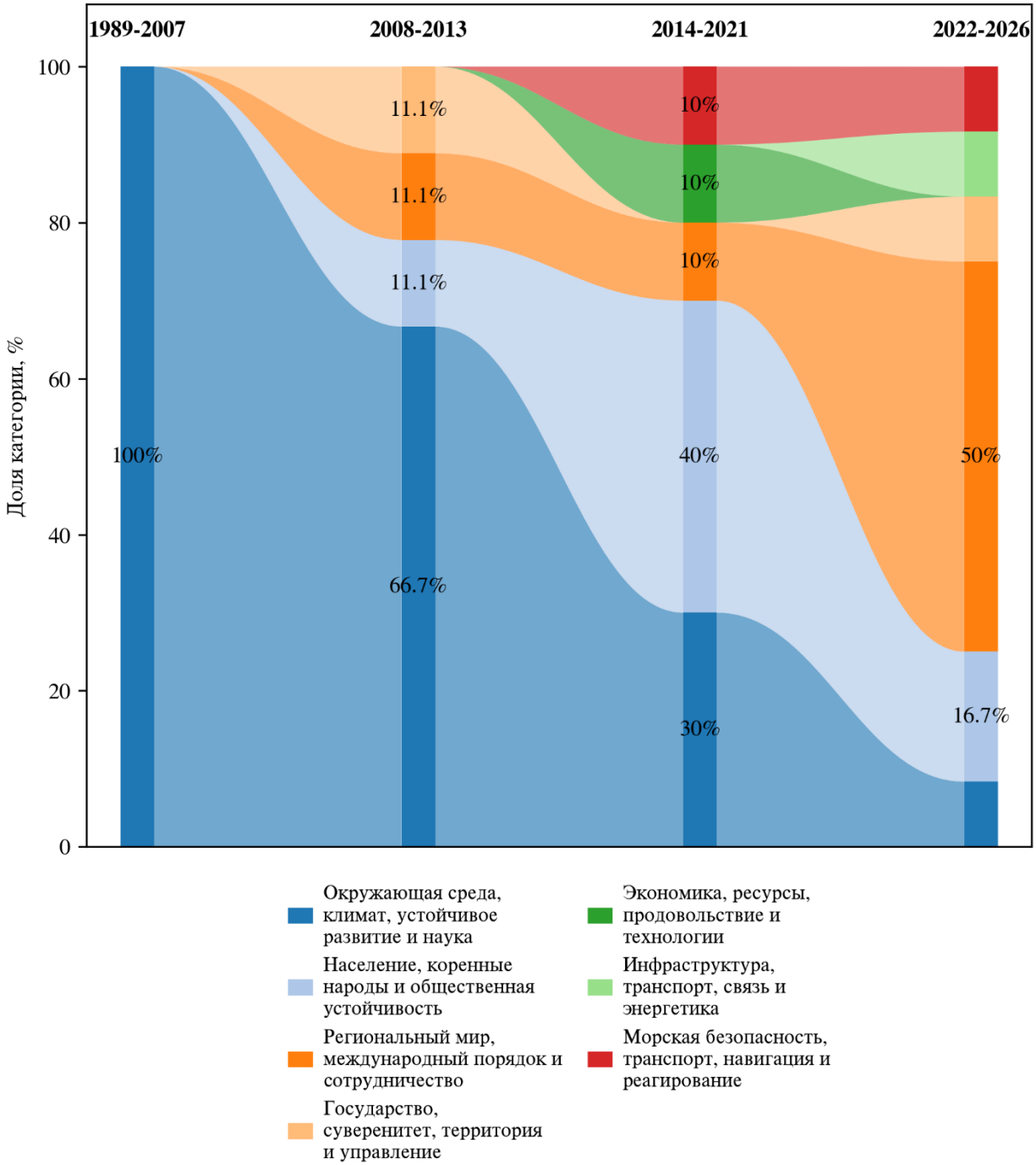

Рисунок 2.4.2. Распределение декларируемых объектов защиты в актах секьюритизации по тематическим группам для Норвегии в 1989-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

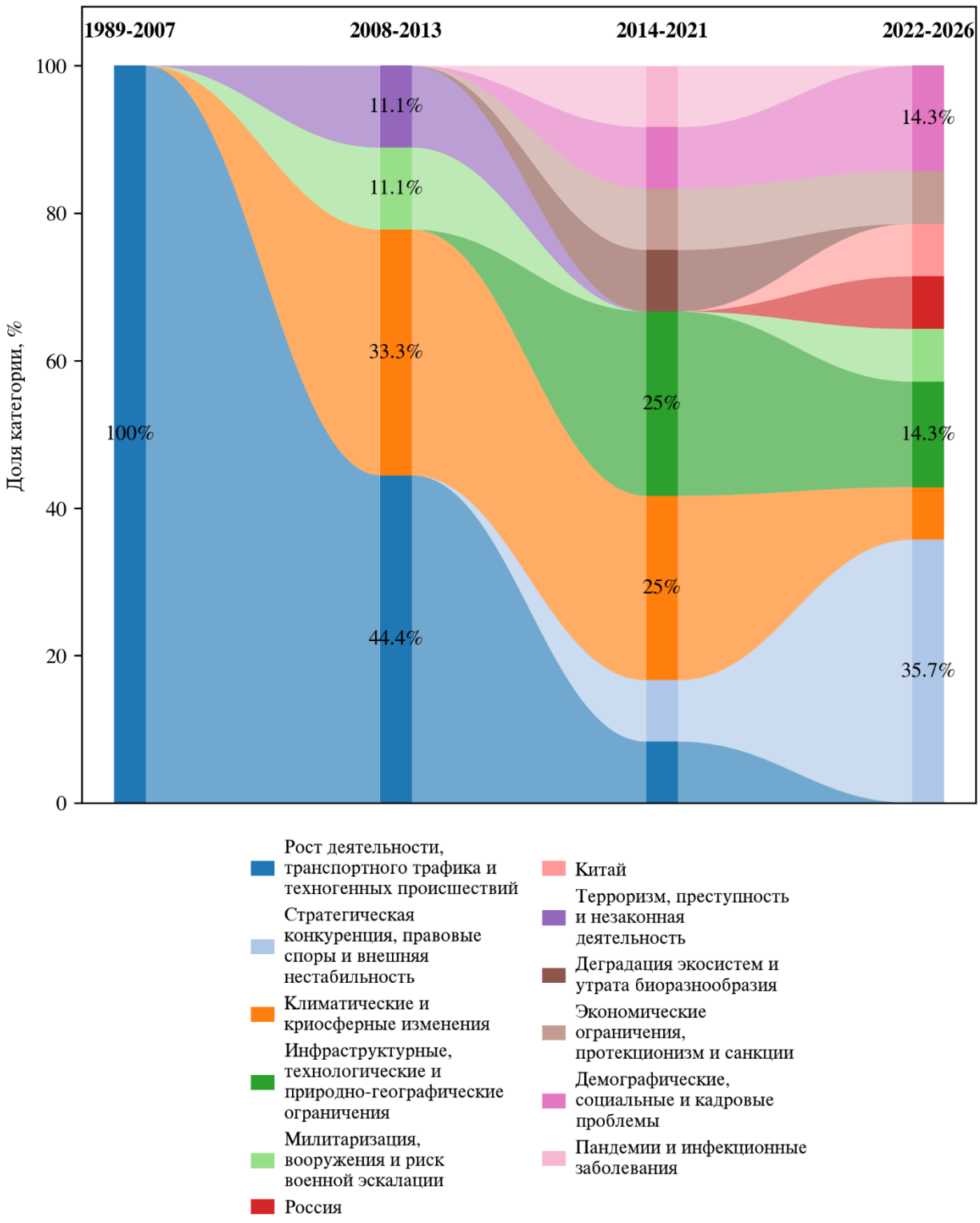

Рисунок 2.4.3. Распределение декларируемых источников опасности в актах секьюритизации для Норвегии в 1989-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Наибольшее количество актов десекьюритизации на документ в норвежском дискурсе в области безопасности в Арктике зафиксировано в 2008-2013 гг. (*Рисунок 2.4.4.*). Это связано с продвижением формулы «Крайний Север – низкая напряженность» (англ. *High North – Low Tension*), которая стала лейтмотивом политики Осло в области региональной безопасности. На всем рассматриваемом временном отрезке общий тренд умеренно-нисходящий. Десекьюритизация преимущественно военно-политическая, сосредоточена в специализированных арктических стратегиях и практически отсутствует в оборонных документах.

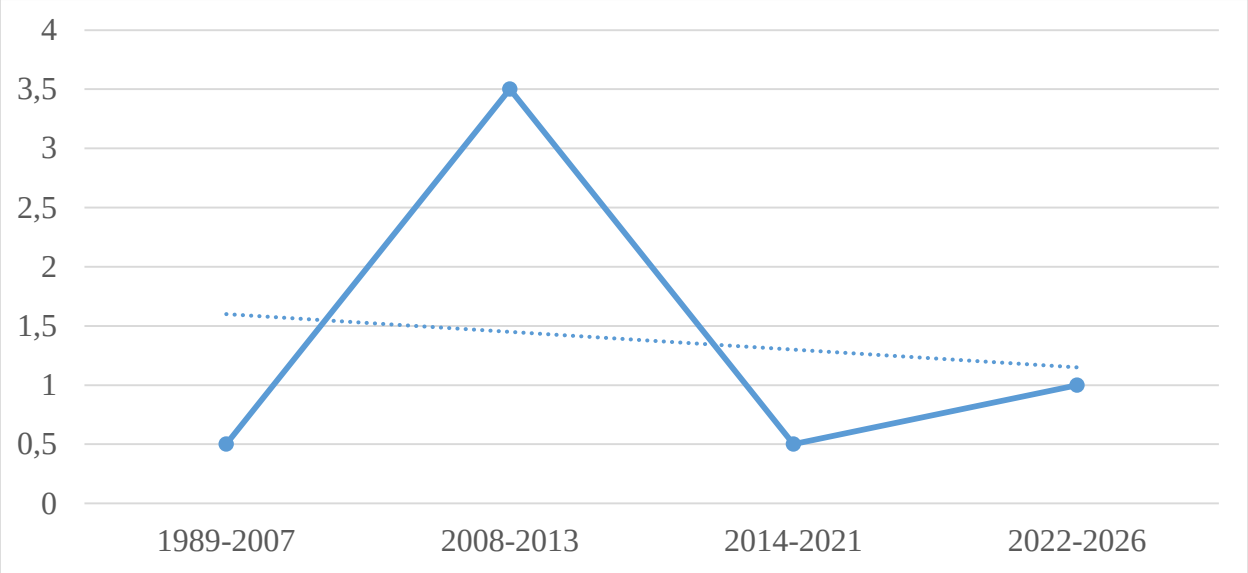

Рисунок 2.4.4. Среднее количество актов арктической десекьюритизации на один стратегический, концептуальный, доктринальный или нормативно-правовой документ для Норвегии в 1989-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Декларируемые меры государственной политики Норвегии в области безопасности в Арктике колеблются между невоенным и военно-политическим секторами (*Таблица 2.4.3.*). В середине 2000-х гг. абсолютно доминируют невоенные, в 2008-2013 гг. – политические, затем на первый план выходят экологические. После 2022 г. норвежский практический дискурс в области безопасности в Арктике милитаризируется. Преобладающий

географический охват мер также колеблется между национальным и региональным уровнями.

Период / показатель	**Сфера мер**	**Уровень мер**
1989-2007	Экономическая (25%); общественная (25%); экологическая (25%)	Национальный (37,5%)
2008-2013	Политическая (60%)	Региональный (60%)
2014-2021	Экологическая (36,8%)	Региональный (52,6%)
2022-2026	Военная (53,8%)	Национальный (38,5%)

Таблица 2.4.3. Доминирующие сферы и уровни декларируемых мер государственной политики в области безопасности в Арктике для Норвегии в 1989-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

В середине 2000-х гг. среди объектов мер госполитики Норвегии в области безопасности в Арктике выделяются тематические группы «Морская безопасность, транспорт, навигация и реагирование» и «Экономика, ресурсы, продовольствие и технологии» (*Рисунок 2.4.5.*). После 2008 г. большинство из них замещается категориями «Региональный мир, международный порядок и сотрудничество» и «Окружающая среда, климат, устойчивое развитие и наука». Доминирование «регионального мира…» в этот период также обусловлено норвежской политикой по десекьюритизации Арктики «Крайний Север – низкая напряженность». В 2014-2021 гг. в тематической структуре мер вновь появляются население, морская безопасность, экономика и ресурсы, при этом к ним добавляется группа «Оборона, союзники и военно-оперативные возможности». После 2022 г. из объектов мер исчезают экономика и окружающая среда, и растут доли «регионального мира», «населения» и «морской безопасности».

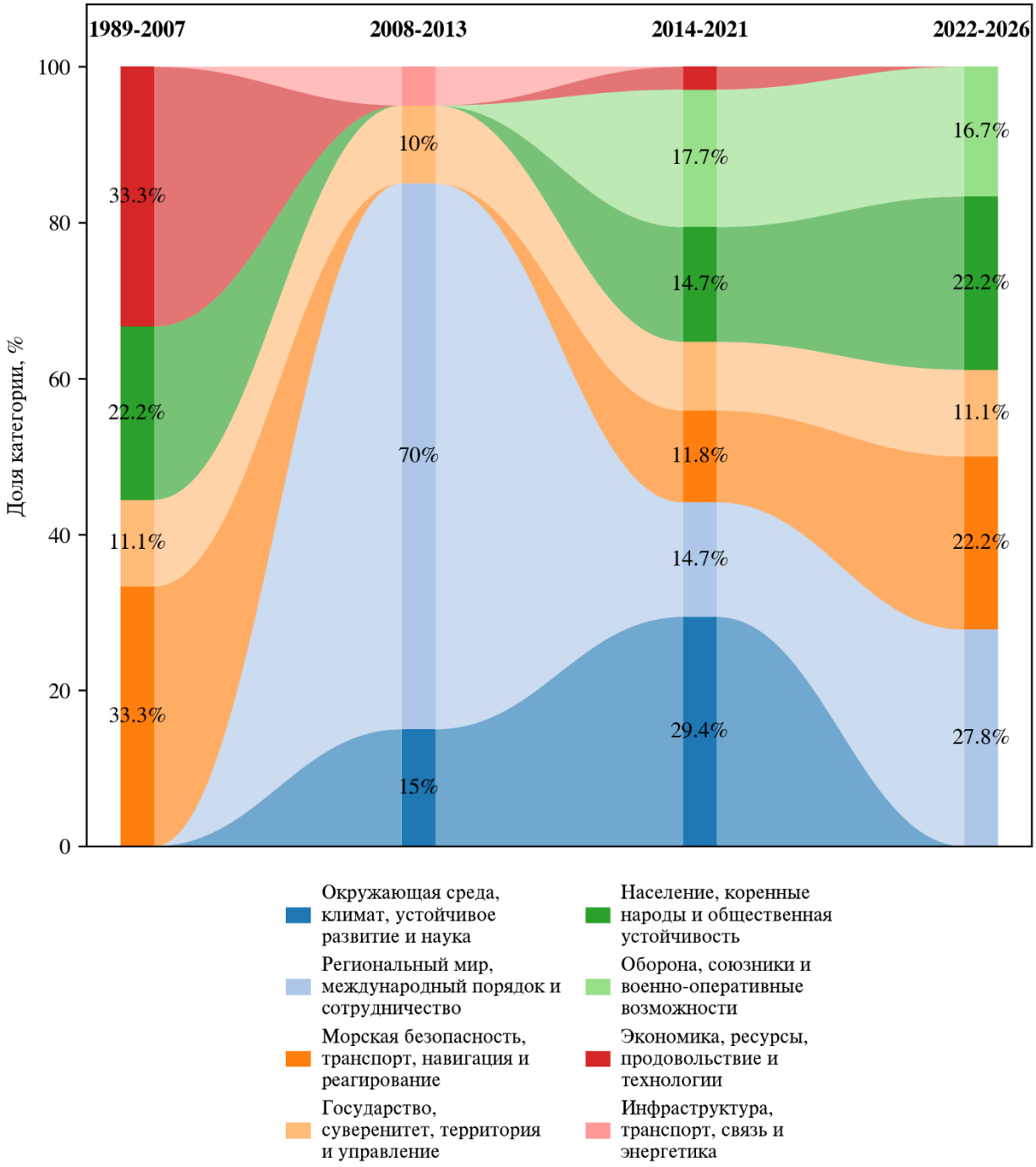

Рисунок 2.4.5. Распределение объектов декларируемых мер государственной политики в области безопасности в Арктике по тематическим группам для Норвегии в 1989-2026 гг.
Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Таким образом, дискурс и практика Норвегии в области безопасности в Арктике эволюционировали от преимущественно эколого-общественного профиля на рубеже 2000-2010-х гг. до военно-политического в 2020-х гг. При этом в норвежской политике сохраняется интенсивная невоенная секьюритизация в сферах климатической, морской и общественной безопасности. Осло воспринимает Крайний Север / Арктику как неотъемлемую часть государственной идентичности и ключевое направление внутренней и внешней политики. По этой причине королевство стремится поддерживать низкую напряженность и стабильность на Крайнем Севере. Достижение этой цели в условиях секьюритизации России в 2020-х гг. в логике Норвегии предполагает усиление национальной обороноспособности, а также статуса ценного «арктического союзника» в НАТО.

2.5. Королевство Дания

При рассмотрении политики Королевства Дания в области безопасности в Арктике уместнее всего сначала обратиться к официальному дискурсу и практике самой Дании, а затем – двух ее автономных образований, Гренландии и Фарерских островов. Их конституционно-правовой статус предполагает, что, хотя вопросы внешней и оборонной политики, а также политики в области безопасности остаются прерогативой Копенгагена, они могут вести переговоры и заключать международные соглашения по вопросам в сфере их компетенции. У обеих автономий есть собственные парламенты и правительства, которые ведут политический торг с датской короной, пытаясь добиться большей самостоятельности, в том числе в международных делах. За последние 15 лет обе автономии приняли ряд стратегических документов, затрагивающих вопросы безопасности в Арктике, и все чаще позиционируют себя как самостоятельных региональных игроков наравне с суверенными государствами. По этой причине исследование политики в области безопасности в Арктике было бы неполным без рассмотрения гренландских и фарерских подходов и практик.

2.5.1. Дания

Историю Северной Атлантики с начала XIX в. можно коротко описать как процесс деволюции Датского королевства[485]. В XX в. сначала Фарерские Острова (в 1948 г.), а затем Гренландия (в 1979 г.) получили статусы автономий в составе королевства[486]. Это позволило Дании, расположенной гораздо южнее Северного полярного круга, остаться в числе прибрежных арктических держав.

Генезис Арктики как самостоятельного направления государственной политики Дании среди других прибрежных держав проходил по схожему сценарию с США. В XX в. основное внимание Копенгагена было сосредоточено на внутриполитическом измерении отношений с автономиями, а политика в области безопасности географически фокусировалась на Северной Атлантике. В конце 2000-х гг. с ростом глобального внимания к Арктике и на фоне усиления сепаратизма в Гренландии, которое привело к расширению автономии Нуука (столица Гренландии – *прим. автора*) в 2009 г., Дания начинает разработку первой комплексной региональной стратегии. Она была принята в 2011 г.

С этого момента Копенгаген начинает артикулировать свою государственную идентичность в контексте Арктики. Дания делает акцент на геостратегическом положении Гренландии, которой она обязана статусом прибрежной державы («центрально расположенный арктический актор»), и на дискурсивном уровне стремится усилить свой вес в арктических делах (например, «глобальный игрок в Арктике» или «важный и энергичный арктический актор»). В более поздних документах Копенгаген подчеркивает свои уникальные арктические компетенции («мощный игрок в области арктических исследований и образования»). Из этого можно заключить, что,

---

[485] Подробнее см. Bertelsen R.G. Devolution and Withdrawal: Denmark and the North Atlantic, 1800–2100 / R.G. Bertelsen // Security and Sovereignty in the North Atlantic / ed. by L. Heininen. London: Palgrave Macmillan, 2014. P. 9–27.

[486] Подробнее см. Липунов Н.С. Особенности конституционно-правовой регламентации местного самоуправления в Дании // Сборник студенческих научных статей «Современные актуальные проблемы конституционного права. Выпуск 3». Изд-во МГИМО-Университет, 2018. С. 128–137.

как и для Вашингтона, для Копенгагена Арктика – в меньшей степени элемент национальной идентичности по причине удаленности от региона и в большей – элемент международно-политического статуса и геополитический актив. Именно с этим связаны артикуляция арктической государственной идентичности и генезис государственной политики в области безопасности в Арктике именно в период роста внимания к Северу со стороны региональных и нерегиональных игроков, а не ранее, как, например, в России, Канаде или Норвегии.

Для анализа официального дискурса и декларируемых мер государственной политики Дании в области безопасности в Арктике с середины 2000-х гг. были отобраны четыре стратегических, концептуальных, доктринальных и нормативно-правовых документа в области арктической, внешней и оборонной политики, а также политики в области безопасности. Среди них: Стратегия Королевства Дания в отношении Арктики на 2011–2020 годы (2011 г.)[487], Стратегия внешней политики и политики безопасности на 2019–2020 годы (2018 г.)[488], Стратегия внешней политики и политики безопасности (2022 г.)[489] и Стратегия внешней политики и политики безопасности (2023 г.)[490]. Их дополнили оборонные планы датского правительства (англ. *Danish Defence Agreement*): на 2005–2009 гг. (2004 г.)[491],

[487] Kingdom of Denmark Strategy for the Arctic 2011–2020 // The Danish Government. Copenhagen: The Danish Government, 2011. URL: https://library.arcticportal.org/1890/1/DENMARK.pdf.
[488] Foreign and Security Policy Strategy 2019–2020 // The Danish Government. Copenhagen: Ministry of Foreign Affairs of Denmark, 2018. URL: https://www.fmn.dk/globalassets/fmn/dokumenter/nyheder/engelske/-2018-11-15-foreign-and-security-policy-strategy-2019-2020-.pdf.
[489] Denmark's New Foreign and Security Policy Strategy // Ministry of Foreign Affairs of Denmark. Copenhagen: Ministry of Foreign Affairs of Denmark, 2022. URL: https://um.dk/en/-/media/websites/umen/foreign-policy/uss-2022/overview_uss.ashx.
[490] Foreign and Security Policy Strategy 2023 // Ministry of Foreign Affairs of Denmark. Copenhagen: Ministry of Foreign Affairs of Denmark, 2023. URL: https://um.dk/en/foreign-policy/foreign-and-security-policy-2023.
[491] Agreement Regarding Danish Defence 2005–2009 // Danish Ministry of Defence. Copenhagen: Ministry of Defence of Denmark, 2004. URL: https://www.fmn.dk/globalassets/fmn/dokumenter/forlig/-eng-forsvarsforlig-2005-2009-inkl-bilag-.pdf.

2010–2014 гг. (2009 г.)[492], 2013–2017 гг. (2012 г.)[493], 2018–2023 гг. (2017 г.)[494], 2024–2033 гг. (2023 г.)[495], а также дополнительные соглашения об Арктике и Северном Атлантическом океане на 2024–2033 годы (2025 г.)[496]. Таким образом, в массиве первичных источников превалируют документы в сфере внешней и оборонной политики, а специализированный арктический документ – лишь один. В ходе дальнейшего анализа будем делать поправку на состав выборки.

Пик секьюритизации в количественном выражении для Дании можно зафиксировать в 2011 г. с публикацией первой датской арктической стратегии, за ним следует снижение и постепенный рост к 2020-м гг. Речевые акты равномерно распределены по разным типам документов: арктическим, в области внешней и оборонной политики.

Общий показатель индекса арктической секьюритизации для Дании находится в зоне «вызовов» (*Таблица 2.5.1.1.*). Средняя интенсивность военно-политической секьюритизации за все время наблюдений равна невоенной, что указывает на ее комплексный характер. Язык «угроз» чаще появляется к 2020-м гг. и характерен для внешнеполитических документов.

В 2009-2021 гг. арктическая военно-политическая секьюритизация Дании сохраняет высокую интенсивность, а после 2022 г. несколько снижается, в то время как невоенная, наоборот, усиливается (*Рисунок 2.5.1.1.*).

---

[492] Danish Defence Agreement 2010–2014 // Danish Ministry of Defence. Copenhagen: Ministry of Defence of Denmark, 2009. URL: https://www.fmn.dk/globalassets/fmn/dokumenter/forlig/-danish-defence-agreement-2010-2014-english-.pdf.

[493] Danish Defence Agreement 2013–2017 // Danish Ministry of Defence. Copenhagen: Ministry of Defence of Denmark, 2012. URL: https://www.fmn.dk/globalassets/fmn/dokumenter/forlig/-eng_forligstekst-2013-2017-inkl-bilag-.pdf.

[494] Defence Agreement 2018–2023 // Danish Ministry of Defence. Copenhagen: Ministry of Defence of Denmark, 2017. URL: https://www.fmn.dk/globalassets/fmn/dokumenter/forlig/-danish-defence-agreement-2018-2023-pdfa-2018.pdf.

[495] Will and Ability to Take Responsibility: Danish Defence and Security 2024–2033 // Danish Ministry of Defence. Copenhagen: Ministry of Defence of Denmark, 2023. URL: https://www.fmn.dk/globalassets/fmn/dokumenter/forlig/-danish-defence-agreement-2024-2033-.pdf.

[496] Delaftale 1 om Arktis og Nordatlanten under forsvarsforliget 2024–2033 // Forsvarsministeriet. 27.01.2025. URL: https://www.fmn.dk/globalassets/fmn/dokumenter/-aftaletekst-.pdf; Delaftale 2 om Arktis og Nordatlanten under forsvarsforliget 2024–2033 // Forsvarsministeriet. 10.10.2025. URL: https://www.fmn.dk/globalassets/fmn/dokumenter/-endelig----opdateret-aftaletekst-delaftale-2-om-arktis-og-nordatlanten-.pdf.

Индекс секьюритизации	Значение
Общий	**1,88**
Военно-политическая сфера	1,92
Невоенная сфера	1,92

Таблица 2.5.1.1. Средний индекс арктической секьюритизации для Дании в 2008-2026 гг.

Источник: Расчеты автора на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

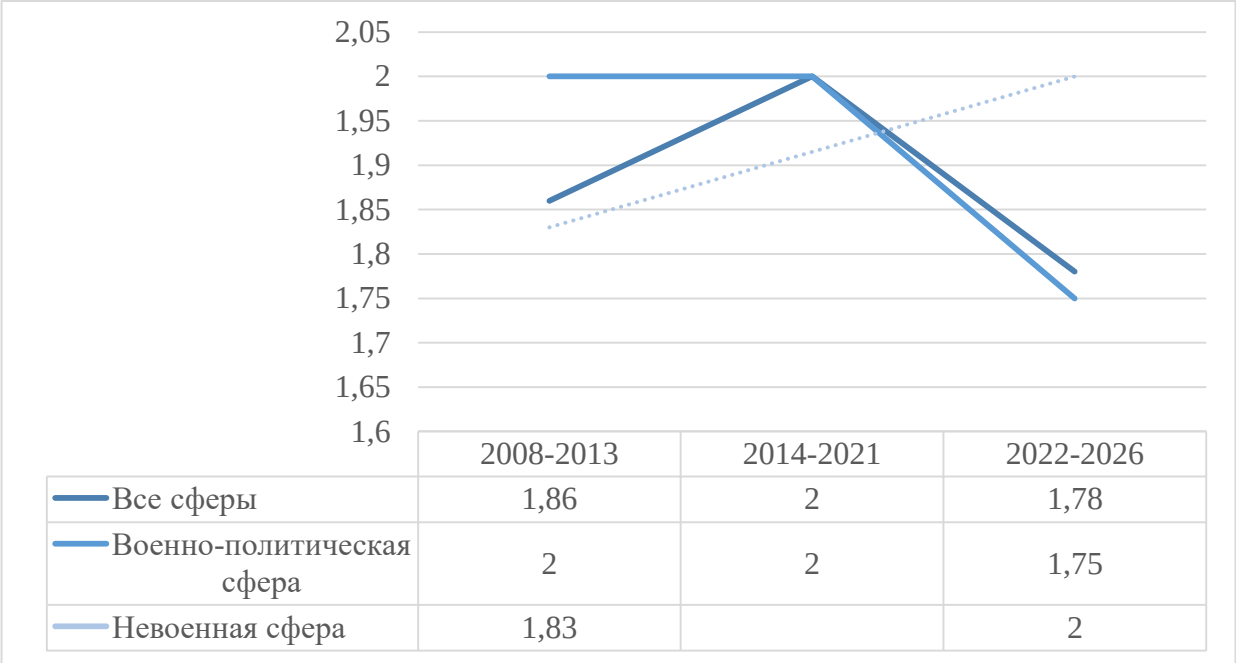

Рисунок 2.5.1.1. Динамика индекса арктической секьюритизации для Дании по сферам безопасности в 2008-2026 гг.

Источник: Расчеты автора на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

В 2009-2013 гг. доминирует экологическая секьюритизация, которая составляет более половины об общего числа речевых актов (*Таблица 2.5.1.2.*). Характерно, что первая – и единственная на момент написания диссертации – датская арктическая стратегия 2011 г. делает акцент на экологии и безопасности человека. В 2014-2021 гг. абсолютно превалирует политическая сфера, а после 2022 г. на первый план выходит военная секьюритизация. Такие кардинальные перемены можно объяснить спецификой первичных источников анализа за эти периоды – документов военно-политического

характера. На протяжении всего рассматриваемого периода секьюритизация в основном происходит на региональном уровне.

Период / показатель	**Сфера секьюритизации**	**Уровень секьюритизации**
2008-2013	Экологическая (57,1%)	Региональный (85,7%)
2014-2021	Политическая (100%)	Региональный (100%)
2022-2026	Военная (88,9%)	Региональный (88,9%)

Таблица 2.5.1.2. Доминирующие сферы и уровни арктической секьюритизации для Дании в 2008-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Тематический состав референтных объектов защиты в арктической секьюритизации Дании в 2009-2013 и 2022-2026 гг. кардинально различается (*Рисунок 2.5.1.2.*)[497]. Как уже отмечалось ранее, это связано со спецификой эмпирического материала. Доминирование «окружающей среды» и «населения» на рубеже 2000-2010-х гг. сменяется фокусом на «государстве» и «региональном мире».

Картина декларируемых источников опасности в датском арктическом дискурсе также отражает специфику источниковой базы (*Рисунок 2.5.1.3.*). В 2009-2013 гг. большинство опасений связано с климатическими изменениями, загрязнением окружающей среды и ростом активности в регионе. После 2014 г. происходит геополитизация дискурса Дании в области безопасности в Арктике: главными источниками опасности обозначены стратегическая конкуренция и Китай. Именно на этот период приходится пик гренландской активности Пекина. После 2022 г. картина источников почти целиком геополитическая с климатическим «фоном»: почти половина упоминаний приходится на Россию, что составляет наивысший показатель по всей выборке государств за все время, а также появляется категория «милитаризация».

[497] В отобранных в ходе контент-анализа датских источников актах секьюритизации за 2014-2021 гг. объекты защиты не декларируются.

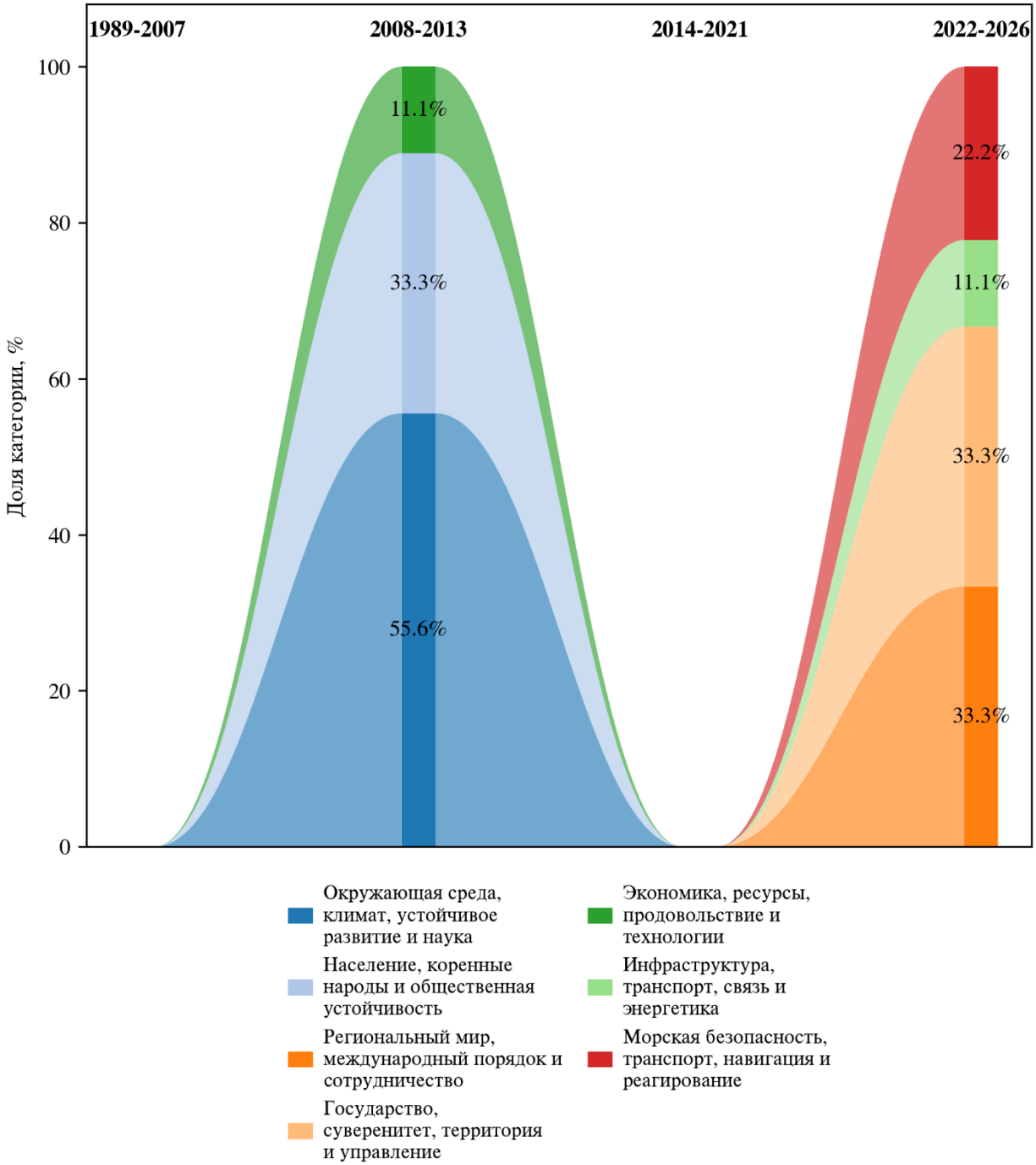

Рисунок 2.5.1.2. Распределение декларируемых объектов защиты в актах секьюритизации по тематическим группам для Дании в 2008-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

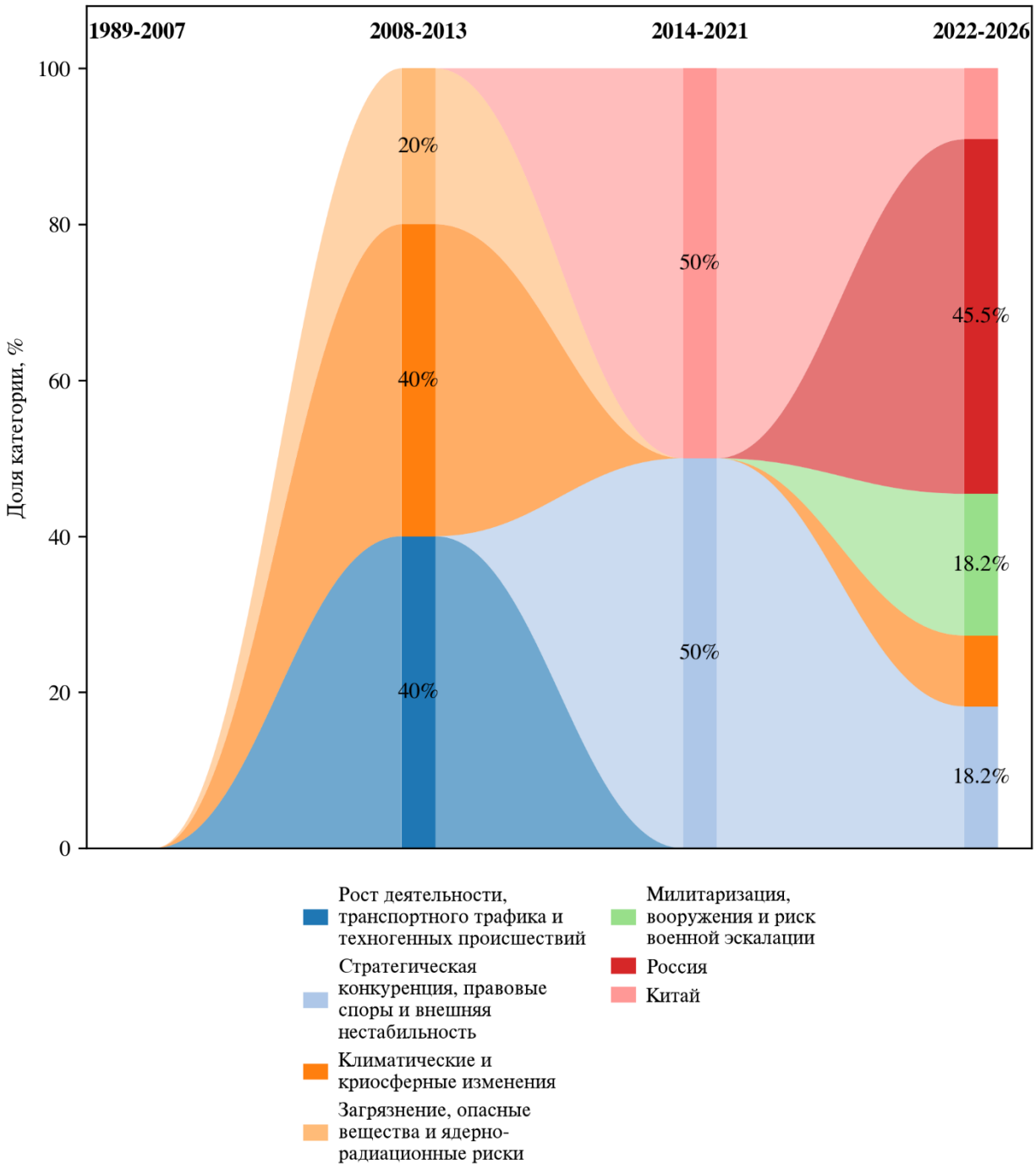

Рисунок 2.5.1.3. Распределение декларируемых источников опасности в актах секьюритизации для Дании в 2008-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Динамика десекьюритизации в датском дискурсе в области безопасности в Арктике в среднем восходящая (*Рисунок 2.5.1.4.*). Акты десекьюритизации чаще всего встречаются в арктических и внешнеполитических документах. Датский нарратив десекьюритизации воспроизводит формулу Арктики как «зоны мира и стабильности» и выступает дискурсивным инструментом стабилизации все более напряженной военно-политической обстановки в высоких широтах.

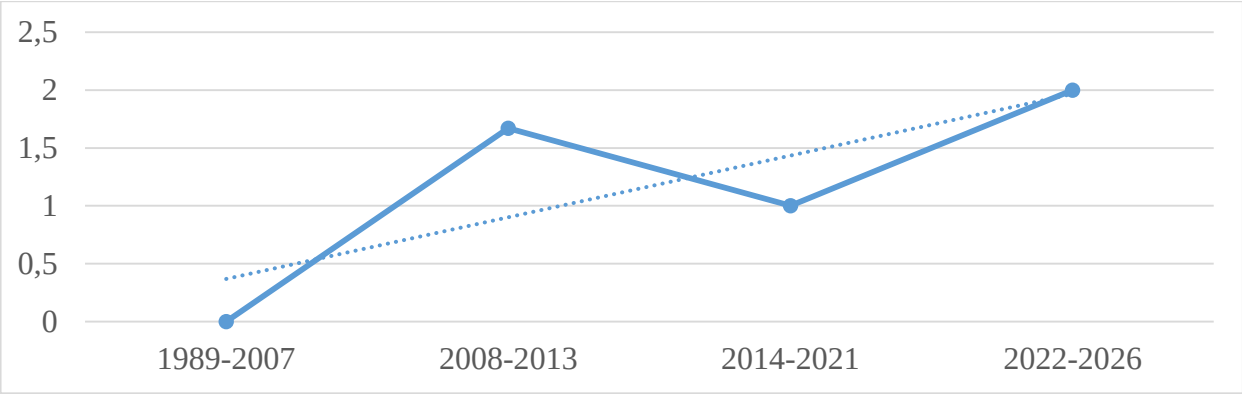

Рисунок 2.5.1.4. Среднее количество актов арктической десекьюритизации на один стратегический, концептуальный, доктринальный или нормативно-правовой документ для Дании в 2004-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

В силу особенностей источниковой базы по Дании данные по декларируемым мерам госполитики в области безопасности в Арктике есть за все периоды. Как правило, меры госполитики детализируются в оборонных соглашениях датского правительства, и поэтому они в значительной степени милитаризированы на протяжении всего периода исследования с начала 2000-х гг. (*Таблица 2.5.1.3.*). Исключение – 2014-2021 гг., когда декларируемые меры разделились поровну между военно-политической и невоенной сферами. После 2008 г. уровень мер преимущественно региональный, а в середине 2000-х гг. – субрегиональный (в случае Дании речь идет о смежной с Арктикой Северной Атлантике).

Период / показатель	**Сфера мер**	**Уровень мер**
1989-2007	Военная (66,7%)	Субрегиональный (100%)
2008-2013	Военная (48,5%)	Региональный (75,8%)
2014-2021	Военная (25%); политическая (25%); экологическая (25%); безопасность человека (25%)	Региональный (50%)
2022-2026	Военная (67,4%)	Региональный (60,9%)

Таблица 2.5.1.3. Доминирующие сферы и уровни декларируемых мер государственной политики в области безопасности в Арктике для Дании в 1989-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

За исключением первого периода, главной тематической группой декларируемых мер датской госполитики выступает «региональный мир» (*Рисунок 2.5.1.5.*). Две другие значимые категории – «окружающая среда» и «морская безопасность». В 2020-х гг. вторую и третью по величине доли занимают «население» и «государство» соответственно.

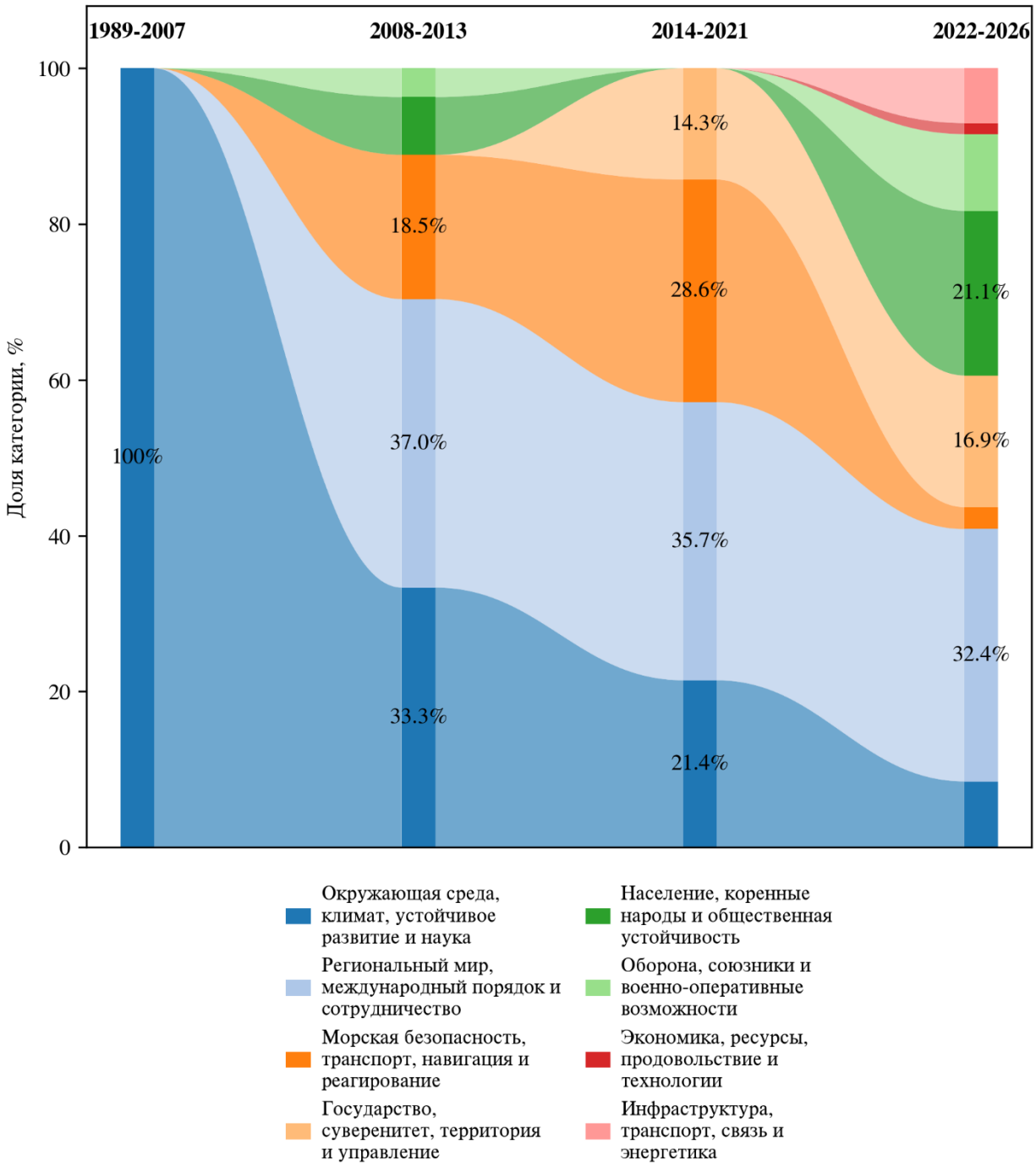

Рисунок 2.5.1.5. Распределение объектов декларируемых мер государственной политики в области безопасности в Арктике по тематическим группам для Дании в 2008-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Таким образом, Арктика выступает для Дании ценным геополитическим активом и инструментом повышения международно-политического статуса малой державы. Этим обусловлена артикуляция арктической государственной идентичности всего королевства как «центрального и важного игрока» в регионе. В 2000-х – начале 2010-х гг. в датском дискурсе в области безопасности в Арктике превалирует невоенная секьюритизация, однако к 2020-м гг. основной становится военно-политическая при сохранении невоенных элементов. Средняя интенсивность военно-политической секьюритизации Копенгагена за все время наблюдений равна невоенной, что указывает на ее комплексный характер. Кроме того, геополитизация дискурса сопровождается все более интенсивной десекьюритизацией отношений между региональными державами со стороны Дании.

2.5.2. Гренландия

На фоне роста сепаратистских настроений в Гренландии в 2000-2020-х гг. Нуук начал конструировать свою собственную арктическую идентичность[498], отличную от датской и все чаще позиционировать себя как полноценного актора международной арктической политики. В гренландском официальном дискурсе чаще всего можно встретить самоидентификацию в качестве «арктической нации [или даже «страны», если переводить англоязычную формулировку с учетом американской семантики – *прим. автора*]» и «арктический народ». Кроме того, Гренландия подчеркивает свою истинную «северность», называя себя «единственной страной Королевства [Дания – *прим. автора*], расположенной в Арктике, с уникальной арктической культурой». Наконец, Нуук акцентирует миролюбивость как элемент национальной арктической самоидентификации: «арктическая страна, ориентированная на поддержание мира и низкой напряженности [в Арктике – *прим. автора*]». Это обусловлено не столько отсутствием у автономии собственных ВС, сколько пацифистской культурой инуитов – коренного населения острова.

Для анализа официального дискурса и декларируемых мер политики Гренландии в области безопасности в Арктике была использована единственная стратегия автономии в области арктической, внешней и оборонной политики, а также политики в области безопасности – «Гренландия в мире — Ничего о нас без нас. Внешняя политика, политика безопасности и оборонная политика Гренландии на 2024–2033 годы — Арктическая стратегия» (2024 г.)[499]. Уже само название документа говорит о позиционировании автономии в качестве полноценного арктического актора.

Хотя единственный источник анализа не позволяет проследить эволюцию гренландской политики в области безопасности в Арктике, он все

[498] Коннотация «государственная», на наш взгляд, не вполне применима к датским автономиям, несмотря на их бесспорную акторность в контексте Арктики.
[499] Greenland in the World – Nothing About Us Without Us // Government of Greenland. 2024. URL: https://paartoq.gl/wp-content/uploads/2024/03/Greenlands_Foreign_-Security_and_Defense_Policy_2024_2033.pdf.

же дает возможность составить общее представление о подходах Нуука к ее обеспечению.

Интенсивность арктической секьюритизации Гренландии довольно низкая и находится в зоне «рисков» (*Таблица 2.5.2.1.*). Весьма характерно, что невоенная секьюритизация опережает военно-политическую.

Индекс секьюритизации	**Значение**
Общий	**1,33**
Военно-политическая сфера	1,00
Невоенная сфера	1,40

Таблица 2.5.2.1. Средний индекс арктической секьюритизации для Гренландии в 2022-2026 гг.

Источник: Расчеты автора на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

В структуре актов секьюритизации в документе преобладают невоенные – экономическая и общественная – сферы безопасности (*Таблица 2.5.2.2.*). Основной уровень секьюритизации – национальный[500]. Нуук делает акцент на социально-экономической уязвимости Гренландии перед лицом внешних вызовов.

Период / показатель	**Сфера секьюритизации**	**Уровень секьюритизации**
2022-2026	Экономическая (33,3%); Общественная (33,3%)	Национальный (66,7%)

Таблица 2.5.2.2. Доминирующие сферы и уровни арктической секьюритизации для Гренландии в 2022-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Среди объектов арктической секьюритизации Гренландии преобладают невоенные (*Рисунок 2.5.2.1.*). Две крупнейшие тематические группы – «инфраструктура» и «население».

[500] Применительно к Гренландии и Фарерским Островам речь идет о самих автономиях, поскольку они активно конструируют свою политическую субъектность.

Спектр воспринимаемых источников опасности в гренландской арктической секьюритизации разнообразен (*Рисунок 2.5.2.2.*). В нем почти равномерно представлены как военно-политические, так и невоенные сферы. Две ключевые тематические категории – «стратегическая конкуренция» и «гибридные угрозы». Среди прочего, присутствует Россия.

В гренландской стратегии ожидаемо присутствует десекьюритизация (четыре речевых акта). Как и у арктических государств, в Гренландии она нацелена на поддержание «мира и стабильности» в регионе, то есть затрагивает исключительно военно-политическую сферу. Примечательно, что в документе прослеживается секьюритизация «внутренней» (гренландской) безопасности при одновременной десекьюритизации «внешней» (региональной).

Наибольшая группа декларируемых мер политики Нуука в области безопасности в Арктике относится к политической сфере (*Таблица 2.5.2.3.*). Основная пространственная направленность мер – национальная.

Период / показатель	**Сфера мер**	**Уровень мер**
2022-2026	Политическая (35,7%)	Национальный (42,9%)

Таблица 2.5.2.3. Доминирующие сферы и уровни декларируемых мер государственной политики в области безопасности в Арктике для Гренландии в 2022-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Среди тематических групп объектов этих мер чуть более половины приходится на «Региональный мир, международный порядок и сотрудничество» (*Рисунок 2.5.2.3.*). Вторая по величине категория – «Инфраструктура, транспорт, связь и энергетика».

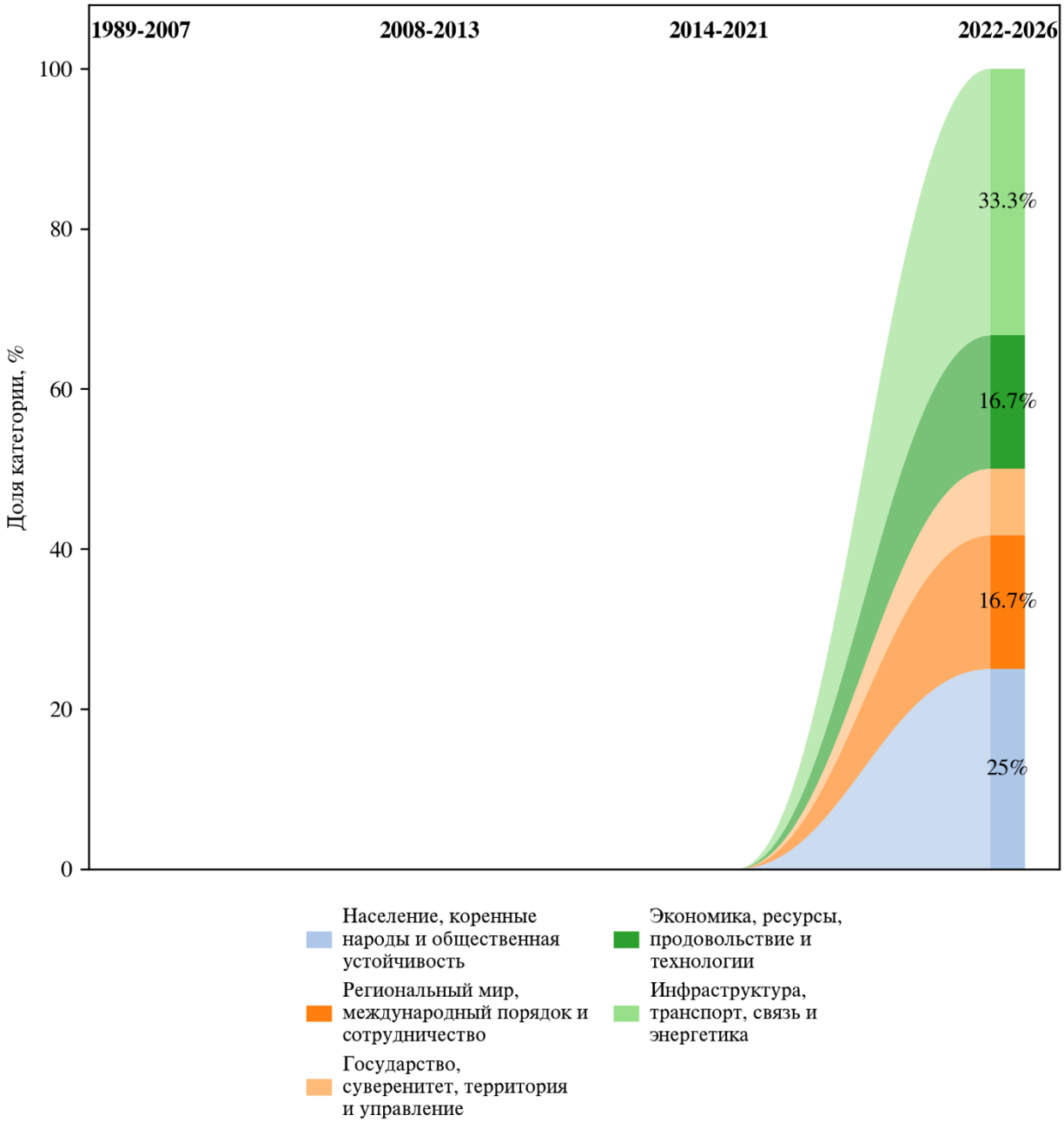

Рисунок 2.5.2.1. Распределение декларируемых объектов защиты в актах секьюритизации по тематическим группам для Гренландии в 2022-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

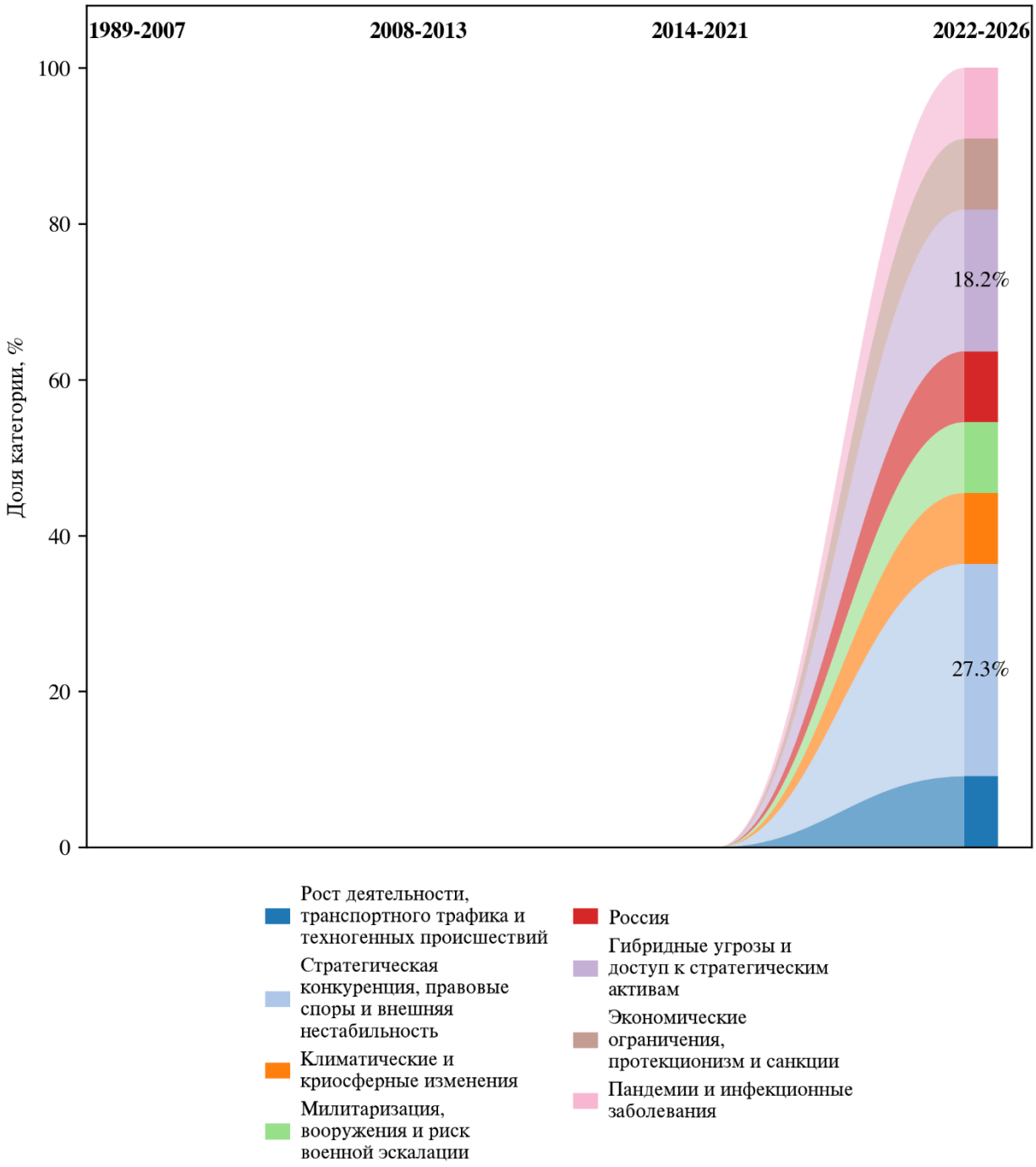

Рисунок 2.5.2.2. Распределение декларируемых источников опасности в актах секьюритизации для Гренландии в 2022-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

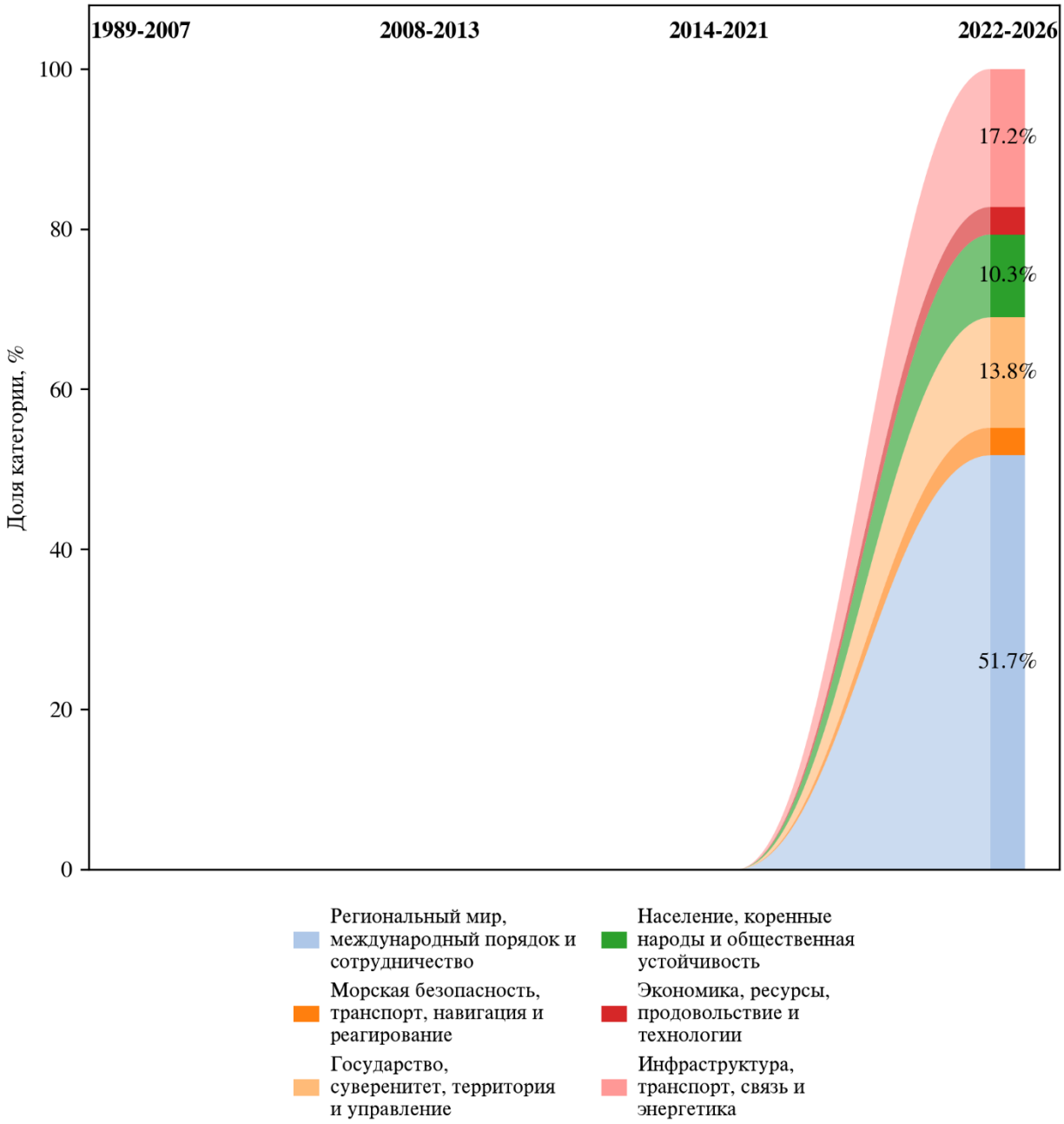

Рисунок 2.5.2.3. Распределение объектов декларируемых мер государственной политики в области безопасности в Арктике по тематическим группам для Гренландии в 2022-2026 гг. *Источник:* Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Таким образом, в 2020-х гг. Гренландия все активнее заявляет о себе как о самостоятельном акторе международной арктической политики. Для этого Нуук конструирует собственную арктическую идентичность, отличную от датской, и артикулирует свое видение политики в области безопасности в Арктике. Секьюритизация в гренландском дискурсе умеренная и затрагивает преимущественно сферы экономической и общественной безопасности. Практические меры гренландской политики в области безопасности нацелены на защиту критической инфраструктуры и обеспечение региональной стабильности в условиях растущих гибридных угроз и стратегической конкуренции в Арктике. В 2020-х гг. в гренландской политике прослеживается секьюритизация внутренней безопасности при одновременной десекьюритизации региональной.

2.5.3. Фарерские Острова

В отличие от Гренландии, Фарерские Острова начали позиционировать себя как арктического игрока чуть ранее на волне роста глобального интереса к региону. Торсхавн (столица Фарерских Островов – *прим. автора*) гораздо активнее Нуука артикулирует собственную «северность» и идентифицирует себя не только «арктической страной», но и «нацией в Арктике», даже несмотря на географическое расположение южнее Северного полярного круга. Кроме того, Фареры называют себя «океанской и прибрежной арктической нацией», а также подчеркивают кооперативный характер своей внешней политики в регионе (например, «партнер в Арктике», «заметный и активный арктический актор» или «заинтересованный участник арктического сотрудничества»).

Для анализа официального дискурса и декларируемых мер политики Фарерских Островов в области безопасности в Арктике с начала 2010-х гг. были отобраны три стратегических документа в области арктической, внешней и оборонной политики, а также политики в области безопасности. Среди них: «Фарерские острова — государство в Арктике» (2013 г.)[501], «Фарерские острова в Арктике» (2022 г.)[502] и Политика Фарерских островов в отношении Арктики (2024 г.)[503]. Хотя скромная выборка первичных источников не покрывает период 2014-2021 гг., она позволяет составить общее представление об эволюции фарерской политики в области безопасности в Арктике.

Общий показатель индекса арктической секьюритизации для Фарерских Островов находится в умеренной зоне «рисков» (*Таблица 2.5.3.1.*). Невоенная секьюритизация в фарерском дискурсе в среднем чуть интенсивнее военно-

[501] The Faroe Islands – a Nation in the Arctic. Opportunities and Challenges // The Prime Minister's Office. The Foreign Service. Tórshavn: Government of the Faroe Islands, 2013. URL: https://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2009_2014/documents/deea/dv/16_20131120_faroe-islands-arctic-/16_20131120_faroe-islands-arctic-en.pdf.

[502] The Faroe Islands in the Arctic // The Government of the Faroe Islands. 2022. URL: https://landsstyri.cdn.fo/savn/17174/arktis_eng_web-1.pdf?s=-g0HWDUc_vsg6sj17PGST3xZeb0.

[503] The Arctic Policy of the Faroe Islands // Ministry of Foreign Affairs, Industry and Trade. Tórshavn: Government of the Faroe Islands, 2024. URL: https://landsstyri.cdn.fo/savn/tmzdxxak/arctic-policy-of-the-faroe-islands-2024.pdf?s=Q-X8KWKu-VWuD6ALEjAHDhxXq_8.

политической. Индекс арктической секьюритизации Фарерских Островов в военно-политической сфере за десятилетие удваивается, в то время как в невоенной сфере показатель немного снижается (*Рисунок 2.5.3.1.*).

Индекс секьюритизации	Значение
Общий	**1,55**
Военно-политическая сфера	1,50
Невоенная сфера	1,59

Таблица 2.5.3.1. Средний индекс арктической секьюритизации для Фарерских Островов в 2008-2026 гг.

Источник: Расчеты автора на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

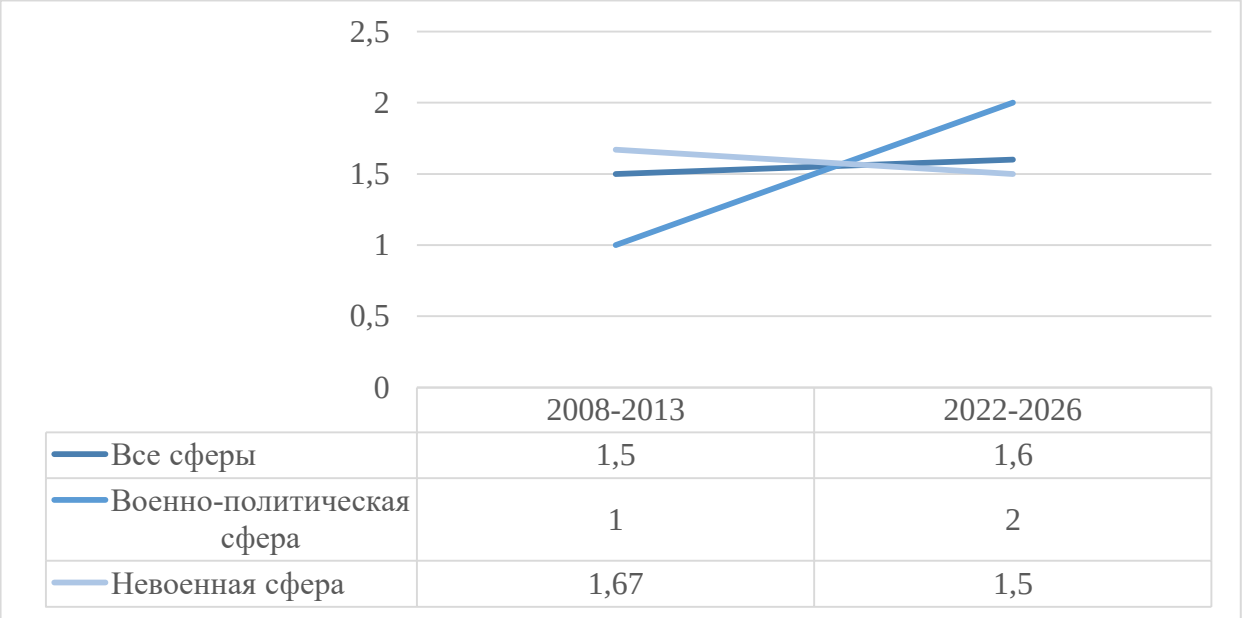

Рисунок 2.5.3.1. Динамика индекса арктической секьюритизации для Фарерских Островов по сферам безопасности в 2008-2026 гг.

Источник: Расчеты автора на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Среди актов секьюритизации доминируют экологические на региональном уровне (*Таблица 2.5.3.2.*).

Период / показатель	**Сфера секьюритизации**	**Уровень секьюритизации**
2008-2013	Экологическая (75%)	Региональный (75%)
2022-2026	Экологическая (70%)	Региональный (70%)

Таблица 2.5.3.2. Доминирующие сферы и уровни арктической секьюритизации для Фарерских Островов в 2008-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Тематическое распределение декларируемых объектов защиты в дискурсе Фарерских Островов стабильно, к 2020-м гг. наблюдается рост категорий «окружающая среда» и «население» (*Рисунок 2.5.3.2.*). Доли «экономики», «морской безопасности» и «регионального мира», напротив, сокращаются.

Среди источников опасности в арктической секьюритизации Фарер к 2020-м гг. актуализируется эколого-климатический блок, появляется Россия (*Рисунок 2.5.3.3.*). Также увеличивается доля «противоправной деятельности», которая в фарерском контексте означает незаконный, несообщаемый и нерегулируемый рыбный промысел.

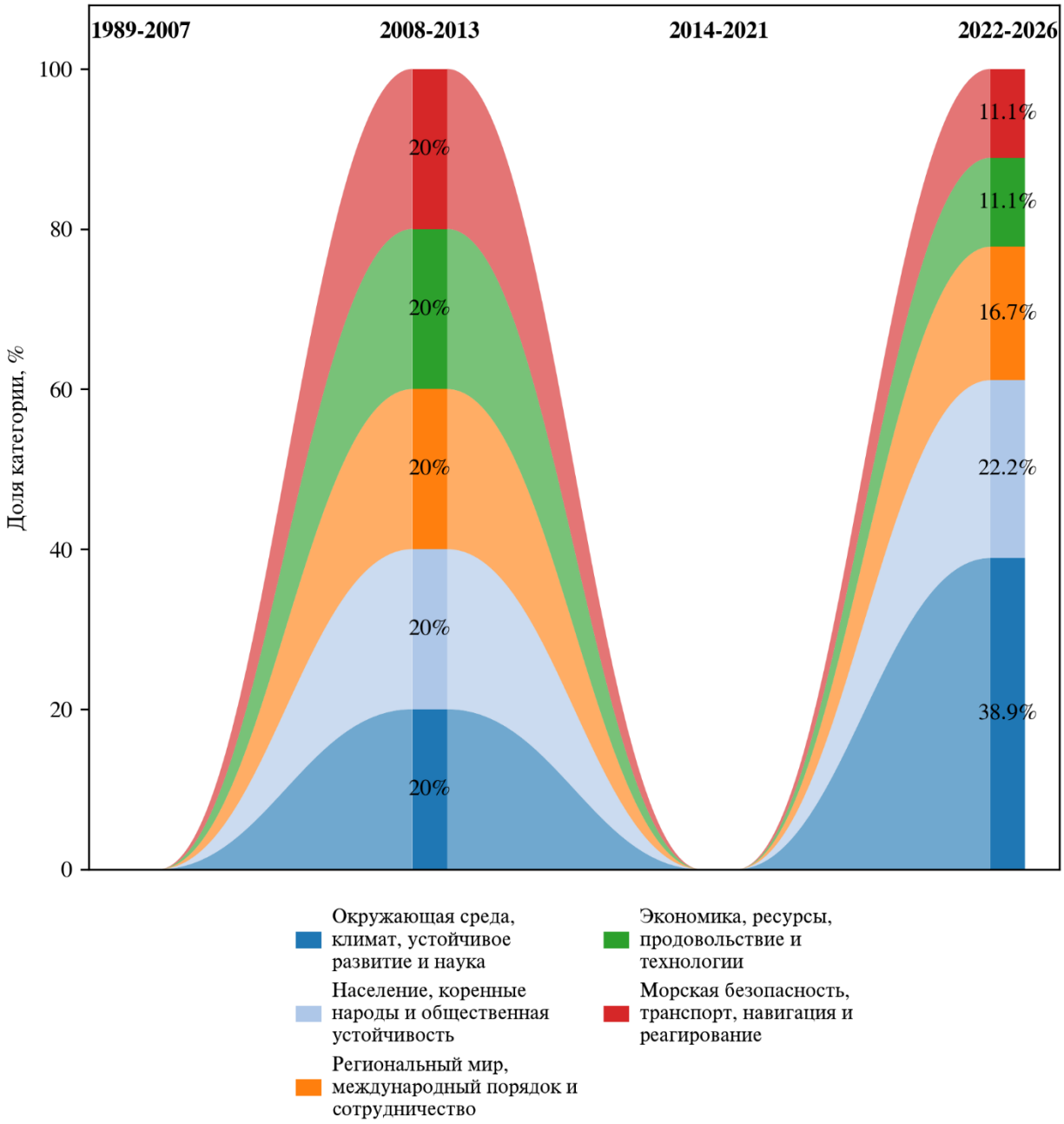

Рисунок 2.5.3.2. Распределение декларируемых объектов защиты в актах секьюритизации по тематическим группам для Фарерских Островов в 2008-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

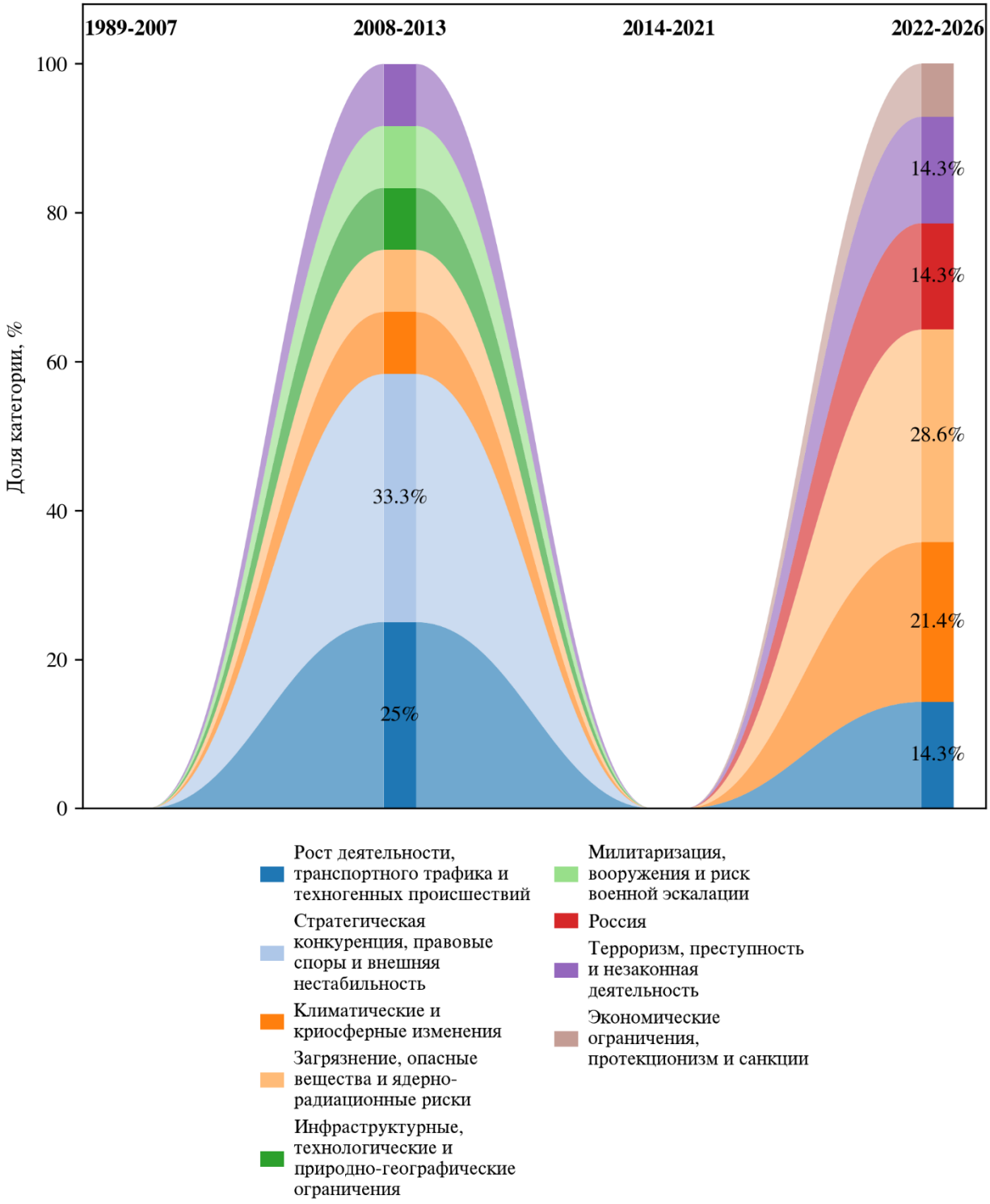

Рисунок 2.5.3.3. Распределение декларируемых источников опасности в актах секьюритизации для Фарерских Островов в 2008-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Десекьюритизация в фарерском официальном дискурсе также присутствует, причем у нее стабильная динамика – по одному речевому акту на документ. Профиль десекьюритизации, как и у других арктических акторов, нормативный и военно-политический («Арктика как зона мира»).

Декларируемых мер политики в области безопасности в трех рассмотренных документах выделяется мало, и они носят преимущественно экологический характер (*Таблица 2.5.3.3.*). Пространственная направленность мер эволюционирует от национального уровня к региональному.

Период / показатель	**Сфера мер**	**Уровень мер**
2008-2013	Экологическая (71,4%)	Национальный (71,4%)
2022-2026	Экологическая (53,8%)	Региональный (69,2%)

Таблица 2.5.3.3. Доминирующие сферы и уровни декларируемых мер государственной политики в области безопасности в Арктике для Фарерских Островов в 2008-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Крупнейшая тематическая группа объектов декларируемых мер политики Фарерских Островов в области безопасности в Арктике – «Морская безопасность, транспорт, навигация и реагирование» (*Рисунок 2.5.3.4.*). К 2020-м гг. ее доля уменьшается, при этом наблюдается рост «окружающей среды». В 2020-х гг. спектр объектов мер фарерской политики пополняют категории «Население, коренные народы и общественная устойчивость», «Инфраструктура, транспорт, связь и энергетика» и «Оборона, союзники и военно-оперативные возможности».

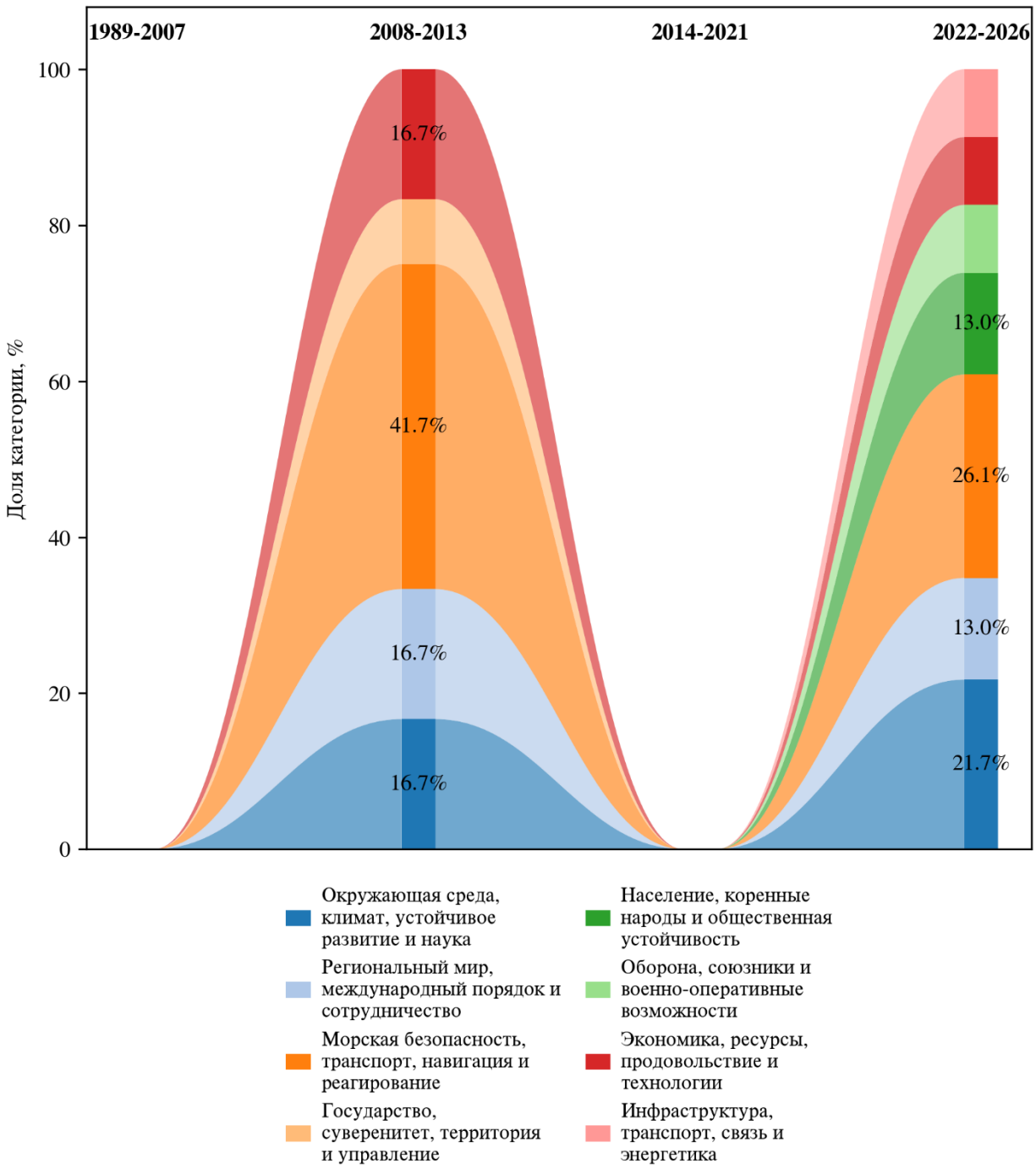

Рисунок 2.5.3.4. Распределение объектов декларируемых мер государственной политики в области безопасности в Арктике по тематическим группам для Фарерских Островов в 2008-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Таким образом, Фарерские Острова позиционируют себя полноценным арктическим актором и с начала 2010-х гг. артикулируют собственную арктическую идентичность. В фарерском дискурсе и практике в области безопасности в Арктике доминирует невоенная – преимущественно экологическая – сфера. К 2020-м гг. в арктической секьюритизации Фарер появляются военно-политические элементы, а интенсивность восприятия опасностей в этой сфере удваивается.

2.6. Финляндия

Хотя еще в XX в. Финляндия лишилась выхода к СЛО, значительная часть территории страны по-прежнему осталась за Северным полярным кругом. Это обусловило большое внимание Хельсинки к Северу и Арктическому региону в целом, особенно после холодной войны. Именно Финляндия на рубеже 1980-1990-х гг. инициировала процесс многостороннего сотрудничества арктических государств в области охраны окружающей среды («процесс Рованиеми»), который стал основой будущего Арктического совета. Именно по инициативе Хельсинки в конце 1990-х гг. было инициировано «Северное измерение» ЕС. Среди прочего, в финском видении эти инициативы были нацелены на интеграцию постсоветской России в европейское политическое пространство и общее снижение региональной военно-политической напряженности после холодной войны.

Тем не менее в качестве самостоятельного направления арктическая политика оформилась в Финляндии лишь в начале 2010-х гг. на волне роста глобального внимания к региону. В области безопасности в Арктике Хельсинки продолжил эколого-климатическую линию 1990-х гг. Квинтэссенцией финского подхода к проблемам безопасности в Арктике стали слова президента страны С. Ниинистё: «Если мы потеряем Арктику, мы потеряем мир»[504].

Военно-политическое измерение финской политики в области безопасности после холодной войны было целиком сосредоточено на вопросах поддержания национальной обороноспособности и вопросе о степени интеграции в западные институты в области военно-политической безопасности – в первую очередь, НАТО. Арктическое – точнее, евроарктическое – направление оборонной политики рассматривалось Хельсинки преимущественно в контексте взаимодействия с западными

[504] Opening remarks by the President of the Republic of Finland Sauli Niinistö at “The Arctic: Territory of Dialogue” Forum, Arkhangelsk // Office of the President of the Republic of Finland. March 30, 2017. URL: https://www.presidentti.fi/niinisto/en/news/president-niinisto-in-arkhangelsk-if-we-lose-the-arctic-we-lose-the-whole-world/.

партнерами. В условиях обострения военно-политической обстановки в Европе после эскалации украинского кризиса в 2022 г. Финляндия решила вступить в Североатлантический альянс и в 2023 г. официально стала его членом. Отказ от политики военного неприсоединения стал закономерным итогом трех десятилетий эволюции политики Хельсинки в области безопасности после холодной войны и проявлением финской стратегической культуры в условиях меняющейся военно-политической среды[505]. После вступления в альянс Швеции и трансформации Северной Европы в единое военно-оперативное пространство НАТО от Балтийского до Баренцева моря значение арктического направления в политике Финляндии в области безопасности возросло.

Будучи арктическим, но не прибрежным государством, Финляндия артикулирует свою арктическую государственную идентичность и делает это не менее активно, чем прибрежные державы. Помимо базовой идентификации в качестве «арктической страны», причем «истинной», Финляндия подчеркивает свое значение и дискурсивно усиливает свой политический вес в регионе через категории *активности* (например, «активный и ответственный актор в Арктике», «активный игрок», «активный член арктического сообщества»), *лидерства* («мировой лидер в области арктических судостроительных технологий») и *знаний* («страна с арктической экспертизой», «ведущий мировой эксперт по Арктике», «страна с обширным опытом в Арктике»). Подобно Норвегии, Финляндия стремится дискурсивно повышать свой региональный и союзнический статус и позиционирует себя «арктической сверхдержавой» в силу уникальных технологических – ледокольных – компетенций[506]. Кроме того, Хельсинки подчеркивает статус члена ЕС («арктическое государство-член ЕС, играющее ведущую роль»), а

[505] Подробнее об эволюции финской политики в области безопасности после холодной войны и роли идеационных движущих сил в этом процессе см. Липунов Н.С. Роль стратегической культуры в формировании политики малых государств в области безопасности (на примере Финляндии в 1990-2020-х гг.) // Международные процессы. 2025. Т. 23. № 1. С. 39-62. DOI: https://doi.org/10.46272/IT.2025.23.1.80.2.

[506] См. Липунов Н.С. Малые «арктические сверхдержавы»: технологические компетенции в Арктике как символический капитал в стратегических культурах Норвегии и Финляндии // Международная аналитика. 2026. Т. 17. № 2. С. 139–155. DOI: https://doi.org/10.46272/2587-8476-2026-17-2-139-155.

также свое непосредственное отношение к обоим полярным регионам («страна, принимающая решения в Арктике и Антарктике»).

Для анализа официального дискурса и декларируемых мер государственной политики Финляндии в области безопасности в Арктике с конца 2000-х гг. были отобраны девять стратегических, концептуальных, доктринальных и нормативно-правовых документов в области арктической, внешней и оборонной политики, а также политики в области безопасности. Среди них: Политика Финляндии в области безопасности и обороны (2009 г.)[507], Стратегия Финляндии в отношении Арктического региона (2010 г.)[508], Стратегия Финляндии в отношении Арктического региона (2013 г.)[509], Доклад правительства о внешней политике и политике безопасности Финляндии (2016 г.)[510], Отчёт правительства по вопросам обороны (2017 г.)[511], Доклад правительства о внешней политике и политике безопасности Финляндии (2020 г.)[512], Стратегия Финляндии в области арктической политики (2021 г.)[513], Отчет правительства по вопросам обороны (2021 г.)[514] и Внешняя политика и политика безопасности Финляндии в Арктике (2025 г.)[515].

Три волны арктической секьюритизации в Финляндии в количественном отношении приходится на 2010-2013, 2021 и 2025 гг., что напрямую связано с

---

[507] Finnish Security and Defence Policy 2009 // Finnish Government. Helsinki: Prime Minister's Office, 2009. URL: https://finlandabroad.fi/documents/384951/405231/finnish_security_and_defence_policy.pdf/af943d3a-81c2-6af7-7f8b-44bf4a13cfd7?t=1551440792824.

[508] Finland's Strategy for the Arctic Region // Prime Minister's Office. Helsinki: Prime Minister's Office, 2010. URL: https://library.arcticportal.org/1262/1/Finland_Arctic_Strategy.pdf.

[509] Finland's Strategy for the Arctic Region 2013 // Prime Minister's Office. Helsinki: Prime Minister's Office, 2013. URL: https://library.arcticportal.org/1888/1/Arktinen%20strategia%202013%20en.pdf.

[510] Government Report on Finnish Foreign and Security Policy // Finnish Government. 2016. URL: https://valtioneuvosto.fi/documents/10616/1986338/VNKJ092016+en.pdf.

[511] Government's Defence Report // Finnish Government. 2017. URL: https://defmin.fi/documents/236553176/238659714/J07_2017_Governments_Defence_Report_Eng_PLM_160217.pdf/7c90affd-bace-08ab-5c1f-5b5297ed1bbd/J07_2017_Governments_Defence_Report_Eng_PLM_160217.pdf?t=1745496108931.

[512] Government Report on Finnish Foreign and Security Policy // Finnish Government. 2020. URL: https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/server/api/core/bitstreams/bc524ca0-ee03-40c4-8545-b059bbc5f81f/content.

[513] Finland's Strategy for Arctic Policy // Finnish Government. Helsinki: Prime Minister's Office, 2021. URL: https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/handle/10024/163247.

[514] Government's Defence Report 2021 // Government of Finland. Helsinki: Government of Finland, 2021. URL: https://valtioneuvosto.fi/documents/2182132/2633008/210910_FIN_GOV_DEF_report_2021.pdf/4a32419b-9ae1-0675-792e-7dcdfeff643e/210910_FIN_GOV_DEF_report_2021.pdf?t=1631271135248.

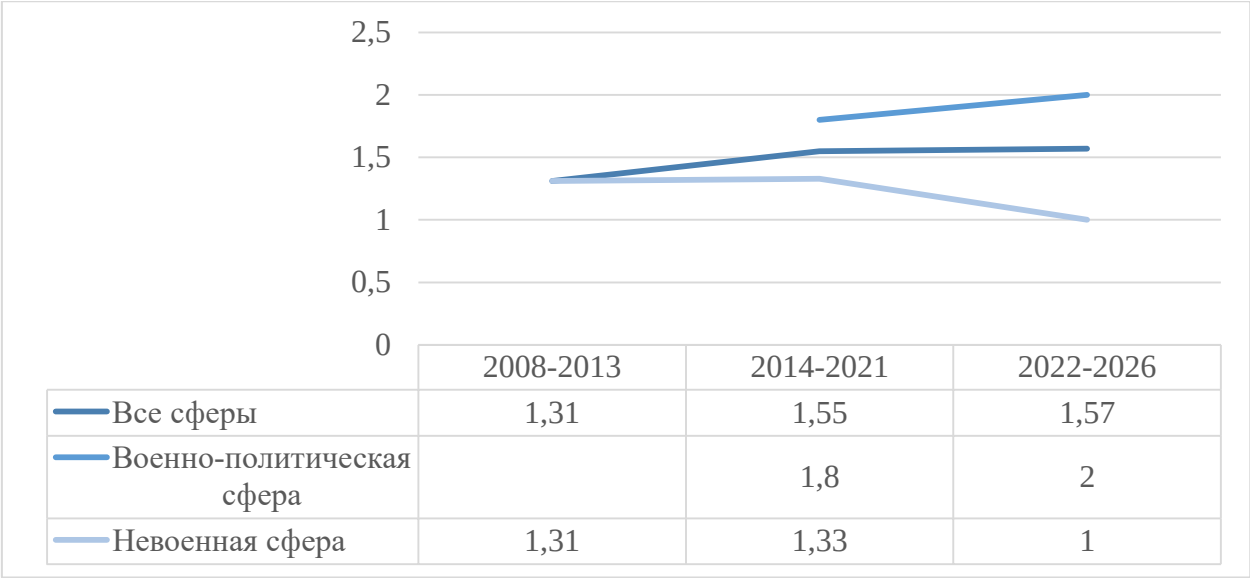
[515] Finland's Arctic Foreign and Security Policy // Ministry for Foreign Affairs of Finland, 2025. URL: https://urn.fi/URN:ISBN:978-952-281-390-9.

принятием национальных арктических стратегий. Именно в них преимущественно происходит арктическая секьюритизация Финляндии.

Общий показатель индекса арктической секьюритизации для Финляндии находится в зоне «рисков» (*Таблица 2.6.1.*). При этом военно-политическая секьюритизация значительно интенсивнее невоенной. Динамика арктической секьюритизации в Финляндии умеренно-восходящая (*Рисунок 2.6.1.*), при этом к середине 2020-х гг. военно-политический индекс растет, а невоенный – снижается.

Индекс секьюритизации	**Значение**
Общий	**1,48**
Военно-политическая сфера	1,90
Невоенная сфера	1,21

Таблица 2.6.1. Средний индекс арктической секьюритизации для Финляндии в 2008-2026 гг.
Источник: Расчеты автора на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

	2008-2013	2014-2021	2022-2026
Все сферы	1,31	1,55	1,57
Военно-политическая сфера		1,8	2
Невоенная сфера	1,31	1,33	1

Рисунок 2.6.1. Динамика индекса арктической секьюритизации для Финляндии по сферам безопасности в 2008-2026 гг.

Источник: Расчеты автора на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

По сферам безопасности в финской арктической секьюритизации на первом этапе преобладает экологическая, однако в 2014-2026 гг. заметно увеличение доли военно-политической (*Таблица 2.6.2.*). Абсолютно доминирующий уровень секьюритизации – региональный.

Период / показатель	**Сфера секьюритизации**	**Уровень секьюритизации**
2008-2013	Экологическая (84,6%)	Региональный (84,6%)
2014-2021	Военная (36,4%)	Региональный (72,7%)
2022-2026	Политическая / экологическая / военная (по 28,6%)	Региональный (100%)

Таблица 2.6.2. Доминирующие сферы и уровни арктической секьюритизации для Финляндии в 2008-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Три основные тематические группы декларируемых объектов защиты в финском дискурсе – «окружающая среда», «население» и «региональный

мир», который в 2014-2021 гг. составляет половину упомянутых в актах объектов (*Рисунок 2.6.2.*). Безраздельное доминирование «окружающей среды» в последнем периоде связано с отсутствием упоминаний других объектов и не может служить единственным параметром для характеристики секьюритизации.

Спектр декларируемых источников опасности в финском дискурсе с течением времени диверсифицируется (*Рисунок 2.6.3.*). Логика арктической секьюритизации Финляндии проходит путь от опасений в связи с природно-климатическими трансформациями и ростом доступности региона до стратегической конкуренции, милитаризации и России при сохранении эколого-климатического «слоя». Иными словами, к 2020-м гг. военно-политическая секьюритизация начинает вымещать невоенную, но не заменяет ее полностью.

Десекьюритизация в финском дискурсе в области региональной безопасности также носит военно-политический характер, нацелена на сохранение «мира и стабильности» в Арктике и сосредоточена в специализированных арктических стратегиях. Динамика по количеству актов на документ восходящая (*Рисунок 2.6.4.*).

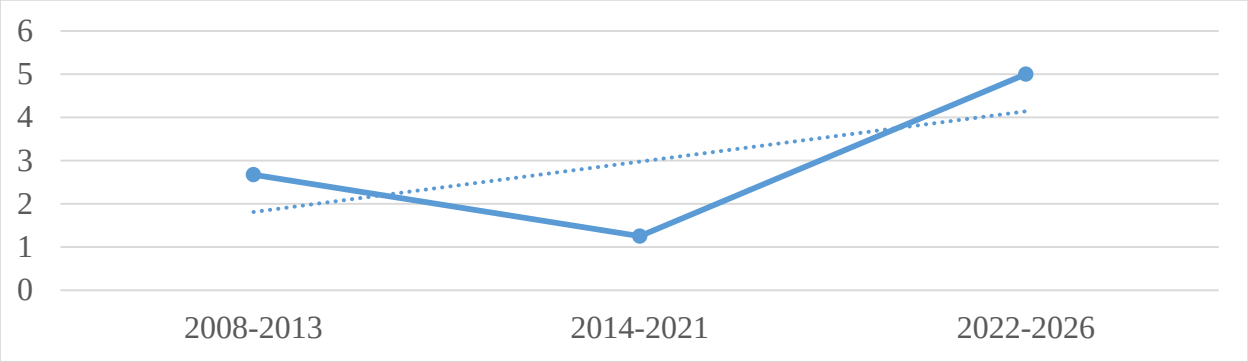

Рисунок 2.6.4. Среднее количество актов арктической десекьюритизации на один стратегический, концептуальный, доктринальный или нормативно-правовой документ для Финляндии в 2008-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

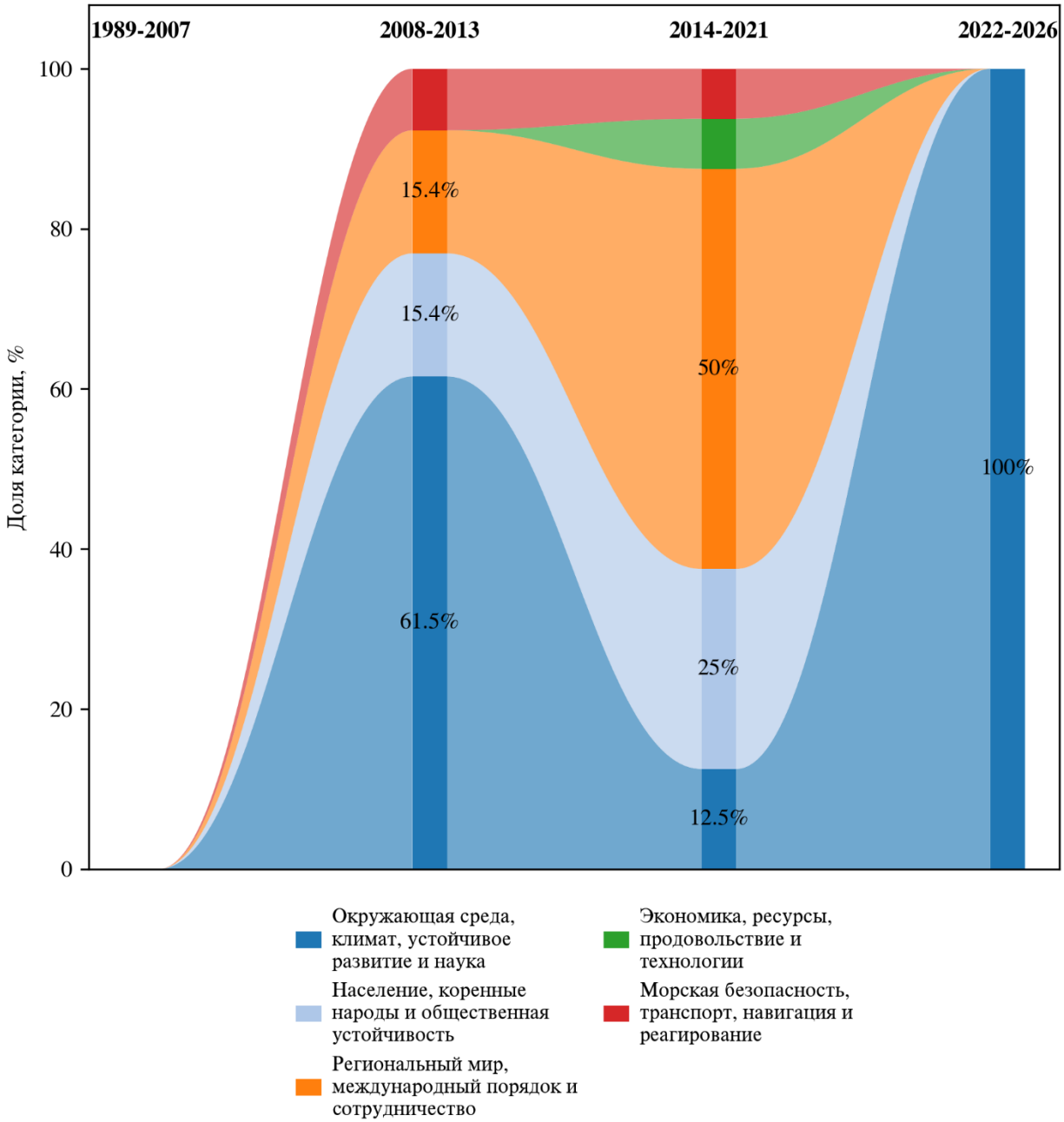

Рисунок 2.6.2. Распределение декларируемых объектов защиты в актах секьюритизации по тематическим группам для Финляндии в 2008-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

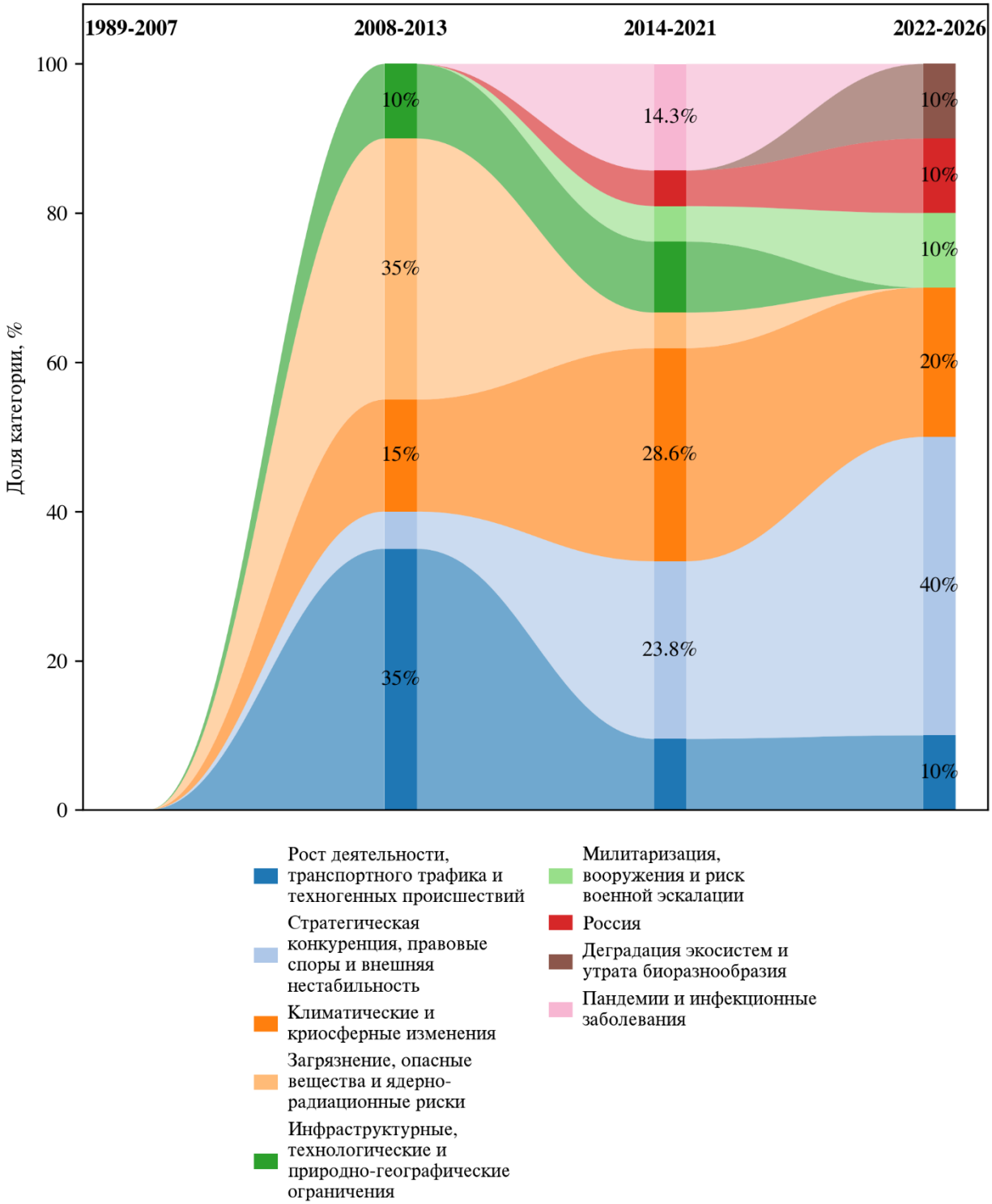

Рисунок 2.6.3. Распределение декларируемых источников опасности в актах секьюритизации для Финляндии в 2008-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

До 2021 г. в дискурсе Финляндии в области безопасности в Арктике преобладают экологические меры на региональном уровне (*Таблица 2.6.3.*). После 2022 г. декларируемый ответ Хельсинки становится преимущественно военно-политическим при сохранении ориентации на весь регион.

Период / показатель	**Сфера мер**	**Уровень мер**
2008-2013	Экологическая (34%)	Региональный (83%)
2014-2021	Экологическая (26,7%)	Региональный (60%)
2022-2026	Политическая (36%); Военная (36%)	Региональный (80%)

Таблица 2.6.3. Доминирующие сферы и уровни декларируемых мер государственной политики в области безопасности в Арктике для Финляндии в 2008-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Тематически среди объектов мер растут доли групп «окружающая среда», «население» и «инфраструктура», в то время как категория «оборона» стабильна (*Рисунок 2.6.5.*). Также для Финляндии сохраняют значимость меры, направленные на поддержание регионального мира.

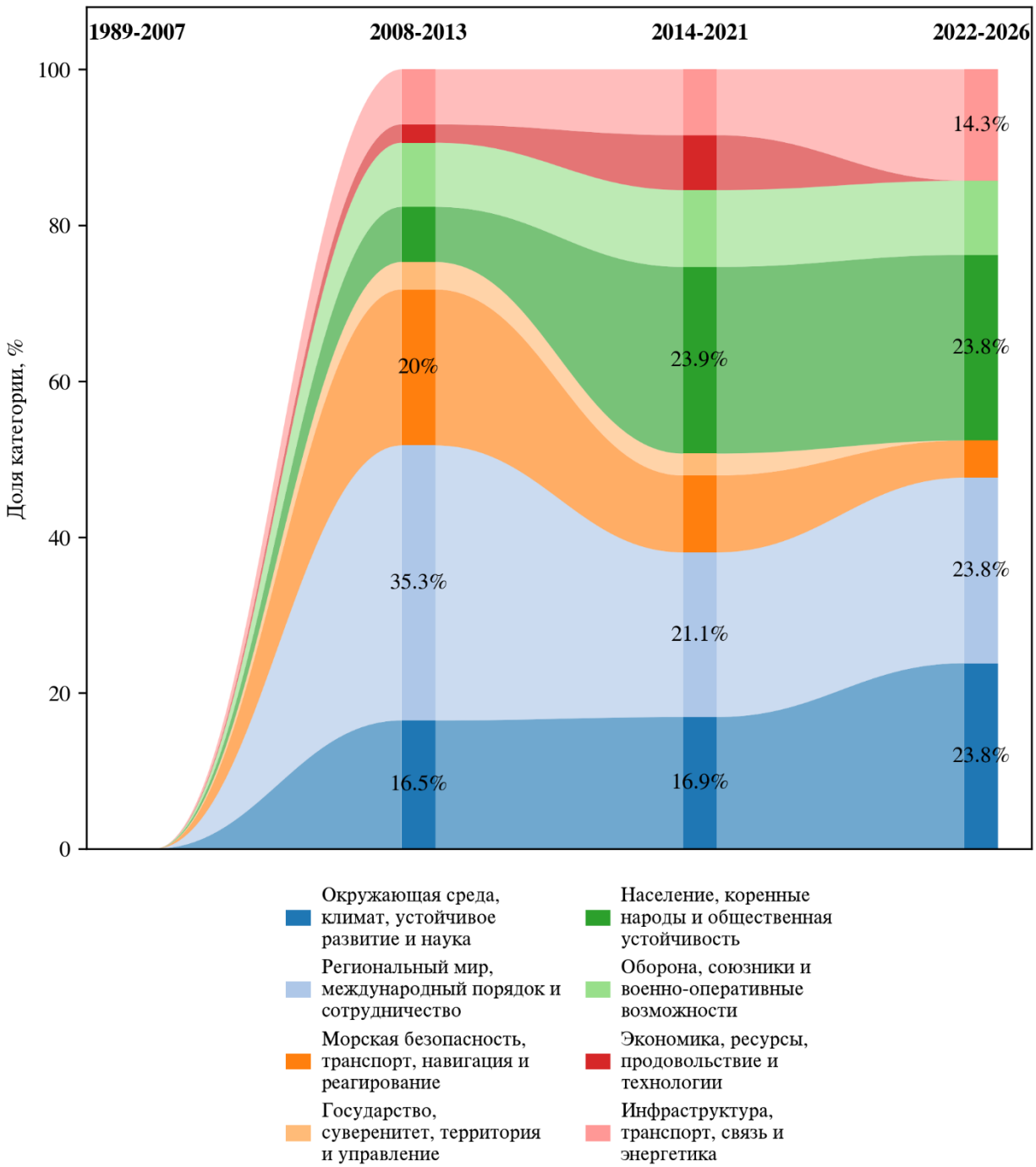

Рисунок 2.6.5. Распределение объектов декларируемых мер государственной политики в области безопасности в Арктике по тематическим группам для Финляндии в 2008-2026 гг.
Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Таким образом, Финляндия идентифицирует себя как проактивная «арктическая сверхдержава», что выражает не только решающее значение Арктики для национальной политики в области безопасности, но и стремление повысить свой региональный и союзнический статус. С конца 2000-х до середины 2020-х гг. в политике Финляндии в области безопасности в Арктике усиливается интенсивность региональной военно-политической секьюритизации при сохранении значительной эколого-общественной составляющей дискурса и практики. Вступление в НАТО стало закономерным итогом эволюции политики Хельсинки в области безопасности после холодной войны и проявлением финской стратегической культуры в условиях меняющейся военно-политической среды.

2.7. Швеция

Подобно Финляндии, Швеция лишилась прямого выхода к СЛО в XX в. после провозглашения независимости Норвегии. Тем не менее значительная часть королевства по-прежнему находится за Северным полярным кругом, а Арктика и Север имеют не последнее значение для политики Стокгольма в области безопасности. При этом важно учитывать, что наиболее приоритетным регионом с точки зрения национальной безопасности для Швеции исторически был – и остается в XXI в. – Скандинавско-Балтийский, а Арктический находится для Стокгольма на втором месте. Как и у Финляндии, генезис шведской арктической политики как самостоятельного направления пришелся на начало 2010-х гг. Вступление в НАТО в 2024 г. и последующая консолидация северо-восточного фланга альянса усилили взаимосвязь между двумя ключевыми направлениями политики Швеции в области безопасности.

До 2026 г. шведский официальный дискурс был сравнительно беден на предмет артикуляции арктической государственной идентичности: чаще всего встречалась базовая самоидентификация «арктическая страна». С принятием обновленной арктической стратегии в 2026 г. шведский «арктический словарь» пополнился новыми самоидентификациями, которые подчеркивают актуальный институциональный военно-политический статус королевства: «одна из трех арктических стран-членов ЕС» и «арктический союзник». Иными словами, до середины 2020-х гг. Швеция не стремилась к дискурсивному повышению своего арктического статуса и лишь довольствовалась членством в закрытом «клубе» региональных держав в силу своей географии. После вступления в Североатлантический альянс Стокгольм начинает акцентировать свою арктическую идентичность в связке с ЕС и НАТО, что может впоследствии использоваться им для повышения регионального и союзнического статуса по аналогии с Норвегией и Финляндией.

Для анализа официального дискурса и декларируемых мер государственной политики Швеции в области безопасности в Арктике с

начала 2010-х гг. были отобраны шесть стратегических, концептуальных, доктринальных и нормативно-правовых документов в области арктической, внешней и оборонной политики, а также политики в области безопасности. Среди них: Стратегия Швеции в отношении Арктического региона (2011 г.)[516], «Направления оборонной политики — Оборона Швеции на 2016–2020 годы» (2014 г.)[517], Новая шведская экологическая политика в отношении Арктики (2016 г.)[518], Стратегия Швеции в отношении Арктического региона (2020 г.)[519], «Всеобщая оборона на 2021–2025 годы» (2020 г.)[520] и Стратегия Швеции по обеспечению мира, безопасности и устойчивого развития в Арктике (2026 г.)[521]. Их дополнил доклад Комитета по вопросам обороны о политике безопасности «Время серьезных мер» (2023 г.)[522].

Общий показатель индекса арктической секьюритизации для Швеции находится в зоне «рисков», причем военно-политическая секьюритизация опережает невоенную (*Таблица 2.7.1.*). В 2020-х гг. интенсивность военно-политической секьюритизации резко возрастает до языка «вызовов», при этом невоенная едва усиливается (*Таблица 2.7.1.*). Примечательно, что арктическая секьюритизация в Швеции происходит преимущественно в региональных стратегиях.

---

[516] Sweden's Strategy for the Arctic Region // Government Offices of Sweden. Stockholm: Government Offices of Sweden, 2011. URL: https://library.arcticportal.org/1893/1/Swedens-Strategy-for-the-Arctic-Region.pdf.

[517] Försvarspolitisk inriktning – Sveriges försvar 2016–2020 (Prop. 2014/15:109) // Swedish Government. Stockholm: Government Offices of Sweden, 2014. URL: https://www.regeringen.se/rattsliga-dokument/proposition/2015/04/prop.-201415109/.

[518] New Swedish Environmental Policy for the Arctic // Ministry of the Environment and Energy of Sweden. Stockholm: Ministry of the Environment and Energy of Sweden, 2016. URL: https://www.uaf.edu/caps/resources/policy-documents/sweden-new-swedish-environmental-policy-for-the-arctic-2016.pdf.

[519] Sweden's Strategy for the Arctic Region // Government Offices of Sweden. Stockholm: Government Offices of Sweden, 2020. URL: https://library.arcticportal.org/2010/1/swedens-strategy-for-the-arctic-region-2020.pdf.

[520] Totalförsvaret 2021–2025 (Prop. 2020/21:30) // Swedish Government. Stockholm: Government Offices of Sweden, 2020. URL: https://www.regeringen.se/globalassets/regeringen/dokument/forsvarsdepartementet/forsvarsproposition-2021-2025/totalforsvaret-2021-2025-prop.-20202130.pdf.

[521] Sweden's strategy for a peaceful, secure and sustainable Arctic // Government Offices of Sweden, 2026. URL: https://www.government.se/contentassets/c26672ae23294e27b7b1c4e3e0c807da/swedens-strategy-for-a-peaceful-secure-and-sustainable-arctic-govt-comm.-202526268.pdf.

[522] Allvarstid – Försvarsberedningens säkerhetspolitiska rapport 2023 (Ds 2023:19) // Swedish Government Offices. Stockholm: Government Offices of Sweden, 2023. URL: https://www.regeringen.se/contentassets/de808e940116476d8252160c58b78bb7/allvarstid-ds-202319.pdf.

Индекс секьюритизации	Значение
Общий	**1,49**
Военно-политическая сфера	1,70
Невоенная сфера	1,44

Таблица 2.7.1. Средний индекс арктической секьюритизации для Швеции в 2008-2026 гг.

Источник: Расчеты автора на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

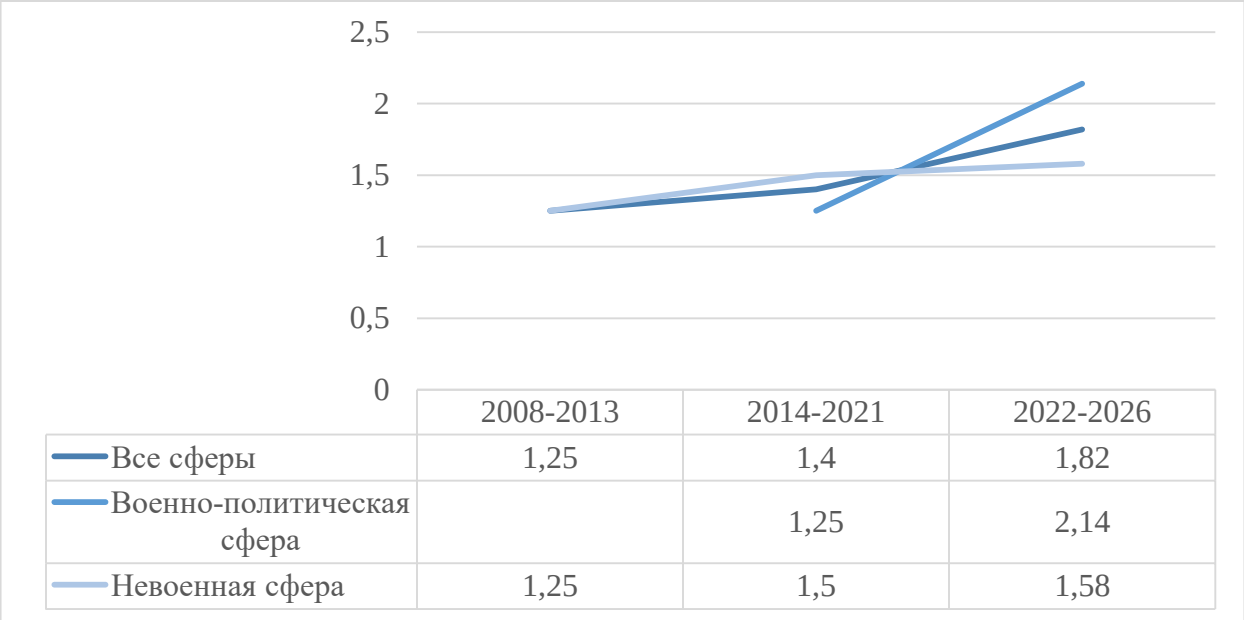

Рисунок 2.7.1. Динамика индекса арктической секьюритизации для Швеции по сферам безопасности в 2008-2026 гг.

Источник: Расчеты автора на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

По сферам безопасности среди актов секьюритизации в 2011-2021 гг. преобладает экологическая, однако ее доля постепенно снижается (*Таблица 2.7.2.*). После 2022 г. крупнейшей сферой арктической секьюритизации Швеции становится военная. На протяжении всего рассматриваемого периода доминирует региональный уровень секьюритизации.

Период / показатель	**Сфера секьюритизации**	**Уровень секьюритизации**
2008-2013	Экологическая (87,5%)	Региональный (75%)
2014-2021	Экологическая (50%)	Региональный (75%)
2022-2026	Военная (39,4%)	Региональный (75,8%)

Таблица 2.7.2. Доминирующие сферы и уровни арктической секьюритизации для Швеции в 2008-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Тематически референтные объекты арктической секьюритизации Швеции сосредоточены вокруг «окружающей среды» и «населения» (*Рисунок 2.7.2.*). Хотя их доли постепенно уменьшаются, в 2020-х гг. они все еще составляют «сердцевину» дискурса и чуть менее половины упомянутых объектов. Также среди тематических групп выделяется «Региональный мир, международный порядок и сотрудничество», которая становится крупнейшей к 2020-м гг.

Спектр декларируемых источников опасности для Швеции в Арктике с течением времени становится все более разнообразным (*Рисунок 2.7.3.*). При этом наблюдаются существенное снижение доли категории «Рост деятельности, транспортного трафика и техногенных происшествий», небольшое уменьшение блока эколого-климатических опасностей (включая «деградацию экосистем»), «скачок» опасений в отношении милитаризации в 2014-2021 гг. и плавный рост «гибридных угроз», «России» и «Китая» после 2014 г. Таким образом, к 2020-м гг. благодаря растущей военно-политической составляющей шведский спектр арктических опасностей перестает быть преимущественно невоенным.

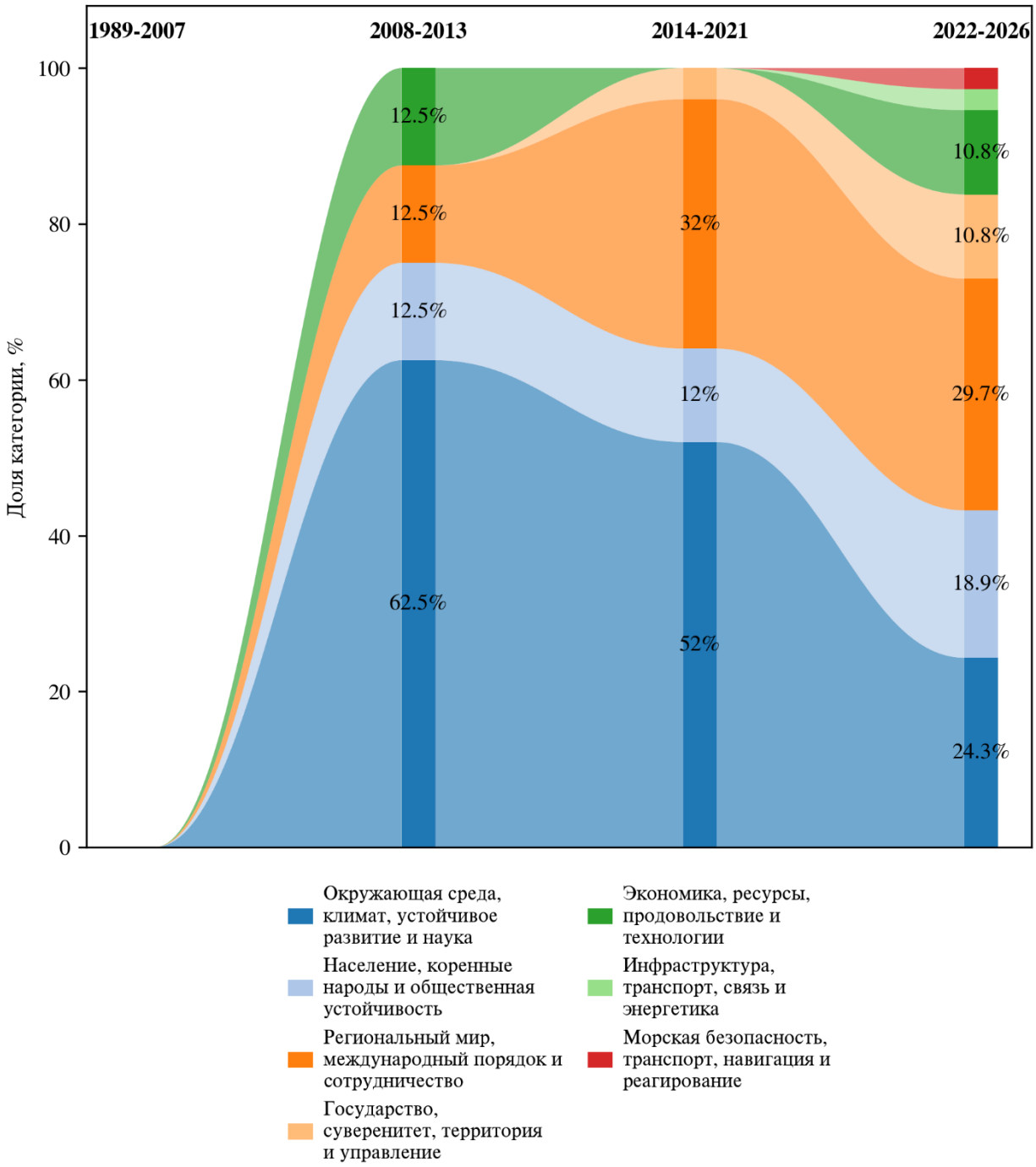

Рисунок 2.7.2. Распределение декларируемых объектов защиты в актах секьюритизации по тематическим группам для Швеции в 2008-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

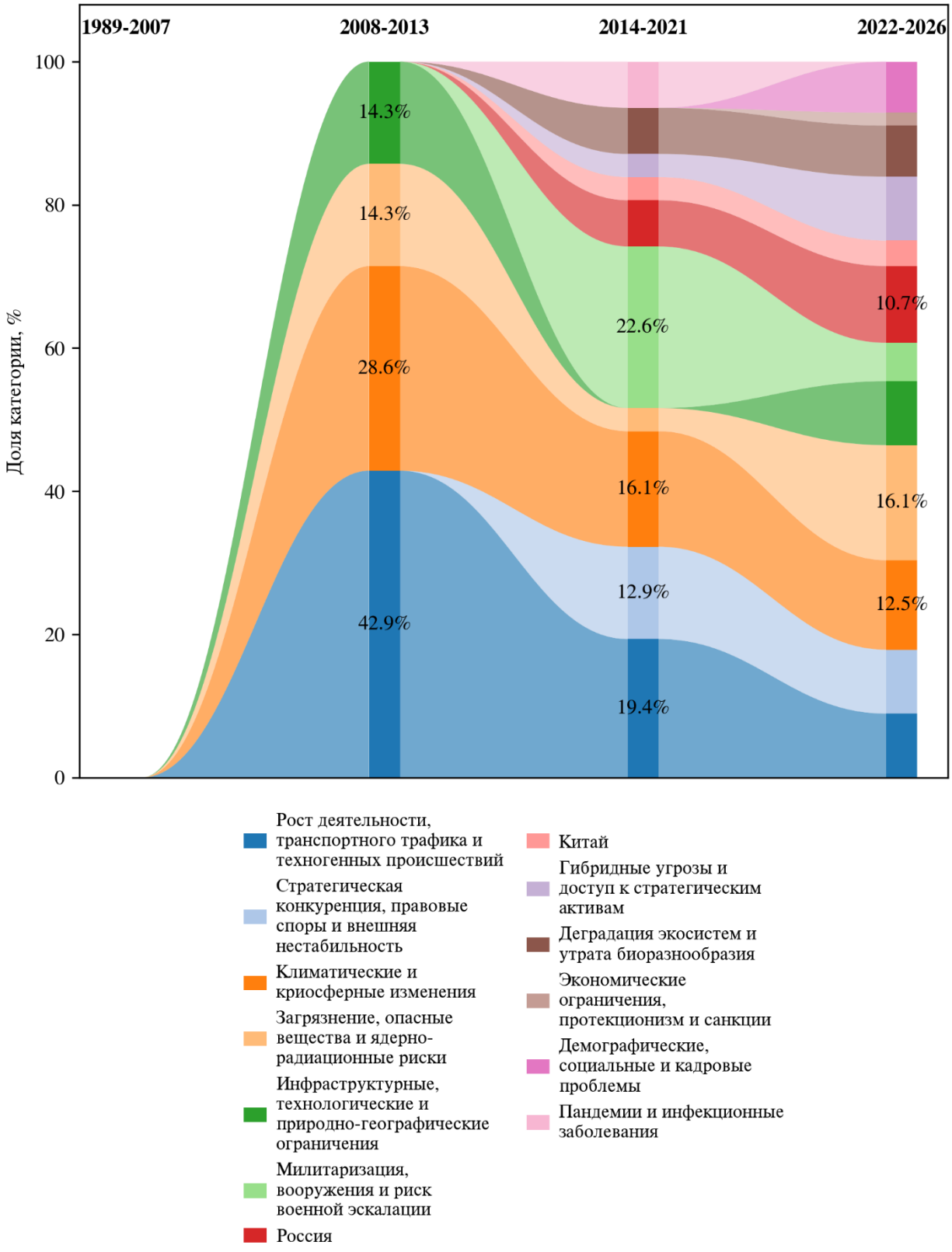

Рисунок 2.7.3. Распределение декларируемых источников опасности в актах секьюритизации для Швеции в 2008-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

В шведском дискурсе в области безопасности в Арктике также присутствует десекьюритизация (*Рисунок 2.7.4.*). Как и у других региональных игроков, она носит нормативный военно-политический характер и нацелена на поддержание «мира и стабильности» в Арктике.

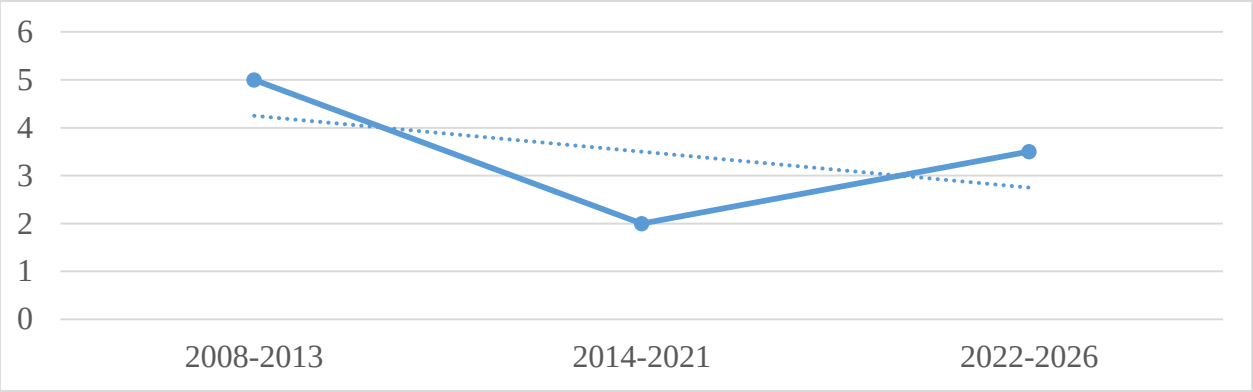

Рисунок 2.7.4. Среднее количество актов арктической десекьюритизации на один стратегический, концептуальный, доктринальный или нормативно-правовой документ для Швеции в 2008-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Среди декларируемых практических мер шведской политики в области безопасности в Арктике до 2020-х гг. преобладают экологические на региональном уровне (*Таблица 2.7.3.*). После 2022 г. наблюдается милитаризация шведской практики в области арктической безопасности, что связано не только с ростом военно-политической напряженности на Севере Европы, но и со вступлением королевства в НАТО.

Период / показатель	**Сфера мер**	**Уровень мер**
2008-2013	Экологическая (56,2%)	Региональный (93,8%)
2014-2021	Экологическая (54,3%)	Региональный (60,9%)
2022-2026	Военная (32,1%)	Региональный (78,6%)

Таблица 2.7.3. Доминирующие сферы и уровни декларируемых мер государственной политики в области безопасности в Арктике для Швеции в 2008-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Среди объектов декларируемых практических мер шведской госполитики в области безопасности в Арктике к 2020-м гг. наблюдается небольшое сокращение долей «окружающей среды» и «населения», которые при этом составляют около трети (*Рисунок 2.7.5.*). В то же время стабильно растет доля тематической группы «Региональный мир, международный порядок и сотрудничество», которая в 2020-х гг. становится крупнейшей. Кроме того, после 2022 г. среди объектов появляется «инфраструктура», которая сразу занимает третье место.

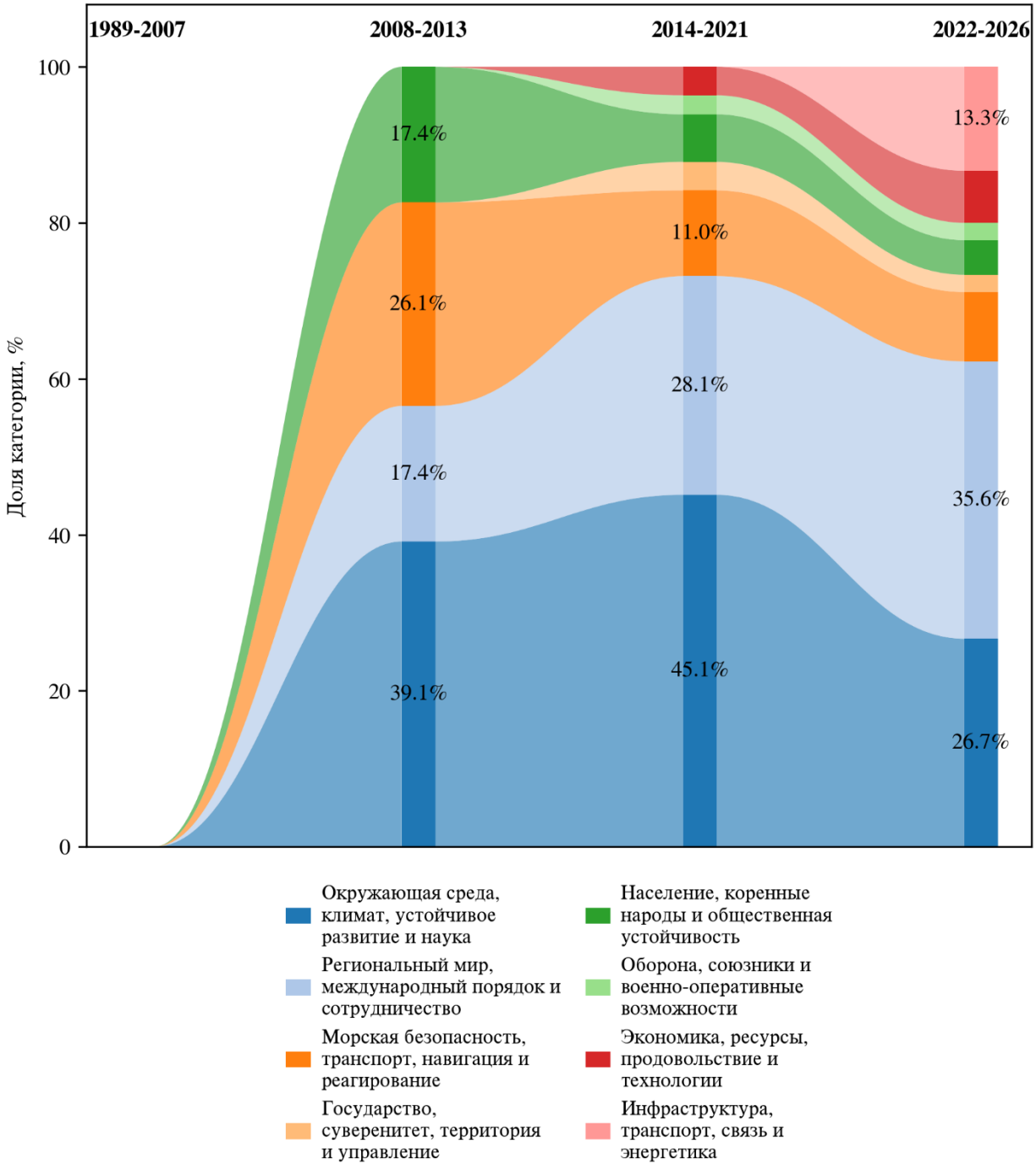

Рисунок 2.7.5. Распределение объектов декларируемых мер государственной политики в области безопасности в Арктике по тематическим группам для Швеции в 2008-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Таким образом, вступление Швеции в НАТО в 2024 г. и последующая консолидация северо-восточного фланга альянса усилили взаимосвязь между ключевыми направлениями политики королевства в области безопасности – скандинавско-балтийским и арктическим. После вступления в Североатлантический альянс Стокгольм начинает акцентировать свою арктическую идентичность в связке с ЕС и НАТО, что может впоследствии использоваться им для повышения регионального и союзнического статуса. Траектория эволюции политики Швеции в области безопасности в Арктике движется в сторону значительной интенсификации военно-политической секьюритизации и милитаризации практического ответа при сохранении эколого-общественного «ядра». Одновременно, по мере усиления глобального и регионального междержавного соперничества, в шведском дискурсе и практике в области безопасности возрастает значение региональной стабильности как одной из главных защищаемых ценностей.

2.8. Исландия

Исландия – единственный член Североатлантического альянса, причем один из основателей, без собственных ВС. В годы сначала Второй мировой, а затем и холодной войны остров стал ключевым опорным пунктом НАТО в Северной Атлантике, а политика Рейкьявика в области безопасности полностью зависела от Вашингтона и других союзников.

В 1991 г. Исландия присоединилась к «процессу Рованиеми», что позволило ей в 1996 г. стать членом АС и таким образом получить статус арктической державы. Впоследствии власти острова стали активно использовать его как во внутри-, так и во внешнеполитических целях[523]. Как полноценное направление государственной политики Исландии Арктика оформилась в начале 2010-х гг. с принятием парламентской резолюции «об арктической политике» Рейкьявика.

Как и другие арктические державы, Исландия артикулирует свою арктическую государственную идентичность в официальном дискурсе. Помимо стандартной формулировки «арктическое государство» в нем можно встретить любопытный конструкт: «единственное арктическое государство, полностью расположенное в Арктике». Несмотря на то что практически вся территория Исландии расположена чуть южнее Северного полярного круга, факт членства в АС приводит к дискурсивному изменению географических границ Арктики, чтобы она включала *всю территорию* острова. Это лишний раз подтверждает конструктивистскую природу Арктики как международно-политического региона. Иных уточнений роли и статуса Исландии в контексте Арктики в официальном дискурсе не выявлено.

Для анализа официального дискурса и декларируемых мер государственной политики Исландии в области безопасности в Арктике с начала 2010-х гг. были отобраны пять стратегических, концептуальных, доктринальных и нормативно-правовых документов в области арктической,

---

[523] См. Ingimundarson V. Framing the national interest: the political uses of the Arctic in Iceland’s foreign and domestic policies // The Polar Journal. 2015. № 1 (5). P. 82–100.

внешней и оборонной политики, а также политики в области безопасности. Среди них: Резолюция парламента об арктической политике Исландии (2011 г.)[524], Политика национальной безопасности Исландии (2016 г.)[525], Политика Исландии по вопросам, касающимся Арктического региона (2021 г.)[526], Политика национальной безопасности Исландии (2023 г.)[527] и Политика в области обороны и безопасности (2026 г.)[528]. При этом сразу стоит отметить неравномерное покрытие исследуемых периодов документами арктического профиля.

Общий показатель индекса арктической секьюритизации для Исландии находится в зоне «вызовов» (*Таблица 2.8.1.*). Характерная особенность исландской арктической секьюритизации состоит в том, что показатель индекса в невоенной сфере чрезвычайно превышает военно-политическую, которая явно насыщена языком «угроз».

Общая динамика арктической секьюритизации в военно-политической сфере в исландском дискурсе стабильно восходящая, данные для невоенной секьюритизации есть только за один период (*Рисунок 2.8.1.*).

Индекс секьюритизации	**Значение**
Общий	**1,82**
Военно-политическая сфера	1,50
Невоенная сфера	2,71

Таблица 2.8.1. Средний индекс арктической секьюритизации для Исландии в 2008-2021 гг.

Источник: Расчеты автора на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

[524] A Parliamentary Resolution on Iceland's Arctic Policy // Althingi. Reykjavík: Althingi, 2011. URL: https://library.arcticportal.org/1889/1/A-Parliamentary-Resolution-on-ICE-Arctic-Policy-approved-by-Althingi.pdf.
[525] Parliamentary Resolution no. 26/145 on a National Security Policy for Iceland // Althingi. Reykjavík: Althingi, 2016. URL: https://ccdcoe.org/uploads/2018/10/Iceland-National-Security-Policy_2016_English.pdf.
[526] Parliamentary Resolution 25/151 "Iceland's Policy on Matters Concerning the Arctic Region" // Althingi. Reykjavík: Althingi, 2021. URL: https://library.arcticportal.org/2007/1/Icelandic_Arctic_Policy.pdf.
[527] Parliamentary Resolution on a national security policy for Iceland 2023 // Government of Iceland. Reykjavík: Government of Iceland, 2023. URL: https://www.government.is/library/04-Legislation/Parliamentary%20resolution%20on%20a%20national%20security%20policy%202023.pdf.
[528] Defence and Security Policy: Parliamentary Resolution approved by the Althing on 3 February 2026 // Government of Iceland. 2026. URL: https://www.government.is/news/article/2026-04-14-Parliamentary-Resolution-on-a-Defence-and-Security-Policy/.

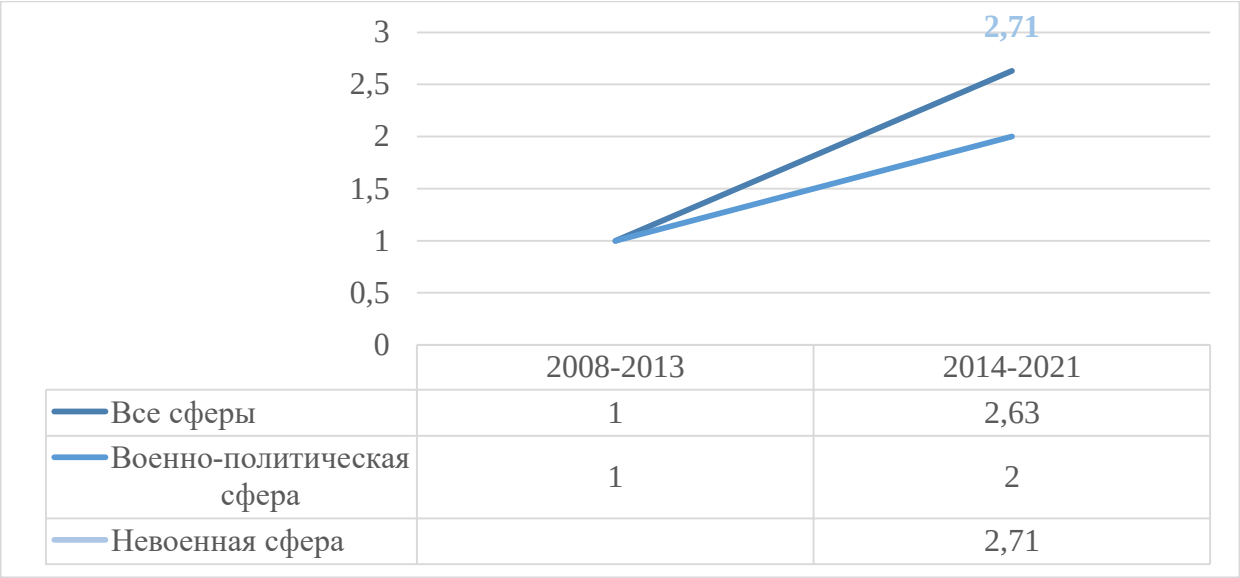

Рисунок 2.8.1. Динамика индекса арктической секьюритизации для Исландии по сферам безопасности в 2008-2021 гг.

Источник: Расчеты автора на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Среди актов арктической секьюритизации в 2011-2013 гг. доминирует политическая безопасность, в 2014-2021 гг. – экологическая (*Таблица 2.8.2.*). На протяжении всего исследуемого временного промежутка доминирует секьюритизация на региональном уровне.

Период / показатель	**Сфера секьюритизации**	**Уровень секьюритизации**
2008-2013	Политическая (100%)	Региональный (100%)
2014-2021	Экологическая (75%)	Региональный (100%)

Таблица 2.8.2. Доминирующие сферы и уровни арктической секьюритизации для Исландии в 2008-2021 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

В силу ограниченности данных составить полноценную картину о распределении декларируемых объектов защиты в актах секьюритизации по тематическим группам для Исландии в 2011-2021 гг. затруднительно. В начале 2010-х гг. в центре внимания исландской секьюритизации находится

«региональный мир» (*Рисунок 2.8.2.*). В 2014-2021 гг. картина разнообразнее, абсолютные лидеры – «окружающая среда» и «население».

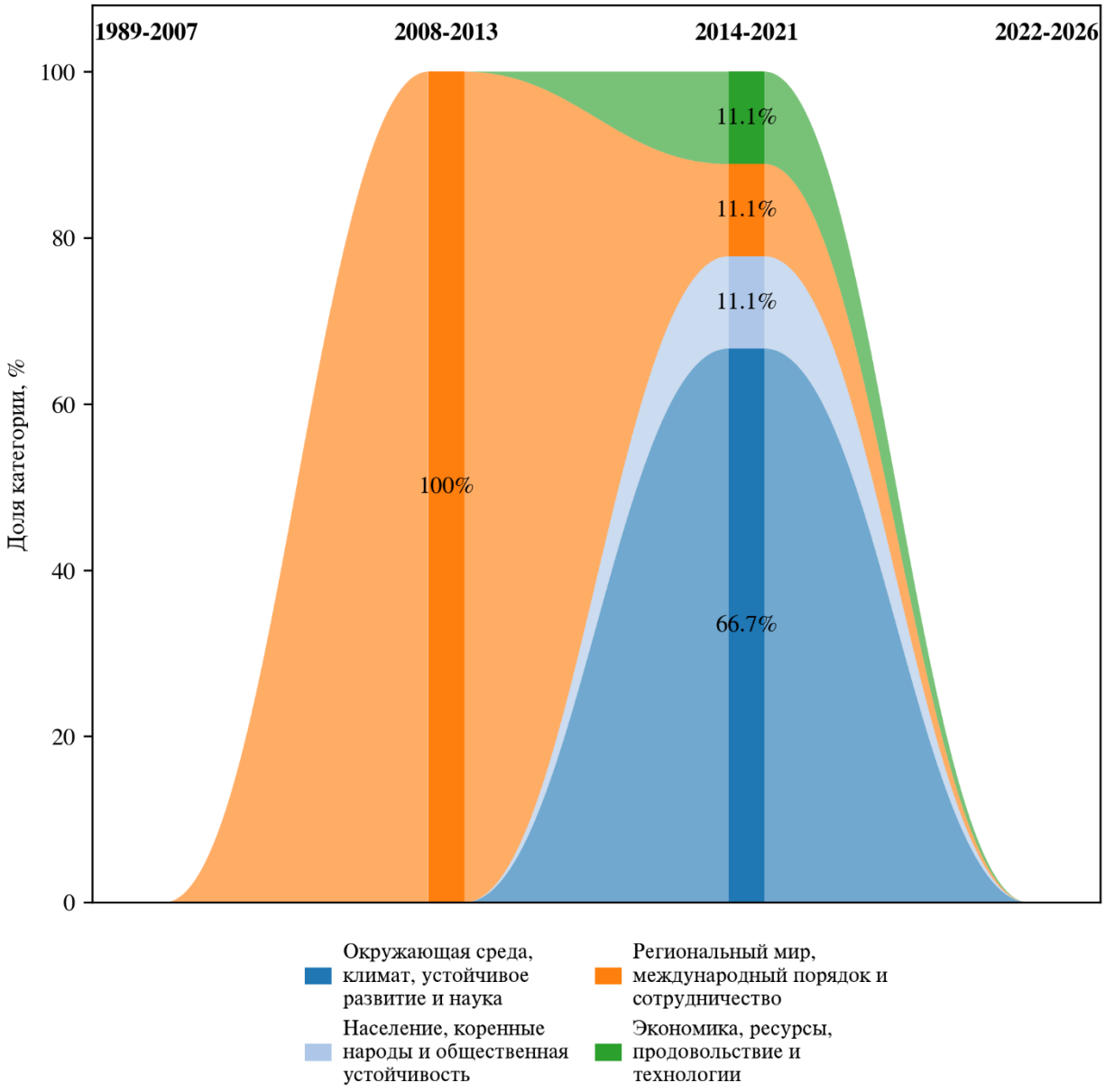

Рисунок 2.8.2. Распределение декларируемых объектов защиты в актах секьюритизации по тематическим группам для Исландии в 2008-2021 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Схожая ситуация и с распределением декларируемых источников опасности (*Рисунок 2.8.3.*). В 2011-2013 гг. все опасения Рейкьявика сосредоточены на «стратегической конкуренции», в то время как в 2014-

2021 гг. преобладают эколого-климатические проблемы, а среди опасностей также появляется Россия.

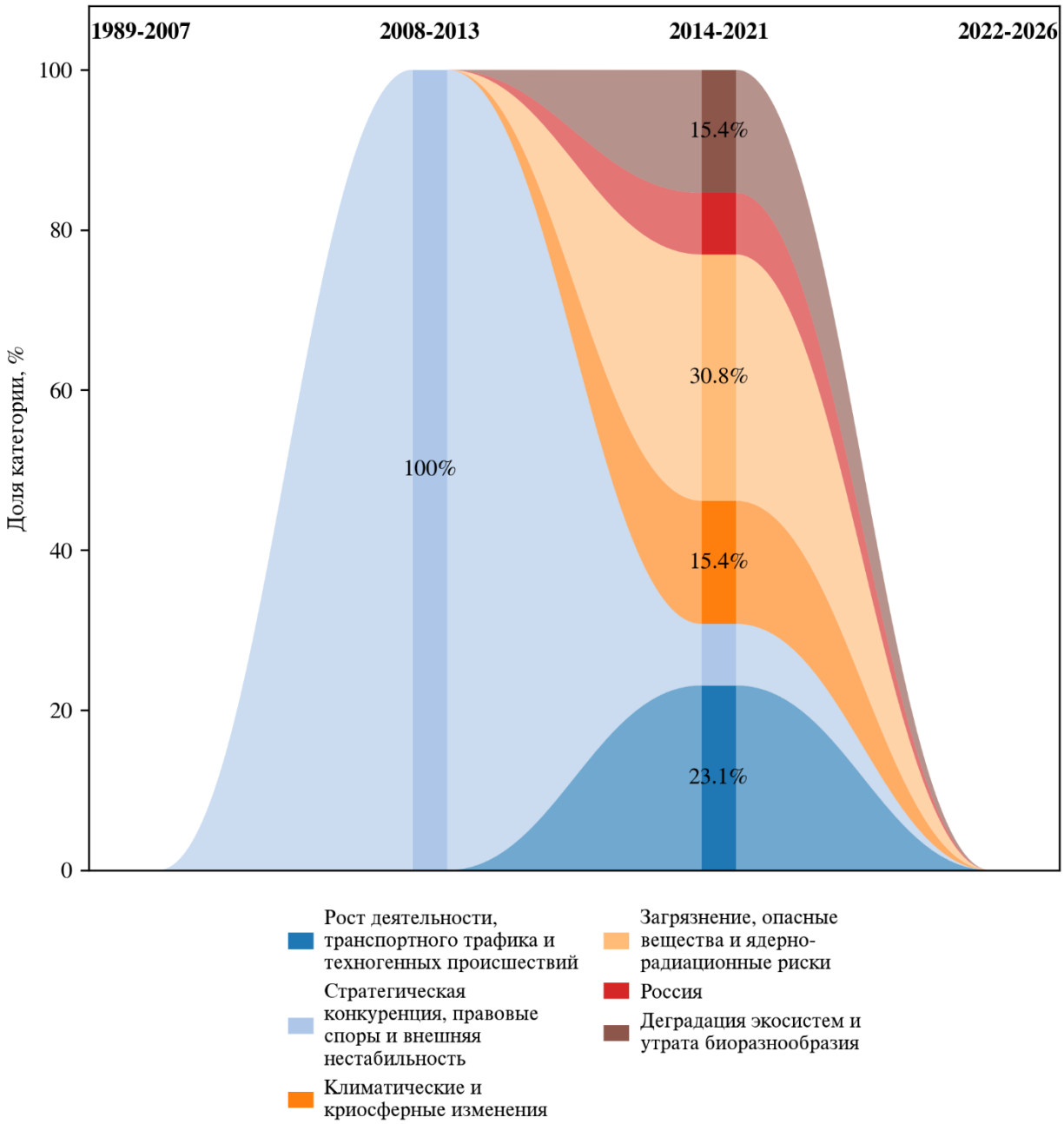

Рисунок 2.8.3. Распределение декларируемых источников опасности в актах секьюритизации для Исландии в 2008-2021 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

В 2011-2021 гг. десекьюритизация присутствует в исландском дискурсе постоянно, акцент делается на демилитаризации Арктики (*Рисунок 2.8.4.*).

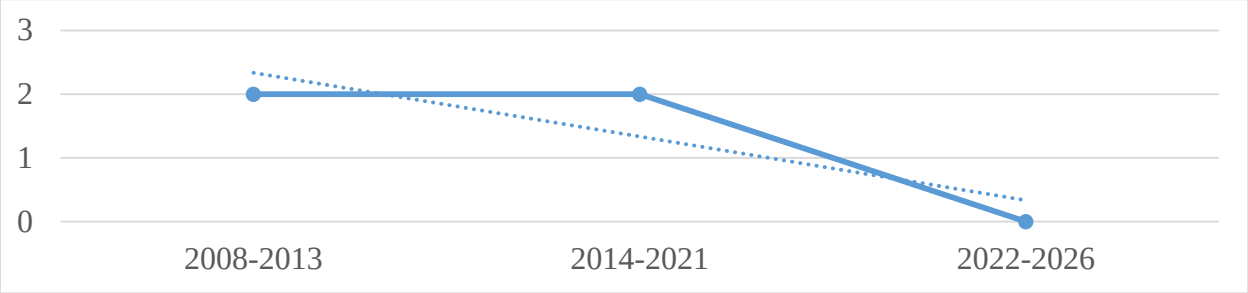

Рисунок 2.8.4. Среднее количество актов арктической десекьюритизации на один стратегический, концептуальный, доктринальный или нормативно-правовой документ для Исландии в 2008-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

В практической плоскости государственной политики Исландии в области безопасности в Арктике почти все время доминируют экологические меры на региональном уровне (*Таблица 2.8.3.*). Лишь после 2022 г. среди них появляются политические.

Период / показатель	**Сфера мер**	**Уровень мер**
2008-2013	Экологическая (42,9%)	Региональный (85,7%)
2014-2021	Экологическая (36,4%)	Региональный (59,1%)
2022-2026	Экологическая (50%); военная (50%)	Региональный (100%)

Таблица 2.8.3. Доминирующие сферы и уровни декларируемых мер государственной политики в области безопасности в Арктике для Исландии в 2008-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Среди тематических групп декларируемых объектов мер государственной политики Исландии в области безопасности в Арктике растут доли «окружающей среды», «регионального мира» и «государства» (*Рисунок 2.8.5.*). «Суверенизация» объектов мер после 2022 г. обусловлена спецификой принятых в этот период документов, которые относятся к сфере национальной безопасности и обороны.

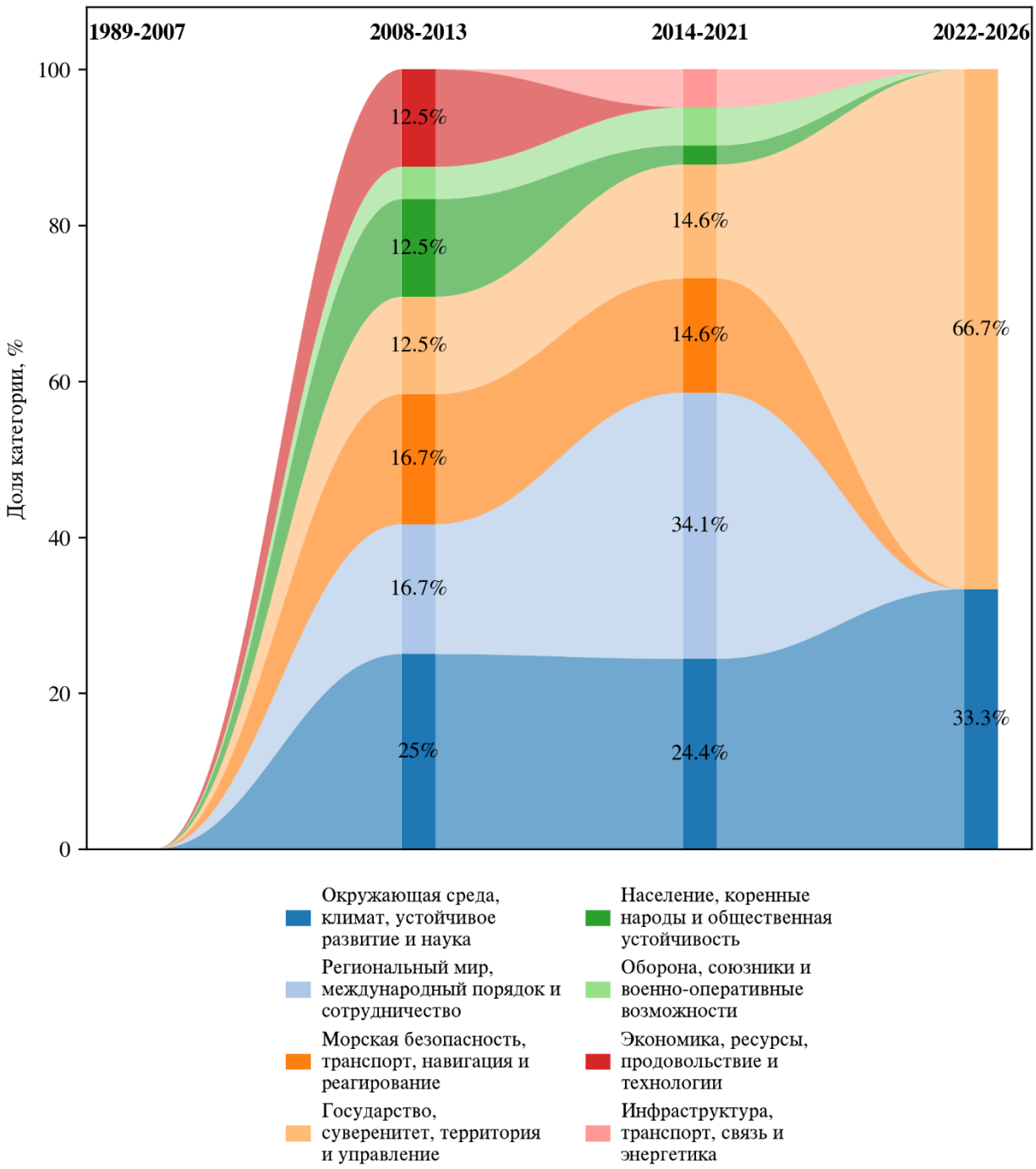

Рисунок 2.8.5. Распределение объектов декларируемых мер государственной политики в области безопасности в Арктике по тематическим группам для Исландии в 2008-2026 гг.
Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Таким образом, Исландия идентифицирует себя «как единственное арктическое государство, целиком расположенное в Арктике», а сам статус арктического государства зачастую инструментализируется во внутри- и

внешнеполитических целях, в том числе для дискурсивного повышения собственного веса в арктической политике. Эмпирические данные об арктической секьюритизации позволяют проследить траекторию эволюции политики Рейкьявика в области региональной безопасности лишь за 2011-2021 гг. Она представляет собой уникальный случай интенсивной невоенной – экологической – секьюритизации, которая в 2020-х гг. дополняется военно-практическими компонентами.

Выводы к главе 2

Вторая глава посвящена генезису и эволюции политик арктических государств в области безопасности в Арктике. Сперва оценивается роль идеационных эндогенных движущих сил в процессе формирования и эволюции национальных политик арктических государств в области региональной безопасности. Затем в политике каждого из восьми арктических государств в области региональной безопасности определяются динамика интенсивности и паттерны (де)секьюритизации. Далее анализируются направленность и содержание декларируемых и практических (ответных) мер национальных политик арктических государств в области безопасности в Арктике.

Результаты кейс-стади показали, что траектории эволюции национальных политик арктических государств в области региональной безопасности уникальны и не повторяют паттерны друг друга. По этой причине типологизировать их по всей совокупности исследованных параметров не представляется возможным. Это обстоятельство в значительной степени обусловлено эндогенными особенностями («национальным преломлением») при практически схожем наборе внешних/структурных условий.

Для **России** Арктика – не просто одно из ключевых направлений внутренней, внешней, оборонной или морской политики, а часть государственной идентичности и один из компонентов статуса великой державы. По мере роста значения Арктики для России со второй половины 2000-х гг. региональные вопросы все чаще становятся объектом государственной политики в области безопасности. Это проявляется в устойчивом усилении интенсивности секьюритизации во всех сферах безопасности, особенно в военно-политической на фоне общей (ре)милитаризации Арктики. Тем не менее Север остается для России, в первую очередь, социо-гуманитарным и экономическим пространством – местом для жизни и развития и ресурсной базой, от которой во многом зависит

благосостояние страны и ее глобальная конкурентоспособность. Траекторию эволюции российской политики в области безопасности в Арктике можно описать как постепенное «наслаивание» региональной военно-политической составляющей на устойчивую национальную социально-экономическую и эколого-климатическую основу при растущей роли морской безопасности. Наиболее иллюстративной в этой связи представляется дилемма между усилением национального контроля над СМП и его интернационализацией по мере развития транспортного маршрута.

В политике **США** в области безопасности в Арктике как в дискурсивном, так и в практическом измерениях прослеживается растущая военно-политическая составляющая, что обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, еще со времен холодной войны Арктика остается зоной стратегического ядерного сдерживания США и России. Во-вторых, Вашингтон – особенно с середины 2010-х гг. – воспринимает Арктику как связующее пространство между двумя ключевыми направлениями внешней и оборонной политики: азиатско-тихоокеанским и евроатлантическим. Определяющее значение здесь имеет междержавное соперничество с Россией, крупнейшей региональной державой, и КНР, которая в 2018 г. провозгласила себя «близарктической державой», желая усилить присутствие в этом регионе глобального значения. Наконец, Арктика для США – один из компонентов статуса великой державы и глобального лидера. Вашингтон последовательно стремится укрепить свой статус в регионе, о чем свидетельствуют преимущественно региональная направленность секьюритизации, все б*о*льшая концентрация на защите и развитии инфраструктуры, а также растущая «персонификация» опасности в лице России и Китая.

Политика **Канады** в области безопасности в Арктике характеризуется совокупностью интенсивной национально-ориентированной невоенной и военно-политической секьюритизации при преимущественно милитаризованном декларируемом ответе. Это обусловлено фундаментальным значением Арктики и Севера для канадской национальной

и государственной идентичности. По этой причине Оттава на протяжении более чем полувека акцентирует свой «арктический суверенитет» во внешней политике, особенно в отношениях с ключевым союзником – США. Политические силы внутри страны нередко используют эту тему в межпартийной борьбе, придавая ей эмоционально-националистическое измерение, что особенно проявилось в правление С. Харпера. С середины 2010-х гг. на фоне конфронтации с Россией и активизации глобального междержавного соперничества в канадской политике в области безопасности в Арктике постепенно происходит суверенизация объектов защиты при одновременной милитаризации и гибридизации источников опасности.

Дискурс и практика **Норвегии** в области безопасности в Арктике эволюционировали от преимущественно эколого-общественного профиля на рубеже 2000-2010-х гг. до военно-политического в 2020-х гг. При этом в норвежской политике сохраняется интенсивная невоенная секьюритизация в сферах климатической, морской и общественной безопасности. Осло воспринимает Крайний Север / Арктику как неотъемлемую часть государственной идентичности и ключевое направление внутренней и внешней политики. По этой причине королевство стремится поддерживать низкую напряженность и стабильность на Крайнем Севере. Достижение этой цели в условиях секьюритизации России в 2020-х гг. в логике Норвегии предполагает усиление национальной обороноспособности, а также статуса ценного «арктического союзника» в НАТО.

Арктика выступает для **Дании** ценным геополитическим активом и инструментом повышения международно-политического статуса малой державы. Этим обусловлена артикуляция арктической государственной идентичности всего королевства как «центрального и важного игрока» в регионе. В 2000-х – начале 2010-х гг. в датском дискурсе в области безопасности в Арктике превалирует невоенная секьюритизация, однако к 2020-м гг. основной становится военно-политическая при сохранении невоенных элементов. Средняя интенсивность военно-политической

секьюритизации Копенгагена за все время наблюдений равна невоенной, что указывает на ее комплексный характер. Кроме того, геополитизация дискурса сопровождается все более интенсивной десекьюритизацией отношений между региональными державами со стороны Дании.

В 2020-х гг. **Гренландия** все активнее заявляет о себе как о самостоятельном акторе международной арктической политики. Для этого Нуук конструирует собственную арктическую идентичность, отличную от датской, и артикулирует свое видение политики в области безопасности в Арктике. Секьюритизация в гренландском дискурсе умеренная и затрагивает преимущественно сферы экономической и общественной безопасности. Практические меры гренландской политики в области безопасности нацелены на защиту критической инфраструктуры и обеспечение региональной стабильности в условиях растущих гибридных угроз и стратегической конкуренции в Арктике. В 2020-х гг. в гренландской политике прослеживается секьюритизация внутренней безопасности при одновременной десекьюритизации региональной.

Фарерские Острова позиционируют себя полноценным арктическим актором и с начала 2010-х гг. артикулируют собственную арктическую идентичность. В фарерском дискурсе и практике в области безопасности в Арктике доминирует невоенная – преимущественно экологическая – сфера. К 2020-м гг. в арктической секьюритизации Фарер появляются военно-политические элементы, а интенсивность восприятия опасностей в этой сфере удваивается.

Финляндия идентифицирует себя как проактивная «арктическая сверхдержава», что выражает не только решающее значение Арктики для национальной политики в области безопасности, но и стремление повысить свой региональный и союзнический статус. С конца 2000-х до середины 2020-х гг. в политике Финляндии в области безопасности в Арктике усиливается интенсивность региональной военно-политической секьюритизации при сохранении значительной эколого-общественной составляющей дискурса и

практики. Вступление в НАТО стало закономерным итогом эволюции политики Хельсинки в области безопасности после холодной войны и проявлением финской стратегической культуры в условиях меняющейся военно-политической среды.

Вступление **Швеции** в НАТО в 2024 г. и последующая консолидация северо-восточного фланга альянса усилили взаимосвязь между ключевыми направлениями политики королевства в области безопасности – скандинавско-балтийским и арктическим. После вступления в Североатлантический альянс Стокгольм начинает акцентировать свою арктическую идентичность в связке с ЕС и НАТО, что может впоследствии использоваться им для повышения регионального и союзнического статуса. Траектория эволюции политики Швеции в области безопасности в Арктике движется в сторону значительной интенсификации военно-политической секьюритизации и милитаризации практического ответа при сохранении эколого-общественного «ядра». Одновременно, по мере усиления глобального и регионального междержавного соперничества, в шведском дискурсе и практике в области безопасности возрастает значение региональной стабильности как одной из главных защищаемых ценностей.

Исландия идентифицирует себя «как единственное арктическое государство, целиком расположенное в Арктике», а сам статус арктического государства зачастую инструментализируется во внутри- и внешнеполитических целях, в том числе для дискурсивного повышения собственного веса в арктической политике. Эмпирические данные об арктической секьюритизации позволяют проследить траекторию эволюции политики Рейкьявика в области региональной безопасности лишь за 2011-2021 гг. Она представляет собой уникальный случай интенсивной невоенной – экологической – секьюритизации, которая в 2020-х гг. дополняется военно-практическими компонентами.

***

В заключительной главе оценим степень и пределы влияния сообщества невоенной безопасности на общую динамику в области безопасности в Арктике после холодной войны, а также выявим макрорегиональные паттерны (де)секьюритизации и тенденции в области безопасности в военно-политическом и невоенном измерениях на основе эмпирических данных по отдельным арктическим государствам и их автономным образованиям.

Глава 3. Арктика как сообщество невоенной безопасности: генезис, эволюция и макрорегиональные процессы (де)секьюритизации

Цель настоящей главы – выявить макрорегиональные тенденции в области безопасности в Арктике после холодной войны. Для это потребуется 1) оценить степень и пределы влияния сообщества невоенной безопасности на макрорегиональную динамику в области безопасности в Арктике после холодной войны; и 2) выявить макрорегиональные паттерны (де)секьюритизации и тенденции в области безопасности в Арктике в военно-политическом и невоенном измерениях.

3.1. Генезис и эволюция арктического сообщества невоенной безопасности

В годы холодной войны Арктика была зоной стратегического ядерного сдерживания двух сверхдержав как естественный геополитический фронтир: именно через нее пролегает кратчайшая траектория межконтинентальных баллистических ракет между СССР и США. Таяние льдов вследствие климатических изменений тогда шло гораздо меньшими темпами, чем сейчас, и на повестке дня в области региональной безопасности у арктических государств стояли вопросы военного сдерживания, преимущественно ядерного. По этой причине Арктика была в те годы одним из наиболее милитаризованных регионов мира: вдоль побережья Северного Ледовитого океана располагались военные базы, а обширные морские пространства подо льдами бороздили подлодки с ядерными боезарядами.

Очередной виток гонки вооружений середины 1980-х гг., в том числе «кризис евроракет», подтолкнул СССР к поиску путей снижения глобальной военно-политической напряженности. Так зародилось «новое политическое мышление» М.С. Горбачева. Арктический регион представлялся тогда для руководства страны одним из приоритетных «полигонов разрядки» – не в последнюю очередь и как общее геополитическое пространство.

1 октября 1987 г., находясь в Мурманске, столице советского Заполярья, Горбачев выступил с речью[529]. В ней он раскритиковал США за попытки втянуть СССР в заведомо проигрышную для него гонку вооружений и озвучил шесть инициатив, которые вошли в историю как «мурманские». Они включали две военные – создать безъядерную зону в Северной Европе и ограничить военно-морскую активность в прилегающих к ней морях – и четыре невоенные меры – начать мирное сотрудничество по рациональному освоению ресурсов Севера; содействовать научному исследованию Арктики; принять меры по охране окружающей среды; открыть Северный морской путь для прохода

[529] Речь товарища Горбачева М.С. // Газета «Правда». 2 октября 1987 г. № 275 (25262). URL: https://helion-ltd.ru/gorbachev-speech-part-4/.

иностранных судов при советской ледокольной проводке с правом захода в советские порты. Ключевые тезисы и инициативы руководителя СССР не потеряли актуальности и сегодня:

> *«С Севера Земли, из Арктики, как, пожалуй, ниоткуда еще, осязаема общность, взаимосвязанность интересов всего нашего мира. <…> Милитаризация этой части мира приобретает угрожающий характер. <…>*
>
> *В Гренландии в нарушение Договора по ПРО поставлена на боевое дежурство новая РЛС — один из элементов программы «звездных войн». На канадском Севере испытываются американские крылатые ракеты. Не так давно правительство самой Канады разработало обширную программу наращивания военных сил в Арктике. Возрастает военная активность США и НАТО в районах, непосредственно примыкающих к советскому Заполярью. Повышается уровень военного присутствия НАТО в Норвегии и Дании. <…>*
>
> *Советский Союз выступает за радикальное снижение уровня военного противостояния в регионе. Пусть Север планеты, Арктика станут зоной мира. Пусть Северный полюс будет полюсом мира. Мы предлагаем всем заинтересованным государствам приступить к переговорам об ограничении и сокращении масштабов военной активности на Севере в целом — как в Восточном, так и в Западном полушарии»*[530].

«Мурманские инициативы» были впоследствии поддержаны руководством Финляндии в лице министра иностранных дел К. Сорсы и Канады в лице премьер-министра Б. Малруни. Именно финны и канадцы выступили движущей силой зарождавшегося тогда многостороннего сотрудничества в Арктике. По мнению некоторых исследователей, это было продиктовано поиском онтологической безопасности малой и средней

[530] Цит. по Речь товарища Горбачева М.С.

державами в условиях растущих военно-политических и экологических рисков в Арктике, которая для Финляндии и Канады составляет неотъемлемую часть их национальной и государственной идентичностей[531]. Практическая реализация «инициатив» началась через научно-экспертные контакты представителей арктических государств по вопросам невоенной – экологической – безопасности. Довольно быстро эти многосторонние инициативы в области научной дипломатии эволюционировали до международного института – Международного арктического научного комитета (англ. *International Arctic Science Committee, IASC*, МАНК). Он был учрежден в 1990 г. для координации исследовательской активности научных организаций арктических стран в высоких широтах.

В начале 1989 г. Финляндия выступила с инициативой проведения конференции восьми арктических государств по вопросам охраны окружающей среды. В качестве наиболее актуальной экологической проблемы в Арктике финны выбрали трансграничное загрязнение – климатические изменения ощущались тогда совсем незначительно. На подготовку первой министерской встречи ушло два с половиной года регулярных дипломатических и научно-экспертных контактов. Она состоялась в июне 1991 г. в Рованиеми (столица финского региона Лапландия – *прим. автора*). На ней арктические государства приняли Стратегию защиты окружающей среды Арктики (англ. *Arctic Environmental Protection Strategy, AEPS*), известную также как «декларация Рованиеми»[532]. Она задала нормативные и институциональные рамки для многостороннего регионального сотрудничества в области невоенной безопасности, дав начало серии регулярных природоохранных конференций арктических государств, которые вошли в историю как «процесс Рованиеми». Именно в развитие «процесса Рованиеми» в 1996 г. в Оттаве был создан Арктический совет (АС)[533], который

[531] Fakhoury R., Gricius G. Op. cit.
[532] Arctic Environmental Protection Strategy. Declaration on the Protection of the Arctic Environment // Rovaniemi, Finland: Ministry of the Environment, 1991. URL: https://library.arcticportal.org/1542/1/artic_environment.pdf.
[533] Ottawa Declaration on the Establishment of the Arctic Council // Arctic Council. Ottawa, Canada, 1996. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/85.

до сих пор выступает ведущим межправительственным форумом по вопросам невоенной безопасности в Арктике.

В профиль работы АС вошли вопросы устойчивого развития (УР) и охраны окружающей среды в Арктике, при этом вопросы военной безопасности сознательно не были включены в его мандат. Уникальность АС состоит в том, что, помимо восьми арктических государств, на правах постоянных участников (англ. *Permanent Participants*) в него входят организации КНС[534]. Хотя они не обладают правом голоса, их мнение учитывается при подготовке всех документов Совета. Все решения АС принимаются на основе консенсуса его членов – арктических государств. Представляется, что демилитаризованная и консенсуальная философия работы Совета во многом инспирирована мировоззрением КНС, представители которых стояли у истоков этого международно-политического института. Например, еще за пару лет до запуска «процесса Рованиеми» председатель Инуитской приполярной конференции[535] (англ. *Inuit Circumpolar Conference, ICC*) М. Саймон[536] писала: «*Мы не хотим, чтобы наши традиционные территории рассматривались как стратегическая военная и боевая зона между восточным и западным альянсами <...> Любое чрезмерное наращивание военного присутствия на Севере <...> приводит лишь к расколу Арктики, затягиванию напряженности между Востоком и Западом и гонке вооружений, а также ставит наш народ по разные стороны баррикад*»[537].

Параллельно в 1990-х гг. по инициативе североевропейских государств были запущены форматы регионального и приграничного сотрудничества с Россией в Евроарктическом регионе: Совет Баренцева-Евроарктического региона (СБЕР, 1993 г.) и «Северное измерение» ЕС (1999 г.). Последнее, будучи инициировано финнами, было призвано «интегрировать» новую

[534] Вовлечению организаций коренных народов Севера в процесс принятия решений по арктическим вопросам активно способствовала Канада, где проблемы коренных народов (англ. *First Nations*) занимают значимое место во внутриполитической повестке дня.
[535] Предшественницы Инуитского приполярного совета.
[536] На момент написания диссертации – генерал-губернатор Канады.
[537] Simon M. Toward an Arctic Zone of Peace: An Inuit Perspective // Peace Research. 1989. Vol. 21, no. 4. P. 27–28. URL: https://www.jstor.org/stable/23609829.

демократическую Россию в общеевропейское политико-ценностное пространство на фоне снижения военно-политической напряженности в Европе и Арктике.

Разрядка постбиполярной эпохи привела к тому, что на некоторое время для государств региона значение вопросов военно-политической безопасности в Арктике снизилось относительно невоенных. Военное присутствие и активность в полярных широтах значительно сократились: в Российской Арктике – из-за политико-экономического кризиса после распада СССР, в Западной – из-за того, что ослабло ощущение «угрозы с Востока». Например, в 1990-х гг. США закрыли ряд малых военных объектов на Аляске по программе «реорганизации и закрытия военных баз» (англ. *Base Realignment and Closure, BRAC*)[538], Норвегия сократила общую численность ВС в ходе оборонной реформы[539]. В 2006 г. США свернули постоянное присутствие ВВС на базе Кефлавик (англ. *Naval Air Station Keflavik*) в Исландии[540], а в 2011 г. расформировали Второй флот ВМС, который отвечал за Восточное побережье и Северную Атлантику[541].

Именно в 1990-х – начале 2000-х гг. в высоких широтах началось активное многостороннее сотрудничество, в том числе в области региональной безопасности, причем – в духе времени – с широким вовлечением негосударственных акторов – организаций КНС и экологических НПО. Эта черта впоследствии стала «визитной карточкой» международной арктической политики.

---

[538] См., например, The Coldest Front: Cold War Military Properties in Alaska. Revised and Expanded / Prepared by Office of History and Archaeology, Alaska State Historic Preservation Officer; Alaska Department of Natural Resources, Division of Parks and Outdoor Recreation. Anchorage, 2012. URL: https://dnr.alaska.gov/parks/oha/publications/coldestfront.pdf; Former Naval Air Facility Adak // Base Realignment and Closure Program Management Office, U.S. Navy. URL: https://www.bracpmo.navy.mil/BRAC-Bases/Other-West/Former-Naval-Air-Facility-Adak/.

[539] См. Otterlei J.M. Norwegian defence reforms of the 1990s: FFI-Report 2002 // Norwegian Defence Research Establishment (FFI). 2002. URL: https://www.ffi.no/en/publications-archive/norwegian-defence-reforms-of-the-1990s.

[540] Last U.S. servicemembers to leave Iceland Sept. 30 // U.S. Air Force. 28.09.2006. URL: https://www.af.mil/News/Article-Display/Article/129604/last-us-servicemembers-to-leave-iceland-sept-30/.

[541] 2nd Fleet disestablishes, merges with Fleet Forces Command // DVIDS. 30.09.2011. URL: https://www.dvidshub.net/news/77838/2nd-fleet-disestablishes-merges-with-fleet-forces-command.

В этот период спектр взаимодействия России и западных арктических государств охватывал преимущественно сферы невоенной безопасности: охрану окружающей среды и безопасность человека, особенно на море – в сфере поиска и спасания. Значительная часть работы велась на уровне ученых и экспертов. К примеру, четыре из шести рабочих групп, на основе которых был впоследствии учрежден АС, начали функционировать еще в 1991 г. в рамках «процесса Рованиеми»: по реализации программы арктического мониторинга и оценки (англ. *Arctic Monitoring and Assessment Programme, AMAP*), по сохранению арктической флоры и фауны (англ. *Conservation of Arctic Flora and Fauna, CAFF*), по предупреждению, готовности и ликвидации чрезвычайных ситуаций (англ. *Emergency Prevention, Preparedness and Response, EPPR*) и по защите арктической морской среды (англ. *Protection of the Arctic Marine Environment, PAME*). В 1993 г. в рамках AEPS также была создана Целевая группа по устойчивому развитию и рациональному использованию (англ. *Task Force on Sustainable Development and Utilization*), на основе которой в 1998 г. – уже после учреждения АС – была сформирована рабочая группа по устойчивому развитию в Арктике (англ. *Sustainable Development Working Group, SDWG*). В 1994 г. в рамках AEPS был также учрежден Секретариат коренных народов. Институционализация «процесса Рованиеми» в АС открыла новые возможности для проектной работы при финансовой поддержке государств-членов, ПУ и наблюдателей[542].

Тем не менее сотрудничество по линии ВС также имело место, причем нередко оно велось в невоенных целях. В качестве примеров можно выделить Программу сотрудничества ВС России, США и Норвегии по охране окружающей среды в Арктике (англ. *Arctic Military Environmental Cooperation, AMEC*) или гуманитарно-спасательные учения НАТО *Cooperative Safeguard*. С конца 1990-х и почти до середины 2010-х гг. в Арктике проводились совместные военные учения России и государств НАТО, в том числе по линии «Партнерства ради мира», что можно рассматривать в качестве мер

[542] Projects // Arctic Council. URL: https://arctic-council.org/projects/.

укрепления доверия (МУД). Например, военно-морские учения Норвегии *POMOR 94*, военно-морские учения НАТО *Cooperative Venture 94*, совместные учения ВВС НОРАД и России *Vigilant Eagle* (2010-2013 гг.) или российско-норвежские военно-морские учения «Помор» (2010-2013 гг.).

Хотя в 2000-х гг. Россия активно развивала сотрудничество с западными государствами, в том числе по невоенным вопросам, именно в этот период наметились предпосылки будущего раскола. Начиная со второй половины 1990-х гг. Москва последовательно выступала за полицентричное мироустройство и стремилась к тому, чтобы Запад воспринимал ее как равноправного партнера. За эти годы между Россией и западными государствами накопился целый ряд фундаментальных противоречий относительно принципов организации и функционирования системы международных отношений, особенно в области европейской безопасности.

В это же время в высоких широтах между Россией и западными государствами продолжалось взаимодействие по вопросам невоенной безопасности, в том числе в рамках четвертого Международного полярного года в 2007-2008 гг. В 2000-х гг. вследствие климатических изменений ускорилось сокращение ледового покрова СЛО. В результате Арктический регион стал привлекать все большее международное внимание, в том числе со стороны нерегиональных игроков, особенно в части перспектив новых транспортно-логистических маршрутов и добычи природных ресурсов. Такая динамика способствовала тому, что государства региона начали уделять развитию северных территорий и обеспечению военно-политической безопасности на Севере все больше внимания.

В этих условиях и на фоне улучшения отношений России и западных государств на рубеже 2000-2010-х гг. для поддержания стабильной военно-политической обстановки в Арктике предпринимаются попытки институционализации военного сотрудничества между государствами региона. Например, в 2010 г. был учрежден Круглый стол арктических сил безопасности (англ. *Arctic Security Forces Roundtable*), а в 2012 г. –

Арктический форум начальников генштабов (англ. *Arctic Chiefs of Defense Forum*). После начала украинского кризиса в 2014 г. все военное сотрудничество России и западных государств было остановлено, в том числе и участие в новых структурах. Тем не менее сотрудничество арктических государств по вопросам невоенной безопасности продолжилось. Например, в 2015 г. был создан Арктический форум служб береговой охраны (англ. *Arctic Coast Guard Forum, ACGF*).

В 2010-х гг. арктические государства – иногда при участии неарктических держав – активно развивают нормативные рамки регионального сотрудничества в области невоенной безопасности. Эти процессы происходят на базе ключевых международных институтов – АС и Международной морской организации (ИМО). Например, в этот период под эгидой АС все арктические государства заключили три юридически обязывающих соглашения: о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике (2011 г.)[543], о сотрудничестве в сфере готовности и реагирования на загрязнение нефтью моря в Арктике (2013 г.)[544] и по укреплению международного арктического научного сотрудничества (2017 г.)[545]. Также в 2014-2015 гг. на площадке ИМО был принят Полярный кодекс (вступил в силу в 2017 г.)[546], дополнивший конвенции по охране человеческой жизни на море 1974 г. (SOLAS)[547] и по предотвращению загрязнения с судов 1973 г. (MARPOL)[548]. Кодекс установил обязательные

[543] Agreement on Cooperation on Aeronautical and Maritime Search and Rescue in the Arctic // Arctic Council Open Access Repository. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/server/api/core/bitstreams/ba22a423-2d69-4ae0-8a54-0241a7539a6c/content.

[544] Agreement on Cooperation on Marine Oil Pollution Preparedness and Response in the Arctic // Arctic Council Open Access Repository. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/server/api/core/bitstreams/79aaaf52-c892-448f-9556-936629efba2d/content.

[545] Agreement on Enhancing International Arctic Scientific Cooperation // Arctic Council Open Access Repository. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstreams/e75076a2-4ff2-4de6-b08a-58034b991bf7/download.

[546] International Code for Ships Operating in Polar Waters (Polar Code): Resolution MSC.385(94), adopted 21 November 2014 // International Maritime Organization. URL: https://wwwcdn.imo.org/localresources/en/KnowledgeCentre/IndexofIMOResolutions/MSCResolutions/MSC.385%2894%29.pdf.

[547] International Convention for the Safety of Life at Sea (SOLAS), 1974, as amended // International Maritime Organization. URL: https://www.imo.org/en/about/conventions/pages/international-convention-for-the-safety-of-life-at-sea-%28solas%29%2C-1974.aspx.

[548] International Convention for the Prevention of Pollution from Ships, 1973, as modified by the Protocol of 1978 relating thereto and by the Protocol of 1997 (MARPOL) // International Maritime Organization. URL:

требования для судоходства в полярных водах, в том числе в Арктике. Наконец, в 2018 г. в Илулиссате пять прибрежных государств, а также Исландия, КНР, Япония, Республика Корея и ЕС подписали Соглашение о предотвращении нерегулируемого промысла в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана (вступило в силу в 2021 г.)[549]. Документом установлен мораторий на нерегулируемый коммерческий промысел в открытом море в центральной части СЛО – то есть за пределами ИЭЗ прибрежных государств – как минимум на 16 лет после вступления в силу.

Стоит отметить, что, несмотря на активное международное нормотворчество, в этот период между Россией и некоторыми арктическими государствами стали заметнее проявляться международно-правовые разногласия по отдельным арктическим вопросам. Например, с Норвегией – по поводу толкования и применения положений Договора о Шпицбергене 1920 г. (в том числе о неиспользовании архипелага в военных целях)[550] и с США – в отношении статуса российских проливов на СМП и применения ст. 234 КМП[551]. Тем не менее «состязательность интерпретаций» норм международного права между арктическими государствами пока преимущественно остается в политико-правовой плоскости и, на наш взгляд, скорее выступает побочным эффектом все более интенсивной междержавной конкуренции в высоких широтах, нежели сигнализирует о «кризисе» сложносоставного международно-правового режима Арктики[552].

---

https://www.imo.org/en/about/conventions/pages/international-convention-for-the-prevention-of-pollution-from-ships-%28marpol%29.aspx.

[549] Соглашение о предотвращении нерегулируемого промысла в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана // Официальный интернет-портал правовой информации. 28.06.2021. URL: https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202106280035.

[550] Договор о Шпицбергене // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/51519/. Подробнее см. Вылегжанин А.Н. Вопросы толкования и исполнения Договора о Шпицбергене 1920 года // Московский журнал международного права. 2010. № 1. С. 4–30. DOI: 10.24833/0869-0049-2010-1-4-30.

[551] Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS) // Организация Объединенных Наций. Монтего-Бей: ООН, 1982. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf. Подробнее см. Вылегжанин А.Н., Назаров В.П., Буник И.В. Северный морской путь: к решению политико-правовых проблем // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 12. С. 1105–1118.

[552] Подробнее о применимом международном праве в Арктике см. Арктическая правовая энциклопедия / под общ. ред. А.В. Торкунова, А.Н. Вылегжанина. М.: Аспект Пресс, 2024. 280 с. ISBN 978-5-7567-1331-2.

Приведенные эмпирические данные позволяют говорить о том, что в результате активного регионального сотрудничества между арктическими государствами – «социального обучения» в терминологии Э. Адлера и М. Барнетта – после холодной войны в Арктике сформировалось *региональное сообщество невоенной безопасности*. Этому способствовали общность проблем невоенной безопасности, меры укрепления доверия между арктическими державами, их «социальное обучение» через многостороннее сотрудничество в области невоенной безопасности и создание общих норм, а также конструирование коллективной идентичности.

Ключевую роль в формировании сообщества невоенной безопасности и коллективной самоидентификации арктических государств сыграл АС. В стратегических документах Совета и выступлениях официальных представителей арктических государств она формулируется в терминах «общих ценностей и устремлений» [арктических держав – *прим. автора*] по обеспечению УР, охраны окружающей среды и должного управления[553], а также «семейности»[554].

Среди прочего, эта идентичность нашла воплощение в принципе «особой ответственности» арктических государств за судьбу региона, его хрупких экосистем и КНС. Пять прибрежных арктических государств – Россия, США, Канада, Норвегия и Дания – зафиксировали ее в Илулиссатской декларации 2008 г. как «уникальное положение» для ответа на вызовы региональной безопасности через «ответственное управление» СЛО, в котором арктическим государствам отводится «роль хранителей» (англ. *stewardship role*)[555]. Декларация стала напоминанием о суверенитете, суверенных правах и юрисдикции прибрежных государств в СЛО и ответом на растущий интерес к Арктике и ее ресурсам со стороны нерегиональных

---

[553] Arctic Council Strategic Plan 2021 to 2030. Reykjavík, 20 May 2021 // Arctic Council. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/2601/MMIS12_2021_REYKJAVIK_Strategic-Plan_2021-2030.pdf.

[554] Norway. 14th Meeting Statement — Norway: remarks at the 14th meeting of the Arctic Council, Tromsø, 12 May 2025 // Arctic Council Open Access Archive. 12.05.2025. URL: https://hdl.handle.net/11374/3341.

[555] См. The Ilulissat Declaration // Ilulissat, Greenland: Kingdom of Denmark, 2008. URL: https://arcticportal.org/images/stories/pdf/Ilulissat-declaration.pdf.

держав, особенно азиатских. Именно эта особая ответственность и осознание общей арктической идентичности на контрасте с нерегиональными игроками служит своеобразной гарантией от полного разрушения инфраструктуры арктического диалога между Россией и Западом. Помимо прочего, АС представляется для них международно-политическим институтом, который легитимирует их особый арктический статус в международных отношениях.

По мере того как Запад все сильнее оспаривал статус России как великой державы, который составляет сердцевину российской государственной идентичности, и проистекающие из этого статуса интересы, Москва сильнее ощущала онтологическую небезопасность. Расширение активности НАТО воспринималось как военно-политическая угроза и мотивировало Россию наращивать военную мощь. Поскольку Арктика еще со времен холодной войны остается зоной стратегического ядерного сдерживания России и США, наращивание военного потенциала, в первую очередь, происходило именно там. Общее ухудшение отношений России и Запада в середине 2010-х гг. повлияло на восприятие угроз западными государствами, которые также запустили процесс ремилитаризации Крайнего Севера, что породило дилемму безопасности.

На рубеже 2010-2020-х гг. военная активность на стыке Арктики и Северной Атлантики достигает наибольших масштабов со времен холодной войны. В 2018 г. воссоздаются Объединенное командование НАТО в Норфолке (англ. *Joint Force Command – Norfolk, JFC-NF*)[556] и Второй флот ВМС США[557], в сферы ответственности которых входит Северная Атлантика. Во второй половине 2010-х гг. начинается восстановление *GIUK Gap* (фарерo-исландского противолодочного рубежа) как ключевой линии обороны НАТО в Северо-Восточной Атлантике. В начале 2020-х гг. Североатлантический альянс, долгое время выступавший против расширения присутствия и активности на Крайнем Севере, начинает постепенно менять свою

[556] Предыдущее атлантическое командование НАТО (англ. *Allied Command Atlantic, ACLANT*) было упразднено в 2003 г.
[557] Был расформирован в 2011 г.

официальную позицию из-за «роста геополитической напряженности» в Арктике[558]. Именно в этот период увеличивается военно-учебная активность под эгидой НАТО в Евроарктическом регионе[559]. В начале 2020-х гг. между государствами Северной Европы формируется разветвленная иерархическая система институтов сотрудничества в области безопасности и обороны с участием внешних держав, «ядром» которой выступает НОРДЕФКО[560].

С эскалацией украинского кризиса в 2022 г. и масштабной кампанией Запада по противодействию России западные арктические государства, особенно североевропейские и Канада, секьюритизировали любое взаимодействие с ней. Это привело к приостановке работы АС и других региональных платформ и последующему выходу России из форматов сотрудничества в Баренцевом-Евроарктическом регионе. Кризисные явления в международной арктической политике после 2022 г. стали следствием полной утраты доверия, нерегиональных военно-политических противоречий и невозможности построения полноценного сообщества безопасности на основе общерегиональной и инклюзивной военно-политической архитектуры.

Рост военно-политической конфронтации между Россией и Западом обусловлен, в том числе, взаимной онтологической небезопасностью, поскольку каждая из сторон воспринимает другую как прямую угрозу жизненно важным национальным интересам и ценностям, определяемым другими «слоями» государственной идентичности. Многомерность государственной идентичности арктических государств проиллюстрирована в *Таблице 3.1.1.*

---

[558] См. NATO must combat climate change // NATO. 27.09.2020. URL: https://www.nato.int/en/news-and-events/events/transcripts/2020/09/27/nato-must-combat-climate-change.

[559] Подробнее о военной активности НАТО и его членов на Крайнем Севере и в Арктике в 2010-2020-х гг. см. Липунов Н. Между «сдерживанием» РФ и «укрощением» США: что стоит за арктическими инициативами НАТО // ТАСС. 13.07.2026. URL: https://tass.ru/opinions/27906605.

[560] Подробнее см. Липунов Н.С. Институты сотрудничества в области безопасности и обороны в Северной Европе в начале 2020-х гг. // Перспективы преодоления внешних вызовов и угроз на Севере Европы и в Арктике: сборник научных трудов участников Первого научно-практического межрегионального форума с международным участием «Арктика – наш общий дом». Петрозаводск, Республика Карелия, Россия, 22–24 мая 2024 года / М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. Образования Петрозав. гос. ун-т; [редкол.: В.А. Шлямин (отв. ред.), Д.А. Данилов, А.А. Сергунин]. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2024. С. 71-82.

Россия	**США**	**Канада**	**Норвегия**	**Дания**	**Финляндия**	**Швеция**	**Исландия**
арктическое государство							
прибрежное государство							
великая держава		средняя держава	малая держава				
	западное государство, член НАТО						
			северное государство (*Nordic*)				
				член ЕС			

Таблица 3.1.1. Уровни государственной идентичности арктических государств.

Источник: Составлено автором.

Устойчивость арктического сообщества невоенной безопасности до 2022 г. основывалась на онтологической безопасности его членов в части арктической идентичности и общности проистекающих из нее интересов при умеренном антагонизме интересов неарктических. Именно это обстоятельство позволило исследователям говорить о феноменах «арктической исключительности», при которой региональная повестка дня «обособляется» от нерегиональных, или «комплексной взаимозависимости», когда взаимосвязанность невоенных интересов нивелирует военно-политические трения. Тем не менее эскалация противоречий между военно-политическими интересами России и западных государств, определяемых другими «слоями» государственной идентичности, не связанными с Арктикой, до уровня открытого конфликта – не только «материального» (кинетического), но и идеологического (ценностного) – показала пределы устойчивости регионального сообщества невоенной безопасности к внешним вызовам и приостановила его развитие[561].

Таким образом, интерпретация эволюции отношений между арктическими государствами в области региональной безопасности после холодной войны как сообщества невоенной безопасности выступает эпистемологически перспективной альтернативой концепциям «арктической исключительности» и «комплексной взаимозависимости».

[561] Несмотря на кризис, на момент написания диссертации все арктические государства выражают заинтересованность в сохранении АС.

3.2. Паттерны (де)секьюритизации и тенденции в области безопасности на макрорегиональном уровне

Рассмотрим результаты анализа эмпирических данных по (де)секьюритизации и мерам государственной политики в области безопасности для всех арктических государств и двух датских автономных образований. Представляется, это позволит выявить макрорегиональные тенденции и паттерны (де)секьюритизации.

Средний общий показатель индекса арктической секьюритизации для всех государств региона в 2008-2026 гг.[562] вырос от зоны «рисков» до «вызовов» после 2014 г. (*Таблица 3.2.1.*). При этом в 2020-х гг. общерегиональная интенсивность снижается.

Период	Значение
2008–2013	1,50
2014–2021	1,89
2022–2026	1,74

Таблица 3.2.1. Средний общий индекс арктической секьюритизации для арктических государств и их автономных образований в 2008-2026 гг.

Источник: Расчеты автора на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

В военно-политической сфере интенсивность секьюритизации устойчиво возрастает (*Таблица 3.2.2.*). В 2000-2020-х гг. можно наблюдать постепенную милитаризацию восприятия Арктики всеми державами региона в условиях растущей международной активности и междержавного соперничества в высоких широтах.

[562] Выбор 2008 г. в качестве нижней хронологической рамки для макрорегионального анализа обусловлен тем, что данные по (де)секьюритизации и мерам госполитики за самый ранний период 1989-2007 гг. доступны лишь для некоторых государств.

Период	Значение
2008–2013	1,43
2014–2021	1,66
2022–2026	1,83

Таблица 3.2.2. Средний индекс арктической секьюритизации в области военно-политической безопасности для арктических государств и их автономных образований в 2008-2026 гг.

Источник: Расчеты автора на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

У невоенной арктической секьюритизации динамика иная и более напоминает общую по всем сферам (*Таблица 3.2.3.*). Из зоны «рисков» в 2008-2013 гг. средний показатель индекса переходит к «вызовам» в 2014-2021 гг., а после 2022 г. возвращается к прежнему уровню «рисков».

Период	Значение
2008–2013	1,59
2014–2021	1,93
2022–2026	1,62

Таблица 3.2.3. Средний индекс арктической секьюритизации в области невоенной безопасности для арктических государств и их автономных образований в 2008-2026 гг.

Источник: Расчеты автора на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Вывод кросс-странового кейс-стади в главе 2 об уникальности траекторий эволюции национальных политик арктических государств в области региональной безопасности наглядно подтверждается двухмерной визуализацией динамики изменения индексов арктической секьюритизации (*Рисунок 3.2.1.*). Общий средний вектор для арктических государств и их автономных образований в 1989-2026 гг. говорит об общерегиональном росте интенсивности военно-политической секьюритизации при стабильно умеренной невоенной (*Рисунок 3.2.2.*).

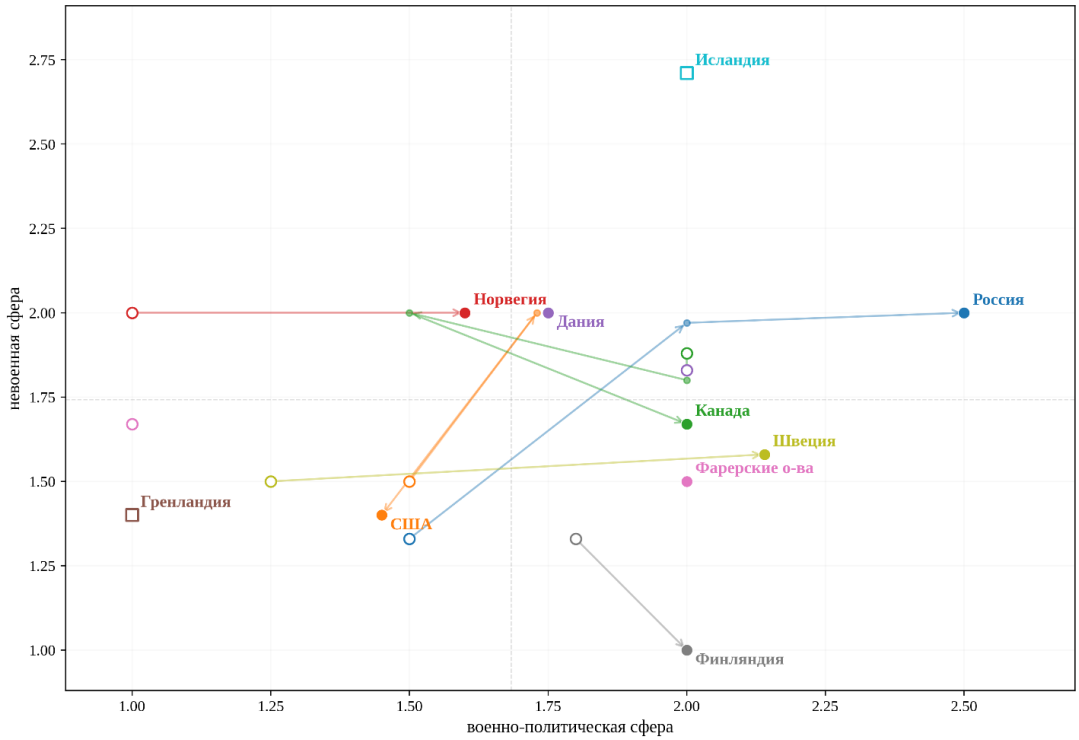

Рисунок 3.2.1. Траектории изменения индексов арктической секьюритизации в области военно-политической и невоенной безопасности для арктических государств и их автономных образований в 1989-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

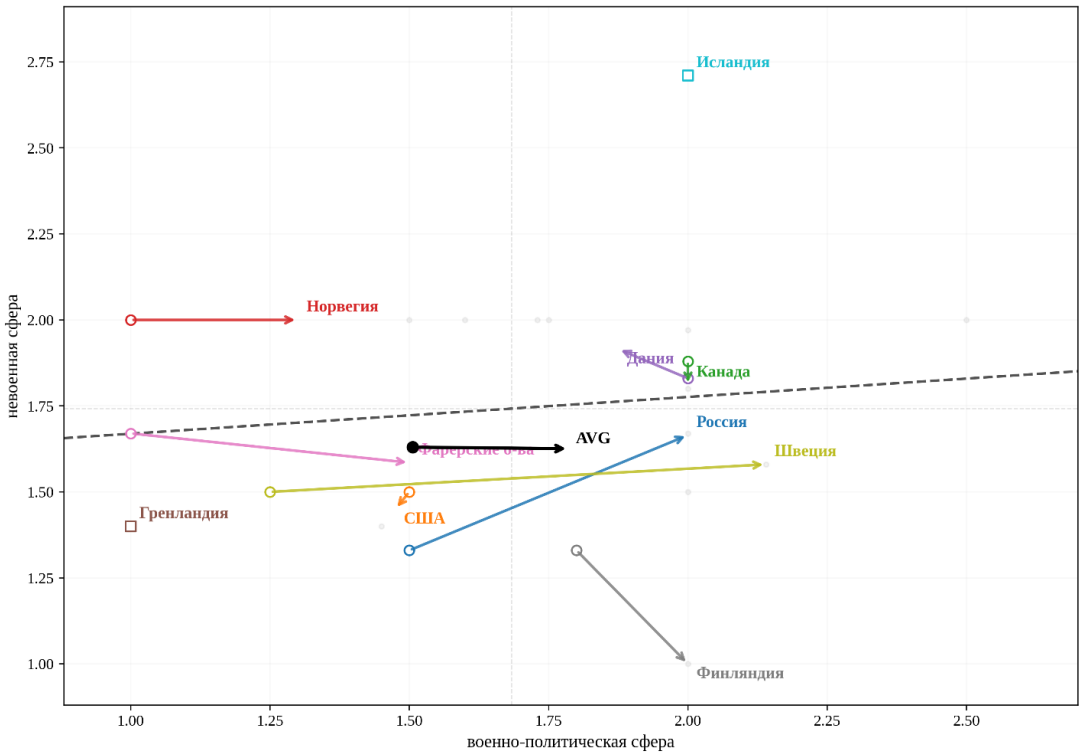

Рисунок 3.2.2. Средние векторы изменения индексов арктической секьюритизации в области военно-политической и невоенной безопасности и общерегиональный тренд для арктических государств и их автономных образований в 1989-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

На протяжении всего рассматриваемого хронологического отрезка общерегиональная картина декларируемых объектов защиты эволюционирует от преимущественно эколого-общественной к более смешанной (*Рисунок 3.2.3.*). Средние доли «окружающей среды» и «населения» сокращаются, составляя при этом около трети спектра. Доли тематических групп «Инфраструктура, транспорт, связь и энергетика» и «Морская безопасность, транспорт, навигация и реагирование», напротив, растут. Это связано с повышением регионального и глобального внимания к транспортно-логистическому потенциалу Арктики, а также значения критической инфраструктуры для государства и общества. Также после 2022 г. растет средняя доля категории «Государство, суверенитет, территория и управление». Это свидетельствует о постепенном «огосударствлении» поля региональной безопасности в Арктике, что представляется закономерным следствием интенсификации междержавной борьбы на глобальном и региональном уровнях и растущего интереса внешних игроков к региону. Арктические государства стремятся к большему контролю над своими северными территориями, а военное присутствие и критическая инфраструктура видятся здесь неотъемлемыми элементами обеспечения суверенитета в условиях сурового климата и обширных пространств. Характерно, что на этом фоне в 2008-2026 гг. одна из трех крупнейших средних долей стабильно приходится на группу «Региональный мир, международный порядок и сотрудничество». После 2022 г. она становится главной защищаемой ценностью на макрорегиональном уровне, что указывает на стремление арктических держав поддерживать региональную стабильность, несмотря на внутренние и внешние военно-политические проблемы.

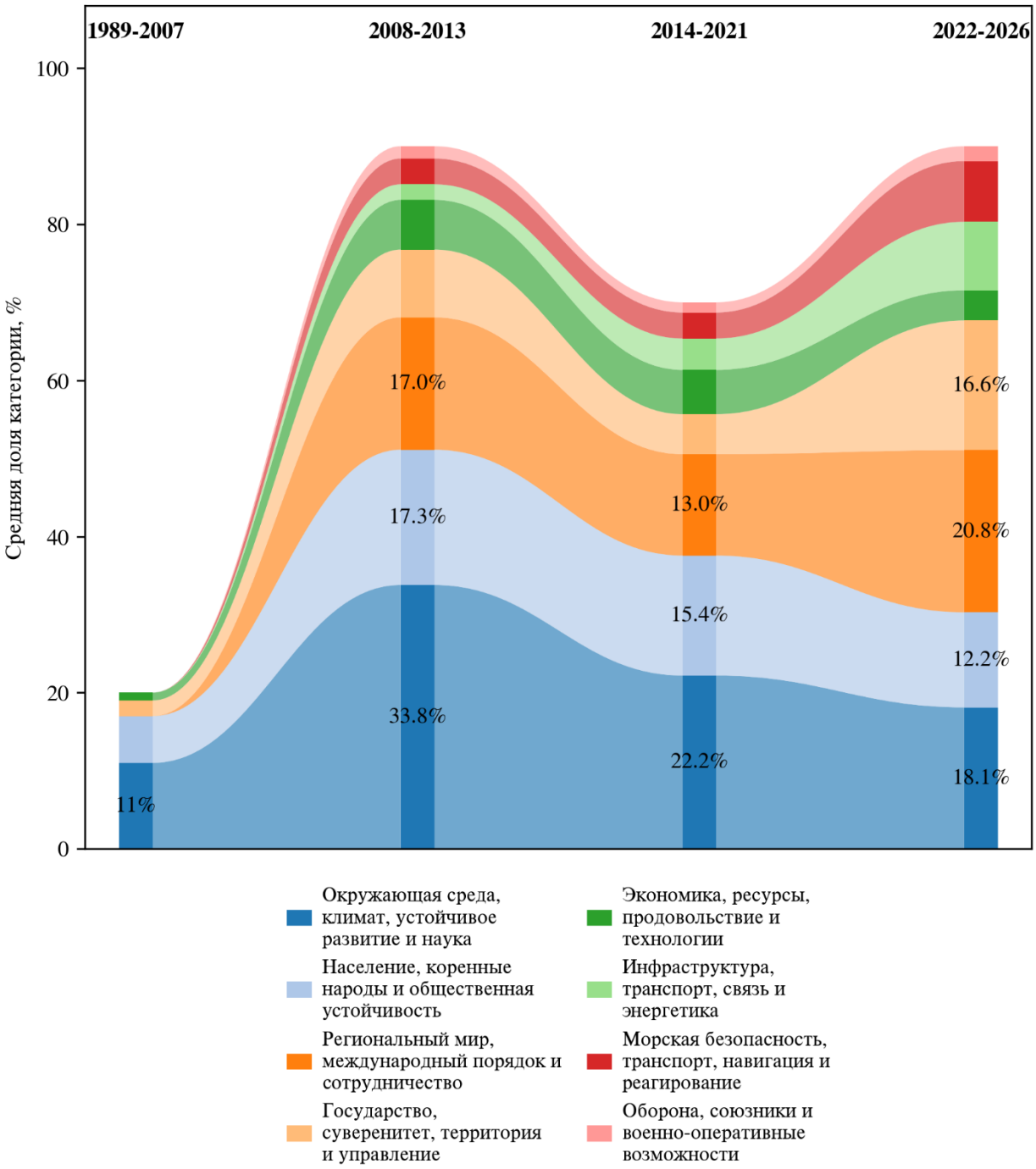

Рисунок 3.2.3. Средние доли тематических групп в распределении декларируемых объектов защиты в актах секьюритизации для арктических государств и их автономных образований в 1989-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Общерегиональный спектр воспринимаемых источников опасности на протяжении исследуемого промежутка времени становится все более разнообразным (*Рисунок 3.2.4.*). Опасения в отношении роста активности и потенциальной противоправной деятельности в регионе значительно ослабевают к середине 2010-х гг. С этого момента начинают сокращаться средние доли тематических групп «Климатические и криосферные изменения» и «Загрязнение, опасные вещества и ядерно-радиационные риски». В то же время плавно растет средняя доля «стратегической конкуренции», которая после 2022 г. становится основным источником опасности в восприятии арктических государств. Кроме того, к 2020-м гг. происходит милитаризация, гибридизация и «персонификация» опасностей в Арктике: увеличиваются средние доли категорий «милитаризация», «гибридные угрозы», «Россия» и «Китай». Помимо углубляющихся военно-политических противоречий между Россией и другими арктическими державами эта тенденция обусловлена растущим интересом к высоким широтам со стороны нерегиональных государств. Также со второй половины 2010-х гг. спектр декларируемых опасностей в Арктике пополняют группы «Демографические, социальные и кадровые проблемы» и «Экономические ограничения, протекционизм и санкции». Все эти тенденции, с одной стороны, отражают логику международно-политической конкуренции, а с другой – говорят об усложнении самого понятия безопасности в Арктике, которое все чаще подразумевает устойчивость к широкому спектру проблем.

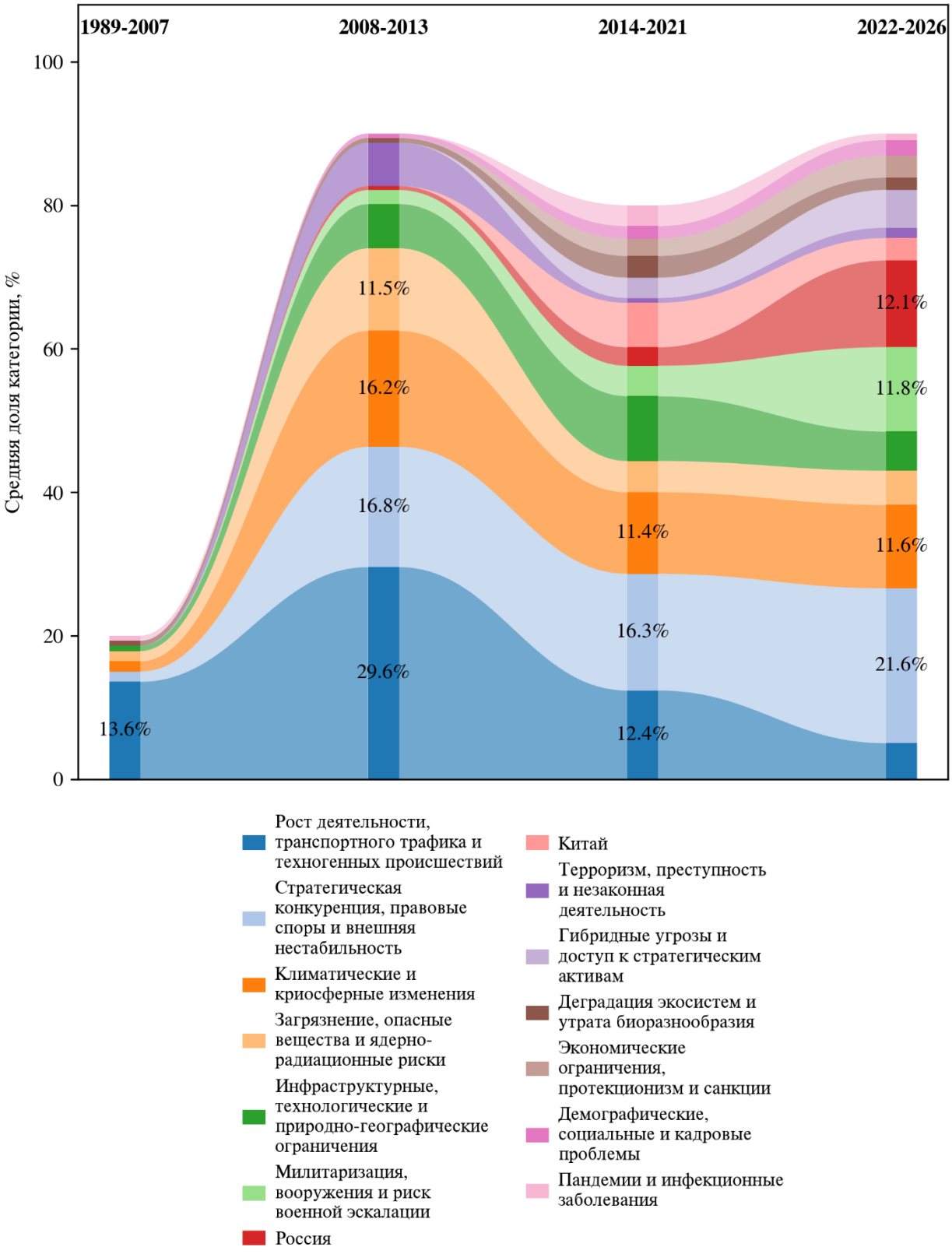

Рисунок 3.2.4. Средние доли тематических групп в распределении декларируемых источников опасности в актах секьюритизации для арктических государств и их автономных образований в 1989-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Агрегированно по всем арктическим государствам и двум датским автономным образованиям можно сделать вывод о том, что с конца 2000-х гг. доминирующие сферы секьюритизации в целом смещаются от экологической, экономической и безопасности человека к военной и политической в 2020-х гг. На протяжении большей части исследуемого периода спектр декларируемых объектов защиты в Арктике остается практически неизменным. К 2020-м гг. основными остаются «региональный мир», «окружающая среда», «государство» и «население». В то же время общерегиональная картина воспринимаемых опасностей постепенно усложняется. Со второй половины 2010-х гг. усиливается их геополитизация, милитаризация, гибридизация и «персонификация» в лице России и Китая. При этом, несмотря на сокращение доли эколого-климатических опасностей, невоенные проблемы остаются на повестке дня в области региональной безопасности.

Эти тенденции нашли отражение и в общерегиональном распределении объектов декларируемых мер госполитики в области безопасности по тематическим группам (*Рисунок 3.2.5.*). На протяжении 1989-2026 гг. плавно сокращается средняя доля «окружающей среды», в то время как «населения» – остается практически неизменной. С конца 2000-х гг. среди объектов мер постоянно присутствует «региональный мир», на который приходятся крупнейшие средние доли в трех последних периодах. После 2014 г. возрастает доля тематической группы «Оборона, союзники и военно-оперативные возможности», а после 2022 г. – «инфраструктуры» и «государства», которое по количеству упоминаний уступает лишь «региональному миру». В 2020-х гг. объекты декларируемых мер практически равномерно распределяются между четырьмя «смысловыми узлами» современной политики в области безопасности в Арктике: «региональный мир» (22,2%), «государство и оборона» (~28,8%), «население и окружающая среда» (24,8%) и «экономика, инфраструктура и морская безопасность» (~26%).

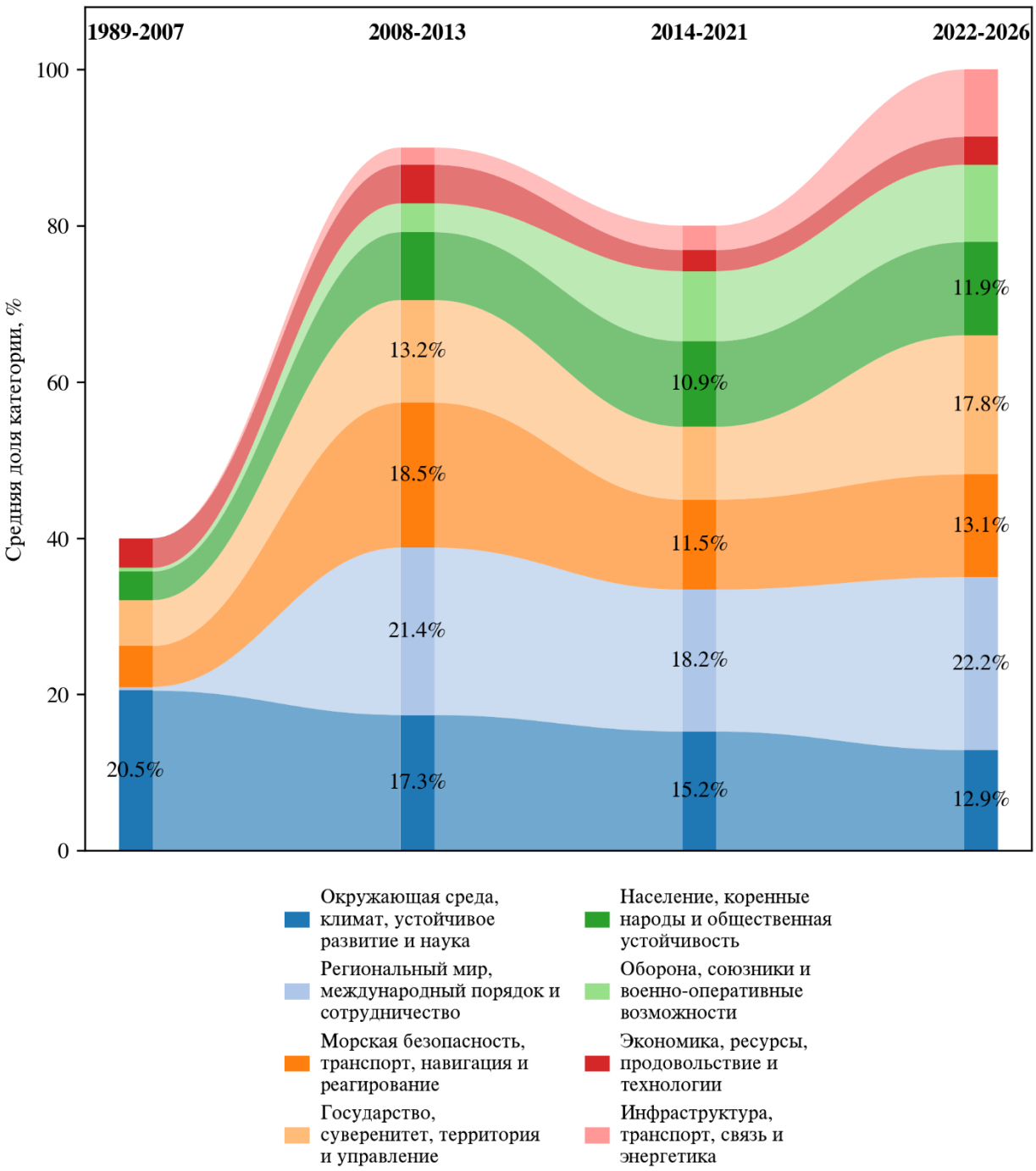

Рисунок 3.2.5. Средние доли тематических групп в распределении объектов мер государственной политики в области безопасности в Арктике для арктических государств и их автономных образований в 1989-2026 гг.

Источник: Составлено автором на основе базы данных «Дискурсивное измерение политики арктических государств и их автономных образований в области безопасности в Арктике: акты (де)секьюритизации и (ответные) меры государственной политики в 1989-2026 гг.».

Результаты анализа динамики национальной и общерегиональной арктической секьюритизации говорят о том, что в первой четверти XXI в. Арктика все более воспринимается государствами региона как зона вызовов в области военно-политической безопасности при незначительном снижении значения и сохранении интенсивности восприятия невоенных проблем. Иными словами, происходит постепенное «наслаивание» военно-политической повестки дня в области безопасности в Арктике на невоенную основу, сформировавшуюся в регионе после холодной войны.

Выявленные паттерны (де)секьюритизации в политике арктических государств иллюстрируют результаты анализа макрорегиональных тенденций в области безопасности через призму теории сообществ безопасности и концепции онтологической безопасности в предыдущем параграфе. Это позволяет приблизиться к решению обозначенной в диссертации научной проблемы: *почему при низком конфликтогенном потенциале Арктики и в условиях все более интенсивных природно-климатических вызовов происходит милитаризация политики арктических государств в области региональной безопасности?*

Усиление междержавного соперничества на глобальном уровне – как в материальном, так и в идеационном измерениях –, а также рост арктических амбиций нерегиональных игроков заставляют региональные государства уделять приоритетное внимание вопросам обеспечения военно-политической безопасности. После 2022 г. в Арктике можно наблюдать «эффект перелива» (англ. *spillover effect*) нерегиональных военно-политических проблем в повестку дня в области региональной безопасности, охватывающую преимущественно вопросы невоенного характера. Хотя конфликтогенный потенциал самой Арктики невысок, осознание того, что любое крупное военное столкновение России и НАТО неизбежно затронет высокие широты, мотивирует арктические державы наращивать военное присутствие и активность в регионе. По мере роста конфронтации России и западных государств интенсивность восприятия проблем в сфере военно-политической

безопасности среди арктических государств лишь возрастает – в условиях взаимного недоверия и ограниченной коммуникации между ВС это создает дилемму безопасности и повышает риск непреднамеренной эскалации.

В таких условиях взаимодействие по невоенным вопросам становится крайне затруднительным, однако «чувство принадлежности» к сообществу арктических государств и осознание общности интересов в области региональной невоенной безопасности все же удерживают арктические державы от полного разрушения институциональных и нормативных рамок сотрудничества по невоенным вопросам, которые сформировались в Арктике после холодной войны. Наиболее убедительным свидетельством стремления арктических государств поддерживать региональную стабильность даже в условиях военно-политической конфронтации служит то, что после 2022 г. десекьюритизация Арктики как «зоны мира» продолжается, а «региональный мир, международный порядок и сотрудничество» по-прежнему остаются главной защищаемой ценностью на макрорегиональном уровне.

Выводы к главе 3

В третьей главе оцениваются степень и пределы влияния сообщества невоенной безопасности на макрорегиональную динамику в области безопасности в Арктике после холодной войны. Затем на основе результатов исследования политик отдельных арктических государств автор выявляет макрорегиональные паттерны (де)секьюритизации и тенденции в области безопасности в Арктике в военно-политическом и невоенном измерениях.

В результате активного регионального сотрудничества между арктическими государствами после холодной войны в Арктике сформировалось региональное сообщество невоенной безопасности. Этому способствовали общность проблем невоенной безопасности, меры укрепления доверия между арктическими державами, их «социальное обучение» через многостороннее сотрудничество в области невоенной безопасности и создание общих норм, а также конструирование коллективной идентичности.

Кризисные явления в международной арктической политике после 2022 г. стали следствием полной утраты доверия, нерегиональных военно-политических противоречий и невозможности построения полноценного сообщества безопасности на основе общерегиональной и инклюзивной военно-политической архитектуры.

Устойчивость арктического сообщества невоенной безопасности до 2022 г. основывалась на онтологической безопасности его членов в части арктической идентичности и общности проистекающих из нее интересов при умеренном антагонизме интересов неарктических. Тем не менее эскалация противоречий между военно-политическими интересами России и западных государств, определяемых другими «слоями» государственной идентичности, не связанными с Арктикой, до уровня открытого конфликта – не только «материального» (кинетического), но и идеологического (ценностного) – показала пределы устойчивости регионального сообщества невоенной безопасности к внешним вызовам и приостановила его развитие.

С конца 2000-х гг. доминирующие сферы арктической секьюритизации в целом смещаются от экологической, экономической и безопасности человека к военной и политической в 2020-х гг. На протяжении большей части исследуемого периода спектр декларируемых объектов защиты в Арктике остается практически неизменным. К 2020-м гг. основными остаются «региональный мир», «окружающая среда», «государство» и «население». В то же время общерегиональная картина воспринимаемых опасностей постепенно усложняется. Со второй половины 2010-х гг. усиливается их геополитизация, милитаризация, гибридизация и «персонификация» в лице России и Китая. При этом, несмотря на сокращение доли эколого-климатических опасностей, невоенные проблемы остаются на повестке дня в области региональной безопасности.

В первой четверти XXI в. Арктика все более воспринимается государствами региона как зона вызовов в области военно-политической безопасности при незначительном снижении значения и сохранении интенсивности восприятия невоенных проблем. Иными словами, происходит постепенное «наслаивание» военно-политической повестки дня в области безопасности в Арктике на невоенную основу, сформировавшуюся в регионе после холодной войны.

Усиление междержавного соперничества на глобальном уровне – как в материальном, так и в идеационном измерениях –, а также рост арктических амбиций нерегиональных игроков заставляют региональные государства уделять приоритетное внимание вопросам обеспечения военно-политической безопасности. После 2022 г. в Арктике можно наблюдать «эффект перелива» нерегиональных военно-политических проблем в повестку дня в области региональной безопасности, охватывающую преимущественно вопросы невоенного характера.

В таких условиях взаимодействие по невоенным вопросам становится крайне затруднительным, однако «чувство принадлежности» к сообществу арктических государств и осознание общности интересов в области

региональной невоенной безопасности все же удерживают арктические державы от полного разрушения институциональных и нормативных рамок сотрудничества по невоенным вопросам, которые сформировались в Арктике после холодной войны. Наиболее убедительным свидетельством стремления арктических государств поддерживать региональную стабильность даже в условиях военно-политической конфронтации служит то, что после 2022 г. десекьюритизация Арктики как «зоны мира» продолжается, а «региональный мир, международный порядок и сотрудничество» по-прежнему остаются главной защищаемой ценностью на макрорегиональном уровне.

Заключение

Поскольку эпистемология диссертационного исследования находится на стыке позитивизма и интерпретивизма, а теоретическим основанием выступает реалистский конструктивизм, автор исходит из понимания безопасности как социально сконструированной. Мы также придерживаемся парадигмы «расширенного» предметного поля безопасности, которое помимо военно-политических включает и невоенные аспекты. Это обусловлено не только эволюцией теоретических подходов к понятию безопасности в международно-политических исследованиях, но и спецификой Арктического региона. Современные проблемы безопасности на Севере, помимо военно-политической, также охватывают экологическую, экономическую и социальную сферы. Нередко они даже находятся на стыке двух или более сфер.

При этом исследование сфокусировано на государстве как основном акторе международных отношений и центральном субъекте в области безопасности в силу своего суверенитета. Такой методологический подход не лишает акторности других участников системы отношений в области региональной безопасности в Арктике, например, НПО и ММПО, однако наиболее адекватно отражает их второстепенную роль.

Концепт государственной идентичности служит ценным исследовательским инструментом политики отдельного государства в области безопасности, поскольку позволяет выявить его мотивацию при определении («конструировании») угроз и выборе необходимых – и уместных – мер реагирования на них. В этом отношении он органично дополняет теорию секьюритизации Копенгагенской школы, для которой сам процесс дискурсивного конструирования угроз важнее его предпосылок. Концепция онтологической безопасности выступает связующим звеном между государственной идентичностью и политикой в области безопасности. Она существенно углубляет понимание мотивации государства, поскольку вводит новый уровень анализа безопасности в дополнение к физическому

(«материальному») – идентитарный («идеационный»). Дополнительным конструктивистским инструментом исследования политики государства в области безопасности выступает концепт стратегической культуры, особенно в его семиотическом понимании как системы идей, задающей рамки стратегического взаимодействия в конкретном сообществе безопасности. Такая комбинация конструктивистских инструментов соответствует эпистемологии диссертационного исследования.

Поскольку сама «Арктика» как международно-политический регион (и коллективная государственная идентичность) – это, в известной степени, социальный конструкт, невозможно рассматривать общую динамику в области безопасности в Арктическом регионе вне его «социальной природы». Конструктивистский теоретико-методологический инструментарий – теория сообществ безопасности и учет роли онтологической безопасности в их формировании и поддержании – на стыке с реализмом обладает значительным эвристическим потенциалом при исследовании современных макрорегиональных тенденций в области безопасности в Арктике.

Результаты кейс-стади показали, что траектории эволюции национальных политик арктических государств в области региональной безопасности уникальны и не повторяют паттерны друг друга. По этой причине типологизировать их по всей совокупности исследованных параметров не представляется возможным. Это обстоятельство в значительной степени обусловлено эндогенными особенностями («национальным преломлением») при практически схожем наборе внешних/структурных условий.

Для **России** Арктика – не просто одно из ключевых направлений внутренней, внешней, оборонной или морской политики, а часть государственной идентичности и один из компонентов статуса великой державы. По мере роста значения Арктики для России со второй половины 2000-х гг. региональные вопросы все чаще становятся объектом государственной политики в области безопасности. Это проявляется в

устойчивом усилении интенсивности секьюритизации во всех сферах безопасности, особенно в военно-политической на фоне общей (ре)милитаризации Арктики. Тем не менее Север остается для России, в первую очередь, социо-гуманитарным и экономическим пространством – местом для жизни и развития и ресурсной базой, от которой во многом зависит благосостояние страны и ее глобальная конкурентоспособность. Траекторию эволюции российской политики в области безопасности в Арктике можно описать как постепенное «наслаивание» региональной военно-политической составляющей на устойчивую национальную социально-экономическую и эколого-климатическую основу при растущей роли морской безопасности. Наиболее иллюстративной в этой связи представляется дилемма между усилением национального контроля над СМП и его интернационализацией по мере развития транспортного маршрута.

В политике **США** в области безопасности в Арктике как в дискурсивном, так и в практическом измерениях прослеживается растущая военно-политическая составляющая, что обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, еще со времен холодной войны Арктика остается зоной стратегического ядерного сдерживания США и России. Во-вторых, Вашингтон – особенно с середины 2010-х гг. – воспринимает Арктику как связующее пространство между двумя ключевыми направлениями внешней и оборонной политики: азиатско-тихоокеанским и евроатлантическим. Определяющее значение здесь имеет междержавное соперничество с Россией, крупнейшей региональной державой, и КНР, которая в 2018 г. провозгласила себя «близарктической державой», желая усилить присутствие в этом регионе глобального значения. Наконец, Арктика для США – один из компонентов статуса великой державы и глобального лидера. Вашингтон последовательно стремится укрепить свой статус в регионе, о чем свидетельствуют преимущественно региональная направленность секьюритизации, все бо́льшая концентрация на защите и развитии инфраструктуры, а также растущая «персонификация» опасности в лице России и Китая.

Политика **Канады** в области безопасности в Арктике характеризуется совокупностью интенсивной национально-ориентированной невоенной и военно-политической секьюритизации при преимущественно милитаризованном декларируемом ответе. Это обусловлено фундаментальным значением Арктики и Севера для канадской национальной и государственной идентичности. По этой причине Оттава на протяжении более чем полувека акцентирует свой «арктический суверенитет» во внешней политике, особенно в отношениях с ключевым союзником – США. Политические силы внутри страны нередко используют эту тему в межпартийной борьбе, придавая ей эмоционально-националистическое измерение, что особенно проявилось в правление С. Харпера. С середины 2010-х гг. на фоне конфронтации с Россией и активизации глобального междержавного соперничества в канадской политике в области безопасности в Арктике постепенно происходит суверенизация объектов защиты при одновременной милитаризации и гибридизации источников опасности.

Дискурс и практика **Норвегии** в области безопасности в Арктике эволюционировали от преимущественно эколого-общественного профиля на рубеже 2000-2010-х гг. до военно-политического в 2020-х гг. При этом в норвежской политике сохраняется интенсивная невоенная секьюритизация в сферах климатической, морской и общественной безопасности. Осло воспринимает Крайний Север / Арктику как неотъемлемую часть государственной идентичности и ключевое направление внутренней и внешней политики. По этой причине королевство стремится поддерживать низкую напряженность и стабильность на Крайнем Севере. Достижение этой цели в условиях секьюритизации России в 2020-х гг. в логике Норвегии предполагает усиление национальной обороноспособности, а также статуса ценного «арктического союзника» в НАТО.

Арктика выступает для **Дании** ценным геополитическим активом и инструментом повышения международно-политического статуса малой державы. Этим обусловлена артикуляция арктической государственной

идентичности всего королевства как «центрального и важного игрока» в регионе. В 2000-х – начале 2010-х гг. в датском дискурсе в области безопасности в Арктике превалирует невоенная секьюритизация, однако к 2020-м гг. основной становится военно-политическая при сохранении невоенных элементов. Средняя интенсивность военно-политической секьюритизации Копенгагена за все время наблюдений равна невоенной, что указывает на ее комплексный характер. Кроме того, геополитизация дискурса сопровождается все более интенсивной десекьюритизацией отношений между региональными державами со стороны Дании.

В 2020-х гг. **Гренландия** все активнее заявляет о себе как о самостоятельном акторе международной арктической политики. Для этого Нуук конструирует собственную арктическую идентичность, отличную от датской, и артикулирует свое видение политики в области безопасности в Арктике. Секьюритизация в гренландском дискурсе умеренная и затрагивает преимущественно сферы экономической и общественной безопасности. Практические меры гренландской политики в области безопасности нацелены на защиту критической инфраструктуры и обеспечение региональной стабильности в условиях растущих гибридных угроз и стратегической конкуренции в Арктике. В 2020-х гг. в гренландской политике прослеживается секьюритизация внутренней безопасности при одновременной десекьюритизации региональной.

Фарерские Острова позиционируют себя полноценным арктическим актором и с начала 2010-х гг. артикулируют собственную арктическую идентичность. В фарерском дискурсе и практике в области безопасности в Арктике доминирует невоенная – преимущественно экологическая – сфера. К 2020-м гг. в арктической секьюритизации Фарер появляются военно-политические элементы, а интенсивность восприятия опасностей в этой сфере удваивается.

Финляндия идентифицирует себя как проактивная «арктическая сверхдержава», что выражает не только решающее значение Арктики для

национальной политики в области безопасности, но и стремление повысить свой региональный и союзнический статус. С конца 2000-х до середины 2020-х гг. в политике Финляндии в области безопасности в Арктике усиливается интенсивность региональной военно-политической секьюритизации при сохранении значительной эколого-общественной составляющей дискурса и практики. Вступление в НАТО стало закономерным итогом эволюции политики Хельсинки в области безопасности после холодной войны и проявлением финской стратегической культуры в условиях меняющейся военно-политической среды.

Вступление **Швеции** в НАТО в 2024 г. и последующая консолидация северо-восточного фланга альянса усилили взаимосвязь между ключевыми направлениями политики королевства в области безопасности – скандинавско-балтийским и арктическим. После вступления в Североатлантический альянс Стокгольм начинает акцентировать свою арктическую идентичность в связке с ЕС и НАТО, что может впоследствии использоваться им для повышения регионального и союзнического статуса. Траектория эволюции политики Швеции в области безопасности в Арктике движется в сторону значительной интенсификации военно-политической секьюритизации и милитаризации практического ответа при сохранении эколого-общественного «ядра». Одновременно, по мере усиления глобального и регионального междержавного соперничества, в шведском дискурсе и практике в области безопасности возрастает значение региональной стабильности как одной из главных защищаемых ценностей.

Исландия идентифицирует себя «как единственное арктическое государство, целиком расположенное в Арктике», а сам статус арктического государства зачастую инструментализируется во внутри- и внешнеполитических целях, в том числе для дискурсивного повышения собственного веса в арктической политике. Эмпирические данные об арктической секьюритизации позволяют проследить траекторию эволюции политики Рейкьявика в области региональной безопасности лишь за 2011-

2021 гг. Она представляет собой уникальный случай интенсивной невоенной – экологической – секьюритизации, которая в 2020-х гг. дополняется военно-практическими компонентами.

В результате активного регионального сотрудничества между арктическими государствами после холодной войны в Арктике сформировалось региональное сообщество невоенной безопасности. Этому способствовали общность проблем невоенной безопасности, меры укрепления доверия между арктическими державами, их «социальное обучение» через многостороннее сотрудничество в области невоенной безопасности и создание общих норм, а также конструирование коллективной идентичности.

Кризисные явления в международной арктической политике после 2022 г. стали следствием полной утраты доверия, нерегиональных военно-политических противоречий и невозможности построения полноценного сообщества безопасности на основе общерегиональной и инклюзивной военно-политической архитектуры.

Устойчивость арктического сообщества невоенной безопасности до 2022 г. основывалась на онтологической безопасности его членов в части арктической идентичности и общности проистекающих из нее интересов при умеренном антагонизме интересов неарктических. Тем не менее эскалация противоречий между военно-политическими интересами России и западных государств, определяемых другими «слоями» государственной идентичности, не связанными с Арктикой, до уровня открытого конфликта – не только «материального» (кинетического), но и идеологического (ценностного) – показала пределы устойчивости регионального сообщества невоенной безопасности к внешним вызовам и приостановила его развитие.

С конца 2000-х гг. доминирующие сферы арктической секьюритизации в целом смещаются от экологической, экономической и безопасности человека к военной и политической в 2020-х гг. На протяжении большей части исследуемого периода спектр декларируемых объектов защиты в Арктике остается практически неизменным. К 2020-м гг. основными остаются

«региональный мир», «окружающая среда», «государство» и «население». В то же время общерегиональная картина воспринимаемых опасностей постепенно усложняется. Со второй половины 2010-х гг. усиливается их геополитизация, милитаризация, гибридизация и «персонификация» в лице России и Китая. При этом, несмотря на сокращение доли эколого-климатических опасностей, невоенные проблемы остаются на повестке дня в области региональной безопасности.

В первой четверти XXI в. Арктика все более воспринимается государствами региона как зона вызовов в области военно-политической безопасности при незначительном снижении значения и сохранении интенсивности восприятия невоенных проблем. Иными словами, происходит постепенное «наслаивание» военно-политической повестки дня в области безопасности в Арктике на невоенную основу, сформировавшуюся в регионе после холодной войны.

Усиление междержавного соперничества на глобальном уровне – как в материальном, так и в идеационном измерениях –, а также рост арктических амбиций нерегиональных игроков заставляют региональные государства уделять приоритетное внимание вопросам обеспечения военно-политической безопасности. После 2022 г. в Арктике можно наблюдать «эффект перелива» нерегиональных военно-политических проблем в повестку дня в области региональной безопасности, охватывающую преимущественно вопросы невоенного характера.

В таких условиях взаимодействие по невоенным вопросам становится крайне затруднительным, однако «чувство принадлежности» к сообществу арктических государств и осознание общности интересов в области региональной невоенной безопасности все же удерживают арктические державы от полного разрушения институциональных и нормативных рамок сотрудничества по невоенным вопросам, которые сформировались в Арктике после холодной войны. Наиболее убедительным свидетельством стремления арктических государств поддерживать региональную стабильность даже в

условиях военно-политической конфронтации служит то, что после 2022 г. десекьюритизация Арктики как «зоны мира» продолжается, а «региональный мир, международный порядок и сотрудничество» по-прежнему остаются главной защищаемой ценностью на макрорегиональном уровне.

Список сокращений и условных обозначений

АЗРФ – Арктическая зона Российской Федерации

АС – Арктический совет

ВМС – военно-морские силы

ВМФ – военно-морской флот

ВС – вооруженные силы

ЕС – Европейский союз

ИМО – Международная морская организация

ИЭЗ – исключительная экономическая зона

К(М)НС – коренные (малочисленные) народы Севера

КМП – Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (англ. *UNCLOS*)

КНР – Китайская Народная Республика

МАНК – Международный арктический научный комитет (англ. *International Arctic Science Committee, IASC*)

ММПО – международная межправительственная организация

(М)НПО – (международная) неправительственная организация

МУД – меры укрепления доверия (англ. *confidence-building measures, CBMs*)

НАТО – Организация Североатлантического договора

НОРАД – Командование воздушно-космической обороны Северной Америки (англ. *North American Aerospace Defense Command, NORAD*)

НОРДЕФКО – Североевропейское оборонное сотрудничество (англ. *Nordic Defence Cooperation, NORDEFCO*)

ООН – Организация Объединенных Наций

РФ – Российская Федерация

СБЕР – Совет Баренцева-Евроарктического региона (англ. *Barents Euro-Arctic Council, BEAC*)

СЗП – Северо-Западный проход

СЛО – Северный Ледовитый океан

СМП – Северный морской путь

СП – Северный полюс

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

США – Соединенные Штаты Америки

УР – устойчивое развитие

ACAP – Рабочая группа Арктического совета по устранению загрязнения Арктики (англ. *Arctic Contaminants Action Program*)

AEPS – Стратегия защиты окружающей среды Арктики (англ. *Arctic Environmental Protection Strategy*)

AMAP – Рабочая группа Арктического совета по реализации программы арктического мониторинга и оценки (англ. *Arctic Monitoring and Assessment Programme*)

AMEC – Программа сотрудничества вооруженных сил России, США и Норвегии по охране окружающей среды в Арктике (англ. *Arctic Military Environmental Cooperation, AMEC*)

CAFF – Рабочая группа Арктического совета по сохранению арктической флоры и фауны (англ. *Conservation of Arctic Flora and Fauna*)

EPPR – Рабочая группа Арктического совета по предупреждению, готовности и ликвидации чрезвычайных ситуаций (англ. *Emergency Prevention, Preparedness and Response*)

GIUK Gap – Фареро-исландский противолодочный рубеж

PAME – Рабочая группа Арктического совета по защите арктической морской среды (англ. *Protection of the Arctic Marine Environment*)

SDWG – Рабочая группа Арктического совета по устойчивому развитию в Арктике (англ. *Sustainable Development Working Group*)

USCG – Служба береговой охраны США (англ. *United States Coast Guard*)

USGS – Геологическая служба США (англ. *United States Geological Survey*)

Список источников и литературы

Источники

Международно-правовые документы

1. Устав Организации Объединенных Наций // Организация Объединенных Наций. Сан-Франциско: ООН, 1945. URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter.
2. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS) // Организация Объединенных Наций. Монтего-Бей: ООН, 1982. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf.
3. Договор о Шпицбергене // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/51519/.
4. Соглашение о предотвращении нерегулируемого промысла в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана // Официальный интернет-портал правовой информации. 28.06.2021. URL: https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202106280035.
5. International Convention for the Prevention of Pollution from Ships, 1973, as modified by the Protocol of 1978 relating thereto and by the Protocol of 1997 (MARPOL) // International Maritime Organization. URL: https://www.imo.org/en/about/conventions/pages/international-convention-for-the-prevention-of-pollution-from-ships-%28marpol%29.aspx.
6. International Convention for the Safety of Life at Sea (SOLAS), 1974, as amended // International Maritime Organization. URL: https://www.imo.org/en/about/conventions/pages/international-convention-for-the-safety-of-life-at-sea-%28solas%29%2C-1974.aspx.
7. Agreement on Cooperation on Aeronautical and Maritime Search and Rescue in the Arctic // Arctic Council Open Access Repository. URL:

https://oaarchive.arctic-council.org/server/api/core/bitstreams/ba22a423-2d69-4ae0-8a54-0241a7539a6c/content.

8. Agreement on Cooperation on Marine Oil Pollution Preparedness and Response in the Arctic // Arctic Council Open Access Repository. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/server/api/core/bitstreams/79aaaf52-c892-448f-9556-936629efba2d/content.
9. Agreement on Enhancing International Arctic Scientific Cooperation // Arctic Council Open Access Repository. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstreams/e75076a2-4ff2-4de6-b08a-58034b991bf7/download.
10. International Code for Ships Operating in Polar Waters (Polar Code): Resolution MSC.385(94), adopted 21 November 2014 // International Maritime Organization. URL: https://wwwcdn.imo.org/localresources/en/KnowledgeCentre/IndexofIMOResolutions/MSCResolutions/MSC.385%2894%29.pdf.

Декларации Арктического совета

11. Ottawa Declaration on the Establishment of the Arctic Council // Arctic Council. Ottawa, Canada, 1996. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/85.
12. Arctic Council Strategic Plan 2021 to 2030. Reykjavík, 20 May 2021 // Arctic Council. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/2601/MMIS12_2021_REYKJAVIK_Strategic-Plan_2021-2030.pdf.

Прочие международные декларации

13. Joint Statement by the Governments of Canada and of the United States of America Regarding Defence Co-operation Between the Two Countries // Government of Canada. Treaties. URL: https://www.treaty-accord.gc.ca/text-texte.aspx?id=100977.
14. Arctic Environmental Protection Strategy. Declaration on the Protection of the Arctic Environment // Rovaniemi, Finland: Ministry of the Environment, 1991. URL: https://library.arcticportal.org/1542/1/artic_environment.pdf.

15. The Ilulissat Declaration // Ilulissat, Greenland: Kingdom of Denmark, 2008. URL: https://arcticportal.org/images/stories/pdf/Ilulissat-declaration.pdf.

Стратегические, концептуальные, доктринальные и нормативно-правовые документы арктических государств и их автономных образований

Россия / СССР

16. Постановление СНК СССР от 17.12.1932 №1873 «Об организации при Совете народных комиссаров Союза ССР Главного управления северного морского пути» // Консультант+. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=24839#hWxlHYUK6v47P8d41.
17. Федеральный закон от 31.07.1998 N 155-ФЗ (ред. от 19.10.2023) «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024).
18. Федеральный закон «О безопасности» от 28.12.2010 № 390-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/.
19. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу. 18 сентября 2008 года // Правовые акты Российской Федерации. URL: https://docs.cntd.ru/document/902149373.
20. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года // Правительство Российской Федерации. 2013. URL: http://static.government.ru/media/files/2RpSA3sctElhAGn4RN9dHrtzk0A3wZm8.pdf.
21. Указ Президента РФ от 5 марта 2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» // Гарант. URL: https://base.garant.ru/73706526/.

22. Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972.
23. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Гарант. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/95521/.
24. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391/page/1.
25. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/.
26. Концепция внешней политики Российской Федерации. 28 июня 2000 г. // Правовые акты Российской Федерации. URL: https://docs.cntd.ru/document/901764263.
27. Концепция внешней политики Российской Федерации. 15 июля 2008 г. // Президент России. URL: http://kremlin.ru/acts/news/785.
28. Концепция внешней политики Российской Федерации. 20 февраля 2013 г. // Гарант. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/.
29. Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451/page/1.
30. Концепция внешней политики Российской Федерации. 31 марта 2023 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/.
31. Морская доктрина Российской Федерации. 26.07.2015 // Правовые акты Российской Федерации. URL: https://docs.cntd.ru/document/555631869.

32. Морская доктрина Российской Федерации. 31.07.2022 // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1688734/.
33. Распоряжение Президента Российской Федерации от 17 декабря 2009 г. № 861-рп «О Климатической доктрине Российской Федерации» // Гарант. URL: https://base.garant.ru/2170243/.
34. Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2023 г. № 812 «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации» // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/49910.
35. Указ Президента Российской Федерации от 4 февраля 1994 г. № 236 «О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития» // Правовые акты Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/5422.
36. Указ Президента Российской Федерации от 19.04.2017 г. № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // Правительство Российской Федерации. URL: http://government.ru/docs/all/111285/.
37. Указ Президента Российской Федерации «О Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основных положениях)» // Правовые акты Российской Федерации. 29 апреля 1996 года. URL: https://docs.cntd.ru/document/9019345.
38. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Президент России. 13 мая 2017 года. URL: http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201705150001.pdf.
39. Распоряжение Правительства РФ от 13 ноября 2009 года № 1715-р «Об утверждении Энергетической стратегии России на период до 2030 года» // Правовые акты Российской Федерации. URL: https://docs.cntd.ru/document/902187046.

40. Распоряжение Правительства РФ от 09.06.2020 № 1523-р (ред. от 15.02.2025) «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года» // Правовые акты Российской Федерации. URL: https://docs.cntd.ru/document/565068231.
41. Распоряжение Правительства РФ от 12 апреля 2025 года № 908-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года» // Правовые акты Российской Федерации. URL: https://docs.cntd.ru/document/1312459681.

США

42. Arctic Region Policy. National Security Presidential Directive and Homeland Security Presidential Directive // The White House. 2009. URL: https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2009/01/20090112-3.html.
43. National Strategy For The Arctic Region // The White House. 2013. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/nat_arctic_strategy.pdf.
44. Implementation Plan for the National Strategy for the Arctic Region // Executive Office of the President. January 2014. URL: https://www.arctic.gov/uploads/assets/imp_plan_for_natl_strategy_for_arctic_region.pdf.
45. Executive Order 13689 — Enhancing Coordination of National Efforts in the Arctic // The White House. 21 January 2015. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/DCPD-201500043/pdf/DCPD-201500043.pdf.
46. National Strategy for the Arctic Region // The White House. 2022. URL: https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/10/National-Strategy-for-the-Arctic-Region.pdf.
47. Implementation Plan for the National Strategy for the Arctic Region // The White House. October 2023. URL:

https://www.energy.gov/sites/default/files/2023-10/NSAR%20Implementation%20Plan.pdf.

48. National Security Strategy // The White House. October 2022. URL: https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf.
49. Arctic Strategy // U.S. Department of Defense. November 2013. URL: https://www.atlanticcouncil.org/blogs/natosource/text-of-pentagons-new-arctic-strategy/.
50. Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America // U.S. Department of Defense. January 2018. URL: https://media.defense.gov/2020/May/18/2002302061/-1/-1/1/2018-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-SUMMARY.PDF.
51. Description of the 2018 National Military Strategy // Joint Chiefs of Staff. 12 July 2019. URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/UNCLASS_2018_National_Military_Strategy_Description.pdf.
52. Report to Congress on Arctic Strategy // U.S. Department of Defense. June 2019. URL: https://media.defense.gov/2019/Jun/06/2002141657/-1/-1/1/REPORT-TO-CONGRESS-ON-ARCTIC-STRATEGY.PDF.
53. Arctic Strategic Outlook // U.S. Coast Guard. April 2019. URL: https://www.commonwealthnorth.org/wp-content/uploads/2019/04/USCG-Arctic-Strategic-Outlook-2019.pdf.
54. Strategic Outlook for the Arctic // Department of the Navy. January 2019. URL: https://www.c2f.usff.navy.mil/Portals/24/Documents/Navy_Strategic_Outlook_Arctic_Jan2019.pdf?ver=2019-09-26-105926-343.
55. Advantage at Sea: Prevailing with Integrated All-Domain Naval Power // U.S. Navy, U.S. Marine Corps, U.S. Coast Guard. Washington, D.C.: Department of Defense, December 2020. URL:

https://media.defense.gov/2020/Dec/16/2002553074/-1/-1/0/TRISERVICESTRATEGY.pdf.

56. A Blue Arctic: A Strategic Blueprint for the Arctic // Department of the Navy. January 2021. URL: https://media.defense.gov/2021/Jan/05/2002560338/-1/-1/0/ARCTIC%20BLUEPRINT%202021%20FINAL.PDF.
57. Department of the Air Force Arctic Strategy // U.S. Air Force. July 2020. URL: https://www.af.mil/Portals/1/documents/2020SAF/July/Department_of_the_Air_Force_Arctic_Strategy.pdf.
58. Arctic Strategy // U.S. Department of Homeland Security. January 2021. URL: https://www.dhs.gov/sites/default/files/publications/21_0129_plcy_dhs-arctic-strategy_0.pdf.
59. Regaining Arctic Dominance: The U.S. Army in the Arctic // Headquarters, Department of the Army. January 2021. URL: https://www.army.mil/e2/downloads/rv7/about/2021_army_arctic_strategy.pdf.
60. 2022 National Defense Strategy, Nuclear Posture Review, and Missile Defense Review // U.S. Department of Defense. 27 October 2022. URL: https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.PDF.
61. U.S. Department of Energy Arctic Strategy // U.S. Department of Energy. November 2022. URL: https://www.energy.gov/sites/default/files/2022-11/DOE_Arctic_Strategy_202211_1.pdf.
62. 2024 Department of Defense Arctic Strategy // U.S. Department of Defense. June 2024. URL: https://media.defense.gov/2024/Jul/22/2003507411/-1/-1/0/DOD-ARCTIC-STRATEGY-2024.PDF.

Канада

63. Looking North: Canada’s Arctic Commitment // Minister of Indian and Northern Affairs Canada. — Ottawa: Government of Canada, 1989. URL:

https://publications.gc.ca/collections/collection_2016/aanc-inac/R71-19-1989-eng.pdf.

64. The Northern Dimension of Canada’s Foreign Policy // Communications Bureau Department of Foreign Affairs and International Trade. Ottawa, 2000. URL: https://publications.gc.ca/collections/Collection/E2-178-2000E.pdf.
65. Canada First Defence Strategy // Government of Canada. 2008. URL: https://www.canada.ca/en/department-national-defence/corporate/policies-standards/canada-first-defence-strategy-complete-document.html.
66. Canada's northern strategy: our north, our heritage, our future // Government of Canada. 2009. URL: https://publications.gc.ca/site/eng/9.674653/publication.html.
67. Statement on Canada’s Arctic Foreign Policy. Exercising Sovereignty and Promoting Canada’s Northern Strategy Abroad // Government of Canada. 2010. URL: https://www.international.gc.ca/world-monde/assets/pdfs/canada_arctic_foreign_policy-eng.pdf.
68. Strong, Secure, Engaged: Canada's Defence Policy // Government of Canada. 2017. URL: https://www.canada.ca/en/department-national-defence/corporate/reports-publications/canada-defence-policy.html.
69. Canada’s Arctic and Northern Policy Framework // Crown-Indigenous Relations and Northern Affairs Canada. Government of Canada. 2019. URL: https://www.rcaanc-cirnac.gc.ca/eng/1560523306861/1560523330587.
70. Our North, Strong and Free: A Renewed Vision for Canada’s Defence // Government of Canada. 2024. URL: https://www.canada.ca/en/department-national-defence/corporate/policies-standards/our-north-strong-free-renewed-vision-canada-defence.html.
71. Canada’s Arctic Foreign Policy // Government of Canada. 2024. URL: https://www.international.gc.ca/gac-amc/publications/transparency-transparence/arctic-arctique/arctic-policy-politique-arctique.aspx?lang=eng.

Норвегия

72. Opportunities and Challenges in the North. Report No. 30 (2004–2005) to the Storting // Norwegian Ministry of Foreign Affairs. Oslo: Ministry of Foreign Affairs, 2005. URL: https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/kilde/ud/stm/20042005/0001/ddd/pdts/stm200420050001ud_dddpdts.pdf.
73. The Norwegian Government's High North Strategy // Norwegian Ministry of Foreign Affairs. Oslo: Ministry of Foreign Affairs, 2006. URL: https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/UD/Vedlegg/strategien.pdf.
74. New Building Blocks in the North: The Next Step in the Government's High North Strategy // Norwegian Ministry of Foreign Affairs. Oslo: Ministry of Foreign Affairs, 2009. URL: https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/ud/vedlegg/nordomradene/new_building_blocks_in_the_north.pdf.
75. The High North: Visions and Strategies // Norwegian Ministry of Foreign Affairs. Oslo: Ministry of Foreign Affairs, 2011. URL: https://www.regjeringen.no/contentassets/a0140460a8d04e4ba9c4af449b5fa06d/en-gb/pdfs/stm201120120007000en_pdfs.pdf.
76. Norway's Arctic Policy: Creating Value, Managing Resources, Confronting Climate Change and Fostering Knowledge. Developments in the Arctic Concern Us All // Norwegian Ministry of Foreign Affairs. Oslo: Ministry of Foreign Affairs, 2014. URL: https://library.arcticportal.org/1892/1/nordkloden_en.pdf.
77. Norway's Arctic Strategy – Between Geopolitics and Social Development // The Norwegian Government. Oslo: Prime Minister's Office, 2017. URL: https://www.regjeringen.no/contentassets/fad46f0404e14b2a9b551ca7359c1000/arctic-strategy.pdf.
78. The Defence of Norway: Capability and Readiness. Long Term Defence Plan 2020 // Norwegian Ministry of Defence. Oslo: Ministry of Defence, 2020. URL:

https://www.regjeringen.no/contentassets/3a2d2a3cfb694aa3ab4c6cb5649448d4/long-term-defence-plan-norway-2020---english-summary.pdf.

79. The Norwegian Government's Arctic Policy: People, Opportunities and Norwegian Interests in the Arctic // The Norwegian Government. Oslo: Ministry of Foreign Affairs, 2021. URL: https://www.regjeringen.no/en/dokumenter/arctic_policy/id2830120/.
80. The Norwegian Defence Pledge: Long-Term Defence Plan 2025–2036 // Norwegian Ministry of Defence. Oslo: Ministry of Defence, 2024. URL: https://www.regjeringen.no/contentassets/0faae3f9efcf4c2fa0f43e2a15bfbc1d/en-gb/pdfs/the-norwegian-defence-pledge.pdf.
81. Norway in the High North – Arctic Policy for a New Reality // The Norwegian Government. Oslo: Ministry of Foreign Affairs, 2025. URL: https://www.regjeringen.no/en/aktuelt/norway-in-the-high-north-arctic-policy-for-a-new-reality/id3116990/.
82. National Security Strategy // Office of the Prime Minister. May 8, 2025. URL: https://www.regjeringen.no/en/documents/national-security-strategy/id3099304/.

Дания

83. Kingdom of Denmark Strategy for the Arctic 2011–2020 // The Danish Government. Copenhagen: The Danish Government, 2011. URL: https://library.arcticportal.org/1890/1/DENMARK.pdf.
84. Foreign and Security Policy Strategy 2019–2020 // The Danish Government. Copenhagen: Ministry of Foreign Affairs of Denmark, 2018. URL: https://www.fmn.dk/globalassets/fmn/dokumenter/nyheder/engelske/-2018-11-15-foreign-and-security-policy-strategy-2019-2020-.pdf.
85. Denmark's New Foreign and Security Policy Strategy // Ministry of Foreign Affairs of Denmark. Copenhagen: Ministry of Foreign Affairs of Denmark, 2022. URL: https://um.dk/en/-/media/websites/umen/foreign-policy/uss-2022/overview_uss.ashx.

86. Foreign and Security Policy Strategy 2023 // Ministry of Foreign Affairs of Denmark. Copenhagen: Ministry of Foreign Affairs of Denmark, 2023. URL: https://um.dk/en/foreign-policy/foreign-and-security-policy-2023.
87. Agreement Regarding Danish Defence 2005–2009 // Danish Ministry of Defence. Copenhagen: Ministry of Defence of Denmark, 2004. URL: https://www.fmn.dk/globalassets/fmn/dokumenter/forlig/-eng-forsvarsforlig-2005-2009-inkl-bilag-.pdf.
88. Danish Defence Agreement 2010–2014 // Danish Ministry of Defence. Copenhagen: Ministry of Defence of Denmark, 2009. URL: https://www.fmn.dk/globalassets/fmn/dokumenter/forlig/-danish-defence-agreement-2010-2014-english-.pdf.
89. Danish Defence Agreement 2013–2017 // Danish Ministry of Defence. Copenhagen: Ministry of Defence of Denmark, 2012. URL: https://www.fmn.dk/globalassets/fmn/dokumenter/forlig/-eng_forligstekst-2013-2017-inkl-bilag-.pdf.
90. Defence Agreement 2018–2023 // Danish Ministry of Defence. Copenhagen: Ministry of Defence of Denmark, 2017. URL: https://www.fmn.dk/globalassets/fmn/dokumenter/forlig/-danish-defence-agreement-2018-2023-pdfa-2018.pdf.
91. Will and Ability to Take Responsibility: Danish Defence and Security 2024–2033 // Danish Ministry of Defence. Copenhagen: Ministry of Defence of Denmark, 2023. URL: https://www.fmn.dk/globalassets/fmn/dokumenter/forlig/-danish-defence-agreement-2024-2033-.pdf.
92. Delaftale 1 om Arktis og Nordatlanten under forsvarsforliget 2024–2033 // Forsvarsministeriet. 27.01.2025. URL: https://www.fmn.dk/globalassets/fmn/dokumenter/-aftaletekst-.pdf.
93. Delaftale 2 om Arktis og Nordatlanten under forsvarsforliget 2024–2033 // Forsvarsministeriet. 10.10.2025. URL:

https://www.fmn.dk/globalassets/fmn/dokumenter/-endelig----opdateret-aftaletekst-delaftale-2-om-arktis-og-nordatlanten-.pdf.

Гренландия

94. Greenland in the World – Nothing About Us Without Us // Government of Greenland. 2024. URL: https://paartoq.gl/wp-content/uploads/2024/03/Greenlands_Foreign_-Security_and_Defense_Policy_2024_2033.pdf.

Фарерские Острова

95. The Faroe Islands – a Nation in the Arctic. Opportunities and Challenges // The Prime Minister's Office. The Foreign Service. Tórshavn: Government of the Faroe Islands, 2013. URL: https://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2009_2014/documents/deea/dv/16_20131120_faroe-islands-arctic-/16_20131120_faroe-islands-arctic-en.pdf.

96. The Faroe Islands in the Arctic // The Government of the Faroe Islands. 2022. URL: https://landsstyri.cdn.fo/savn/17174/arktis_eng_web-1.pdf?s=-g0HWDUc_vsg6sj17PGST3xZeb0.

97. The Arctic Policy of the Faroe Islands // Ministry of Foreign Affairs, Industry and Trade. Tórshavn: Government of the Faroe Islands, 2024. URL: https://landsstyri.cdn.fo/savn/tmzdxxak/arctic-policy-of-the-faroe-islands-2024.pdf?s=Q-X8KWKu-VWuD6ALEjAHDhxXq_8.

Финляндия

98. Finland's Strategy for the Arctic Region // Prime Minister's Office. Helsinki: Prime Minister's Office, 2010. URL: https://library.arcticportal.org/1262/1/Finland_Arctic_Strategy.pdf.

99. Finland's Strategy for the Arctic Region 2013 // Prime Minister's Office. Helsinki: Prime Minister's Office, 2013. URL: https://library.arcticportal.org/1888/1/Arktinen%20strategia%202013%20en.pdf.

100. Finland’s Strategy for Arctic Policy // Finnish Government. Helsinki: Prime Minister’s Office, 2021. URL: https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/handle/10024/163247.

101. Finnish Security and Defence Policy 2009 // Finnish Government. Helsinki: Prime Minister’s Office, 2009. URL: https://finlandabroad.fi/documents/384951/405231/finnish_security_and_defence_policy.pdf/af943d3a-81c2-6af7-7f8b-44bf4a13cfd7?t=1551440792824.

102. Government Report on Finnish Foreign and Security Policy // Finnish Government. 2016. URL: https://valtioneuvosto.fi/documents/10616/1986338/VNKJ092016+en.pdf.

103. Government’s Defence Report // Finnish Government. 2017. URL: https://defmin.fi/documents/236553176/238659714/J07_2017_Governments_Defence_Report_Eng_PLM_160217.pdf/7c90affd-bace-08ab-5c1f-5b5297ed1bbd/J07_2017_Governments_Defence_Report_Eng_PLM_160217.pdf?t=1745496108931.

104. Government Report on Finnish Foreign and Security Policy // Finnish Government. 2020. URL: https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/server/api/core/bitstreams/bc524ca0-ee03-40c4-8545-b059bbc5f81f/content.

105. Government’s Defence Report 2021 // Government of Finland. Helsinki: Government of Finland, 2021. URL: https://valtioneuvosto.fi/documents/2182132/2633008/210910_FIN_GOV_DEF_report_2021.pdf/4a32419b-9ae1-0675-792e-7dcdfeff643e/210910_FIN_GOV_DEF_report_2021.pdf?t=1631271135248.

106. Finland’s Arctic Foreign and Security Policy // Ministry for Foreign Affairs of Finland, 2025. URL: https://urn.fi/URN:ISBN:978-952-281-390-9.

Швеция

107. Sweden’s Strategy for the Arctic Region // Government Offices of Sweden. Stockholm: Government Offices of Sweden, 2011. URL:

https://library.arcticportal.org/1893/1/Swedens-Strategy-for-the-Arctic-Region.pdf.

108. New Swedish Environmental Policy for the Arctic // Ministry of the Environment and Energy of Sweden. Stockholm: Ministry of the Environment and Energy of Sweden, 2016. URL: https://www.uaf.edu/caps/resources/policy-documents/sweden-new-swedish-environmental-policy-for-the-arctic-2016.pdf.

109. Sweden's Strategy for the Arctic Region // Government Offices of Sweden. Stockholm: Government Offices of Sweden, 2020. URL: https://library.arcticportal.org/2010/1/swedens-strategy-for-the-arctic-region-2020.pdf.

110. Försvarspolitisk inriktning – Sveriges försvar 2016–2020 (Prop. 2014/15:109) // Swedish Government. Stockholm: Government Offices of Sweden, 2014. URL: https://www.regeringen.se/rattsliga-dokument/proposition/2015/04/prop.-201415109/.

111. Totalförsvaret 2021–2025 (Prop. 2020/21:30) // Swedish Government. Stockholm: Government Offices of Sweden, 2020. URL: https://www.regeringen.se/globalassets/regeringen/dokument/forsvarsdepartementet/forsvarsproposition-2021-2025/totalforsvaret-2021-2025-prop.-20202130.pdf.

112. Allvarstid – Försvarsberedningens säkerhetspolitiska rapport 2023 (Ds 2023:19) // Swedish Government Offices. Stockholm: Government Offices of Sweden, 2023. URL: https://www.regeringen.se/contentassets/de808e940116476d8252160c58b78bb7/allvarstid-ds-202319.pdf.

113. Sweden's strategy for a peaceful, secure and sustainable Arctic // Government Offices of Sweden, 2026. URL: https://www.government.se/contentassets/c26672ae23294e27b7b1c4e3e0c807da/swedens-strategy-for-a-peaceful-secure-and-sustainable-arctic-govt-comm.-202526268.pdf.

Исландия

114. A Parliamentary Resolution on Iceland's Arctic Policy // Althingi. Reykjavík: Althingi, 2011. URL: https://library.arcticportal.org/1889/1/A-Parliamentary-Resolution-on-ICE-Arctic-Policy-approved-by-Althingi.pdf.

115. Parliamentary Resolution no. 26/145 on a National Security Policy for Iceland // Althingi. Reykjavík: Althingi, 2016. URL: https://ccdcoe.org/uploads/2018/10/Iceland-National-Security-Policy_2016_English.pdf.

116. Parliamentary Resolution 25/151 "Iceland's Policy on Matters Concerning the Arctic Region" // Althingi. Reykjavík: Althingi, 2021. URL: https://library.arcticportal.org/2007/1/Icelandic_Arctic_Policy.pdf.

117. Parliamentary Resolution on a national security policy for Iceland 2023 // Government of Iceland. Reykjavík: Government of Iceland, 2023. URL: https://www.government.is/library/04-Legislation/Parliamentary%20resolution%20on%20a%20national%20security%20policy%202023.pdf.

118. Defence and Security Policy: Parliamentary Resolution approved by the Althing on 3 February 2026 // Government of Iceland. 2026. URL: https://www.government.is/news/article/2026-04-14-Parliamentary-Resolution-on-a-Defence-and-Security-Policy/.

Доклады профильных министерств, комитетов и комиссий парламентов и органов безопасности арктических государств

119. Canada's Arctic Sovereignty (Third Report, 40-3) // House of Commons Canada. Standing Committee on National Defence. Ottawa, 2010. URL: https://www.ourcommons.ca/DocumentViewer/en/40-3/NDDN/report-3/page-1.

120. A Secure and Sovereign Arctic (Third Report, 44-1) // House of Commons Canada. Standing Committee on National Defence. Ottawa, 2023. URL: https://www.ourcommons.ca/DocumentViewer/en/44-1/NDDN/report-3.

121. Dansk forsvar – globalt engagement: Beretning fra Forsvarskommissionen af 2008 // Forsvarsministeriet. Copenhagen: Forsvarsministeriet, 2008. URL: https://www.fmn.dk/globalassets/fmn/dokumenter/forlig/-2008-forsvarskommissionens-beretning-inkl-bilag-.pdf.

122. Intelligence Outlook 2024 // Danish Defence Intelligence Service. Copenhagen: Danish Defence Intelligence Service, 2025. URL: https://www.fe-ddis.dk/globalassets/fe/dokumenter/2024/intelligenceoutlook.pdf.

Выступления и заявления глав государств и правительств, профильных министров и руководителей органов безопасности арктических государств

123. Speech from the Throne to Open the Second Session of the 39th Parliament of Canada, 16 October 2007 // Government of Canada. Ottawa, 2007. URL: https://www.canada.ca/en/news/archive/2007/10/speech-throne.html.

124. Prime Minister Harper’s Reply, 17 October 2007 // Prime Minister of Canada Speeches. Ottawa, 2007. URL: https://www.pm.gc.ca/en/news/speeches/2007/10/17/prime-minister-harpers-reply-speech-throne.

125. Speech from the Throne, 3 March 2010 // Government of Canada. Ottawa, 2010. URL: https://www.canada.ca/en/news/archive/2010/03/speech-throne.html.

126. Speech from the Throne, 16 October 2013 // Government of Canada. Ottawa, 2013. URL: https://www.canada.ca/en/news/archive/2013/10/speech-throne.html.

127. Speech from the Throne, 23 November 2021 // Government of Canada. Ottawa, 2021. URL: https://www.canada.ca/en/privy-council/campaigns/speech-throne/2021.html.

128. Norway. 14th Meeting Statement — Norway: remarks at the 14th meeting of the Arctic Council, Tromsø, 12 May 2025 // Arctic Council Open Access Archive. 12.05.2025. URL: https://hdl.handle.net/11374/3341.

Материалы СМИ

на русском языке

129. Речь товарища Горбачева М.С. // Газета «Правда». 2 октября 1987 г. № 275 (25262). URL: https://helion-ltd.ru/gorbachev-speech-part-4/.

130. На дне Северного Ледовитого океана установлен российский флаг // Коммерсантъ. 02.08.2007. URL: https://www.kommersant.ru/doc/792095.

131. Северный флот России получил статус военного округа // Интерфакс. 1 января 2021. URL: https://www.interfax.ru/russia/743819.

132. Путин назвал освоение Арктики неоспоримым приоритетом для России // РБК. 11.12.2023. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/657745c89a79476c9e0839be.

133. Путин поручил готовиться к 500-летию освоения Северного морского пути // РБК. 10.03.2025. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/67cf00439a794798e27b9c2c.

134. Путин рассказал о значимости Арктики для России // Газета.Ру. 28 июня 2025. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2025/06/28/26149088.shtml?utm_auth=false.

на иностранных языках

135. Pacific Island Nation Of Tuvalu May Go Under The Waves In 25 Years // StratNews. August 1, 2025. URL: https://stratnewsglobal.com/climate/pacific-island-nation-of-tuvalu-may-go-under-the-waves-in-25-years/.

136. USGS Controversy, Notion of Klondike And 'Gold-boiling Mangazeya' // The Arctic Century. July 29, 2025. URL: https://arcticcentury.org/posts/usgs-controversy/.

137. Last U.S. servicemembers to leave Iceland Sept. 30 // U.S. Air Force. 28.09.2006. URL: https://www.af.mil/News/Article-Display/Article/129604/last-us-servicemembers-to-leave-iceland-sept-30/.

138. 2nd Fleet disestablishes, merges with Fleet Forces Command // DVIDS. 30.09.2011. URL: https://www.dvidshub.net/news/77838/2nd-fleet-disestablishes-merges-with-fleet-forces-command.

139. NATO must combat climate change // NATO. 27.09.2020. URL: https://www.nato.int/en/news-and-events/events/transcripts/2020/09/27/nato-must-combat-climate-change.

Литература

Монографии и главы в монографиях

на русском языке

140. Арктика: зона мира и сотрудничества / отв. ред. А.В. Загорский. М., ИМЭМО РАН, 2011, 195 с.

141. Арктическая правовая энциклопедия / под общ. ред. А.В. Торкунова, А.Н. Вылегжанина. М.: Аспект Пресс, 2024. 280 с. ISBN 978-5-7567-1331-2.

142. Визе В.Ю. Моря Советской Арктики: Очерки по истории исследования. [2-е, доп. изд.] Ленинград: Изд-во Главсевморпути, 1939. 568 с.

143. Володин Д.А. Борьба Канады за суверенитет в Арктике: история и современность. М.: Весь Мир, 2024. 463 с.

144. Воронков Л.С. Геополитические и международные проблемы современной Арктики. М.: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2021. 498 с.

145. Головнев А.В. Северность России. СПб: МАЭ РАН, 2022. 450 с.

146. Загорский А.В. Безопасность в Арктике. М.: ИМЭМО РАН, 2019. 114 с.

147. Загорский А.В. Нестратегические вопросы безопасности и сотрудничества в Арктике. М.: ИМЭМО РАН, 2016, 104 с.

148. Звягельская И.Д., Наумкин В.В. Угрозы, вызовы и риски «нетрадиционного» ряда (Центральная Азия) // Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. М.: РОССПЭН, 2002. С. 429-450.

149. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / Семененко И.С. (отв. ред.). Москва: Весь мир, 2023. 512 с.

150. Конышев В.Н., Сергунин А.А. Современная арктическая политика США. СПб: ГАЛАРТ+, 2021. 159 с.

151. Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном. Л.: Советский писатель, 1985. 256 с.

152. Лихачев Д.С. Раздумья о России. СПб.: Русская культура, 1999. 176 с.

153. Никитина Ю.А. Теория секьюритизации в анализе политики // Современная политическая наука: Методология: Научное издание / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. С. 728-741.

154. Теребов О.В. Арктическая политика США и интересы России: прошлое, настоящее, будущее. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт США и Канады РАН. М.: Издательство «Весь Мир», 2019. 256 с.

на иностранных языках

155. Acharya A. Constructing a Security Community in Southeast Asia: ASEAN and the Problem of Regional Order. London; New York: Routledge, 2001. 256 p.

156. Adler E., Barnett M. Security Communities. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 459 p.

157. Aradau C., van Munster R. Taming the Future: The Dispositif of Risk in the War on Terror // in M. Dillon, A.W. Neal (eds.) Foucault on Politics, Security and War. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008. P. 23–45.

158. Bertelsen R.G. Devolution and Withdrawal: Denmark and the North Atlantic, 1800–2100 / R.G. Bertelsen // Security and Sovereignty in the North Atlantic / ed. by L. Heininen. London: Palgrave Macmillan, 2014. P. 9–27.

159. Booth K. Theory of World Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 472 p.

160. Bourbeau Ph. The Securitization of Migration: A Study of Movement and Order. L.: Routledge, 2011. 194 p.

161. Breaking Through: Understanding Sovereignty and Security in the Circumpolar Arctic / ed. by W. Greaves, P. W. Lackenbauer. University of Toronto Press, 2021. 271 p.

162. Buchanan E. Red Arctic: Russian strategy under Putin / E. Buchanan, Washington, D.C.: Lanham, Maryland: Brookings Institution Press; Rowman & Littlefield, 2023. 208 p.

163. Buzan B. People, States and Fear: The National Security Problem in International Relations. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1983. 262 p.

164. Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 p.

165. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p.

166. Canada's Northern Strategies: From Trudeau to Trudeau, 1970-2020 / compiled and introduced by P. Whitney Lackenbauer. Calgary: University of Calgary, 2020. 217 p.

167. Canadian Defence Policy in Theory and Practice / ed. by T. Juneau, P. Lagassé, S. Vucetic. Cham: Springer International Publishing, 2020. 425 p.

168. Carr E.H. The Twenty Years' Crisis, 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations. London: Macmillan, 1939. 312 p.

169. Chandler D. Resilience: The Governance of Complexity. London: Routledge, 2014. 180 p.

170. Climate Change and Arctic Security: Searching for a Paradigm Shift / ed. by L. Heininen, H. Exner-Pirot. Cham: Springer International Publishing, 2020. 137 p.

171. Critical Security Studies: Concepts and Cases / ed. by Krause K., Williams M.C. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997. 318 p.

172. Deutsch K.W. Political Community and the North Atlantic Area. Princeton: Princeton University Press, 1957. 228 p.

173. Duffield M. Post-Humanitarianism: Governing Precarity in the Digital World. Cambridge: Polity Press, 2019. 256 p.

174. Eklund N. Security perspectives from Sweden / Routledge Handbook of Arctic Security ed. by G. Hoogensen Gjørv, M. Lanteigne, H. Sam-Aggrey. London: Routledge, 2020. P. 208-217.

175. Erikson E.H. Childhood and Society. New York: W. W. Norton, 1950. 445 p.

176. Gad U. P. [et al.]. Greenland's Desecuritization of Security and Defense / Greenland in Arctic Security. (De)securitization Dynamics under Climatic Thaw and Geopolitical Freeze. University of Michigan Press, 2024. P. 227-252.

177. Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford: Blackwell, 1983. 150 p.

178. Geopolitics and Security in the Arctic: Regional dynamics in a global world / ed. by R. Tamnes, K. Offerdal. Routledge, 2016. 198 p.

179. Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Stanford: Stanford University Press, 1991. 256 p.

180. Greenland in Arctic Security. (De)securitization Dynamics under Climatic Thaw and Geopolitical Freeze / ed. by M. Jacobsen, O. Wæver & U.P. Gad. University of Michigan Press, 2024. 369 p.

181. Griffiths F., Huebert R., & Lackenbauer P.W. Canada and the Changing Arctic: Sovereignty, Security, and Stewardship. WLU Press, 2011. 340 p.

182. Handbook on Geopolitics and Security in the Arctic: The High North Between Cooperation and Confrontation / ed. by J. Weber. Cham: Springer International Publishing, 2020. 378 p.

183. Heikkilä M. If We Lose the Arctic: Finland's Arctic thinking from the 1980s to present day / M. Heikkilä, Rovaniemi: The Arctic Centre, University of Lapland, 2019. 142 p.

184. Heininen L. [et al.]. Arctic policies and strategies – analysis, synthesis, and trends / L. Heininen, K. Everett, B. Padrtova, A. Reissell. Austria,

Laxenburg: International Institute for Applied Systems Analysis, 2020. 263 p.

185. Heininen L. Security perspectives from Finland: An arctic case / Routledge Handbook of Arctic Security ed. by G. Hoogensen Gjørv, M. Lanteigne, H. Sam-Aggrey. London: Routledge, 2020. P. 198-207.

186. Hønneland G. Russia and the Arctic Environment, Identity and Foreign Policy, 2nd edition. I.B. Tauris, 2020. 232 p.

187. Huebert R. Canada and NATO in the Arctic: Responding to Russia? / Canada's Arctic Agenda: Into the Vortex ed. by J. Higginbotham & J. Spence. Centre for International Governance Innovation. 2019. P. 84–91.

188. Huysmans J. The Politics of Insecurity: Fear, Migration and Asylum in the EU. London; New York: Routledge, 2006. 250 p.

189. Ingimundarson V. Iceland as an Arctic state / The Palgrave Handbook of Arctic Policy and Politics ed. by K.S. Coates, C. Holroyd. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. P. 251-265.

190. Jensen L. C. International relations in the Arctic: Norway and the struggle for power in the New North. London: I.B.Tauris. 2016.

191. Joseph J. Varieties of Resilience: Studies in Governmentality. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 240 p.

192. Katzenstein P.J. Introduction: Alternative Perspectives on National Security // The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics / ed. by P.J. Katzenstein. New York: Columbia University Press, 1996. P. 1–32.

193. Keohane R.O., Nye J.S. Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston: Little, Brown and Company, 1977. 290 p.

194. Kissinger H.A. Nuclear Weapons and Foreign Policy. New York: Harper & Brothers, 1957. 455 p.

195. Konyshev V., Sergunin A. Arctic Studies in Russia // The Routledge Handbook of Russian International Relations Studies / ed. by M. Lagutina, N.

Tsvetkova, A. Sergunin. Abingdon; New York: Routledge, 2023. P. 219–233. DOI: 10.4324/9781003257264-18.

196. Kozhokin E. Energy Security in the Arctic Region // Emerging from the Frost: Security in the 21st Century Arctic / ed. by K. Skogrand. Oslo: Norwegian Institute for Defence Studies, 2008. P. 69–74. (Oslo Files on Defence and Security. No. 2/2008).

197. Kristoffersen B. Securing' geography: framings, logics and strategies in the Norwegian high north / Polar Geopolitics? Knowledges, Resources and Legal Regimes ed. by R. C. Powell, K. Dodds. Edward Elgar Publishing, 2014. P. 131-148.

198. Lackenbauer P.W., Kikkert P. The Canadian Forces & Arctic Sovereignty: Debating Roles, Interests and Requirements, 1968–1974. Waterloo: Wilfrid Laurier University Press, 2010. 398 p.

199. Laing R.D. The Divided Self: An Existential Study in Sanity and Madness. London: Tavistock Publications, 1960. 224 p.

200. Manders E. Coining Images of Power: Patterns in the Representation of Roman Emperors on Imperial Coinage, A.D. 193-284. Leiden: Brill, 2012. 267 p.

201. Medby I.A. Arctic state identity: Geography, history, and geopolitical relations. Manchester University Press, 2025. 240 p.

202. Morgenthau H.J. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. New York: Alfred A. Knopf, 1948. 489 p.

203. Neumann I.B. Discourse analysis / Qualitative methods in international relations: A pluralist guide ed. by A. Klotz, D. Prakash. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2008. P. 61–77.

204. Neumann I.B. Uses of the Other: "The East" in European Identity Formation. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999. 286 p.

205. Nilsson L. M., Evengård B. Food Security or Food Sovereignty: What Is the Main Issue in the Arctic? / The New Arctic ed. by B. Evengård, J.

Nymand Larsen, Ø. Paasche. Cham: Springer International Publishing, 2015. P. 213–223.

206. Non-state Actors in the Arctic Region / ed. by N. Sellheim, D. R. Menezes, Cham: Springer International Publishing, 2022. 326 p.

207. North Pacific Perspectives On The Arctic: Looking Far North in Turbulent Times / ed. by O. R. Young, J.-D. Kim, Edward Elgar Publishing, 2024. 171 p.

208. Owen T. Human Security: A Contested Contempt // The Routledge Handbook of New Security Studies / ed. by J. Peter Burgess. London: Routledge, 2010. P. 39–49.

209. Routledge Handbook of Arctic Security / G. Hoogensen Gjørv, M. Lanteigne, H. Sam-Aggrey. London: Routledge, 2020. 442 p.

210. Rowe E. W. Arctic governance: Power in cross-border cooperation / E. W. Rowe, Manchester: Manchester University Press, 2018. 164 p.

211. Schelling T.C. Arms and Influence. New Haven; London: Yale University Press, 1966. 293 p.

212. Schelling T.C. The Strategy of Conflict. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1960. 309 p.

213. Smith A.D. National Identity. London: Penguin Books, 1991. 226 p.

214. Smith G.W. A Historical and Legal Study of Sovereignty in the Canadian North: Terrestrial Sovereignty, 1870–1939 / ed. by P.W. Lackenbauer. Calgary: University of Calgary Press, 2014. XX, 491 p. DOI: 10.1515/9781552387757.

215. Snyder G.H. Deterrence and Defense: Toward a Theory of National Security. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1961. 309 p.

216. Sörlin S. The reluctant Arctic citizen: Sweden and the North / Polar Geopolitics? Knowledges, Resources and Legal Regimes ed. by R. C. Powell, K. Dodds. Edward Elgar Publishing, 2014. P. 149-165.

217. Sovereignty and Security in the Arctic / ed. by E.J. Dosman. Routledge, 1989. 234 p.

218. Steele B.J. Ontological Security in International Relations: Self-Identity and the IR State. London; New York: Routledge, 2008. 224 p.

219. Steinberg P. E. Maintaining hegemony at a distance: ambivalence in US Arctic policy / Polar Geopolitics? Knowledges, Resources and Legal Regimes ed. by R. C. Powell, K. Dodds, Edward Elgar Publishing, 2014. P. 113–130.

220. The Handbook of the Arctic. A Broad and Comprehensive Overview / ed. by E.V. Pak, A.I. Krivtsov, N.S. Zagrebelnaya, Singapore: Palgrave Macmillan, 2022. 1223 p. DOI 10.1007/978-981-16-9250-5.

221. The North American Arctic: Themes in Regional Security / ed. by Menezes D. R., Nicol H. N. UCL Press. 2019. 390 p.

222. The Palgrave Handbook of Arctic Policy and Politics / K.S. Coates, C. Holroyd. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. 569 p.

223. The Social Construction of State Power: Applying Realist Constructivism / ed. by J.S. Barkin. Bristol: Bristol University Press, 2020. 246 p.

224. Wæver O. Securitization and Desecuritization // On Security / ed. by Ronnie D. Lipschutz. N.Y.: Columbia University Press, 1995. P. 46–86.

225. Walker B., Holling C.S., Carpenter S.R., Kinzig A. Resilience Thinking: Sustaining Ecosystems and People in a Changing World. Washington, DC: Island Press, 2006. 174 p.

226. Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 429 p.

227. Wilson P., Ingólfsdóttir A.H. Small state, big impact? Iceland's first National Security Policy / Routledge Handbook of Arctic Security ed. by G. Hoogensen Gjørv, M. Lanteigne, H. Sam-Aggrey. London: Routledge, 2020. P. 188-197.

228. Wolfers A. Discord and Collaboration: Essays on International Politics. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1962. 284 p.

229. Woon C. Y. China, Canada and framings of Arctic geopolitics / Polar Geopolitics? Knowledges, Resources and Legal Regimes ed. by R. C. Powell, K. Dodds, Edward Elgar Publishing, 2014. P. 166–182.

230. Wyn Jones R. Security, Strategy and Critical Theory. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1999. 201 p.

231. Young O.R. Arctic Politics: Conflict and Cooperation in the Circumpolar North. Hanover; London: Dartmouth College; University Press of New England, 1992. 241 p.

232. Young O.R. Creating regimes: Arctic accords and international governance / O.R. Young, Ithaca: Cornell University Press, 1998. 230 p.

Научные статьи

на русском языке

233. Акимов Ю.Г. «Истинный север, сильный и свободный»: фактор северности в формировании канадской национальной идентичности // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. №1. С. 197–201.

234. Алексеева Т.А. Агент-структурные отношения: методология конструктивизма // Полис. Политические исследования. 2022. № 4. С. 77-93. https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.07.

235. Алексеева Т. А. Стратегическая культура: эволюция концепции // Полис. 2012. № 5. С. 130–145.

236. Буник И.В. Спор между США и Канадой о разграничении в море Бофорта (международно-правовой анализ) // Московский журнал международного права. 2018. № 2. С. 126-137. https://doi.org/10.24833/0869-0049-2018-2-126-137.

237. Вылегжанин А.Н. Вопросы толкования и исполнения Договора о Шпицбергене 1920 года // Московский журнал международного права. 2010. № 1. С. 4–30. DOI: 10.24833/0869-0049-2010-1-4-30.

238. Вылегжанин А.Н., Назаров В.П., Буник И.В. Северный морской путь: к решению политико-правовых проблем // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 12. С. 1105–1118.

239. Вяхирева Н.С. Арктика как новый внешнеполитический приоритет Канады // Россия и Америка в XXI веке. 2024. № 2. DOI 10.18254/S207054760030139-9.

240. Гайдаев О.С. «Осторожно, безопасность!» Теория (ин)секьюритизации и Парижская школа исследований международной безопасности // Вестник МГИМО-Университета. 2022. Т. 15. № 1. С. 7-37. https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-1-82-7-37.

241. Гудев П.А. Северный морской путь: перспективы легитимизации национального статуса в рамках международного права (часть 2) // Арктика и Север. 2020. № 41. С. 130-147. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.41.130.

242. Гудев П.А. Северный морской путь: проблемы легитимизации национального статуса в рамках международного права: часть 1 // Арктика и Север. 2020. № 40. С. 142-164. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.40.142.

243. Журавель В.П. Арктика и вопросы военной безопасности РФ // Научно-аналитический вестник института Европы РАН. 2020. №3(15). С. 42-47.

244. Загорский А.В. Военное строительство в Арктике в условиях конфронтации России и Запада // Арктика и Север. 2018. № 31. С. 80-97.

245. Загорский А.В., Тодоров А.А. Военно-политическая обстановка в Арктике: очаги напряжённости и пути деэскалации // Арктика и Север. 2021. № 44. С. 79-102.

246. Конышев В.Н., Сергунин А.А. Эволюция концептуальных основ арктической стратегии США // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27, № 2. С. 225–236. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.19.

247. Липунов Н.С. Арктическое измерение оборонной политики Канады // Россия и Америка в XXI веке. 2024. № 8. DOI: https://doi.org/10.18254/S207054760032150-2.

248. Липунов Н.С. Институты сотрудничества в области безопасности и обороны в Северной Европе в начале 2020-х гг. // Перспективы преодоления внешних вызовов и угроз на Севере Европы и в Арктике: сборник научных трудов участников Первого научно-практического межрегионального форума с международным участием «Арктика – наш общий дом». Петрозаводск, Республика Карелия, Россия, 22–24 мая 2024 года / М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. Образования Петрозав. гос. ун-т; [редкол.: В.А. Шлямин (отв. ред.), Д.А. Данилов, А.А. Сергунин]. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2024. С. 71-82.

249. Липунов Н.С. Малые «арктические сверхдержавы»: технологические компетенции в Арктике как символический капитал в стратегических культурах Норвегии и Финляндии // Международная аналитика. 2026. Т. 17. № 2. С. 139–155. DOI: https://doi.org/10.46272/2587-8476-2026-17-2-139-155.

250. Липунов Н.С. Образы Северного морского пути в российском официальном дискурсе (2008–2024) // Международная аналитика. 2025. Т. 16. № 1. С. 78-98. DOI: https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-1-78-98.

251. Липунов Н.С. Особенности конституционно-правовой регламентации местного самоуправления в Дании // Сборник студенческих научных статей «Современные актуальные проблемы конституционного права. Выпуск 3». Изд-во МГИМО-Университет, 2018. С. 128–137.

252. Липунов Н.С. Перспективные направления арктической политики администрации Дж. Байдена // Россия и Америка в XXI веке. 2021. Спецвыпуск. DOI: https://doi.org/10.18254/S207054760018179-3.

253. Липунов Н.С. Роль стратегической культуры в формировании политики малых государств в области безопасности (на примере Финляндии в 1990-2020-х гг.) // Международные процессы. 2025. Т. 23. № 1. С. 39-62. DOI: https://doi.org/10.46272/IT.2025.23.1.80.2.

254. Лихачева А.Б. [и др.]. Научное измерение арктической политики России // Арктика 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. 2021. № 2. С. 9–20.

255. Примаков Е.М., Хрусталев М.А. Ситуационные анализы. Методика проведения // Очерки текущей политики / Научно-образовательный форум по международным отношениям, МГИМО МИД России. М.: НОФМО, 2006. Вып. 1. 28 с.

256. Ревенко Л. С., Солдатенкова О. И., Ревенко Н. С. Продовольственная безопасность северных территорий арктических стран в контексте глобальных процессов // Журн. Сиб. федер. ун- та. Гуманитарные науки. 2023. Т. 16. №3. С. 330–342.

257. Сахаров А.Г. Изменения климатической политики США и повестка дня Арктического совета // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. No 1. С. 66–79. DOI: 10.17323/19967845-2018-01-04.

258. Сергунин А.А., Гутенев М.Ю. Арктическая научная дипломатия: основные теоретические подходы // Россия и Америка в XXI веке. 2023. № S1. DOI 10.18254/S207054760025037-7.

259. Соколов А.Н., Лыжин Д.Н. Арктическая стратегия США: истоки и перспективы реализации // Проблемы национальной стратегии. 2023. № 1 (76). С. 204–221.

260. Солдатенкова О.И. Продовольственная безопасность арктических территорий Северной Америки // США & Канада: экономика, политика, культура. 2023. №53 (12). С. 64-73. DOI: 10.31857/S2686673023120064.

261. Тодоров А.А. Россия на Северном морском пути: в погоне за двумя зайцами? // Мировая экономика и международные отношения. 2021.

Т. 65. № 11. С. 123-130. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-11-123-130.

на иностранных языках

262. Albert M., Vasilache A. Governmentality of the Arctic as an international region // Cooperation and Conflict. 2018. Vol. 53. No. 1. P. 3–22.

263. Åtland K. Interstate Relations in the Arctic: An Emerging Security Dilemma? // Comparative Strategy. 2014. № 2 (33). P. 145–166.

264. Åtland K. Mikhail Gorbachev, the Murmansk Initiative, and the Desecuritization of Interstate Relations in the Arctic // Cooperation and Conflict. 2008. № 3 (43). P. 289–311.

265. Åtland K. The Introduction, Adoption and Implementation of Russia's "Northern Strategic Bastion" Concept, 1992–1999 // The Journal of Slavic Military Studies. 2007. № 4 (20). P. 499–528.

266. Åtland K., Pedersen T. The Svalbard Archipelago in Russian Security Policy: Overcoming the legacy of fear – Or reproducing it? // European Security. 2008. Vol. 17. No. 2–3. P. 227–251.

267. Baldwin D.A. The Concept of Security // Review of International Studies. 1997. Vol. 23, No. 1. P. 5-26.

268. Barkin J.S. Realist Constructivism // International Studies Review. 2003. № 3 (5). P. 325–342.

269. Berkman P. A. [et al.]. The Arctic Science Agreement propels science diplomacy // Science. 2017. № 6363 (358). P. 596–598.

270. Bertelsen R. G. Divided Arctic in a Divided World Order // Strategic Analysis. 2025. P. 1–10.

271. Bigo D. Global (In)Security: The Field of the Professionals of Unease Management // Traces: A Multilingual Series of Cultural Theory. 2006. Vol. 4. P. 109–157.

272. Bigo D. Security and Immigration: Toward a Critique of the Governmentality of Unease // Alternatives: Global, Local, Political. 2002. Vol. 27, No. 1. P. 63–92.

273. Booth K. Security and Emancipation // Review of International Studies. 1991. Vol. 17, No. 4. P. 313–326.

274. Bruun J. M. Invading the Whiteness: Science, (Sub)Terrain, and US Militarisation of the Greenland Ice Sheet // Geopolitics. 2020. № 1 (25). P. 167–188.

275. Byers M. Cold peace: Arctic cooperation and Canadian foreign policy // International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis. 2010. Vol. 65. №4. P. 899-912.

276. Byers M. Crises and international cooperation: an Arctic case study // International Relations. 2017. № 4 (31). P. 375–402.

277. Damski P.P. Solidarism, Pluralism, or Beyond? Analysing U.S. Arctic Strategies (2013–2022) Through the Lens of the English School // Polish Political Science Review. 2025. Vol. 13, No. 1. P. 38–51.

278. Depledge D. Train Where You Expect to Fight: Why Military Exercises Have Increased in the High North // Scandinavian Journal of Military Studies. 2020. № 1 (3). P. 288–301.

279. Devyatkin P. Arctic exceptionalism: a narrative of cooperation and conflict from Gorbachev to Medvedev and Putin // The Polar Journal. 2023. Vol. 13. No. 2. P. 336–357. https://doi.org/10.1080/2154896X.2023.2258658.

280. Dodds K. Flag planting and finger pointing: The Law of the Sea, the Arctic and the political geographies of the outer continental shelf // Political Geography. 2010. № 2 (29). P. 63–73.

281. Exner-Pirot H. What is the Arctic a case of? The Arctic as a regional environmental security complex and the implications for policy // The Polar Journal. 2013. Vol. 3, No. 1. P. 120–135.

282. Exner-Pirot H., Murray R.W. Regional Order in the Arctic: Negotiated Exceptionalism // Politik. 2017. Vol. 20, No. 3. P. 6–23.

283. Fakhoury R. Polar Stars: Toward an Epistemological Understanding of Security Constellations and the Arctic Case // Global Studies Quarterly. 2023. № 4 (3). P. 1–10.

284. Farrell T. Constructivist Security Studies: Portrait of a Research Program // International Studies Review. 2002. Vol. 4, No. 1. P. 49–72.

285. Ferdoush M. A., Väätänen V. Anticipatory state identity: Understanding the Finnish state's approach to the Arctic // Area. 2022. № 4 (54). P. 618–626.

286. Fomin I. Strategic Culture as a Meaning-Making System: Towards a Social Semiotic Account of Multimodal Cultural Constraints in International Relations // International Theory. 2023. Vol. 15, no. 3. P. 351–378. DOI: 10.1017/S175297192300009X.

287. Gjørv G. H., Hodgson K. K. "Arctic Exceptionalism" or "comprehensive security"? Understanding security in the Arctic // Arctic Yearbook. 2019.

288. Gjørv G.H. [et al.] Human Security in the Arctic – Yes, It Is Relevant! // Journal of Human Security. 2009. Vol. 5, No. 2. P. 1–10.

289. Gjørv G.H. Security by any other name: negative security, positive security, and a multi-actor security approach // Review of International Studies. 2012. № 4 (38). P. 835–859.

290. Godzimirski J. M., Sergunin A. Russian Expert and Official Geopolitical Narratives on the Arctic: Decoding Topical and Paradigmatic DNA // Arctic Review on Law and Politics. 2020. (11). P. 22–46.

291. Gray C. Strategic Culture as Context: The First Generation of Theory Strikes Back // Review of International Studies. 1999. Vol. 25, no. 1. P. 49–69. DOI: 10.1017/S0260210599000492.

292. Greaves W. Arctic break up: Climate change, geopolitics, and the fragmenting Arctic security region // Arctic Yearbook. 2019.

293. Greaves W. For Whom, from What?: Canada's Arctic Policy and the Narrowing of Human Security // International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis. 2012. № 1 (67). P. 219–240.

294. Greaves W. Securing sustainability: the case for critical environmental security in the Arctic // Polar Record. 2016. № 6 (52). P. 660–671.

295. Greve P. Ontological security, the struggle for recognition, and the maintenance of security communities // Journal of International Relations and Development. 2018. Vol. 21, No. 4. P. 858–882.

296. Gricius G. A Decolonial Approach to Arctic Security and Sovereignty // Arctic Yearbook. 2021.

297. Gricius G., Fitz E. B. Can Exceptionalism Withstand Crises? An Evaluation of the Arctic Council's Response to Climate Change and Russia's War on Ukraine // Global Studies Quarterly. 2022. № 3 (2). P. 1–6.

298. Hansen-Magnusson H. Arctic geopoetics: Russian politics at the North Pole // Cooperation and Conflict. 2019. № 4 (54). P. 466–487.

299. Heininen L. Arctic Geopolitics from Classical to Critical Approach – Importance of Immaterial Factors // Geography, Environment, Sustainability. 2018. № 1 (11). P. 171–186.

300. Heininen L., Exner-Pirot H. & Barnes J. Redefining Arctic security: Military, environmental, human or societal? Cooperation or conflict? // Arctic Yearbook. 2019.

301. Holling C.S. Resilience and Stability of Ecological Systems // Annual Review of Ecology and Systematics. 1973. Vol. 4. P. 1–23.

302. Hønneland G. Identity Formation in the Barents Euro-Arctic Region // Cooperation and Conflict. 1998. № 3 (33). P. 277–297.

303. Hopf T. The Promise of Constructivism in International Relations Theory // International Security. 1998. Vol. 23, No. 1. P. 171–200.

304. Hossain K. [et al.]. Constructing Arctic security: an inter-disciplinary approach to understanding security in the Barents region // Polar Record. 2017. № 1 (53). P. 52–66.

305. Hossain K. Securitizing the Arctic indigenous peoples: A community security perspective with special reference to the Sámi of the European high north // Polar Science. 2016. № 3 (10). P. 415–424.

306. Huebert R. Canadian Arctic Security Issues: Transformation in the Post-Cold War Era // International Journal. 1999. № 2 (54). P. 203-229.

307. Huebert R. Submarines, Oil Tankers, and Icebreakers: Trying to Understand Canadian Arctic Sovereignty and Security // International Journal. 2011. Vol. 66, no. 4. P. 809–824.

308. Huitfeldt T. A Strategic Perspective on the Arctic // Cooperation and Conflict. 1974. Vol. 9, no. 2/3. P. 83–99.

309. Ingimundarson V. Framing the national interest: the political uses of the Arctic in Iceland's foreign and domestic policies // The Polar Journal. 2015. № 1 (5). P. 82–100.

310. Jacobsen M. Greenland's Arctic advantage: Articulations, acts and appearances of sovereignty games // Cooperation and Conflict. 2020. № 2 (55). P. 170–192.

311. Jensen L. C. An Arctic 'marriage of inconvenience': Norway and the othering of Russia // Polar Geography. 2017. № 2 (40). P. 121–143.

312. Jensen L. C. Petroleum discourse in the European Arctic: The Norwegian Case // Polar Record. 2007. Vol. 43. No. 3. P. 247–254.

313. Jensen L. C., Hønneland G. Framing the high north: Public discourses in Norway after 2000 // Acta Borealia. 2011. Vol. 28. No. 1. P. 37–54.

314. Jensen L. C., Skedsmo P. Approaching the north: Norwegian and Russian foreign policy discourses on the European Arctic // Polar Research. 2010. Vol. 29. No. 3. P. 439–450.

315. Keil K. The Arctic: A new region of conflict? The case of oil and gas // Cooperation and Conflict. 2014. № 2 (49). P. 162–190.

316. Keskitalo C. International Region-Building: Development of the Arctic as an International Region // Cooperation and Conflict. 2007. № 2 (42). P. 187–205.

317. Khrushcheva O., Poberezhskaya M. The Arctic in the political discourse of Russian leaders: the national pride and economic ambitions // East European Politics. 2016. № 4 (32). P. 547–566.

318. Kjærgaard Rasmussen R. The desecuritization of Greenland's security? How the Greenlandic self-government envision post- independence national defense and security policy // Arctic Yearbook. 2019.

319. Knecht S., Laubenstein P. Is Arctic governance research in crisis? A pathological diagnosis // Polar Record. 2020. 56 (e35). P. 1–13. DOI: https://doi.org/10.1017/ S0032247420000352.

320. Knutsen B. O., Pettersen E. War in Europe, but Still Low Tension in the High North? An Analysis of Norwegian Mitigation Strategies // Arctic Review on Law and Politics. 2024. (15). P. 25–46.

321. Konyshev V., Sergunin A. Is Russia a revisionist military power in the Arctic? // Defense & Security Analysis. 2014. № 4 (30). P. 323–335.

322. Konyshev V., Sergunin A. The Arctic at the Crossroads of Geopolitical Interests // Russian Politics & Law. 2012. № 2 (50). P. 34–54.

323. Kopra S. The Arctic from the Perspective of the English School of International Relations: A Novel Research Agenda // The Polar Journal. 2022. Vol. 12, No. 2. P. 261–280.

324. Lackenbauer P.W. Mirror images? Canada, Russia, and the circumpolar world // International Journal. 2010. Vol. 65. №4. P. 879–897.

325. Lackenbauer P.W., Sergunin A. Canada's and Russia's Security and Defence Strategies in the Arctic: A Comparative Analysis // Arctic Review on Law and Politics. 2022. (13). P. 232–257.

326. Lackenbauer W., Huebert R. Premier partners: Canada, the United States and Arctic security // Canadian Foreign Policy Journal. 2014. № 3 (20). P. 320–333.

327. Lajeunesse A., Huebert R. Preparing for the next Arctic sovereignty crisis: The Northwest Passage in the age of Donald Trump // International

Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis. 2019. № 2 (74). P. 225–239.

328. Landriault M. Public Opinion on Canadian Arctic Sovereignty and Security // ARCTIC. 2016. № 2 (69). P. 160–168.

329. Landriault M., Minard P. Does standing up for sovereignty pay off politically? Arctic military announcements and governing party support in Canada from 2006 to 2014 // International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis. 2016. № 1 (71). P. 41–61.

330. Lasserre F., Roy J. L., Garon R. Is there an arms race in the Arctic? 2012. (14). P. 1–56.

331. Lavorio A. Geography, Climate Change, National Security: The Case of the Evolving US Arctic Strategy // The International Spectator. 2021. № 1 (56). P. 111–125.

332. Mearsheimer J.J. The False Promise of International Institutions // International Security. 1994/1995. Vol. 19, No. 3. P. 5–49.

333. Medby I. A. Big Fish in a Small (Arctic) Pond: Regime Adherence as Status and Arctic State Identity in Norway // Arctic Yearbook. 2015.

334. Medby I.A. Articulating state identity: 'Peopling' the Arctic state // Political Geography. 2018. (62). P. 116–125.

335. Middleton A. Arctic human security in the era of Sustainable Development Goals (SDGs): The case of Sweden, Norway and Finland // Arctic Yearbook. 2019.

336. Mitzen J. Ontological Security in World Politics: State Identity and the Security Dilemma // European Journal of International Relations. 2006. Vol. 12, No. 3. P. 341–370.

337. Neocleous M. Securitati perpetuae: Death, fear and the history of insecurity // Radical Philosophy. No. 206. Winter 2019. P. 19–33.

338. Neumann I. B., Heikka H. Grand Strategy, Strategic Culture, Practice: The Social Roots of Nordic Defence // Cooperation and Conflict. 2005. Vol. 40, no. 1. P. 5–23. DOI: 10.1177/0010836705049731.

339. Nilsson A. E. The United States and the making of an Arctic nation // Polar Record. 2018. № 2 (54). P. 95–107.

340. Nye J.S., Lynn-Jones S.M. International Security Studies: A Report of a Conference on the State of the Field // International Security. 1988. Vol. 12, No. 4. P. 5-27.

341. Østhagen A. Geopolitics and Security in the Arctic: What Role for the EU? // European View. 2017. № 2 (16). P. 239–249.

342. Østhagen A. High North, Low Politics—Maritime Cooperation with Russia in the Arctic // Arctic Review on Law and Politics. 2016. № 1 (7). P. 83-100.

343. Østhagen A. Norway's Arctic policy: still high North, low tension? // The Polar Journal. 2021. № 1 (11). P. 75–94.

344. Østhagen A. The Arctic security region: misconceptions and contradictions // Polar Geography. 2021. № 1 (44). P. 55–74.

345. Østhagen A., Levi Sharp G., Sigurd Hilde P. At Opposite Poles: Canada's and Norway's approaches to security in the Arctic // The Polar Journal. 2018. № 1 (8). P. 163–181.

346. Owen T. Human Security — Conflict, Critique and Consensus: Colloquium Remarks and a Proposal for a Threshold-Based Definition // Security Dialogue. 2004. Vol. 35, No. 3. P. 373–387.

347. Paasi A. Bounded Spaces in the Mobile World: Deconstructing 'Regional Identity' // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2002. Vol. 93, No. 2. P. 137–148.

348. Paasi A. The Institutionalization of Regions: A Theoretical Framework for Understanding the Emergence of Regions and the Constitution of Regional Identity // Fennia. 1986. Vol. 164. P. 105–146.

349. Padrtova B. Frozen narratives: How media present security in the Arctic // Polar Science. 2019. (21). P. 37–46.

350. Petersen M. B., Pincus R. Arctic Militarization and Russian Military Theory // Orbis. 2021. № 3 (65). P. 490–512.

351. Pic P., Lasserre F. What is ‘Arctic’ about ‘Arctic security’? // Arctic Yearbook. 2019.

352. Pincus R. Three-Way Power Dynamics in the Arctic // Strategic Studies Quarterly. 2025. № 1 (14). P. 40–63.

353. Piskunova E. Russia in the Arctic: What’s Lurking behind the Flag? // International Journal: Canada’s Journal of Global Policy Analysis. 2010. № 4 (65). P. 851–864.

354. Rahbek-Clemmensen J. “An Arctic Great Power”? Recent Developments in Danish Arctic Policy // Arctic Yearbook. 2016.

355. Rantanen M., Karpechko A.Y., Lipponen A. et al. The Arctic has warmed nearly four times faster than the globe since 1979 // Communications Earth & Environment. 2022. 3, 168. DOI: https://doi.org/10.1038/s43247-022-00498-3.

356. Roberts K. Jets, Flags, and a New Cold War?: Demystifying Russia’s Arctic Intentions // International Journal: Canada’s Journal of Global Policy Analysis. 2010. № 4 (65). P. 957–976.

357. Roberts K. Understanding Russia’s security priorities in the Arctic: why Canada-Russia cooperation is still possible // Canadian Foreign Policy Journal. 2021. № 2 (27). P. 211–227.

358. Roi M. L. Russia: The Greatest Arctic Power? // The Journal of Slavic Military Studies. 2010. № 4 (23). P. 551–573.

359. Rotnem T. E. Putin’s Arctic Strategy: Collaboration or Conflict after Ukraine? // Problems of Post-Communism. 2018. № 1 (65). P. 1–17.

360. Rowe E.W. Arctic hierarchies? Norway, status and the high north // Polar Record. 2014. № 252 (50). P. 72–79.

361. Rowe E.W., Blakkisrud H. A New Kind of Arctic Power? Russia’s Policy Discourses and Diplomatic Practices in the Circumpolar North // Geopolitics. 2014. № 1 (19). P. 66–85.

362. Salter M. B. Arctic Security, Territory, Population: Canadian Sovereignty and the International // International Political Sociology. 2019. № 4 (13). P. 358–374.

363. Schaller B. The Arctic Security Community: Proving Ground or Sub-Plot of a Tensed European Security Environment? // Arctic Yearbook. 2015.

364. Scopelliti M., Conde Pérez E. Defining security in a changing Arctic: helping to prevent an Arctic security dilemma // Polar Record. 2016. № 6 (52). P. 672–679.

365. Sebastian C. New power, new priorities: the effects of UNCLOS on Canadian Arctic foreign policy // The Polar Journal. 2013. № 1 (3). P. 136–148.

366. Sergunin A., Gjørv G. H. The Politics of Russian Arctic shipping: evolving security and geopolitical factors // The Polar Journal. 2020. № 2 (10). P. 251–272.

367. Sergunin A., Konyshev V. Russian military strategies in the Arctic: change or continuity? // European Security. 2017. № 2 (26). P. 171–189.

368. Sharma B. 'De-Securitising the Arctic' in Climate Change: An Indian Perspective // India Quarterly: A Journal of International Affairs. 2021. № 4 (77). P. 622–641.

369. Simon M. Toward an Arctic Zone of Peace: An Inuit Perspective // Peace Research. 1989. Vol. 21, no. 4. P. 27–30, 71. URL: https://www.jstor.org/stable/23609829.

370. Skripnikova N., Raspotnik A. Has Russia heard about the European Union's Arcticness? The EU's Arctic steps as seen from Russia // Polar Record. 2019. № 6 (55). P. 441–451.

371. Sliwa Z., Aliyev N. Strategic Competition or Possibilities for Cooperation Between the United States and Russia in the Arctic // The Journal of Slavic Military Studies. 2020. № 2 (33). P. 214–236.

372. Staun J. Russia's strategy in the Arctic: cooperation, not confrontation // Polar Record. 2017. № 3 (53). P. 314–332.

373. Steinveg B. Small States in World Politics: Norwegian Interests and Foreign Policy Challenges in the Arctic // Arctic Review on Law and Politics. 2024. (15). P. 3–24.

374. Stokke O. S. Environmental Security in the Arctic: The Case for Multilevel Governance // International Journal. 2011. Vol. 66. №4. P. 835-848. https://doi.org/10.1177/002070201106600412.

375. Strelnikova I. A., Chistikov M. N., Chistikova A. A. Will the Arctic Cooperation System Accommodate Global Geopolitical Changes? // Russia in Global Affairs. 2025. № 2 (23). P. 23–37.

376. Szczurek T., Gornikiewicz M. Security in the Philosophical Thought of Thomas Hobbes // European Research Studies Journal. 2025. Vol. XXVIII. No. 1. P. 67-78.

377. Tunsjø Ø. The Great Hype: False Visions of Conflict and Opportunity in the Arctic // Survival. 2020. № 5 (62). P. 139–156.

378. Ullman R.H. Redefining Security // International Security. 1983. Vol. 8, No. 1. P. 129–153.

379. Urbański M. Arctic energy policy and security of the Russian Federation // Security and Defence Quarterly. 2016. № 1 (10). P. 35–51.

380. Väätänen V. Securing Anticipatory Geographies: Finland's Arctic Strategy and the Geopolitics of International Competitiveness // Geopolitics. 2021. № 2 (26). P. 615–638.

381. Vylegzhanin A. [et al.]. Navigation in the Northern Sea Route: interaction of Russian and international applicable law // The Polar Journal. 2020. № 2 (10). P. 285–302.

382. Vylegzhanin A. N., Young O. R., Berkman P. A. Russia in the Arctic Chair: Adapting the Arctic Governance System to Conditions Prevailing in the 2020s // Polar Record. 2021. № e37 (57). P. 1–10.

383. Wegge N. Arctic Security Strategies and the North Atlantic States // Arctic Review on Law and Politics. 2020. (11). P. 360–382.

384. Weingartner K. A., Orttung R. W. US Arctic policymaking under Trump and Obama // Polar Record. 2019. № 6 (55). P. 402–410.

385. Wendt A. Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politics // International Organization. 1992. Vol. 46. No. 2. P. 391–425.

386. Wendt A. Collective Identity Formation and the International State // American Political Science Review. 1994. Vol. 88, no. 2. P. 384–396. DOI: 10.2307/2944711.

387. Wendt A.E. The Agent-Structure Problem in International Relations Theory // International Organization. 1987. № 3 (41). P. 335–370.

388. Wilhelmsen J., Gjerde K. L. Norway and Russia in the Arctic: New Cold War Contamination? // Arctic Review on Law and Politics. 2018. (9). P. 382–407.

389. Wilson P. Society, steward or security actor? Three visions of the Arctic Council // Cooperation and Conflict. 2016. № 1 (51). P. 55–74.

390. Wither J. K. An Arctic security dilemma: assessing and mitigating the risk of unintended armed conflict in the High North // European Security. 2021. № 4 (30). P. 649–666.

391. Young O.R. Arctic Futures–Future Arctics? // Sustainability. 2021. № 16 (13).

392. Young O.R. Building an international regime complex for the Arctic: current status and next steps // The Polar Journal. 2012. № 2 (2). P. 391–407.

393. Young O.R. Constructing the “New” Arctic: The Future of the Circumpolar North in a Changing Global Order // Outlines of global transformations: politics, economics, law. 2020. № 5 (12). P. 6–24.

394. Young O.R. Is It Time for a Reset in Arctic Governance? // Sustainability. 2019. Vol. 11, No. 16, 4497. P. 1–12.

395. Young O.R. Next steps in Arctic Ocean Governance: Meeting the Challenges of a Changing Region // Marine Policy. 2021. Vol. 129. P. 1–12.

396. Zubkov K. I. Between Globalism and Isolationism: The Origins of Russia's Arctic Development Strategy // Problems of Economic Transition. 2019. № 7–9 (61). P. 594–606.

Диссертации

на русском языке

397. Криворотов А.К. Экономическое освоение Арктики: национальные стратегии и международные механизмы: дис. ... доктора экон. наук. М., 2024. Режим доступа: https://mgimo.ru/upload/diss/2024/krivorotov-diss.pdf.

на иностранных языках

398. Sjöberg J. The linguistic construction of Swedish Arctic security strategy and how it reflects a neutral state identity: master thesis. UiT The Arctic University of Norway, 2025.

Аналитические и экспертные материалы

на русском языке

399. Ершова А. Арктика – кухня мировой погоды // Международная жизнь. 15 июля 2020. Режим доступа: URL: https://interaffairs.ru/news/show/26908.

400. Липунов Н. Витрина мировой политики? К пониманию современных международных отношений в Арктике // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 26.11.2025. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vitrina-mirovoy-politiki/.

401. Липунов Н. Между «сдерживанием» РФ и «укрощением» США: что стоит за арктическими инициативами НАТО // ТАСС. 13.07.2026. URL: https://tass.ru/opinions/27906605.

на иностранных языках

402. Anthony I., Klimenko E., Su F. A Strategic Triangle in the Arctic? Implications of China–Russia–United States Power Dynamics for Regional Security // SIPRI Insights on Peace and Security. 2021. № 2021/3. 27 p.

403. Danish Security and Defence towards 2035 // The Security Policy Analysis Group. Copenhagen: Ministry of Defence of Denmark, 2022. URL: https://www.fmn.dk/globalassets/fmn/dokumenter/strategi/rsa/-regeringens_security-policy-report_uk_web-.pdf.

404. Fakhoury R., Gricius G. Understanding Ontologically Insecure Communities in the Arctic // NAADSN Policy Primer. 2024. 6 p.

405. Heininen L., Sergunin A. A., Yarovoy G. Russian strategies in the Arctic: avoiding a new Cold War / L. Heininen, A. A. Sergunin, G. Yarovoy. Moscow: Valdai Discussion Club, 2014. 102 p.

406. Huebert R. Canadian Arctic Sovereignty and Security in a Transforming Circumpolar World / Foreign Policy for Canada's Tomorrow, No. 4. Canadian International Council, 2009. 43 p.

407. Human Development Report 1994 // UNDP. Human Development Report Office. New York; Oxford [England]: Oxford University Press for UNDP, 1994. 226 p.

408. Käpylä J., Mikkola H. On Arctic Exceptionalism: Critical reflections in the light of the Arctic Sunrise case and the crisis in Ukraine (Working paper 85). Helsinki: The Finnish Institute of International Affairs, 2015. 22 p.

409. Klimenko E. The geopolitics of a changing Arctic // SIPRI Background Paper. December 2019. 15 p.

410. Lipunov N. The Arctic in the 2023 Russian Foreign Policy Concept / N. Lipunov, P. Devyatkin // The Arctic Institute. – May 30, 2023. URL: https://www.thearcticinstitute.org/arctic-2023-russian-foreign-policy-concept/.

411. Olesen M. R. Cooperation or conflict in the Arctic: A Literature Review // DIIS Working Paper. 2014. № 8. 18 p.

412. Otterlei J. M. Norwegian defence reforms of the 1990s: FFI-Report 2002 // Norwegian Defence Research Establishment (FFI). 2002. URL: https://www.ffi.no/en/publications-archive/norwegian-defence-reforms-of-the-1990s.

413. Plakhov D. Human Security in the Arctic: A Review of the Russian Literature // NAADSN Policy Primer. 2022. 26 p.

414. Rahbek-Clemmensen J., Thomasen G. Learning from the Ilulissat Initiative. State Power, Institutional Legitimacy, and Governance in the Arctic Ocean 2007-18. Copenhagen: Center for Military Studies, University of Copenhagen, 2018. 68 p.

415. The Coldest Front: Cold War Military Properties in Alaska. Revised and Expanded / Prepared by Office of History and Archaeology, Alaska State Historic Preservation Officer; Alaska Department of Natural Resources, Division of Parks and Outdoor Recreation. Anchorage, 2012. URL: https://dnr.alaska.gov/parks/oha/publications/coldestfront.pdf.

416. Zandee D., Kruijver K., Stoetman A. The future of Arctic security: The geopolitical pressure cooker and the consequences for the Netherlands // Clingendael Report. 2020. 74 p.

Приложение 1. Тематические группы декларируемых объектов защиты в актах секьюритизации и (ответных) мерах государственной политики

Тематическая группа	Критерии
Региональный мир, международный порядок и сотрудничество	Мир, стабильность и низкая напряжённость в Арктике, международный правопорядок, мирное урегулирование, арктическое управление, международное сотрудничество, партнёры и международные организации.
Государство, суверенитет, территория и управление	Государство и его территория, суверенитет, юрисдикция, границы, национальные интересы, правопорядок, пограничный контроль и государственное управление.
Оборона, союзники и военно-оперативные возможности	Национальная и коллективная оборона, сдерживание, союзники, военная готовность и присутствие, оперативные возможности, ситуационная осведомлённость, командование и связь.
Инфраструктура, транспорт, связь и энергетика	Критическая и стратегическая инфраструктура, сухопутный и воздушный транспорт, общая логистика, цифровые и коммуникационные системы, энергетика и энергоснабжение.
Морская безопасность, транспорт, навигация и реагирование	Безопасность судоходства и морской деятельности, морской транспорт, портовая и навигационная инфраструктура, свобода навигации и доступа, морские пространства и шельф, морские пути и линии сообщения, поиск и спасание, реагирование на ЧС.
Население, коренные народы и общественная устойчивость	Население и сообщества, качество жизни, коренные народы и их права, жизнь и здоровье, общественное благополучие, гражданское общество и устойчивость.

Экономика, ресурсы, продовольствие и технологии	Экономика и развитие, занятость и предпринимательство, продовольствие и традиционные хозяйственные практики, природные ресурсы, технологии и технологические возможности.
Окружающая среда, климат, устойчивое развитие и наука	Окружающая среда, экосистемы и биоразнообразие, климат, устойчивое развитие и ответственное природопользование, наука, исследования, знания, моделирование и мониторинг среды.

Приложение 2. Тематические группы декларируемых источников опасности в актах секьюритизации

Тематическая группа	Критерии
Климатические и криосферные изменения	Изменение климата и потепление, таяние льда, ледников и вечной мерзлоты, сокращение ледового покрова и иные криосферные изменения.
Загрязнение, опасные вещества и ядерно-радиационные риски	Загрязнение, отходы и опасные вещества, нефтяные и химические воздействия, ядерные и радиационные риски.
Деградация экосистем и утрата биоразнообразия	Утрата видов и местообитаний, снижение биоразнообразия, закисление и иные процессы деградации экосистем.
Рост деятельности, транспортного трафика и техногенных происшествий	Рост судоходства, авиации и транспортного трафика, расширение хозяйственной, ресурсной и туристической активности, аварии, разливы и техногенные чрезвычайные ситуации.
Инфраструктурные, технологические и природно-географические ограничения	Уязвимость и нехватка инфраструктуры, связи, мониторинга и транспорта; удалённость, расстояния и ограниченность реагирования; технологические дефициты; экстремальная погода, природные опасности и суровые условия.
Демографические, социальные и кадровые проблемы	Сокращение и отток населения, кадровые дефициты, социальные дисбалансы, низкая доступность услуг и иные проблемы качества жизни.

Экономические ограничения, протекционизм и санкции	Экономическая нестабильность, издержки и структурные ограничения, дефицит инвестиций, протекционизм, санкции, торговые барьеры и ограничение доступа к рынкам.
Пандемии и инфекционные заболевания	Пандемии, инфекционные заболевания, COVID-19 и новые патогены.
Россия	Действия России, российское военное присутствие, «агрессия», «давление» и иные российские действия, обозначенные как источник опасности.
Китай	Присутствие, влияние, инвестиции, исследования, военные и экономические возможности Китая в Арктике.
Милитаризация, вооружения и риск военной эскалации	Военное присутствие и милитаризация, гонка вооружений, военные технологии и потенциалы, инциденты, недопонимание и риск непреднамеренной эскалации.
Стратегическая конкуренция, правовые споры и внешняя нестабильность	Геополитическая конкуренция и напряжённость, международно-правовые споры и притязания, рост активности неарктических акторов, внешние конфликты и глобальные кризисы.
Гибридные угрозы и доступ к стратегическим активам	Кибер-, информационные, разведывательные и диверсионные воздействия, иностранные инвестиции и проекты двойного назначения, доступ к чувствительной инфраструктуре и стратегическим активам.
Терроризм, преступность и незаконная деятельность	Терроризм, преступность, контрабанда, незаконная миграция, незаконный и нерегулируемый промысел и иные незаконные действия.